

Огни Кузбасса

№ 1–2 / 2023

С днем Великой Победы!

А. Кирчанов. Дети на пушке (фронтовой рисунок). 1945. Бумага, тушь

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров,
г. Кемерово, председатель
общественного совета

Н. Ф. Иванов,
г. Москва, председатель
Союза писателей России

И. Ф. Федорова,
г. Кемерово, председатель
комитета по вопросам
образования, культуры
и национальной политики
Законодательного
собрания Кемеровской
области – Кузбасса

С. Ю. Куняев,
г. Москва, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Наш современник»

В. Н. Крупин,
г. Москва, первый лауреат
Патриаршей
литературной
премии

Г. Л. Немченко,
г. Москва, лауреат премии
«Прохоровское поле»

Д. Я. Голофаст,
директор по внешним
связям и имущественным
отношениям Кузбасского
филиала ООО «Сибирская
генерирующая компания»

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 1–2 / 2023

ЯНВАРЬ – АПРЕЛЬ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
Министерства культуры
и национальной политики
Кузбасса

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Андрей КОРОЛЕВ
Вера ЛАВРИНА
Олег МАКСИМОВ
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь)
Наталья МУРЗИНА
Юлия СЫЧЕВА
Елена ТРУХАН
Дмитрий ФИЛИППЕНКО
Марина ЧЕРТОВА
Евгений ЧИРИКОВ
Григорий ШАЛАКИН

Адрес редакции: 650000,
Кемеровская область – Кузбасс,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14

16+

Содержание

ПОЭЗИЯ

Наталья Мурзина. И Родина – одна!	3
Андрей Расторгуев. Письма на Южный фронт.....	6
Иосиф Куралов. Красный пиджак, или Воспоминание об октябрьской революции 1993 года	33
Наталья Макеева. Событие	36
Юрий Татаренко. Бегу в блокнот от теленовостей	44
Ольга Солодовникова. Отчаянья мотив сороковой зимы	46
Александр Катков. Прекрасной незнакомке. Из неопубликованных стихов.....	48

ПРОЗА

Игорь Малышев. Хлам. Трагедия - комедия - фарс (окончание)	8
Александр Давыдов. Дочки-матери. Рассказ	38

ДРАМАТУРГИЯ

Валерий Боталов. Солнце над моим Донбассом. Военная драма	50
---	----

XVI СЪЕЗД СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Николай Иванов. Отчетный доклад председателя правления Союза писателей России	85
Выступления на XVI съезде Союза писателей России. Станислав Куняев, Александр Проханов, Анатолий Аврутин, Максим Замшев, Юрий Поляков, Андрей Тимофеев	94

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Вячеслав Куприянов. Верлибр и его истоки.....	100
---	-----

КНИГА ПАМЯТИ

Алексей Варламов. Проба на счастье в глубину (к 150-летию М. Пришвина).....	106
Николай Хвостов. Дневник топографа	109

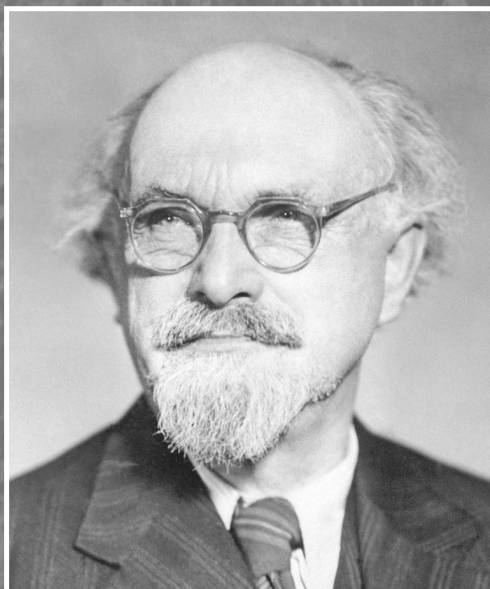
ОЧЕРК

Сергей Черемнов. Михаил Шевалье и его Поднебесные Зубья	160
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

О великий русский язык!	168
Литературная хроника. Подготовил Дмитрий Мурзин	169

Русскому писателю Михаилу Михайловичу Пришвину – 150 лет

(1873–1954)

Писатели по-разному входят в литературу. Одни стремительно, быстро и ярко. Другие медленно и трудно – тележно. «Я отдал свою молодость смутным скитаниям по человеческим поручениям и только в тридцатилетнем возрасте стал писать и тем устраивать свой внутренний дом», – вспоминал, уже будучи зрелым, состоявшимся литератором, Михаил Пришвин.

Очерк Алексея Варламова «Проба на счастье в глубину» читайте на с. 106

МУРЗИНА Наталья Петровна родилась 14 февраля 1971 года в поселке Тисуль Кемеровской области. Окончила Кемеровский государственный университет. Работала в журнале «После 12», Доме литераторов Кузбасса, редактором в издательстве «Кузбасс». Публиковалась в журналах и альманахах «Москва», «Наш современник», «Огни Кузбасса», «День и ночь», «Введенская сторона», «Чаша круговая», «Иркутское время», антологиях «Стихи о матери», «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!..», «Поэты университета», «Собор стихов», антологиях военной поэзии «Ты припомни, Россия, как все это было!..» и «Оберег». Автор книги стихов «Вторжение весны». Лауреат журнала «Огни Кузбасса». Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

* * *

Предновогодним торжищем страна увлечена,
А где-то на окраине свирепствует война.
Поймите вы, беспечные, очнитесь вы от сна!
Война с ордой проклятою, в наш дом пришла
война!

Пока гудел корпоратив (у гульбищ нету дна),
Вы шумным, сытым табуном скакали
допоздна.
А у солдата в блиндаже проступит седина.
Ведь жизнь одна и смерть одна. И Родина –
одна.

Кому-то муки неземной отсыплется сполна.
Их кровью, как святой водой, земля
окроплена...
Донецкий дым, луганский дым... И деток
имена...
Одна мечта, одна душа. И Родина – одна.

А где-то дома бьется мать, печалится жена.
Любить и ждать. Любить и ждать. Вот
участь им дана.
У них молитвой и слезой душа обожжена.
Одна семья, одна стезя. И Родина – одна.

Накрыли пеплом и золой лихие времена.
Но воздаянья час придет. Всему своя цена.
Звучи мощней, сияй в глазах, победная весна!
Одна любовь, и честь одна. И Родина – одна!

* * *

Кто на голову трезвую прыгнет в этот
пожар...
Как хождение по лезвию... Как под сердце
удар...
И, ломясь безоглядно в обустроенный быт,
У двери беспощадная Неизбежность стоит.

Ведь над Родиной тучи. И, оставив свой кров,
Вы пошли в это жгучее боренье миров,
Чтоб обрушить отмщенье до самого дна.
Вас в другом измерении испытует война.

...А в тылу напряженно, в тылу неуют.
Молчаливые жены горько весточки ждут.
В доме лампочка светится, в кране дремлет
вода.
Все пройдет, перемелется. Это не навсегда.

Все пройдет, перевернется. Нам бы только
суметь
С упованьем и верностью это перетерпеть.
Даже если пророчатся нам лихие года,
Все когда-нибудь кончится. Это не навсегда.

И дитя ясноликое, не познавшее смерть,
Будет в тихое-тихое – наше – небо
смотреть,
Как в нем вспыхнет-проявится крупца-звезда.
Все пройдет. И останется – только жизнь.
Навсегда!

* * *

Мы собирали книги для Донецка,
Лаская каждую, прекрасную, в руке,
Чтоб в бедное, обугленное детство
Послать любовь на русском языке.

Чтоб свет и силу передать в наследство
Туда, где горбятся от горя и нужды.
Мы книги собирали для Донецка.
Цветные, милые, летите, вы нужны!

* * *

Знал солдат войну не понаслышке,
Крепко знал. Теперь все позади:
Ближний бой, неистовая вспышка
И отверстие жгучее в груди.

В госпитале. Так и не очнулся.
Врач – не чудотворец, явь – не сон.
Лишь едва заметно улыбнулся
И ушел в небесный батальон.

И наверно, сам себе неведом,
Цел и неизбывных полон сил,
Встал он в батальоне рядом с дедом,
Что фашиста бил, но недобил.

Сколько их... Навеки молодые...
С фотографий в форме строевой
Молча смотрят наши неземные,
Нас, земных, прикрывшие собой.

Он стоит – бессменный и суровый,
Он собрал героев всех времен,
Крепь державы оплативший кровью
Доблестный небесный батальон.

Вновь разлом. Оплакиваем павших,
Поминая их по всей стране,
Жизнь свою безвременно отдавших
На братоубийственной войне.

...

Все, кто тянет будни боевые
Под прицельным вражеским огнем,
Возвращайтесь целые, живые
С радостью Победы! Мы вас ждем!

* * *

Нам привычно не знать покоя.
Мчит трамвай. Календарь торопит.
Тает снег, унося бывшее.
Листопад по дорожкам бродит.
Ловим новости, в буднях зябнем,
По несбыточному тоскуя.
Но приходит любовь внезапно,
Сердце дрогнувшее чаруя!

А любовь возьмет за живое,
Все запутает и смешает.
Вот случайно столкнулись двое
И еще ни о чем не знают.
А любовь, как большая птица,
Их накроет крылом, воркуя.
Нежной тайной сияют лица,
Всех своей красотой волнуя.

Время все по местам расставит:
И восторгам быть, и печали.
Отпускает горькая память
Тех, кто в дальние отбыл дали.
Что начертано – то случится.
Время длится, беду врачуя.
Вот в ночи человек рождается –
Продолжается жизнь, ликуя!

В повседневное смотрит вечность.
Каждый колос не даром зреет.
Есть такое понятие – верность –
Средь людей. Кто ее лелеет –
Не предаст в земной круговерти
И стихию пройдет любую.
Просто верность сильнее смерти.
Торжествует жизнь! Аллилуйя!

ОПЯТЬ МЕТЕЛЬ...

Опять метель в окне гудит. А с высоты
любовь глядит глазами синими.
Как не спугнуть счастливый час, когда она
ласкает нас руками сильными...
Хочу волнение это длить и мимолетно
ощутить твое дыхание.
В горячем мареве любви губами нежными лови
миг узнавания...

Но скоро вздрогнет городок. Прощальный
вырвется гудок, пронзив окрестности.
Состав умчится на войну. И долго будем мы
в плену у неизвестности...

И неотлучно буду я с тобой на линии огня
сквозь расстояния.

Одним желанием дышу – хорошей весточки
прошу, как подавния...

А я тяну армейский быт. Вопросом «быть или
не быть?» себя не мучаю.

В слепом безумии огня осколок выхватит
меня звездой падучею...

Окоп снарядами прошит. И жизнь на ниточке
висит над грозной бездной.

Все иллюзорно, как во сне. Уже разъяты
в вышине миры небесные...

И затихает сердца стук... Но где-то
всколыхнется звук родного имени,

И ты придешь в себя. Живой! Ведь тихий
ангел над тобой с глазами синими!

А дальше – буден толчея. Стенные ходики
стучат. Зал ожидания.

Нешадно долгий перелет. И самолет тебя
вернет без опоздания...

Опять метель гудит в окне. И слово «мама»
на стене большими буквами.

И чайник греется, пыхтя. И синеглазое дитя
играет с куклами.

Но мне опять пора туда, где не окончена
беда, где путь непройденный.

Посадим сад, построим дом. Но только это
все потом. Сначала – Родина!

Андрей
РАСТОРГУЕВ

ПИСЬМА НА ЮЖНЫЙ ФРОНТ

* * *

Разлом идет на глубину, круша
былые дружбы призрачные в чате,
и говорит смятенная душа:
ни другу, ни врагу не отвечайте...

Чья сторона крива или права,
теперь не здесь решается, и даже
все правильные русские слова
сегодня тоже ходят в камуфляже.

И оттого сердешной тяжело
ступать босой по мысленному краю,
что понимаю, до чего дошло.
И что случится, если... понимаю.

* * *

Из мира, где, сверкая и разя,
металл летает молнией мгновенной,
мне с вами вместе, добрые друзья,
хотелось бы вернуться в довоенный,
где А и Б сидели на трубе,
где на домах не снайпера, а птицы...

Но если поезд вышел в точку Б,
он в точку А не может возвратиться.

И в довоенном времени кому
бывало горем полниться до края,
где в точке Д недалей «Точка У»
взрывается, людей не разбирая.

* * *

Хоть еще Россия велика,
некуда опять нам на попятную.
Были войны после сорок пятого –
а подобной не было пока.

Жизнь моя в запасе прожита,
а не под зелеными погонами,
потому что жизнью миллионами
наперед оплачены счета.

Долгий мир не всякому вредит,
но, похоже, кончился кредит –
те, что не пошли на мировую,
новых повели на мировую.

* * *

Все чередую по силе
данного лету тепла.
Время пришло – распустили
лилии колокола,
да не единым порядком,
и не понять одного:

звонница встала над грядкой
или посты ПВО,
или воскреснувший диктор,
выйдя на свет из метро,
снова зачитает в репродуктор
сводку Совинформбюро,
что нам порою осенней
в темные ждать вечера...

В воинской части соседней
выла сирена вчера....

* * *

На границе ветрено и скверно:
днями толпы очереди ждут.
Мальчики эпохи постмодерна
от мобилизации бегут.
Помолчи о долге: «много букоф».
В рюкзаках за каждою спиной
скоростные складни ноутбуков –
собственные окна в мир иной.

Не судить бегущего дай боже –
все, что об Отечестве напел,
сам я в девяностые, похоже,
детям передать не преуспел.

Сыщут ли пристанище поденно?
Поглядят в глаза ли без вины
мальчикам эпохи постмодерна,
что вернуться с нынешней войны?

* * *

«...Я привыкла в любой ситуации
верить только в самое лучшее...»

Из письма школьницы солдату

Время сделало оборот
или выверт – и снова дети
пишут письма на Южный фронт,
хоть сегодня не сорок третий.

Хоть шатания в алфавите
от докатывающих зыбей,
ни в одном не прочтешь: «Убей!» –
лишь настойчивое: «Живите!»

Вот – «Не бойтесь!» – еще одно...
Кратки с нынешней непривычки.
И, как в чатах заведено,
дальше котики или птички...

Игорь
МАЛЫШЕВ

ХЛАМ*

Трагедия-комедия-фарс

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Оленин отложил ручку, посмотрел на листы, покрытые аккуратным бисерным почерком. Кивнул, обозначая, что доволен своей работой.

– Маркиз, кот-мой-кот, не помню, говорил я тебе, что роман пишу? Так вот, написал я его. Да. Только что закончил. Название подобрал хорошее, звучное: «Суд над временем и казнь его, осуществленная в конце истории Любовью, Смертью, Безумием, Свободой и Человеком». Как тебе? Мощь! Да произнеси я только его вслух, любой редактор обязан тут же пообещать мне миллионный тираж и гонорар миллионов десять минимум. Но ведь они все идиоты...

С последним словом Оленин потянулся и долго тянул это сладкое «ы-ы-ы». Потом рывком поднялся на ноги и затянул пояс халата с видом, будто это был рыцарский ремень с висящим на нем обоюдоострым мечом.

Он отодвинул тетрадь в сторону и взялся за телефон.

– Четыреста, ноль, ноль, ноль, ноль, – бормотал он, накручивая диск. – Алло! Алло! Занято... Потом перезвоню.

Он решительно, как человек, готовый к долгой и тяжелой работе, нажал на рычаг.

– Четыреста, ноль, ноль, ноль, один. Занято. Четыреста, ноль, ноль, ноль, два. Не берут. Четыреста, ноль, ноль, ноль, три. Занято. Четыреста, ноль, ноль, ноль, четыре...

Здесь ему ответили, и он голосом одновременно радостным и робким, глядя куда-то вверх, произнес:

– Алло? Алло! Ленчика можно? Оленина. Нет? А Вареньку? Нет таких? Как же «нету»?..

Он недовольно поморщился, нажал на рычаг и продолжил.

– Четыреста, ноль, ноль, ноль, пять. Не берут...

– Четыреста два, ноль, ноль, двадцать три. Занято... Четыреста два, ноль, ноль, двадцать четыре. Алло, Ленчика можно? Ленчика Оленина. А Вареньку? Вареньку! Тоже Оленину...

– Четыреста два, ноль, ноль, двадцать пять. Ленчика можно? Ленчика. А Вареньку?..

– Четыреста два, ноль, ноль, двадцать шесть. Занято...

Его неумоимости и упорству позавидовал бы и Сизиф.

* Окончание. Начало в «ОК» № 6 за 2022 г.

МАЛЫШЕВ Игорь Александрович родился 29 октября 1972 года в Приморском крае. Образование высшее техническое. Работает инженером на атомном предприятии. Поэт, прозаик, драматург. Публиковался в журналах «Москва», «Роман-газета», «Новый мир», «Юность», «Дружба народов». Выходили книги «Лис», «Дом», «Там, откуда облака», «Номах», «Маяк», «Сланские были и небылицы» и др. Финалист литературных премий «Ясная Поляна», «Большая книга», «Русский Букер». Живет в Ногинске.

– Четыреста три, семьдесят один, двенадцать. Не берут...

– Четыреста три, семьдесят один, тринадцать. Ленчика можно? Лен-чи-ка. А Вареньку? Ва-рень-ку. Нет?..

Оленин устал, голос его осип, но он был человек железной воли. И сам немного напоминал гвоздь – такой же тощий, жесткий.

– Четыреста три, семьдесят один, четырнадцать. Не берут...

– ...Нет таких? Да и провались ты к псам...

– Четыреста три, семьдесят один, пятнадцать. Не берут...

– Не берут...

– Не берут...

– Не берут...

Оленин уже долго сидел неподвижно и бессмысленно смотрел в пустоту. Рука с трубкой, из которой тонкой струйкой истекал длинный гудок, лежала на колене. Губы старика вздрагивали, словно он все еще шептал номера, спрашивал Ленчика и Вареньку, сетовал на молчание.

Раздался звонок в дверь. Оленин почесал висок и снова уронил руку. После второго звонка он издал хмыкающий звук. И лишь после третьего медленно повернул голову. Некоторое время недоуменно смотрел в темный коридор, будто услышал оттуда неприличное слово. Потом все же поднялся и зашаркал тапочками в прихожую.

– Ну? – глухо произнес он.

– Открой, ата, – раздался знакомый голос. – Электрик я из этого... шайтан... Из ЖЭК.

– Да хоть из ГПУ. Я никого не вызывал.

– Меня не зовут, я сам прихожу. Электричество резать буду.

– Как это резать? Себе отрежь что-нибудь. Что за мода такая? Электричество он резать будет...

– Да. Насовсем. Отключать то есть. Такие дела.

– В честь какого это праздника? – оживился, заводясь, Оленин.

– Ты, ата, больше года не платишь, – пояснил гастарбайтер. – Понял, да? Семь тысяч долг. Нехорошо. Резать буду.

– Нос себе отрежь! Резчик...

– Зря ты так. У меня и бумаг с печатью есть. Красивый, м-м-м! Орел тут с двумя башками. По-становление об отключении называется. Открой, покажу.

Оленин, не снимая цепочки, приоткрыл дверь.

– Давай сюда, ирод азиатский. – Взял бумажку и тут же с негодованием вышвырнул ее обратно: – Фальшивая же!

– Э, нет. Ну, какой такой фальшивая? Подпись, печать. Все по-настоящему. Я бы сам так не нарисовал. А я знаешь как рисую? О! Я, ата, всему аулу наколки рисовал...

– И что ты хочешь? – высокомерно оборвал говорливого визитера Оленин.

– Поговорить. Человек ты хороший, интересный. Жалко такого без света оставлять. Может, помочь смогу, понял, да?

– Чем это, интересно, ты мне помочь сможешь?

Оленинский сарказм мог прожечь дверь.

– Словом и делом, как говорится. Как у нас в ЖЭК говорят, доброе слово и пистолет значат гораздо больше, чем просто доброе слово. Сечешь, нет?

Засмеялся незванный гость, который, как известно, хуже татарина.

– Я не нуждаюсь ни в твоей, ни в чьей бы то ни было помощи.

– Ой, ата, не нуждаешься! Хорошо, я сейчас свет вырублю, и привет. Делов-то.

Оленин заколебался. Мысль о том, что можно остаться без света в полутемной даже днем квартире, ему совершенно не нравилась. Он с недовольным видом потеревил цепочку.

– Ладно, входи, шайтан.

Закрылась и снова открылась дверь. Гастарбайтер вошел в квартиру. На нем была все та же спецовка, что и в первый раз, только теперь вместо куска бревна он принес довольно тяжелую, судя по виду, сумку с инструментами. С облегчением поставил ее на пол возле полок, осмотрелся.

– Красиво тут как, а? – одобрительно заметил он, протягивая руку.

– Не надо ничего трогать! – с беспокойством наблюдая за ним, прикрикнул Оленин. – Здесь много хрупких вещей.

– Да я вижу. Прямо музей.

– У меня лучше, чем в музее. Музейщики – лгуны, не всегда выставляют оригиналы. Да и когда думают, что выставляют оригиналы, часто ошибаются. У них вообще много никчемного мусора. А у меня все подлинное, до последней пылинки.

– Почему так уверен, что у тебя все настоящее?

– Меня, юноша, не обмануть. Да. Я правду на два метра под землей вижу...

Он не договорил: сверху раздались тяжелые шаги, заскрипели перекрытия в потолке, шевельнулись полки, на которых лежали экспонаты. Старик и гастарбайтер подняли головы.

– Так вот, юноша, – продолжил старик обрванную мысль, – меня не обмануть. Да. Я правду вижу...

Сощутив и без того узкие глаза, гастарбайтер засмеялся с самым довольным видом:

– Но у меня-то не увидел! А? Не увидел?

– Чего не увидел? – зыркнул на него старик.

– Правду!

– Какую?

Гастарбайтер хлопнул сам себе в ладоши:

– Э! Не увидел, не увидел!

– Какую правду? Ты о чем?

– Такую! Бревно-то самый обыкновенный я тебе принес, – подался к нему, выпучив глаза, гость. – Шайтан я, а? С улицы взял. Он ничей валялся. А я хитрый, решил его к делу пристроить и про тебя вспомнил. Понял, да?

И он снова зашелся смехом. Оленин наблюдал за ним без улыбки.

– Нет... – очень серьезно сказал он, настолько серьезно, что сотрудник ЖЭКа поперхнулся и умолк. – Нет, юноша. Это в самом деле кусок корабельной мачты. Ель очень старая, ей бог знает сколько лет. Может, триста, может, пятьсот. Ты где бревно нашел?

– На берег Москва-река.

– Вот. А Москва у нас что? Порт пяти морей. Сюда столько добра попадает со всех концов света. Что-то специально привозят, что-то случайно. Может, это бревно и не от корабля «Непобедимой армады», но через какое-то морское сражение оно точно прошло.

– Ой, не верю я в чудеса! – отмахнулся гость. – Жизнь отучил.

Они немного помолчали, а потом азиатский гость, похоже, недолюбливавший тишину, протянул руку:

– Меня Кирсанычем зовут.

– Оленин, – после паузы ответил на рукопожатие старик.

– На самом деле я Кирсан, но все Кирсанычем называют.

– Почему? – без любопытства спросил антиквар.

– Не знаю, – пожал плечами гость. – Вас, русских, не поймешь. У нас в ЖЭКе старик сантехник работает. Шестьдесят два года, старый. А его до сих пор Дениском зовут. Дениском, понял,

да? У него зубов две штуки, волос – три, и он Денисок. А мне сорок пять всего, у меня что зубов, что волос – хоть продавай, и я Кирсаныч!

Снова возникла неловкая пауза.

– Вот и познакомились. И на душе приятней стало, скажи? – спросил Кирсаныч.

– Да уж... – посмотрел в сторону Оленин.

Кирсаныч, застеснявшись неловкого молчания, произнес:

– Ладно, я сейчас тебе свет немного поколдую. Он сначала погаснет, а потом я скажу: «Да будет свет» – и он снова загорится. Так что ты не пугайся смотри. Хорошо?

– Я? Пугаться?

– А, точно! Тебя еще попробуй испугай! Понял, да?

Гастарбайтер засмеялся, наставив на Оленина руку в виде пистолета.

– В мои годы, юноша, не пугаться надо, а готовиться.

– К чему? – легкомысленно поинтересовался Кирсаныч, но Оленин так мрачно взглянул на него, что дальнейших объяснений не потребовалось.

– Все. Работать буду, – решил Кирсаныч, оборвав смех.

– Очень правильно, – едко заметил Оленин.

Говорливый сотрудник ЖЭКа с трудом переносил молчание, поэтому оставил дверь на лестницу открытой и через нее повел обращенный к старику монолог.

– Я вообще недавно в ЖЭК работаю. Делаю, что баба скажет. Там в ЖЭК главный баба есть. Толстый! Красивый! М-м-м... Я таких никогда не видал. С «Жигули» толщиной. Веришь, нет? Грудь как два газовых баллона. Честно, не вру. На «газели» ездит. Командует так, что несогласный слов не скажи, иначе сразу вылетишь. Красивый... – любовно повторил он, словно катая во рту леденец.

Оленин перестал слушать Кирсаныча, едва тот повернулся к нему спиной. Старик зажмурился, постучал по сухому морщинистому лбу, вспоминая, от каких забот оторвал его приход восточного гостя.

– Так, – сказал он себе. – Соберись, боец. Детям я собирался позвонить. Вот что.

Он вновь открыл блокнот.

– На чем мы тут в прошлый раз остановились? Четыреста три, девяносто, пятьдесят. Что ж у меня за почерк такой? Сам Кнорозов не разберет.

Он набрал номер, подождал, держа трубку возле уха.

– Не берут.

– Четыреста три, девяносто, пятьдесят один. Алло? Ленчика Оленина, будьте добры, – робко, просительно произнес он. – Нет таких? Тогда Вареньку. Тоже нет... Спасибо.

– Четыреста три, девяносто, пятьдесят два. Занято. Потом.

Он сделал пометку в блокноте.

– Четыреста три, девяносто, пятьдесят три. Не берут...

А Кирсаныч меж тем продолжал вещать, не прерываясь ни на секунду.

– Я тут сейчас основной провод перережу... – комментировал он свои действия.

Свет, действительно, погас. Оленин недовольно поморщился.

– ...а потом потихоньку другой провод кину, – произнес Кирсаныч. – И все будет хорошо-хорошо. Понял, да? Сейчас многие так живут. Им свет отрежут, а они электрика пригласят, две тысячи ему дадут – слышишь, две тысячи дадут!..

Не услышав ответа, электрик вздохнул и принялся мотать изоленту.

– ...И все снова работает. Кофемолки-шмофемолки, микроволны-шмикроволны, телевизор-шмелевизор... Понял? Да...

– Дверь прикройте, а то как бы кот не сбежал! – внезапно спохватился Оленин и снова вернулся к блокноту и телефону.

Кирсаныч, нимало не озабочась просьбой Оленина, продолжал болтать:

– У тебя кот есть? Люблю кот. Верблюды, правда, больше люблю, но кот тоже люблю. А где он? Прячется? Был бы у тебя верблюд, не спрятался бы.

Он протянул руку и все же немного прикрыл дверь, но и в оставшуюся щель было слышно, что он говорит.

– ...Ох уж этот телевизор. Шайтан-труба! Я смотрю иногда. У-у-у! То со стыда горю, то со страха. Что показывают! Нет, что показывают, ата?! Адская кухня, не телевидение. Иногда думаю: хорошо, у меня дети нет. Раз нет, то и телевизора не испугаются. Наверное, конец света пришел. Иначе такое не показывали бы... Раньше как хорошо было! «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз»... Да будет свет! – наконец произнес гастарбайтер.

Свет, действительно, загорелся, непривычно яркий после сумрака, и вскоре «светоносец» Кирсаныч вернулся в квартиру.

– Ну, джигит сказал – джигит сделал! Молодец Кирсан, а? Честно сказать, первый раз такое сделал. Делал и думал: либо сделаю, либо током убьет.

– Ну и как? – поинтересовался Оленин, на секунду отвлекаясь от телефона.

– Пронесло! – радостно сказал Кирсаныч.

– Бывает же... – буркнул старик, продолжая крутить диск. – Четыреста три, девяносто, пятьдесят четыре. Алло? Мне Ленчика нужно. Ленчик-ка О-ле-ни-на. А Вареньку? Ладно... Четыреста три, девяносто, пятьдесят пять. Занято... Четыреста три, девяносто, пятьдесят шесть. Ленчика Оленина позовите. Просьба у меня к нему. Серьезная просьба. Очень серьезная. Важная. Вопрос жизни и смерти. Да, он прямо сейчас нужен. Нет, ждать не могу. Нет у вас никаких Ленчиков? А зачем же спрашивали? Вопросы эти зачем? А, на пенсии, скучно... – Оленин понимающе кивнул. – Мм. Чтоб вас черт съел! И вам всего хорошего.

И снова принялся крутить диск.

– Четыреста три, девяносто, пятьдесят семь. Алло-алло! Слышно меня? Мне Ленчика! И Вареньку! Олениных! Алло! Нет таких? Да и иди к псам...

– М-м-м... Девяносто, пятьдесят восемь. Ленчика! Вареньку! Олениных, конечно! Не проживают? Как? Ну, может, бывают тут. В гости приходят. Нет? Уверены? Человеческая память ненадежна. И все-таки нет? Ладно...

Кирсаныч в нерешительности остановился, прислушиваясь к словам Оленина. И, дождавшись паузы, поинтересовался:

– Что за дело такой интересный занят? Телефоны по порядку перебираешь. В Москве пятнадцать миллионов населений. До-о-олго перебирать будешь. Раньше палец сотрешь. – Он тронул старика за плечо: – Ата, что делаешь? Скажи, если не секрет.

– Детей ищу, – дернув плечом, сухо ответил Оленин. – Чего привязался?

– Своих детей? – Кирсаныч отошел в сторону и прошептал: – М-м-м. Несчастный человек. Избави Бог от такой доли. – И уже громче добавил: – Думаешь, найдешь?

Оленин не ответил.

Кирсаныч снова тронул его за плечо:

– Найдешь, думаешь?

Оленин как-то особенно зло и жалко сжался под его рукой, склонился над телефоном.

– Четыреста три, девяносто, пятьдесят девять. Занято. Четыреста три, девяносто, шестьдесят. Занято. Четыреста три, девяносто, шестьдесят один, – продолжал говорить он, словно читая какое-то невероятно длинное заклинание, которое сможет многое исправить.

Потом сделал пометку в блокноте, положил трубку. Ни к кому не обращаясь, начал рассказывать:

– В одном сумасшедшем доме находилась женщина. С утра до ночи она писала письма, состоящие всего из одной фразы: «Любимый, приди». На немецком, конечно. Она немкой была. Повторяла эту фразу бесконечное количество раз, так что листы становились сплошь черными. Наверное, верила, что если будет достаточно упорна, то рано или поздно любимый придет. Стихотворение есть об этом...

*Эмма Хаук, тысяча девятьсот девятый год,
Надпись: «Любимый, приди».*

*Место происхождения – сумасшедший дом,
Повторено раз примерно тысячи три.*

*На бумаге живого нет места,
Только живая боль и следы от карандаша.
У меня такое чувство, что здесь истерлась
Эммы Хаук душа.*

*Пришел ли тот, кого ты звала, Эмма?
Гражданский он был, а быть может, военный?
Я смотрю на лист, черный от надписей:*

*«Любимый, приди»,
И до боли хочу знать: он приходил?*

Закончив внезапный монолог, Оленин повернулся к гостю, не мигая посмотрел на него. Чуть склонил голову, став от этого еще больше похожим на птицу, спросил:

– Ну, вы... это... Может, по рюмочке выпьем?

Пребывавший до этого в несколько растерянном состоянии, Кирсаных облегченно улыбнулся:

– Это можно!

– А вы вообще пьете?

– Нет! – решительно сказал Кирсаных. И тут же не менее решительно уточнил: – Но с хорошим человеком всегда готов.

– Я не очень хороший человек, – заметил Оленин, направляясь к холодильнику. – Но выпить тоже... Всегда...

Он достал бутылку, черствый хлеб. Кирсаных охотно выпил и непритязательно захрустел сухарем. Затем закинул руки за голову и откинулся на спинку стула, словно сидел не в московском подвале, где ему недавно грозили пистолетом, а в шезлонге у южного моря.

– Чего-то мне не по себе стало от вашего визита, – задумчиво сказал Оленин. – Как будто вы мне рассказали, что у меня дыра в стене размером с трамвай и теперь ко мне всякий зайти может.

Кирсаных успокаивающе замахал руками:

– Нет, не переживай, я стены не трогал. У меня и инструмента с собой такого нет. Я только провода порезал чуть-чуть, и все.

– Да я не о том. Напугал ты меня, бес нерусский. Оказывается, мною всерьез заняться решили, раз свет отключают.

– Всерьез, – охотно согласился Кирсаных. – Я слышал, у тебя и по квартплате долг.

– Долги наши тяжкие... – кряхтя, поерзал на стуле Оленин. – Сегодня звонили, сказали, чтобы я с квартиры в Теплый Стан съезжал. Дом твой, говорят, на капитальный ремонт идет. По ре-но-ва-ци-и, – с отвращением произнес он неприятное слово.

– Врут, – заверил бес нерусский. – Если б тут капитальный ремонт делать хотели, я бы знал. Я в ЖЭК работаю.

– Все врут, все врут... – Оленин мелко закивал головой. – Вот и я думаю: хотят они нас с котом выкинуть из квартиры, а потом продать ее за дикие миллионы. Квартира хорошая. Район – лучше и желать нельзя. Сивцев Вражек – сердце Москвы. Осталось только старика с котом с места сковырнуть, и дело в шляпе. Как думаешь, могут они такое замыслить? Эта твоя газель с газовыми баллонами...

– Могут, – снова охотно согласился Кирсаных. – Бывало такое. Я тут при ЖЭКе всего третий год, а уже такой страх видел, что тебе лучше не надо.

Звонко постукивая горлышком о края стопок, Оленин разлил еще раз. Кирсаных смотрел, переводя взгляд с тонкой прозрачной струйки на хозяина квартиры.

– Налей мне побольше, ата, – попросил он. – Расстроил ты меня сильно. Не знал я, что тебя хотят из дома выгнать.

Выпили, посидели в молчании. Оленин внешне хохотнул. Его старческие щеки зарумянились.

Воодушевляясь, он поднялся:

– Только не все так просто в этом мире!

– Нет! – в тон ему охотно подхватил Кирсаныч.

– Не все просто!

– Да-да!

Старик заложил руки за спину, стремительно прошелся по комнате.

– Плохо вы Оленина знаете! Я, конечно, не Ленин, но покажу вам новые горизонты. Меня голыми руками не возьмешь. Я до последнего драться буду!

– Молодец, ата!

Оленин широкими шагами прошелся вдоль полка и встал посреди комнаты, вооруженный и грозный, как Бармалей. В одной руке он держал пистолет девицы Дуровой, в другой – ржавую саблю. Вид его был невероятно комичен, и все же при этом от него исходил легкий, будто при сквозняке, холодок реальной жути. Так выглядят грабители банков в масках героев мультфильмов.

– Хоп-хоп! Хоп-хоп! – Кирсаныч азартно принялся отбивать по столу будоражащий азиатский ритм. – Ураган-человек! Джигит! Абрек! Так их! Так их!

– Ну, нелюди, где вы там? Подходи по одному! – распалялся Оленин, высматривая по темным углам врагов. – Сейчас! Кому пулю в лоб, кого саблей пополам! Махновская сабелька! Нестора Иваныча! Самого! Эх!

Он взмахнул саблей, едва не задев при этом радостно подскочившего к нему Кирсаныча. Принялся неумело крутить клинком, так что гастарбайтеру стало не на шутку страшно, как бы старик не отрубил себе чего-нибудь. Сочно гудел рассекаемый острым железом воздух, покрикивал Оленин, хлопал в ладоши гость.

– Ты хороший человек, – остановился, задыхаясь, старик. – Хочешь, я тебе бритву Хармса покажу? Хотя ты, наверное, и не знаешь, кто такой Хармс-то...

Кирсаныч грустно усмехнулся и после долгой паузы ответил:

– А вот тут вы не угадали. Я прекрасно знаю, кто такой Хармс.

– Учти, это не еда и не животное, – насмешливо подсказал Оленин, не заметив в горячке, что у гостя изменился и голос, и манера разговора.

– Да знаю, знаю, – без малейшего акцента произнес Кирсаныч.

– Ой, врешь! Все врут, – все еще не желая замечать в госте перемен, хохотнул Оленин.

– Даниил Иванович Ювачев. «В часах что-то стукнуло, и ко мне пришли вестники, – монотонно начал декламировать Кирсаныч. – Я не сразу понял, что ко мне пришли вестники. Сначала я подумал, что испортились часы. Но тут я увидел, что часы продолжают идти и, по всей вероятности, правильно показывают время. Тогда я решил, что в комнате сквозняк. И вдруг я удивился: что же это за явление, которому неправильный ход часов и сквозняк в комнате одинаково могут служить причиной?..» – Гость остановился. – Что это у вас с лицом? Вы будто... Не знаю. Будто говорящего муравьеда увидели.

Оленин смущенно развел руками.

– Да я так... – забормотал он. – Не ожидал просто. У меня дома, в обычной квартире – и вдруг... говорящий муравьед. Хе.

– Дело в том, что я не всегда был Кирсанычем. До того как переехать сюда, в Москву, я преподавал историю в Ошском университете. А кроме того, вел там драмкружок. Я вообще очень люблю театр. Этот запах, очень специфический, такого больше нигде нет, шорох занавеса, скрип половиц на сцене. Все эти театральные условности, натяжки, фанерные декорации. В юности пытался поступить в театральный институт, но не сложилось, и в итоге я пошел учиться на историка. Потом судьба занесла на должность преподавателя истории в Ошский универ. Где-то в две тысячи первом мы ставили спектакль по прозе Хармса. Было очень забавно. «Вестников» читала Чолпон. Такая невысокая, чуть полноватая, но крайне пластичная девушка. Чолпон. Динь-дон. Даже имя симпатичное, правда? Возможно, моя последняя любовь. Преподавателям, конечно, запрещено вступать в связь со студентками, но когда говорят чувства, правила молчат...

Покашливая от смущения и пряча глаза, Оленин быстро наполнил стопки до краев. Гость благодарно кивнул, отсалютовал хозяину и аккуратно, как-то очень по-интеллигентски выпил.

– ...И мы бы никогда не сидели вот тут с вами, – продолжил он свой рассказ, – но Киргизия – очень беспокойная страна. К тому же в последние тридцать лет у киргизов сложилась одна нехорошая традиция. Когда они начинают выяснять отношения между собой, то между де-

лом режут узбеков. Мать у меня русская, зато отец – узбек. Отсюда и неприятности. В какой-то момент я понял, что жизнь в Киргизии для меня ничем хорошим не кончится. А я, знаете, люблю жизнь. Люблю хороший дастархан, хорошее вино, красивых женщин. Я собрал чемодан, бросил работу, студентов, квартиру, Чолпон и сбежал в Москву.

– Почему в Москву, а не в Ташкент, например?

– Ну что вы... Кому сейчас нужны актеры или историки в Ташкенте? Думал, в Москве проще устроиться будет. И «понаехал», как говорят у вас. Только оказалось, актеров здесь и своих хватает... Походил по театрам, пробам – бесполезно, не пробиться. А кушать-то хочется. Попробовал устроиться учителем истории. Тоже не взяли: гражданство неподходящее. И вот однажды я пришел в местный ЖЭК и сыграл перед директором роль прохиндея-гастарбайтера. Играл вдохновенно, от души. И видимо, пронял директора. Взяла на работу. Без трудовой книжки, конечно, оплата «вчерную»... Ну да ладно, ерунда, главное, что взяла. И вот с тех пор все играю.

Он потер лицо, будто пытаясь снять грим.

– Знаете, я уже почти разучился выходить из роли. Маску снимать разучился. Прирастает. Замечаю, что даже думаю теперь как Кирсаныч, его словами мысли формулирую. И даже sny какие-то гастарбайтерские сниться стали. Черте что... Еще пара лет – и совсем стану Кирсанычем. Можно считать, что это моя последняя роль.

Зазвонил телефон. Оленин, все еще находясь под впечатлением рассказа гостя, неспешно взял трубку. Некоторое время рассеянно слушал, потом лицо его приобрело привычное резкое, угловатое выражение и он рывкнул:

– Да. Нет. Убью! И не звоните сюда больше!

– Кого это вы так?

– Да так, одного сумасшедшего... – отмахнулся Оленин. – Пятый год изводит меня всяким хламом. То рваный поводок собаки Качалова предложит, то протез ноги Карла Двенадцатого, то деревянную обгрызенную ложку принесет и говорит, что это ложка Ермака... Недавно страницей из записной книжки Бисмарка терроризировал. Страница старая, это сразу видно, и вся сплошь покрыта совершенно одинаковыми крестиками. Он утверждает, что это шифр. Шифр! Как вам это нравится? Одинаковые крестики – шифр! Ужас. Какие-то нелепые фальшивки таскает постоянно. Надоел уже хуже мыши в гробу. И ведь не поймешь: то ли врет, то ли сумасшед-

ший. Знаете, сколько безумцев вокруг антикваров крутится? С таким окружением порой и в себе сомневаться начинаешь.

Гость усмехнулся, соглашаясь. И с горечью признался:

– А мне в себе сомневаться не приходится. У меня железобетонная самоидентификация. – Он до белизны в суставах сжал кулак и потряс им перед собой: – Кир-р-рсаныч!

Оленин посмотрел на собеседника:

– А! Я же обещал вам бритву Хармса показать! Пойдемте!

Он притащил стремянку, поднялся по ней и откуда-то из-под самого потолка достал опасную бритву.

– Держите. Только, прошу вас, осторожней! Очень острая. Как Хармс.

Кирсаныч недоверчиво взял реликвию в руки:

– Неужели правда бритва Хармса?

Оленин несколько раз мелко кивнул, глядя в лицо Кирсанычу. Тот открыл бритву, повертел в крепких, мозолистых, совсем не преподавательских пальцах.

– А, шайтан! Обрезался!

– Я же говорил: осторожней! – зашипел Оленин.

Кирсаныч, любясь, поводил бритвой в воздухе. Посмотрел на нее против солнца в окне.

– «Горло бредит бритвою, а сердце рвется к выстрелу».

На минуту Кирсаныча окутало что-то вроде наваждения. Он услышал музыку – странную, нелепую, изломанную, как стихи Хармса. Мимо него словно бы покатались зубчатые колеса и запрыгали огромные мячи с нарисованными на них человеческими лицами. Свет замигал, из окон подул холодный, состоящий сплошь из острых бритв ветер. Из углов выползли и заматались спрятавшиеся желтые листья. Откуда-то издали послышалось кошачье мяуканье. Птица села на голову Кирсаныча и клюнула его в середину лба, так что в голове загудело, как в тоннеле. Полки, часы, стол задрожали и, шевеля ножками, будто пауки, пошли гулять по комнате.

– А помнишь стихи? – поддаваясь безумной пляске вещей, закричал Кирсаныч Оленину, словно они сидели друг от друга на бог знает каком расстоянии. И, расставив руки и вращая глазами, принялся декламировать:

*Часы стучат,
Часы стучат,
Летит над миром пыль.*

*В городах поют,
В городах поют.
В пустынях звенит песок.*

*Поперек реки,
Поперек реки
Летит копьё свистя.*

Оленин в такт хлопал себя по ляжкам, хохлился, поводил носом, будто хищная птица.

*Дикарь упал,
Дикарь упал
И спит, амулетом блестя.*

*Как легкий пар,
Как легкий пар,
Летит его душа.*

*И в солнце-шар,
И в солнце-шар
Вонзается, косами шурша.*

*Четыреста воинов,
Четыреста воинов,
Мигая, небу грозят.*

*Супруга убитого,
Супруга убитого
К реке на коленях ползет.*

*Супруга убитого,
Супруга убитого
Отламывает камня кусок*

*И прячет убитого,
И прячет убитого
Под ломаный камень, в песок.*

*Четыреста воинов,
Четыреста воинов
Четыреста суток молчат.*

*Четыреста суток,
Четыреста суток
Над мертвым часы не стучат.*

Суматошно заверещал дверной звонок.

– Ну?! – закричал Оленин в сторону прихожей.

Звонок, захлебываясь, продолжал звонить, и звон его новой темой вплетался в варварскую музыку, что слышали сейчас Оленин и Кирсаныч. Больше того, музыка стала громче, листья

шныряли по полу с проворством кроликов, шары прыгали все упруге и выше, лица на них кривлялись, раздували и без того непомерно огромные щеки. Из-за двери послышались детские голоса и тут же стали органичной частью творящегося хаоса имени Хармса.

*Новые вещи покупаем!
Старые вещи поджигаем!
Старикашек вызываем,
В крематорий отправляем! –*

кричали детские голоса.

*В крематории веселье.
Каждый день там день рожденья.
Целый день едят варенье.
Целый день едят печенье.*

Кирсаныч рывком открыл дверь и заревел орангутангом:

– Это что за нескладушки-неладушки?!

Дети с визгом кинулись вверх по лестнице. Кирсаныч захохотал и пнул им вслед мяч с кривляющимся человеческим лицом.

15

Наваждение схлынуло; музыка стихла; шары, подпрыгнув в последний раз, исчезли вверх; листья снова разбрелись по укромным местечкам. Кирсаныч и Оленин, пьяные и расслабленные, сидели за столом.

– Ух, рядом с тобой и вправду какие-то странные вещи творятся. Сейчас на меня такой карнавал обрушился, что ой-ей-ей, – улыбаясь, сказал Кирсаныч. – У тебя, как говорили у нас в универе, сильная энергетика. А может, это у дома твоего сильная энергетика? А может, не надо мне снюс с алкоголем мешать...

Гастарбайтер замолчал, перебирая детали свалившегося наваждения.

– Скажите, а почему вы решили... помочь мне? – спросил Оленин. – Провода мне протянули. Хотя это незаконно. Свет дали.

– Я же говорил: я историк, – потягиваясь, ответил Кирсаныч. – Вы тоже в каком-то смысле историк...

– Антиквар! – строго уточнил Оленин.

– Я, когда узнал, чем вы занимаетесь, очень захотел познакомиться. У нас в ЖЭКе, сами понимаете, интеллигентных людей не так много. Да и потом, из роли выходить нельзя. Гастарбайтер, рассуждающий об истории, – что может

быть подозрительнее? Выгонят от греха подальше. Вдруг я террорист на задании?

– А вам поговорить хочется?

– Можно подумать, вам не хочется?

– Мне чаще помолчать хочется, – сказал в сторону Оленин. – А ко мне клиенты приходят, музеи приходится обзванивать, детей искать. Мне бы помолчать, да не получается.

– Очень рад теперь, что с вами познакомился. У меня еще со студенческих лет есть одна идеалистическая теория. Развитие человечества, как ни крути, идет по кругу. Антураж – да, меняется: были колесницы, на смену им пришли лимузины. Колесницы украшали, машины тюнингуют. В Средневековые слали письма любимым, привязывая их к лапкам птиц, сейчас электроны по проводам несут наши чувства и мысли. Раньше убивали противника, по крайней мере видя его лицо, теперь достаточно нажать несколько кнопок – и целые континенты могут исчезнуть с лица земли. Суть остается прежней. Смотрите, в России опять тот же бардак, что и сто лет назад. Капитализм, власть царя-батюшки, жандармы, болтовня интеллигенции о бедственном положении народа, олигархи выбрасывают миллионы на яхты и любовниц, а по улицам бегают беспризорники. Что изменилось? Ничего! Был ли социализм? Был ли СССР? Наверное, нет. Чем Россия занималась сто лет – чтобы снова вернуться сюда? Потерян целый век! Впрочем, что Россия? Во всем мире то же самое. Человечество транжирит тысячелетие за тысячелетием, не делая никаких выводов. Сколько еще миллионов лет нам потребуется, чтобы стать другими? А дело-то все в том, что мы не знаем историю. Ведь все глупости уже сделаны! Все уроки уже даны! Надо просто их выучить. Пропустить через сердце, через голову, через душу, наконец. Всего лишь! И мы вырвемся из этого проклятого круга. История – святая наука. Вся беда в том, что вокруг слишком много хирургов. И ее постоянно перекраивают, переделывают, отрезают «лишнее», пришивают «нужное». В результате историю-то никто по-настоящему не знает. Больше того, и знать-то никто не хочет именно из-за этих хирургов. А может, они именно этого и добиваются, хирурги? Может, их как раз устраивает эта беготня по кругу? Может... Но тогда мы уже в какой-то сатанизм сваливаемся.

– То есть вы понимаете, как важно то, чем я занимаюсь? Понимаете? – спросил Оленин.

– Несомненно. Все уроки уже даны нам историей. Нам надо просто изучить их. Но время стирает эти уроки, заставляя нас совершать те же ошибки, что и сто, пятьсот, две тысячи лет назад. Вы, дорогой мой, когда сохраняете артефакты, – он обвел руками вокруг себя, – вы же боретесь с самим временем! Да! Вы титан! Гигант!..

Лицо Оленина затвердело, будто и вправду стало лицом скульптуры, обращенной в вечность.

– За историю! – торжественно произнес Оленин, вставая. – За святую науку!

Выпили и надолго замолчали. Снова завязать разговор после высокопарных, пусть отчасти даже и справедливых слов всегда непросто.

– А что это у вас за портреты? – указал на стену Кирсаных.

– Портреты? – Оленин помрачнел. – Это детей моих портреты. Ленчик и Варенька.

– Но это же вырезки, да? Ваших детей в журналах публиковали? Наверное, вам, как отцу, это приятно...

– Нет. Это... – оборвал его Оленин. – Я не знаю, кто эти люди. Просто они похожи на моих детей. – И добавил после паузы: – Я думаю, что похожи...

– Вы их давно не видели, ваших детей?

– Давно. Они сбежали от меня. Говорят, пыльно у тебя, аллергенная зона, а не квартира. Как по семнадцать им исполнилось, так и сбежали. Много лет назад.

– И в гости не ходят?

– Нет.

– Ну, хотя бы звонят? С Новым годом поздравляют, с днем рождения...

– Нет! – снова оборвал его Оленин. – Сволочи! Ехидны!

– Сообщите в газеты, что оставляете им в наследство квартиру, – предложил Кирсаных. – Объявятся.

– Не объявятся, – уверенно заявил Оленин. – Здесь их мать умерла. От туберкулеза. Они считают, что это я своим пыльным хламом ее в могилу свел. Задушил.

– Сочувствую, – не зная, что еще сказать, произнес Кирсаных.

А Оленин неожиданно озлился:

– Нужно мне твое сочувствие, как пещке хвост! Чего ты вообще тут расселся? У тебя рабочий день еще не кончился? Вот и вперед! Отстань от меня! Сочувствует он! Обойдусь без со-

чувствующих и сострадающих! Сам, слава богу, еще в силе!

– Я, видимо, что-то не то сказал. Извините.

– Нечего тут извиняться! Бог простит. Поковырялся грязным пальчиком в ране – иди дальше.

Кирсаных, совершенно не выглядевший обиженным, поднялся:

– Вы правы. Мне и вправду надо идти. Спасибо за угощение. Я вам здесь свой телефон на всякий случай оставлю. Звоните, если что.

Оленин стоял, опираясь о стол, и, куражась, бросал ему вслед:

– А как же! Непременно! Прямо сейчас и начну! Мне больше позвонить-то некому...

Кирсаных аккуратно закрыл за собой дверь. Оленин, пошатываясь, долго смотрел в стену. Все будто пытался что-то сказать, но так ничего и не произнес. Вместо этого лег на стол, положил приходную книгу под голову.

– Стоишь... – сказал он часам, темной колонной проступающим из сумрака. – Вот и стой.

Он подтянул ноги к груди и продолжил:

– Ничего, я до тебя еще доберусь... Жалкое худосочное время! Что ты дало нам? Ничтожное понимание того, что ничто не вечно? Ах какое полезное знание! Означает, что, какую великую подлость ни сделай, какую великую красоту ни создай, все разрушится, истлеет, осквернится тобой – временем. И нет ни святости, ни позорности, ни верности, ни предательства. Ни покоя нет, ни мук, ни чести, ни славы. Все под твоей стопой жалко и несущественно. Ах какая гадость! Какое садистское желание превратить все в тень, в блик, в небыль. Но нет же! Поэт может так воспеть звезду, отражающуюся в воде самого жалкого иссыхающего пруда, что пройдут тысячи лет, а этот отблеск будет жить в памяти человеческой. Человек – вот победа над временем!

Да-да, я знаю, какую муку доставляет тебе тронутое Истиной слово. Ты боишься этих слов и стремишься убить всякого, кто обладает талантом выразить Истину словом, сделать невыразимое выразимым. О, как ты щедро и скоро расправляешься с такими людьми! Стоит человеку произнести слово, в котором, словно бабочка в ладони, трепещет настоящее, как являешься ты и глядь – один вышел из окна, второй качается в петле, и голова у него набок.

Ты гадко, ты омерзительно. За тобой тянутся, скрежеща по камням, гробы, гробы, гробы...

От твоего искусства проступают кости из-под лиц и проваливается земля на кладбищах. Но я, ничтожный червяк, бросаю тебе вызов и до конца буду биться с тобой. Я буду биться с тобой...

Язык сонного старика заплетался, говорил он все медленнее и невнятнее. Тонкая леска слюны стекла из уголка его рта на серую щетину, капнула на гробсбук, и без того покрытый пятнами, царапинами и бесчисленными полустертыми пометками.

В темной комнате звонил телефон, но Оленин не слышал его. Неизвестно, что ему снилось, но, должно быть, что-то хорошее, поскольку во сне старик улыбался и сладко потягивал носом, точно чувствовал приятное, вроде запаха утренних блинов, парного молока или того духа, что исходит от младенцев.

Он спал и не видел, как его неприступная, но сейчас незапертая дверь медленно открылась и в квартиру проникла небольшая фигурка в небесно-белой просторной толстовке с крупным изображением Вуди Вудпекера, в белых спортивных штанах и белых же кроссовках. В руке незнакомец держал файл со скрученными в трубочку бумагами. Он включил в прихожей свет, бегло осмотрел дверь, петли, на которых она держалась, замки. При свете лампочки стало видно, что лет ему, наверное, не меньше, чем Оленину, но в отличие от старика антиквара выглядел он намного более ухоженным и даже франтоватым. Легкие, как пух, белые волосики на голове лежали ровно, седая борода, chip-bird, как говорят американцы, была идеально пострижена, и все говорило о том, что он совсем недавно, может быть, даже только что посетил весьма недешевый барбершоп. В левом ухе его белел наушник, из которого доносился еле слышный бит. Молодежная одежда и наушник, по-хорошему, должны были бы придавать незнакомцу комичность, но этого не происходило, тем более что двигался старичок на удивление ловко и, похоже, получал от всего своего вида неподдельное удовольствие.

Незнакомец прошел в комнату, посреди которой спал на столе Оленин, осмотрелся, развел руками.

– Йеп-йеп-йеп! – покачал он головой в такт ритму в наушнике.

Прошелся вдоль полка, потыкал пальцем в какой-то полиэтиленовый пакет, но так и не понял, что там внутри. Достал платок, брезгливо

вытер запачкавшуюся руку. Остановился возле спящего Оленина.

– Подъем, пенсия! – произнес негромко, почти ласково.

Оленин мгновенно проснулся. Сгорбившись, будто ворона под дождем, уселся на столе, недоуменно посмотрел перед собой.

– Ты кто? Как попал? Пошел вон отсюда, быстро! Я вызываю милицию!.. – хриплым голосом прокаркал он.

– Ой-ой-ой, – улыбаясь, замахал руками пришлый старичок. – Чего шумишь, а? Ну, чего? Чего?

Голос его журчал ядовитым ручейком, улыбка не сходила с лица.

– Ишь, расшумелся.

Ухоженный старичок медленно двинулся вокруг стола. Оленин, тяжело ворочая головой, следил за ним.

– Тут смотри, какая история... – покачал незванный гость бумажной трубкой, будто маятником.

Остановился возле телефона, снял трубку и принялся бить по рычагу, отчего аппарат жалобно затенькал.

– Прекрати! – Оленин, не слезая со стола, вырвал у старичка трубку и положил на место.

– Телефон! – Незнакомец постучал согнутым пальцем по диску. – Звонили тебе по телефону?

– Мне целый день звонят, – огрызнулся Оленин. – Так уйдешь ты или мне милицию вызвать?

Но старичок словно и не слышал его слов.

– Тебе звонили? Звонили тебе, балбесу? Говорили, чтобы ты из дома съезжал?

– Мало ли какие идиоты мне звонят! Это мой дом и никуда съезжать я не собираюсь!

– Мой дом! – кривляясь, повторил гость. – А вот и нет. Сегодня твой, завтра мой, а послезавтра из него вообще, может, общественную баню сделают.

– Какую еще баню? Ты что вообще несешь, старикашка полоумный? – вскипел Оленин.

– А такую, котик. – Старик отступил и захихикал. – Такую... А может, не баню, может, салон стрижки для собак. Или дом престарелых...

– Ах ты, стригун собачий! Сгинь! – завопил Оленин, срываясь.

– Ты не петушишься. В твоём возрасте вредно. Венка лопнет в мозгу, и привет. Был человек – стал топианбур...

– Молчать! Хамло! Вон отсюда!

Оленин в бешенстве огляделся, соскочил со стола, схватил бритву Хармса и кинулся с ней на

старичка. Тот, словно ожидая чего-то подобного, проворно вынул из кармана-кенгуру небольшой уродливый пистолет. Раздался хлопок, и вспышка, настолько яркая, что блики легли на дома противоположной стороны улицы, озарила оленинскую квартиру, проникнув в самые потаенные ее уголки, о которых знали только сверчки да домовые. Схватившись за глаза, Оленин с грохотом упал на пол. Полы халата распахнулись, сделав его похожим на подстреленную птицу.

– Ты русский язык плохо понимаешь? – наклонился над ним, потрясая оружием, незнакомец. – Совсем пыль мозг разъела? Я тебя приведу в чувство! Напомню, кому надо хамить, кому не надо! Бритву он схватил... Меня этим не проймешь.

Старичок спрятал руки в карман-кенгуру, недовольно втянул голову, и теперь стало особенно заметно, насколько велика ему толстовка, он словно потерялся в ней.

– Сказали, интеллигентный человек в квартире живет. Антиквар, вещи старинные собирает. А тут вон... – Он вгляделся в Оленина, откинул ногой в сторону выпавшую бритву. – Убийца. Киллер!

Старичок расхохотался. Снова достал пистолет, посмотрел на него, словно только увидел.

– А хороша игрушка, скажи? Даже не ожидал. Как она тебя!.. Раз – и ты разлегся, будто медуза на песке. Наповал. Красота!

Старичок повертел в воздухе пистолетиком-уродцем.

– Ты чего там, помирать собрался? – тронул он носком кроссовки плечо Оленина. – Не бойся, я ж не убивать тебя пришел. Это травматический пистолет. Со световым патроном. Я, когда в тебя стрелял, глаза закрыл и, смотри, как ни в чем не бывало. А ты вон до сих пор, поди, зайчиков ловишь, да?

Оленин завозился на полу, отнял от лица руки, попытался открыть глаза, жалобно вскрикнул.

– Ай! Ай! – со щенячьей плаксивостью проговорил он. – Не вижу. Ничего не вижу.

Старичок подтянул стул к лежащему антиквару.

– Пройдет. Проморгаешься – как новый будешь. Ну, мне так обещали. А уж соврали, нет – не скажу, не знаю.

Незнакомец положил на стол трубочку, тут же развернувшуюся в желобок, достал из кармана жестяной цилиндр, из которого извлек сига-

ру (как и толстовка, она выглядела для него неприлично большой). Затем выудил из бездонного кармана штанов гильотинку, уверенным движением обрезал конец сигары. Звякнув зажигалкой, с удовольствием закурил. Было в нем при этом что-то от мальчишки, дорвавшегося до взрослых удовольствий. Он выпустил дым вверх, полюбовался облаком, окутавшим лампочку с абажуром из газеты.

– «Правда», – приглядевшись, прочел старичок. – Тысяча девятьсот шестьдесят третий год. Видал, зрение какое! Недавно глаза себе новые сделал. Сейчас это просто. Десять минут операция занимает, потом день в больнице – и все, снова единица на оба глаза. А до этого мне клапан в сердце поменяли. В прошлом году. А еще раньше тазобедренный сустав. Я как робот теперь! Терминатор!

Он снова засмеялся. На его руке вздрогнули смарт-часы. Он прочел сообщение, пожевал губами.

– Ладно, делом надо заниматься. У меня еще две встречи сегодня и тренажерный зал...

– Здесь нельзя курить, – сказал Оленин, почувствовав запах сигары. – Он снова попытался открыть глаза и тут же схватился за лицо: – Ай! Ай! Как же больно!

Не обращая внимания на антиквара, незнакомец закинул ногу на ногу.

– Да, курить плохо... Никак не могу бросить. Вредная привычка. Раньше вейп парил. Забавно. Дымил как паровоз. Потом бросил. Не для меня. Теперь вот сигары распробовал.

Он вытащил бумаги из файла.

– Начнем. Зовут меня Леонид Евгеньевич. Сокращений до Леонида или, не дай бог, Лени я не приемлю.

Не дожидаясь, пока Оленин представится (да и, похоже, не очень в этом нуждаясь), старичок бросил файл на пол.

– Давай, котик, соберемся и поработаем. Можешь не вставать, если так удобней.

Он принялся бегло просматривать бумаги.

– Итак, что мы имеем, господин Оленин... У-у-у, какой плохой котик... Мы имеем задолженность по квартплате в размере тридцати семи тысяч рублей, – с видом укоризненным и ласковым произнес старичок. – Вот справка из управляющей компании «Хронос». Ознакомься.

Леонид Евгеньевич бросил справку на поверженного старика, и та бубновым тузом опустилась ему на спину.

– Кроме того, мы имеем долг за электричество. Семь тысяч рублей.

Тут старичок поднял голову, с удивлением посмотрел на тусклую лампочку.

– Эге... А почему это у нас до сих пор свет горит? Мне сказали, его отключили. Нехорошо, нехорошо...

Он пожал плечами и кинул справку на Оленина.

– Дальше... Дальше – больше! – оживился Леонид Евгеньевич. – Справка от участкового: к тебе постоянно ходят подозрительные люди. И похоже это, дружок, на притонодержательство.

Еще одна бумага полетела на поверженного антиквара.

– Ты притонодержатель? – все с тем же ласковым участием спросил старичок. – Может, и чем запрещенным торгуешь, а? Шалишь-балуешься запрещенкой? Закладочки раскидываешь?

Оленин что-то тихо проскулил в ответ.

– Пищишь как сосиска в микроволновке, – мимоходом заметил старичок, не отрываясь от документов. – А вот тебе справка из налоговой инспекции. Налог на недвижимость за три года не выплачен. Как же так, котик? Двести шестнадцать тысяч рублей...

Новый лист полетел к Оленину.

– Тут еще по мелочи... – Леонид Евгеньевич полистал заявления. – Жильцы на тебя жалуются. Поешь громко, стихи по ночам читаешь... Стихи любишь? Это похвально, конечно, но тишину соблюдать надо.

Еще лист.

– Дальше. Грохот, пушки стреляют... Волки недавно выли... Ерунда какая-то. Ты слышишь плохо? Телевизор смотришь на полную громкость? Аппарат слуховой купи. Сейчас с этим просто. Поставишь – будешь слышать, что муж жене за стеной на ухо шепчет. Хотя у тебя... – Леонид Евгеньевич осмотрелся. – У тебя и телевизора-то нет. Так это ты сам столько шума производишь? Как же так? Ты ж тощий, как удочка!

Последняя бумажка развеселила его особенно.

– А! Вот! Смотри, что у меня еще есть! – Он расхохотался и поболтал ногами в воздухе. – Ах, чудо какое! Смотри, старикан-таракан! Справка от психиатра! По результатам проведения обследования. Ты же обследовался пять лет назад

у психиатра? Вот. Шизофрения у тебя, котик. Вялотекущая. Вяленькая. Как и сам ты. Вяленький цветочек.

Он кинул последний листок на покрытого ими, будто снежной порошей, Оленина. С удовольствием отряхнул руки, как после тяжелой работы.

– Все! Бумажки можешь себе оставить. У меня еще есть.

Он с удовольствием затянулся толстой, будто колбаса, сигарой и почувствовал желание еще поговорить.

– Вот так, господин Оленин. Ты, может, думал, я, как раньше говорили, по беспределу наехал? Нет, котик. Времена изменились, правила тоже изменились. По беспределу теперь никто не работает. Все по закону. Мы новое поколение, поколение закона! А по закону жить просто. Не платишь за квартиру – ее продают. Средства идут на погашение долгов. Ты задолжал – квартиру продали. Все. «Lex dura sed lex» – «Закон суров, но это закон». Смотри-ка, помню еще что-то...

Он самодовольно ухмыльнулся и перекатил сигару в другой уголок рта.

– Ты как? Проморгался?

Оленин не ответил.

– Давай-ка в интернете глянем, что там рекомендуют при ожогах глаз, – сказал старичок. – Мы ж не звери, у нас клиентоориентированный бизнес.

Он достал смартфон, пробежался пальцами по экрану.

– Вот смотри... Сварщикам при ожогах глаз... Побудешь на старости лет сварщиком... Так вот, рекомендуют офтохэлп, иридант, угротипин... Народные средства – примочки из ромашки, сырого картофеля... Из сырого картофеля, ты слышал? Из липового чая. В общем, лечись чем хочешь, все для тебя.

Леонид Евгеньевич спрятал смартфон, еще раз оглядел квартиру.

– Нет, но сколько ты мусора натащил! Во что квартиру превратил, старикан-таракан. Навскидку камаза три под завязку, – оценил он. Потом нагнулся, постучал указательным пальцем по голове Оленина: – Алло, есть кто дома? Зачем ты все это сюда притащил, потерпевший?

Не получив ответа, встал. Достал платок и с гримаской отвращения взял через него кусок мхатовского занавеса. Встряхнул над лежащим

так, что зашевелились листы бумаги. Посмотрел сквозь прорехи на Оленина.

– Знаешь, вы, старики, как дети малые. Только они всё в рот тащат, а вы в дом. Вот это что?

Он тряхнул занавесом.

– Мошь все изгрызла... И в руки-то брать противно.

Он кинул занавес на молчащего Оленина.

– А это? Это что такое?

Леонид, опять же через платок, будто мертвую змею, подцепил ржавую цепь, уронил с грохотом на пол. Поднял стопку пожелтевших левозэровских прокламаций, перевязанных бечевкой, бросил.

Оленин ожил, зашевелился, скинул с себя бумаги и занавес. И, часто моргая красными глазами, пополз к Леониду, повторяя на ходу:

– Ты что же творишь, гаденыш мелкий? Не тронь! Ну-ка, не тронь! Вон отсюда! Вон!

Плохо видя, он на ощупь искал упавшие предметы, прижимал их к груди, будто заболевших детей.

Леонид Евгеньевич от вида ползущего, как старая ящерица, Оленина пришел в восторг. Он принялся ронять вещи с полок, и движения его при этом удивительным образом напоминали те, что совершает кот, когда, забавляясь, хочет посмотреть, как чашка с кухонного стола грохнется на пол. Семена, он перебегал от полки к полке и ронял экспонат за экспонатом. Вот полетела деревянная самодельная чаша протопопы Аввакума, вот кусок подрамника Рембрандта, манжета Доменико Скарлатти, крышка табакерки Меншикова, шнурок нательного креста Степана Разина, букля парика Ньютона, бронзовая бляха с пояса Пипина Короткого...

Оленин с упорством и обреченностью мученика подбирал вещи, они вываливались у него из рук, он подбирал их снова, шипя проклятия в адрес забавляющегося истязателя.

– Варвар! Струп чумной! Паскуда бледная! Прекрати! Это уникальные экспонаты. Ценнейшие исторические реликвии!

– Так уж и ценнейшие?

– Этим экспонатам сотни и даже тысячи лет!

– И что, котик, это меняет? Что они могут дать мне? Да и пусть даже не мне, тебе что они могут дать? Вот эта ржавая цепь, зачем она? Какой в ней смысл?

– Какая цепь? Я... Я не вижу.

– Вот эта.

Леонид Евгеньевич кончиком кроссовки подтолкнул к Ленину цепь, с которой сыпались чешуйки ржавчины.

Тот на ощупь нашел ее, сжал в руке:

– Этой цепью были скованы кандалы Петрушевского.

– Ну что ты несешь? Какого еще Петрушевского? Зачем? Кто он тебе – родственник?

– Он был руководителем кружка, в который входил молодой Достоевский.

– Да с чего ты решил, что это его цепь? Она что, подписана? «Эту цепь носил Петрушевский»? Больше похоже, что на ней какой-нибудь Трезор всю жизнь сидел и прохожих облаивал, а ты трясешься над ней, будто она тебе жизнь спасла. И потом, молодой Достоевский... Ну что нам за прок, что он куда-то там входил? Зачем нам это? Достоевский умер давно. От него, поди, уже и косточек не осталось. Оставь покойника в покое и займись делом. Дома у него гадюшник, помноженный на бомжатник, а он о Достоевском думает! К тебе же войти страшно. Я после тебя вещи в химчистку отдам, чтоб, не дай боже, заразу какую не притащить.

Старичок мягко и бесшумно, как летучая мышь, метался над Лениным, размахивал руку с зажатай в ней сигарой.

– Зачем вообще эти отвлеченные знания? Достоевский, Петрушевский... Если каждый просто подметет свою квартиру и дорожку перед домом, тогда и наступит всеобщее счастье. Но нет, такие вот тараканы, как ты, отчего-то все носят с мусором столетней давности!

– Есть наука история... – начал было Леонид, но Леонид Евгеньевич оборвал его:

– Что-что-что? История? Сюда слушай. Нет науки истории! Понятно? Что телевизор скажет, то и будет историей. И никакой другой истории нет. И не было никогда. При Советах, помнишь, говорили: царь – плохой, Ленин – хороший. Теперь наоборот. Завтра скажут: оба хорошие. А может, плохие. Или их вообще не было. Могут так сказать? Могут. И что, я каждый раз обязан верить? Нет. Я сам хозяин своей головы. И верю я только тому, что могу проверить лично. Пощупать, на зуб попробовать, в карман положить.

Он достал из кармана гильотинку, возбужденно пощелкал ею. Увидел валяющуюся на полу «веревку русских поэтов», поднял, принялся откусывать кусочки и крошить на голову Ленина.

– Я ведь при Советах много чего по истории читал. Про революцию, Гражданскую, про Древний Рим, Францию, Англию... (Щелк-щелк.) Все даты наизусть знал, годы правления наших царей, римских цезарей, английских королей... Пикюля всего перечитал, Дюма, Смирнова, Изяславского, Ушкуева... (Щелк-щелк.) В пять библиотек записан был! А потом перестройка. И нате вам! Все не так. Все до последней буквы переврано. (Щелк-щелк.) А потом (щелк-щелк) с Фоменко и Носовским познакомился. Слышал про таких? И тогда все совсем к чертям полетело. (Щелк-щелк.) Ни монголо-татарского ига, оказывается, не было, ни Крестовых походов, ни походов этих... Ну, к этим... А, неважно. Ничего не было. (Щелк-щелк.) Точнее, было, но совсем не так. И ведь все с доказательствами, не голословно. С фактами, подробностями. И с тех пор – все...

Старичок развел руки и расцвел в сладчайшей улыбке.

– С тех пор мне (щелк-щелк) все понятно стало. Ученые... Историки... Чушь! Бездельники. (Щелк-щелк.) Паразиты, не умеющие не то что гвоздя забить – шнурка на ботинке завязать! Нашли теплое местечко и зарабатывают на жизнь словоблудием. Оттого и все проблемы в мире, что все в прошлое смотрят, а с ним ничего не понятно. Тьма там и вонь такая, что ослепнуть и задохнуться можно. (Щелк-щелк.) Смотри, сколько войн началось потому, что дураки книжек по истории начитались. «А вот вы у нас тогда такую-то область оттяпали...» – «А вы (щелк-щелк) тогда-то столько наших вырезали...» – «А вы нам должны были...» – «А вы...» (щелк-щелк), «А вы...» (щелк-щелк), «А вы...» (щелк-щелк)... И вот уже и резать друг друга начали, стрелять, бомбить. (Щелк-щелк.) И хаос и бардак. (Щелк-щелк.) Помнишь, как армяне азербайджанцам за Карабах предъявлять стали, а потом и до стрельбы дошло? А почему? Потому что «исторически наша земля». И для азербайджанцев «исторически наша», и для армян. А там и грузины с абхазами начали меряться, у кого на танке дуло длиннее. Узбеки, таджики, киргизы. И ведь все историческую справедливость восстанавливали. Не просто так. За святое дело воевали. Они ж исторические книги читали, знали, где правда! (Щелк-щелк.) Что, этого вам надо было, господа историки? (Щелк-щелк.) Этого вы добивались? (Щелк-щелк). Своим басням, словоблудию своему новой кровью правдоподобие придать?

(Щелк-щелк.) Всем доказать, что не зря небо коптите и место под солнцем занимаете? (Щелк-щелк.) Паскудники. Фантазеры на крови. Клопы-кровососы (щелк-щелк).

Веревка кончилась, старичок спрятал гильотинку. Оленин молчал, придавленный обвинениями и засыпанный обрезками веревки.

Леонид Евгеньевич дернул белыми плечами, будто стряхивал с себя что-то.

— И тогда до меня дошло, что жить надо сегодняшним днем. Сегодняшним и немного завтрашним. Не надо никакого прошлого, никаких книг, умствований, философий. Не надо тащить за собой все эти пирамиды, памятники, камни все эти надгробные. Ничего не надо! Все уничтожить, все стереть. И жизнь станет простой и легкой, понимаешь ты это, старикан-таракан? Не надо думать о времени. Надо вечно молодым оставаться. И душой и телом молодым быть! Думать о будущем и держать себя в форме: спорт, процедуры омолаживающие, пластическая хирургия. Живи сейчас! Думаешь, как сделать, чтобы завтра еще лучше было. Дом подметай, дорожку перед домом, окна мой. Я вот специально забыл все, что раньше знал. Все до единой даты, фамилии душегубов этих, царей, революционеров, цезарей... Забыл напрочь. Волевым усилием. Я теперь весь здесь и сейчас. Нет у меня никакого прошлого.

— И что же будет? Без прошлого какое может быть будущее?

— Прекрасное! — заверил Леонид Евгеньевич. — Все будут одинаковые. Старички как молодые, и молодые как старички. Все ярко одетые, музыку веселую слушают, на самокатах гоняют, граффити рисуют, стартапы придумывают... Надо, чтобы все сейчас жили, сегодняшним днем, понимаешь ты это, старикан-таракан? С прошлым можно сделать что угодно, оно бесильно. А с будущим такой фокус не пройдет. Будущее таким будет, каким мы его сделаем. Оно в наших руках! В нашей власти! И там нет пока ни крови, ни грязи, и мы можем сделать, чтобы они там и не появились. Мы, нашими, своими, вот этими вот руками!

Старичок потряс над Олениным сухонькими лапками в широких белых, как у херувима, рукавах.

— Вечная молодость! Вечная жизнь!

Оленин, похожий на запутавшегося в водорослях рака, возился на полу, и сейчас было особенно заметно, что он очень старый. Он пе-

ребирал свои реликвии, будто пальчики сына или дочери. Что-то шептал им, будто успокаивал и просил не обижаться на плохое обращение. Поглаживал, дышал, как дышат на стекла очков, перед тем как протереть их. На ощупь убедившись, что от деревянной Аввакумовой кружки откололся кусок, вскипел, плюнул наугад в сторону старичка — конечно, не попал. А Леонид Евгеньевич, выговорившись, совершенно успокоился, на хамский выпад Оленина не отреагировал и разглядывал теперь антиквара, как неприятный, но любопытный экземпляр червя или копролит.

Из кармана гостя раздался прокофьевский «Танец рыцарей». Старичок сделал несколько взмахов руками, изобразил что-то ногами на исшарканном полу. Наслушавшись, провел пальцем по неестественно огромному в его руке экрану.

— Ну да, прямо сейчас и осматриваю, — весело и задорно отозвался Леонид Евгеньевич. — Хорошая квартира. Полуподвал, но если соединить с моим первым этажом, получится... Ух какая красота получится! Мусору, правда, много. Ага, сильно захламленная. Нет, ничего ценного вообще. Даже в секонд-хенд сдать нечего. Хозяин-то? Да фрик какой-то. Ага, и справка есть. Да, как и говорили. Шизофрения. Либо в лечебницу, либо в Теплый Стан. Туда, где, помнишь, восемьдесят таджиков прописано. Вот-вот. Я тебя умоляю... Ему это даже на пользу пойдет. Мы ж юзерфрендли и клиентоориентированные. Социализацией это называется. Будет нянчить маленьких азиатов и выздоравливать на глазах. Нет, своих детей у него нет. И родственников нет, мы проверяли...

— Врешь! Врешь, поганец! — закричал с пола Оленин, волей-неволей прислушивавшийся к монологу. — Есть у меня дети, сукин ты сын! И сын у меня есть — Ленчик! И дочь Варенька есть! Это ты чертополох безродный, крапивное семя. Ни роду ни племени у тебя нет, ни истории, ни родителей. Сам собой в луже зародился, из бензиновой пленки. А у меня дети есть... Есть...

— Да, это он шумит. Ползает тут, понимаешь, по полу и верещит. Не-а, никто не вступится. Связи? Бро, ну откуда у него связи? Он же фрик! Никого у него нет. Да какой он... Один серьезный антиквар за личное оскорбление счел, когда я этого таракана антикваром назвал. Посмешище музейной Москвы. Со всеми разругался. Всех ненавидит. Всех! Ну, и они его, соответственно. Никакого резонанса не будет. Я узнавал. Он же злой

клоун, сумасшедший. Все время предлагает музеям какой-то хлам и выдает его за исторические реликвии. Да самый разнообразный... Мне показал ржавую цепь какого-то Петрушевского. Нет, не знаю, кто это. Может, и знал когда-то, но забыл. Сказал, в его кружок входил молодой Достоевский. Нет, Достоевского я еще помню. Но обещаю со временем забыть. Короче, бро! Музейное сообщество будет только радо от него избавиться. Для них он как заноза в известном месте, источник беспокойства и ничего больше. Знаю-знаю. Ладно, давай, бро. На связи.

Леонид Евгеньевич закончил разговор, но трубку прятать не спешил. Задумался, вспоминая, о чем шел разговор перед звонком. Посмотрел на стоящий на столе телефон со скрученными в тугую косу проводом.

— Вот гляди, это смартфон, — сказал он лежащему с закрытыми глазами Оленину. — Десятки устройств в одном корпусе: собственно телефон, телевизор, радио, магнитофон, видеоманитофон, навигатор, компас, печатная машинка, калькулятор, календарь. Плюс все газеты, журналы, книги, картины — всего мира. Плюс возможность посмотреть, что прямо сейчас происходит хоть на площади Сан-Марко в Венеции, хоть в Нью-Йорке на Таймс-сквер... А ты, таракан, до сих пор пользуешься дисковым телефоном. Ты ж увяз в прошлом, как в болоте, тебя уж и не видно почти. Так, пузыри какие-то на болотной тине. Что ты хочешь доказать своим хламом? Удивить кого-то хочешь, победить?

Старичок сделал паузу, лицо его стало жестким, хищным.

— И ведь тоже наверняка про кровь рассказать любишь. Да? Про патриотизм, священные войны. Любишь порассказать дуракам, как мужички когда-то друг друга пластали так, что только мозги по ветру летели? Отечественная, Великая Отечественная... Вы, историки, кровь любите. А уж когда на старую кровь новая ложится, вам совсем в радость. Смотри-ка, ради исторической правды, что мы для них сохранили, людишки живота своего не щадят! Что молчишь, старикан-таракан? Отвечай!

— Тебе не понять. Я не собираюсь метать бисер... — отозвался с пола Оленин.

— Ну, может, все же снизойдешь?

— Нет.

— Ну и валяйся тогда. Черт с тобой. Или что, помочь тебе встать, немочь бледная?

— Иди к черту. Я брезгую твоими прикосновениями.

— Ну, как знаешь.

Он выпрямился, одернул толстовку.

— Итак, возвращаемся к предмету моего визита. У тебя два дня на сборы. Возьми с собой документы, деньги, одежду. В общем, самое необходимое. Транспорт мы за тобой пришлем.

Он постучал кончиком пальца по голове Оленина.

— Сорок восемь часов! Два дня! Слышно меня там, на подводной лодке? — Не дождавшись ответа, старичок легкомысленно подвигал тазом под слышимый только ему ритм: — Йеп-йеп-йеп!

...После его ухода в воздухе еще долго чувствовались запахи сигары и парфюма с металлическими нотками в гамме.

Услышав, как захлопнулась дверь, Оленин сел на полу. Щурясь, добрался до прихожей, включил свет. Отправился на кухню и долго промывал глаза, в которые словно насыпали песок. В темноте зазвонил телефон. Не брать трубку было не в его правилах.

— Алло? — спросил севшим голосом. — Нет, это не театр.

23

Звонок напомнил старику о прежних заботах, но он еще долго не мог собраться с силами и, сидя в темноте, кривил губы и бессмысленно тараторжил в темный угол. Ему казалось, что все лежащие на полках вещи, пользуясь в темноте своей невидимостью, смотрят на него, будто толпа на судилище, и чего-то ждут.

— Чего вам от меня надо? — прикрикнул на них старик. — Какого рожна?

Он встал и принялся ходить вокруг стола.

— Сидят и смотрят, будто совы, — ворчал он. — Так глазищами и лупают. А чего вы сидите да лупаете? Поднялись бы да полетели по музеям, раз такие умные. В Лувр, Эрмитаж, в Пушкинский, в Прадо, Британский музей, Метрополитен... Смотреть я и сам умею. Расселись бы там по полкам и избавили меня от этого креста. Сил у меня уже больше нет вас терпеть. Защищать вас от всяких варваров. Пытаться пристроить... Куда угодно. Хоть в Урюпинский художественно-краеведческий, хоть в Камызякский музей арбуза. Хоть в Лебедянский краеведческий, хоть в Музей мыши в Мышкине...

Повздыхав и поохав, он при скудно льющемся из окна свете кое-как рассмотрел в записной книжке номер телефона, снова снял трубку.

– ...Алло! Эммануил Абрамович, это Оленин. Помните меня? Почему «к сожалению, да»? Я не понимаю! – На мгновение голос его напитался гневом, плечи распрямились, грудь надулась. Но он обуздал гордыню и продолжил мягким, почти елейным голоском: – У меня к вам деловое предложение. Очень значительное. И оно вас весьма обрадует. Обещаю.

Он сделал эффектную паузу.

– Пенсне Молотова! Не скрою, оно немного треснуто. Разбито, если точно. Но зато настоящее, могу подтвердить... Почему издеваюсь? Нет, я совершенно серьезен. Как на исповеди. Вы ведь даже не видели! Позвольте минутку вашего внимания. Мне есть чем еще вас обрадовать. Мне сейчас тяжело говорить... Хорошо, я больше не буду звонить вам... – признавая поражение, произнес Оленин.

Но вскоре он уже набирает новый номер.

– Вечер добрый, Марк Израилевич. Рад вас слышать. Не узнали? Это Оленин. Антиквар. Не помните? Ах, помните! Великоле... А-а-а-а!

– ...Это же огромная ценность! – опять убеждает старик и потрясает перед собой свободной рукой. – Грибоедов... Собственноручно... Как вы не понимаете?

– ...Герасим Харитоныч, вас потомки проклянут, если не спасете! – тоном пророка завывает Оленин. – Это же вещь, помнящая руки Савинкова. Именно проклянут. Я не пугаю, я обещаю!.. Реликвии не должны оставаться в темноте. Их удел – свет. Они должны жить на свету!

– ...Ну да, ну да, кто я такой? – юродствуя и кривляясь, сгибается крючком старик. – Почетный сумасшедший, собиратель хлама. Фрик! Это вы, высоколбые, всезнающие мерзавцы, не имеющие представления о добре и зле, о том, что подлинник, а что фальшивка, за что жизнь отдать не жаль, а что пыль по ветру...

– ...Врете, сучье племя! – раскаляясь от праведного гнева, шипит в трубку Оленин. – Никогда в жизни, за всю свою длинную несчастную жизнь ни разу никому я фальшивки не предложил. Вы мне предлагали. Я – нет!..

– ...Уже уходите? Азамат Робертович, а завтра будете на месте? – с отчаянием, держа трубку обеими руками, умоляет он, будто умирающий от голода о корке хлеба. – У меня для вас есть крайне интересный экспонат. Логарифмическая линейка Курчатова. В хорошем состоянии... В отличном. В самом прекрасном, какое только воз-

можно. Что? Не можете... И надолго в командировку? Хорошо, я перезвоню. Через месяц.

Оленин устал. Низко склонясь над страницами и часто моргая, с трудом читает записную книжку, кривится от собственного неразборчивого почерка. То и дело вытирает рукавом халата выступающие слезы. И ворчит, ворчит, ворчит, как выкипающий чайник.

– Розалия Виленовна... Вот уж кого не перевариваю... Она, похоже, жалеет меня. Представляешь, Маркиз, меня жалеет!.. Сама одеваться не умеет. Вечно бусы у нее какие-то нелепые, словно туалетной бумаги нажевала и себе на шею повесила. Шепелявит, опять же... Боже, с кем приходится общаться. Ну, придется потерпеть.

Он набирает номер и, мгновенно переменяя и выражение лица, и голос, говорит приветливым, заискивающим тоном:

– Алло, госпожа Иванова? Рад вас слышать. Это Оленин. Да, тот самый, с дипломатом. Нет, я не из старого козжаменителя... А, вы про дипломат! Извините, я не понял. И он тоже. Он из настоящей крокодиловой кожи. Да-да! Раритетная вещь. Я к вам по делу. Вы спешите? Тогда я быстро. Есть у меня уникальная вещь. Окурки папиросы Маяковского. Да-да! Настоящий! Ручаюсь! Больше того, одна из последних его папирос. Быть может, даже самая последняя. Да! «Герцеговина Флор» фабрики «Дукат». Любимые его... Помните? «Любым папиросам даст фор «Герцеговина Флор». Из комнаты, где он застрелился. Я хочу за него десять тысяч. Нет-нет! Рублей. Почему? Это ведь не такие большие деньги. Нет?.. Ну хорошо, пять тысяч... Три... Вы же работаете в музее Маяковского. Вы должны понимать, какая это ценность! Нельзя, чтобы он пропал! Знаете, когда я этот окурочек в руки беру, он же как уголь раскаленный. Через него такое прошло! До сих пор чувствуется. Он руки жжет. Давайте я принесу, вы потрогаете. Сами увидите! Ну хорошо, тысяча рублей. Хотя это уже... Как это «дело не в деньгах»? Почему не можете брать «подобные вещи»? А вдруг со мной что случится? Умру, или еще что. Вдруг дети мои не успеют приехать? И какие-нибудь враги все на помойку выкинут? Хорошо, давайте я вам завтра перезвоню, а вы пока подумаете? Договорились, Мария Григорьевна? Что? Розалия Виленовна? Простите, ради бога! Старость. Все забыл. Со всем голова не работает. Старость... Так что? Мне завтра перезвонить? Почему нет?.. Ну, хо-

тите, я вам заплачу? У меня нет денег, но я займу до пенсии. Мне поверят. Пятьсот рублей, а? Нет-нет, не говорите ничего! Тысяча! Три! Анастасия Григорьевна, возьмите! Прошу! Хотите, я на колени встану?

Оленин валится на колени, упрещающе прокричав в сторону:

– Маркиз, не смотри, прошу! Не смотри! Ты не должен видеть меня таким!

Снова подносит трубку ко рту:

– Алло! Я на коленях, Мария Григорьевна. Алло! Прошу! Умоляю! Не кладите трубку! Мария Григорьевна! Алло! Мария...

Из трубки раздавались мышиные звуки коротких гудков.

Оленин уронил трубку, уткнулся в колени и заскулил:

– Маркиз, где ты? Подойди ко мне. Маркиз!.. Где ты, кот-мой-кот? Что же ты бросил меня?..

Звонил телефон, звонил дверной звонок. Кто-то стучал в дверь, дети бубнили чепуху в замочную скважину. Оленин лежал неподвижно, словно в летаргическом сне. Потом поднялся и принялся ходить вокруг стола, как заключенный на прогулке в тюремном дворе. Ни траектория движения, ни мимика старика не менялись от круга к кругу, казалось, время здесь закольцевалось и теперь он будет ходить так вечно.

Внезапно он остановился, усталой рукой нашарил на столе клочок бумажки и положил руку на телефон.

– Алло, Кирсан? Это Оленин. Да, тот самый, антиквар. Спасибо. Все хорошо. Нет, у меня все очень хорошо. Более чем. Просто мне нужна ваша помощь. Вы можете достать кирпичей и цемента? Да, очень надо. Очень срочно. У меня нет выхода...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

В полной темноте чиркнула и зажглась свеча, секунду спустя от нее затеплилась свеча. Оленин стоял посреди погруженной в тяжелый мрак комнаты. В квартире кое-что изменилось, и это изменило все. Старик подошел к стене, где раньше было окно, осветил свежую кирпичную кладку. Тронул ее, зачем-то понюхал пальцы. Пахло камнем и свежим, незастывшим цементом. Постучал по кирпичу, звук получился глухой, безысходный. Прислушался и ничего не услышал – ни шума проезжающих машин, ни шагов прохожих. Лишь кровь, как море, шумела в

ушах. Оленин стал похож на моллюска, который, защищая жемчужину, сомкнул створки и больше не собирался их раскрывать.

Старик отправился в ванную, долго шумел водой, отмывая старое ведро и совок-мастерок от цементного раствора. Пошел к холодильнику, вытащил заветную бутылку, покрутил возле свечи, перевернул. Одинокая капля покатила вниз, но по дороге истончилась и исчезла, не добравшись до горлышка. Оленин бросил бутылку в мусор, извлек из кармана больше не нужную стопку и поставил ее на стол, словно сделал ход в шахматной партии, которая со всей очевидностью катилась к поражению.

– Все, конец света, – сказал ворчливо. – Нет света. Тьма есть, а света нет. Вот такая философия, Маркиз. Ты поел хоть?

Подошел к блюдцу, осветил.

– Что, и у тебя аппетит пропал? От такой жизни не только аппетит, сам пропадешь. Хотя, если подумать... Может, мне так даже и лучше. Тишина, покой. «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Воли у нас, кот-мой-кот, больше нет, зато покоя теперь хоть отбавляй. Значит, половинка счастья у нас все же есть. А это, Маркизушка, не так уж и мало. Теперь можно посидеть в тишине, подумать. Знаешь, я ведь недавно только начал о жизни задумываться. Раньше как-то шло все само собой и шло. Старею, наверное. Хотя стареть-то мне как раз и нельзя. Пока коллекция моя музеем не станет, нельзя стареть. Здесь же каждый экспонат как ребенок мне. Каждая щепка и пуговица как дочь, каждый обломок и камешек как сын.

Он побарабанил пальцами по виску.

– Может, потому-то настоящие мои дети – Ленчик с Варенькой – от меня и сбежали, едва им по семнадцать лет стукнуло. Я ведь их с тех самых пор и не видел. Встречу сейчас на улице – не узнаю. Своих детей родных не узнаю! Как же так вышло-то, а? Страшно? Страшно. А что было делать? Они ведь как уходили? «Не можем больше жить в пыли и хламе». У них ведь и правда даже кашель начался оттого, что они постоянно этим пыльным воздухом дышали. Я помню. Ведь когда их на лето в пионерский лагерь отправляли, они оттуда здоровенькие возвращались и месяца два-три не кашляли. А потом все заново. Ходили тонкие, бледные. Кхы-кхы, кхы-кхы. Но ведь ты и меня пойми. Не мной это дело начато было, не мне и бросать! Мне дед и прадед все это в наследство оставили. Хо-

тели, чтобы я сохранил, а если получится, то и приумножил. И я сохранил, Маркиз! И умножил! А какой ценой?... Какой ценой... Жена, Маша, от туберкулеза умерла. Так врачи потом написали. Только я-то знаю: не от туберкулеза – от пыли здешней. От пыли и вечного сумрака подвального. Я виноват. Я. Кто ж еще? Она ведь безропотная была. Не жаловалась никогда. Ходила, покашливала в платочек. А я слышал все и молчал. Вот и домолчался. А если б сказала она мне: «Или я, или экспонаты эти пыльные», что бы я ответил? Не знаю. Может, и ее бы выбрал, а это все на помойку снес. Только кем бы я был после этого? Предателем? Но ведь я так и так предателем стал. Деда и прадеда выбрал с их коллекцией, жену с детьми предал. Выбрал бы семью – предков предал бы. Историю предал. Что лучше? Куда ни кинь, всюду пропасть. Хотя, конечно, если по-простому, по-человечески рассудить, я чудовище. Жену в могилу свел, детей чуть не умирил. Благо, они выросли и сбежали от меня. Это мне все нипочем, словно я из дерева выструган. Ни пыль меня не берет, ни вечные сумерки. Живучий. На Даманском вон три пули в грудь словил и жив остался. Хирург говорил: «Тридцать лет людей латаю, а такого не видел». Очередь из пулемета через ребра навывлет прошла, а мне хоть бы что. Через четыре месяца опять в строй вернулся – телефонные линии тянуть.

Он взял со стола стопку, тоскливо заглянул в нее.

– Дети, дети... Сорок лет не видал. У них у самих теперь дети. Хотя какие дети... Внуки! А меня видеть не хотят. Из-за Маши. Марии. Из-за матери. Не могут простить. Даже квартира эта им не нужна. Ведь миллионы, наверное, стоит, а не нужна. Да и верно... Каким я был отцом? Хуже чужого человека. Только что под одной крышей жили и виделись каждый день. Ну, уроки иногда проверял. За тройки ругал. «Тройка – клеймо посредственности. Мне не нужны дети – посредственности». В зоопарк сводил раза два. В кино раз в год. А ведь была мысль, где-то глубоко постоянно сидела: вырастут – будет мое дело продолжать. Коллекцию хранить. Хоть просто пыль стирать, и то хорошо. Но... не сбылось. Не нужно им это оказалось. Противно. Так и сказали: противно...

Он ходил вдоль полок, касаясь то одного, то другого экспоната.

– Но как же так? Не понимаю. Как такое богатство может быть ненужным? Такое счастье

как может ненужным быть?! Вот... Вот! Ленточка от пуантов Улановой... Ах, Маркизушка, как же она хороша была в «Ромео и Джульетте»!

Он запел мотив «Танца рыцарей» и даже сделал несколько па по скрипучим полам, но потом вспомнил, при каких обстоятельствах слышал эту мелодию в последний раз, нахмурился и досадливо замолчал.

– Ремешок от часов Гагарина...

Оленин погладил кожаную полоску, вслушался, радостно произнес в потолок:

– Поехали!

Потом осторожно прикоснулся к другому экспонату.

– Флоппи-диск с первым в истории человечества компьютерным вирусом...

Держа двумя пальцами, будто и впрямь какого-нибудь червя, он повертел диск.

– Ты живой там? – произнес в щель с открытой магнитной поверхностью.

Приложил ухо, прислушался.

– Шуршит, гадость этакая...

Убрал дискету на полку и на всякий случай, чтобы не подцепить какую-нибудь заразу, вытер руки о халат.

– Обломок полозьев саней Пушкина...

Пропел несколько тактов из романса Свиридовской «Метели», как наяву услышал звон колокольчика, колющий свист поземки, скрип снега, далекий вой волков. Сквозь разрывы в облаках увидел луну, заливающую светом пустую заснеженную равнину. Лошади били копытами, комья снега летели с подков. Мороз щипал щеки, выжимал из глаз горячие слезы. Дорога впереди лежала дальняя, опасная. Рука словно наяву ощутила податливую мягкость девичьей ладони...

От видений его оторвал глухой стук. Кто-то очень настойчиво колотил в замурованную дверь, и звук проникал даже сквозь кирпичную кладку. В ней предусмотрительный Кирсан оставил небольшие, почти незаметные снаружи отверстия. «Это чтобы в случае чего вы могли слышать, что на лестничной площадке происходит. Лишним не будет», – заверил он уходящего «в затвор» старика.

Оленин приложил ухо к одному из слуховых отверстий.

– Слышишь меня, старикан-таракан? Не спишь?

– Бодрствую! – ответил старик.

– Узнал меня? – довольно спросил Леонид Евгеньевич.

– Это ты, гаденыш мелкий? Узнал. Такого сквернавца и не узнать? Конечно, узнал!

– Ты зачем, идиот старый, окна кирпичом заложил?

– Окна что... – не менее довольно отозвался Оленин. Ему вдруг стало отчаянно, висельнически весело. – Я тебе больше скажу: я и дверь изнутри заложил!

Он расхохотался, и в голосе его сплелись воедино и нотки истерики, и демонические обертонна, и шаманские горловые раскаты, и рыдания безутешного родителя, и безысходность человека, которого вот-вот заточат в сумасшедший дом, и, как ни странно об этом говорить, торжество победителя...

– Так-так-так, – сказал Леонид Евгеньевич. – Вот ты, значит, как запел, котик. Ну, молодец. Спрятался. Сидишь прям как Гитлер в бункере. Ну сиди, сиди. Я так и понял, что ты отчебучишь что-нибудь этакое. Пакость какую-нибудь несусветную сотворишь. Есть в тебе, как в каждом устаревшем, гнилое нутро. Молодец! Явил себя во всем блеске, так сказать. Но ты не переживай, мы все решим. Против лома нет приема. Так или иначе, по-хорошему ли, по-плохому, но мы свое дело сделаем. А вот ты сам себя похоронил. И если раньше врачи еще сомневались, в уме ли человек или так, с придурью просто, то теперь все ясно. «Вопрос решенный, я умалишенный». Дурка по тебе плачет. Сидит и плачет там вдали: «Где мой Оленин? Антиквар всея Руси. Хранитель памяти веков. Пыльный таракан мой где? Мусоровоз мой, отбитый на всю голову, почему ко мне не является?»

Леонид Евгеньевич во время своего монолога прохаживался возле двери, всплескивал херувимскими руками, воздевал ручки с идеально остриженными ногтями и дергал головой, разрушая плоды трудов парикмахера.

Из соседской двери появилась мордочка одной из соседок-старушек, в свое время накатавших на бедного антиквара заявления о шуме и подозрительных посетителях.

– Скрылась!

Леонид Евгеньевич ткнул пальцем в ее направление, и дверь захлопнулась с таким грохотом, что Оленин после этого сам имел полное право написать на старушку донос о нарушении тишины.

– Я тебя познакомлю с безумцами. С самыми отморозенными познакомлю. Ты там у них быстро своим станешь. Там любят таких. Будешь как рыба в сетях биться. Курлыкать станешь журавликом. Залезешь на тумбочку – и: «Курлы-курлы! Курлы-курлы! Курлы-курлы!»

Повторяя это «курлы-курлы», Леонид Евгеньевич заводился все больше и больше и под конец принялся бить ножкой по двери. Удары не были сильными, но их монотонность, сопровождаемая безумным курлыканием, внезапно навели на Оленина такой ужас, что он убежал в комнату, присел на корточки, спрятался за стол и закрыл уши руками.

– Прекрати, гад! Прекрати, сумасшедший старик! Катыш! Отморозок! Огузок! Огрызок!.. – кричал он в сторону двери, лишь бы заглушить птичьи стоны Леонида Евгеньевича, сопровождаемые ровными гулками баханиями.

Оленин был напуган, жалок. Скучные волосы его взмокли, на прижатых к ушам руках вспухли блеклые синие вены. Помаявшись за столом, он снова бросился к двери.

– Послушайте, не надо! – ломая руки, просил он. – Я уже давно ничего не хочу. Просто оставьте меня в покое. Вы поймите, мне некуда идти. Некуда. Совсем. Я один остался. У меня нет больше никого! Ни жены нет, ни детей! Никого! Только кот и эти пыльные вещи! Не отбирайте! Прошу вас! Я старый, я скоро умру. Тогда делайте что хотите! Но сейчас не надо! Я недолго проживу, обещаю! Совсем чуть-чуть, только не трогайте меня пока! Ведь не звери же вы, в самом деле! Нельзя же так с живым человеком!..

Удары и птичьи крики не прекращались.

Тогда Оленин прижался к кладке, словно хотел пройти сквозь нее, и прокричал в щель сдавленным от ненависти, неожиданно громким, шипящим голосом:

– Взорву! Я взорву тебя, слышишь, гад?!

Удары прекратились.

– Что-что? Ты говори почетче, здесь плохо слышно. Так чего ты там пузыришься?

– У меня бомба есть! Слышишь? Бомба! Взорву тебя!

– Какая еще бомба? Атомная?

– Обычная, старая. Ее еще Каляев в девятнадцатом веке делал. Она тогда не взорвалась, теперь взорвется.

– Какой еще Каляев?

– Террорист. И поэт. «Молитву» его слышал? «Христос, Христос, слепит нас жизни мгла...» –

Не закончив, он оборвал себя: – Перед кем я тут бисер мечу? Каляев сто лет назад генерал-губернатора Москвы взорвал...

Оленин замолчал, прислушался. Леонид Евгеньевич с той стороны стены тоже хранил молчание. Очевидно, он еще не успел заставить себя забыть, кто такой Каляев, и теперь это знание встревожило его.

– Что притих? – К Оленину опять вернулся его гонор. – Думал, тут только пыльные тряпки? Нет. Ошибаешься! История – это не только пыльные тряпки и ржавые цепи, это еще и бомбы!

– Врешь, таракан! – наконец проговорил Леонид Евгеньевич. – У тебя взаперти совсем кукушка отъехала? Нет у тебя там ничего.

– Приходи, проверишь.

– Ты что, шахид какой-нибудь? Бомба у него... Ты серьезно?

– Да уж не шучу! Кончились шутки. Одни проклятия остались.

– Вот же ты таракан! Ну и чего? Чего ты добиваешься? И себя убьешь, и людей покалечишь.

– С такими, как ты, все средства хороши! А люди... Что люди? На земле от Сотворения мира сколько миллиардов людей жило? И что? И ничего!

– От коллекции, от барахла твоего, тоже, между прочим, ничего не останется. В курсе?

– А ей все одно пропадать, коллекции моей, – с болезненным воодушевлением отозвался Оленин. – Что от вас, что от меня. Так уж лучше пусть от меня. Все ж таки родная рука.

Леонид Евгеньевич аккуратно пригладил растрепавшиеся волосы, провел пальцами за ушами. Указал на дверь, за которой скрывался Оленин:

– Так. Ладно. Немного терпения, и все получится. Сейчас я приведу рабочих. Будем тебя выковыривать как улитку из раковины. Как ржавый гвоздь из доски будем тебя вытаскивать. Как больной зуб вырвем. Знай, ни в какую бомбу я не верю. Блефуешь ты, старикан-таракан. И в милицию можешь не звонить, не поможет. В местном райотделе сообразительные ребята работают. Мы с ними отлично ладили.

– Да хоть шестой американский флот привлекай! Полководец. Видали мы таких! – хорохорился Оленин.

– Что-что? – переспросил Леонид Евгеньевич.

– Жду с нетерпением! – весело отозвался Оленин.

– Все, я за пацанами. А ты тут сиди!

– Давай-давай! – подбодрил его Оленин. – Ковыляй потихонечку.

Он потер ручки, чрезвычайно довольный собой.

– Что, думал, взял как котенка? Ну, нет! Не на того напали, господа! Я вам устрою. Будет шум до небес! Хозяева жизни! Развелось вас, не передуть. Мы еще посмотрим, кто кого! Не знаете, с кем связались? Узнаете и пожалеете. Слышите?

Оленин постучал рукой, а потом ногой по свежей кладке.

– Я не девочка-институтка. Я ничего не боюсь! Меня так просто не возьмешь. Я вам устрою Сталинград и Гавгамелы!

Он потряс тощим кулачком. В радостном возбуждении пощелкал выключателем. Свет, как и следовало ожидать, не загорелся, но Оленин на это и не рассчитывал. Он подошел к портретам детей. Подслеповато щурясь, долго смотрел на них в свете свечи. Аккуратно вытащил иголки-булавки, которыми портреты были пришпилены к обоям, и долго держал листки на ладонях, переводя взгляд с одного на другой. Старая свеча шипела и потрескивала, фитилек горел нервно. Тени играли на лицах, и от этого они казались живыми: то улыбались, то злились, то смотрели внимательно, будто ждали, что Оленин скажет им что-то.

– Чего тарачитесь? – сказал старик. – Нечего мне вам сказать. У меня вон на носу бой, последний и решительный. Пока меня этот крокодил в ангельских одеждах не сожрал. Но ничего, не сожрет, подавится. Ишь, пасть как разевает. А в пасти зубы в три ряда. И все новые, от лучших стоматологов Москвы. Беленькие, как у младенца. Блестят. Крокодил-младенец, Чебурашка бешеная.

Оленин покачал головой.

– Одна беда: жить хочется. Ох, как хочется. Хотя и старик, а не надоело. Не нажился я. Жадная натура. И в молодости жадным был до жизни, и сейчас не сильно поменялся.

Зазвонил телефон. Оленин положил портреты на стол, взял трубку, не отрывая взгляда от лиц детей.

– Ну? Альтиметр с самолета Экзюпери? Молодой человек, я знаю, что такое альтиметр. Экзюпери, вы уверены?

В голосе его послышался азарт коллекционера. Он провел языком по сухим губам, предчувствуя поживу.

– Да, это интересно. Вне всякого сомнения. Конечно, приходите. Жду!

Он победно махнул в воздухе рукой, но оглянулся и увидел заложенную кирпичами дверь.

– Хотя постойте... – Голос его потух. – Наверное, нет... Пока ничего не выйдет. Через недельку перезвоните. Нет, у меня все в порядке. Я повторяю: все в порядке! Через неделю. Спасибо. До свидания.

Он сухо попрощался и положил трубку. Посидел, раскачиваясь на стуле, помычал непонятную тоскливую мелодию. Посмотрел на заложенную дверь, достал с полки каляевскую бомбу.

Откашлялся, поднял голову и принялся читать волнующимся голосом:

*Христос, Христос! Слепит нас жизни мгла.
Ты нам открыл все небо, ночь рассеяв,
Но храм опять во власти фарисеев.
Мессии нет – Иудам нет числа...
Мы жить хотим! Над нами ночь висит.
О, неужель вновь нужно искупленье
И только крест нам возвестит спасенье?..
Христос, Христос!..
Но все кругом молчит.*

Словно наяву услышал он приближающийся стук копыт. Хриплый голос где-то так близко, что показалось, будто это говорит сам Оленин, повторял: «Господи, Господи! А-а-а!» Потом громкий взрыв, истошное конское ржание, треск, звон разбитых стекол, крики боли, женский визг («Убили!»), крики детей («Мамочка, родненькая! Мне страшно!»). Полетели обломки дерева, мокрые горячие комья, обгорелые тряпки. Пахнуло едким химическим дымом. В ушах зазвенели комариные стаи, отключив разом все иные звуки...

Оленин, словно оттолкнувшийся ото дна и всплывший на поверхность воды пловец, судорожно вдохнул, сглотнул неподатливым горлом и осторожно поставил бомбу обратно на полку. Заставил другими экспонатами, прикрыл полиэтиленом, будто боялся, что она проснется и совершит дело, ради которого была создана.

– Сиди там пока, – сказал он ей. – Не дай бог, чтобы пришло твое время, но всякое может быть.

За дверью послышалось движение, приглушенные звуки шагов, голоса. Оленин с проворством старушки сплетницы метнулся к двери, приложил ухо к шершавой кладке и, инстинктивно отковыривая крошки раствора, стал слушать.

Голоса приближались: очевидно, участники диалога шли по лестнице.

– Сейчас все сделаем. Все будет чисто-чисто. Аккуратно-аккуратно, – произнес голос с восточным акцентом. – Сам потом скажешь: «Молодец, Кирсаныч, вот тебе три тысячи рублей на пиво».

– А, и ты тут, змеюка подколотная. Брут среднеазиатский! – прошептал Оленин. – Как сердце чуяло, что без тебя не обойдется. Надо было в тот раз все-таки прострелить тебе ногу...

Обладателя другого голоса он узнал сразу и не особенно удивился.

– Посмотрим... – произнес Леонид Евгеньевич. – Короче, котик, вот эта дверь. Спилешь петли – и свободен. Вот здесь и здесь.

При этом он стукнул по двери рукой и ногой, указывая, где пилить. Потом наклонился к замочной скважине и весело произнес:

– Алло! Спасателей вызывали? Старикан, не задохнулся там еще? Сейчас мы тебя освободать будем! Слышишь? Ку-ку! Вскроем твою консервную банку! Извлечем как бычка в томате! – Он повернулся к Кирсанычу: – Ну? Ты чего стоишь? Давай, подключай свою шарманку!

– Что? Эту квартиру? Точно? – убитым голосом, совсем без акцента спросил Кирсаныч.

– Эту, эту, – нетерпеливо подтвердил Леонид Евгеньевич. – Чего встал? Замерз в нашем климате? Работай, теплей уже не будет.

Кирсаныч замялся, замямлил:

– Так это... Мне... переноску надо бросить. Запитаться.

– Нет возражений. Запитайся. Запитайся, котик! Я, что ли, тебе в клювике ток принесу? Давай, шурши!

– И еще... Разрешение нужно из милиции. На вскрытие. А то меня потом по судам затаскают... – проявил знание законов Кирсаныч.

– Ну какое тебе еще разрешение? – Старичок говорил мягко, почти доброжелательно. – Тебя твоя баба в ЖЭКе как инструктировала? Делать то, что я скажу. Так давай, работай!

– Разрешение нужно... – упрямылся Кирсаныч.

– Ишь какой... Ты читать-то хоть умеешь?

– Умею.

Леонид Евгеньевич изучающе посмотрел на гастарбайтера.

– Слушай, а ты вообще кто? – спросил он.

– Так... Человек, – отозвался Кирсаныч.

– Человек, говоришь... А какой? Таджики? Казах?

– Узбек.

– Узбек... – протянул Леонид Евгеньевич, словно в раздумьях, стоит ли показывать узбеку столь важные бумаги. – Допустим. И что, порусски читаешь?

– Да.

– Ну давай, читай.

Леонид Евгеньевич протянул Кирсанычу разрешение.

– Я тебе даже фонарик включу, чтобы лучше видно было.

Кирсаныч внимательно прочитал бумагу и вернул ее старичку. Тот спрятал разрешение в карман.

– Все, – холодно произнес Леонид Евгеньевич. – А теперь пошел ток искать.

Кирсаныч повернулся, чтобы идти.

– Стой! – скомандовал старичок, и Кирсаныч замер. – Я вчера вашей бабе говорил, чтобы телефон этому замурованному отключили. Сделали?

– Я не знаю. Она мне ничего не передавала...

– Повторяю вопрос! – оборвал Кирсаныча Леонид Евгеньевич. – Я сказал, чтобы этому замурованному телефон отключили. Сделано?

– Не знаю, – глухо повторил Кирсаныч.

– Все. Иди, – брезгливо скомандовал старичок и отвернулся.

Кирсаныч медленно, топоча сапогами, пошел наверх.

Старичок достал телефон.

– Это Леонид Евгеньевич. Да-да, седенький, с бородкой. – И неожиданно сменил тон: – Нет, это я вас слушаю! Я вчера сказал, чтобы нашему замурованному другу отключили телефон. Было такое? Что значит «не успели»? А когда успеете? Что значит «скоро»? Нет. Сейчас. Да, прямо сейчас! Звоните на свою АТС. Потом мне наберете.

Старичок провел за ушами, укладывая волосы, повертел шеей в просторной, такой же белой, как и в прошлый раз, толстовке, расправил изображение веселого большеглазого динозавра на груди.

– Идиотка, – произнес со злостью.

В ожидании Кирсаныча принялся расхаживать перед дверью и каждый раз, проходя мимо, задумчиво постукивал по ее мощной железной плоскости. Оленин не отзывался, да Леонид Евгеньевич и не ждал этого, стук просто помогал ему скоротать время.

Появился Кирсаныч, остановился на верхней лестничной площадке.

– Нашел ток? – спросил Леонид Евгеньевич, глядя снизу вверх. – Подключай. Работай.

Кирсаныч замялся, потер пальцем уголок глаза.

– Я, того... Не могу сегодня. Заболел. Домой пойду.

Седенькие брови Леонида Евгеньевича выгнулись скобочками.

– Что?

– Заболел, говорю... – повторил Кирсаныч.

– Не сочти за труд, подойди ближе.

Кирсаныч медленно, с неохотой спустился.

– Так что с тобой? – вполне благожелательно переспросил Леонид Евгеньевич. Но едва Кирсаныч открыл рот, чтобы ответить, оборвал его: – Заболел?! Я тебя сейчас вылечу! Ты у меня пешком по шпалам в родные степи отправишься. Сайгаков пасти. Отгрызешь вот эти петли зубами и отправишься. Хрум-хрум. Анде-стенд? Ферштейн? Ву компрене?

Не ожидавший такого натиска, Кирсаныч подавленно молчал.

– Заболел он! Ты что же, думаешь, я тут шуточки шучу? Я тебя сейчас в полицию сдам. А там с тобой никто церемониться не будет. Менты тебя в клетке с туберкулезными бомжами недельку подержат и только потом в родной кишлак отправят. Вот там ты будешь делать что хочешь: болеть, подыхать... А здесь ты станешь работать. Ясно тебе?

Кирсаныч молчал.

– Не слышу! Ясно тебе? – вновь произнес Леонид Евгеньевич.

– Ясно, – тихо ответил Кирсаныч.

– Громче. Не слышу, – прошептал Леонид Евгеньевич, вставая на цыпочки и приближая лицо к лицу гастарбайтера.

– Ясно, – обычным голосом повторил Кирсаныч, чувствуя запах парфюма с металлическими нотками в гамме.

– Громче! – прошептал старичок.

– Ясно!

– Еще громче!

– Ясно!!! – крикнул Кирсаныч так, что зазвенело по всему подъезду.

– Еще громче!

Кирсаныч вытянулся по струнке, отчаянно, срываясь, принялся кричать:

– Ясно! Ясно! Ясно! Ясно!

Глаза его остекленели, смуглая шея налилась красным, на виске вздулась жилка.

– Еще громче!

– Ясно! Ясно! Ясно! Ясно!

– Хватит! – брезгливо приказал Леонид Евгеньевич, но Кирсаныч продолжал истошно вопить.

Дверь соседней квартиры опять приоткрылась, из образовавшейся темной щели высунулась уже знакомая старушечья мордочка.

– Хватит!

– Ясно! Ясно! Ясно!..

– Да заткнись ты! – теряя терпение, рявкнул Леонид Евгеньевич.

– Ясно! Ясно! Ясно!..

Леонид Евгеньевич вытащил уродливый пистолетик и закрыл глаза. Яркий свет на мгновение отбелил до полной бестелесности все вокруг. Старушка захлопнула дверь, из недр квартиры послышался грохот падения каких-то вещей, визгливые причитания «ой, убили, убили». Кирсаныч опустился на корточки, зажав, как совсем недавно Оленин, глаза рукой. Но, в отличие от Оленина и старушки, не проронив ни звука.

Раздались звуки «Танца рыцарей». Леонид Евгеньевич сменил в руке пистолет на телефон.

– Говорите... Да... И что сказали на АТС? Скоро отключат? Именно так и сказали: отключат телефон абоненту Оленину в переулке Сивцев Вражек? Так? «Скоро» – это когда? Точно?.. – Он убрал трубку и, доказывая, что не любит менять мнение о людях, повторил: – Идиотка.

Посмотрел на сидящего у его ног Кирсаныча.

– Ну что? Наорался, котик? Нормально? Глазки болят? Похлопай ресничками, все пройдет. Давай, хлоп-хлоп, хлоп-хлоп...

Кирсаныч встал, разогнулся, не отнимая руки от лица. Из-под ладони его стекали слезы. Он медленно выдохнул сквозь плотно сцепленные зубы.

– Вот так, – одобчительно сказал Леонид Евгеньевич. – И начинай, время не ждет.

...Оленин поспешно покинул свой пост у стены и засеменил к телефону. Он еще не успел подойти, как телефон, будто приветствуя его, звон-

ко тенькнул. Дрожащими руками старик снял трубку, несколько раз ударил по рычагам и принялся накручивать диск.

– Алло! Ленчика! Вареньку! Олениных! Алло!..

Он крутил диск, стучал со все возрастающим отчаянием по рычагам, задыхаясь, комкая в спешке слова, спрашивал:

– Вареньку!..

– Ленчика!..

– Ленчика!..

– Вареньку!..

– Олениных!..

– Олениных!..

– Алло!.. Алло!..

Неожиданно лицо его просветлело, он поднял глаза вверх и быстро-быстро, почти без пауз, захлебываясь, заговорил:

– Ленчик! Алло, Ленчик, это ты? Правда? Лео-ончик... Это папа! Папа, Ленчик! Мальчик мой маленький...

За дверью включилась болгарка. Ее пронзительный всепроникающий визг, словно кислота, выжег все остальные звуки.

– Ленчик, а где Варенька? – кричал Оленин, стараясь перебить визг болгарки. – С тобой? Девочка моя! Как вы? Ленчик, прости меня! И Варенька тоже пусть простит! Детки мои. Я виноват, я мерзкий старик! Но простите меня!..

Слезы потекли по морщинистому лицу, и старик размазывал их свободной рукой по лбу, щекам.

– Я искал вас, Ленчик. Каждый день искал. Уже много лет. Телефонные номера один за другим перебирал... Слышно плохо?

Оленин собрался с силами и закричал что было сил:

– Искал! Столько лет вас ищу... Детки... Нет, я не плачу, я... рад просто. Нашел... Я просто звонил по телефонам, Ленчик, и спрашивал тебя и Вареньку. И везде мне говорили «нет», а вот сегодня... Ленчик, Варенька, я так увидеть вас хочу. Детки, приезжайте, пожалуйста. Звук? Это у меня тут дверь ломают.

– Дверь ломают! – закричал он так, что жилки на шее натянулись и грозили лопнуть. – Хотят меня в сумасшедший дом отправить. Не слышишь? В сумасшедший! А коллекцию на улицу выкинуть. Я не знаю, кто они. Люди... Приезжайте! Алло! Ленчик! Варенька! Алло! Дети!

Не отрывая трубки от уха, Оленин принялся яростно колотить по рычагам.

– Алло! Вы где? Алло! Не слышу! Ленчик! Варенька! Дети!.. Да что же это? Куда вы? Вернитесь! Да как же?..

Звук болгарки внезапно смолк. От наступившей тишины голове стало легко, будто ее накачали гелием, а в ушах поселился писк, похожий на длинный телефонный гудок.

Оленин положил трубку. Телефон слабо тенькнул, потом, будто для верности, тенькнул еще раз. Оленин замер, мучительно соображая, что же теперь делать.

Наверху опять раздались тяжелые шаги. Межэтажные перекрытия натужно заскрипели: так, должно быть, скрипит парусное судно во время шторма. По полу, стенам прошла вибрация, сообщившаяся часам, и те снова пошли. Маятник вышел из равновесия и начал отсчитывать шаг за шагом, спокойный выверенный механизм.

– А-а-а! – закричал Оленин, и лицо его перекосило несчастьем. – Это все ты! Ты! Подлое, бездушное... Это ты убиваешь нас, превращаешь в пыль, в ничто! Какая мерзкая у тебя работа. Кто научил тебя? Кто ты вообще? Зачем существуешь? Ты отбираешь родителей у детей и детей у родителей. Если что и получается у тебя хорошо, так это ровнять с землей могильные холмики. Мерзкое чудовище. Пожираешь все: людей, книги, картины, фрески, статуи, дома, города... Однажды сожрешь Солнце, Луну, звезды. Ах какая же ты гадость! Одна большая непреодолимая подлость. Ловушка размером со Вселенную. И мы бьемся в твоих сетях и проигрываем, проигрываем, проигрываем. Но это же несправедливо! Кто сказал, что так должно быть? Кто сказал, что так было и так будет? Кто решил, что это иезуитство навсегда и никто не уйдет живым? Надо с этим что-то делать! Это невыносимо, в конце концов! Не может ведь, не должно так продолжаться вечно!..

Волосы на голове Оленина топорщились клочьями, полы халата развевались, поясок развязался и волочился сзади, как тощий хвост. Он носился взад и вперед перед колонной часов, отражаясь в темном стекле, в глубине ко-

торого дрожал блик от свечи. Старик сцепил пальцы и сжал их так, что казалось, еще немного – и сухие кости не выдержат напряжения и хрустнут. Он походил на старую крысу, облезлую, с желтыми стертыми зубами, которую жестокие мальчишки загнали в угол и машут над ней палками. Щеки его дрожали, губы изгибались, на рыхлом, пористом, как пемза, носу висела капля. Во взглядах, что он кидал на темную призму, в недрах которой стучал и скрипел древний механизм, читалось смешанное с болью и ненавистью отчаяние. Он выхватил из раскиданного по полкам хлама ржавую саблю и, широко и неумело махнув ею, ударил часы по деревянному боку. Крохотная щепка вылетела из-под клинка и вонзилась старику в лоб. Тонкая, в сумраке выглядящая черной, струйка пересекла лицо Оленина. Старик смахнул щепку и попытался вытащить лезвие сабли из деревянного корпуса. Но то ли дерево оказалось слишком плотным, то ли рухнувшая надежда и вспышка гнева отняли последние силы антиквара. Все оказалось безрезультатным: сабля намертво увязла в мрачной колонне.

Оленин отвернулся, оглядывая комнату, пытаясь найти что-нибудь, что помогло бы ему извлечь оружие. Но тут дверь часов сама по себе со скрипом отворилась и из их глубин выскочил рыжий, солнечного оттенка кот. В комнате разом словно посветлело, хотя и окна, и дверь оставались все так же наглухо замурованными. Кот потянулся, поочередно выгнувшись дугой сначала вверх, потом вниз. И направился к миске, в которой плескались на доньшке остатки бледного, разведенного водой молока.

– Маркиз! Маркизик мой! – запричитал обрадованно Оленин. – Вот ты где, злой кот. Я уж думал, ты бросил меня, негодяй. А ты в часах спрятался. Неблагодарное создание...

Снова включилась болгарка, но солнечный кот, невзирая на рев и визг, опустил перед блюдцем и стал лакать молоко. Оленин лег рядом. Осторожно, боясь спугнуть, принялся гладить его. И гладил долго, до тех пор пока тот не закрыл глаза и не замурчал под его рукой.

**Иосиф
КУРАЛОВ**

**КРАСНЫЙ ПИДЖАК,
ИЛИ ВОСПОМИНАНИЕ
ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1993 ГОДА**

1

Ночь. Пустыня внемлет Богу.
Млечный Путь блестит в реке.
Выхожу я на дорогу
В новом русском пиджаке.

Он имеет цвет известный.
Самый сильный в мире цвет.
Сшит одной портнихой честной
Лишь за то, что я поэт.

Место действия не Сочи.
Но, любви благодаря,
Горячи в Сибири ночи
В середине сентября.

Дуновения зефира
Городской ласкают сад,
Дышит светом воздух мира.
Звезды. Осень. Листопад.

2

Добавляя миру света,
В кронах лампочки горят.
Убегает в даль проспекта
Фонарей нестройный ряд.

33

Ночь сверкает городская,
В блеск реклам себя одев.
Наша местная Тверская
Предлагает юных дев.

Дошагаю ли до милки?
Твердь горит под каблуком.
А в карманах две бутылки
С пятизвездным коньяком.

Не без позы. Но без прозы.
Свет в глазах. Пожар в крови.
А в ночном киоске розы
Цвета пламенной любви.

3

Положил за них с размаху
Весь презренный свой металл,
Словно голову на плаху,
И цветочки не считал.

С жаркой мыслью о любимой
Взял охапку сгоряча.
И пошел вперед, колимый
От ладони до плеча.

КУРАЛОВ Иосиф Абдурахманович родился 19 апреля 1953 года в Прокопьевске. Окончил режиссерское отделение Кемеровского государственного института культуры. Работал в средствах массовой информации, в учреждениях культуры, образования. Автор нескольких книг стихотворений и поэм, первая из которых, «Пласт», вышла в 1985 году с предисловием Ю. П. Кузнецова. Лауреат различных литературных премий, в том числе премии им. святителя Павла Тобольского, автор изданной в Болгарии антологии «Русская поэзия XVIII–XXI веков» в переводах на болгарский язык. Член Союза писателей СССР и Союза писателей России. Руководитель литературной студии «Свой голос». Живет в Кемерове.

Вот в таком чудесном виде
Я Вселенной посреди.
Места нет в груди обиде.
Чувства яркие в груди.

И без флага как под флагом,
И без строя как в строю.
Строевым шагаю шагом.
Только песню не пою.

4

Ярко-красный самоходный
Новорусский светофор.
Никакой любви народной
От ночных колесных свор.

Подъезжали тихо сами.
Торговались на ходу.
– Проезжайте! Сам с усами!
На своих двоих дойду!

Каждому давал идею:
Мол, к любимой я в пути
И несу все, чем владею,
Так бесплатно прокати!

Но идея угодила
Как жемчужина в навоз.
Ни один ночной водила
За идею не подвез.

5

И Господь увидел с неба,
Что иду, как знамя, ал.
Подвезли менты. Спасибо!
Я им книгу подписал.

Как друг с другом расквитались,
Стали, как друзья, на «ты».
Прикопаться не пытались.
Благородные менты.

Во дворе темно и тихо.
Спит многоэтажный дом.
Свет в окне одном: портниха
Занята своим трудом.

Сквозь ушко иголки ниже
Нити жизненных дорог.
На машинке «Зингер» пишет
Строки вдоль и поперек.

6

Не ждала. Но губки, глазки
Моментально подвела.
И, moi чтоб слушать сказки,
Бросила свои дела.

Сказки текстов не имели.
Но имели жар и пыл.
Вечность длилась три недели.
А коньяк нетронут был

И цветочки не завяли,
Вызывая «ох!» и «ах!».
А стояли на рояле,
А рояль стоял в кустах.

Не кусты, а лес. Картина.
На стене висит давно.
Не рояль, а пианино.
Не играет все равно.

7

В пиджачок, пошитый лихо,
Не рвалась моя душа.
Ведь не только как портниха
Дама дома хороша.

Жить умеет без печали.
Не умеет без огня.
С нею мы не отличали
Трудоночь от трудодня.

Средства связи отключили.
И не ведали о том,
Что в Москве в те дни мочили
Демагоги Белый дом.

На людей нацелив пушки,
Кат указы издавал.
Александр Сергееч Пушкин
Милость к падшим призывал.

8

Покрывался черным дымом
Над столицей небосвод.
Шел в Отечестве родимом
Девяносто третий год.

Репортаж прямой с расстрела
Высшей власти всей страны
Вся страна моя смотрела –
Я смотрел другие сны.

*Тратил много сил здоровых
В полночь, в полдень, на заре.
И во сне не видел новых
Революций в октябре.*

*Видел красных листьев пламя.
Ощущал огонь в крови.
И носил пиджак как знамя –
И Державы, и Любви.*

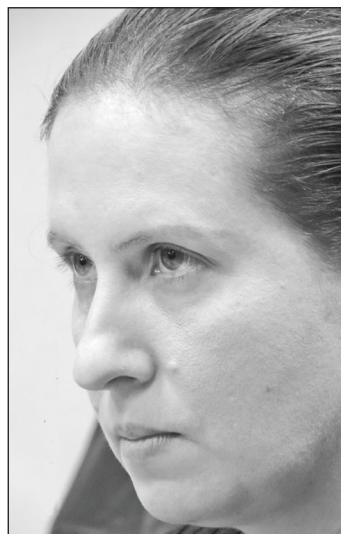
**Поздравляем известного поэта Иосифа Куралова с 70-летием!
Желаем здоровья и творческого долголетия!**

И. Куралов на Матвеевских чтениях в Ижморке. 2007 г.

**Наталья
МАКЕЕВА**

СОБЫТИЕ

*Посвящается специальной
военной операции*

*Мы возвращаемся в Историю –
Всему на свете вопреки.
И нам кричат, что нет, не стоило
На битву поднимать полки.*

*Мы снова стали неудобными,
Мы снова встали в полный рост!
Берем свое, родное, кровное.
Наш выбор радикально прост:*

*Собрать разбросанные камни,
Собрать себя из тех руин,
В которых мы, казалось, канули,
Где ты – один и я – один...*

*Но, рождены земли просторами,
Где бродит вольная гроза,
Мы возвращаемся в Историю
Сказать свое большое «Да!».*

КИЕВСКИЙ ВОКЗАЛ

*Давай пойдем на Киевский вокзал,
С которого нам в Киев не уехать...
Мне кое-кто сегодня рассказал,
И смысла нет держать в большом секрете,*

*Что Киев – наш, осталось только взять,
Что нас там ждут с надеждой и тревогой.
С надеждою на вежливую рать,
Тревогою, что ждать придется долго.*

*Прекрасный, бесконечно русский град
Под властью обезумевшего сброда.
И кто теперь доволен, кто же рад,
Что обернулась бойнею свобода?!*

*Да, мы придем, как много лет назад –
Под ветра вой и шорохи лесные,
Ведь тысячи и тысячи солдат
Приказа ждут отправиться на Киев.*

*На Киевском вокзале, как всегда,
Лишь постоим мы у табло большого.
Не наши уезжают поезда.
Но... подождем немного. Наши – скоро!*

36

МАКЕЕВА Наталья Владимировна родилась в 1975 году в Москве. Окончила Литературный институт им. М. Горького. Автор двух сборников прозы и одного поэтического. В 2014 году поддержала возвращение Крыма в состав России и борьбу народа Новороссии против киевских нацистов. Член союзов писателей России и писателей ДНР. С 2015 по 2021 год более десяти раз посещала территории ДНР и ЛНР. Поэтический сборник Н. Макеевой «Векторный лотос» был полностью изготовлен в Донецке, презентации прошли в Харцызске, Горловке, Донецке. В 2022 году поддержала признание Россией народных республик Донбасса и начало СВО. В июле с агитбригадой посетила Ростовскую область, где приняла участие во встречах с участниками СВО. Живет в Москве.

НА БЛОКПОСТАХ

На блокпостах – сиянье горних крыл
И крепкий чай, белесый от сгущенки.
Следы в седой теряются поземке,
И каждый след по-своему простыл.

Тревожный взгляд, неспешный разговор
Под дальний «шум» и шорохи степные.
Там ходит кто или метнулись крылья
И унеслись за старый террикон?

– Кто здесь? – Да тут стоял один,
Он родом, говорят, из Краснодона.
Пришел в чем был, отпет по позывному...
Вон за пригорком несколько могил.

А землю укрывает снегопад,
И белые куда-то едут фуры.
Продрогшие крылатые фигуры
На блокпостах заснеженных стоят.

ЖЕНЩИНЫ

Кому-то этого никогда не понять –
Этих женщин в пустынном военном городе.
В подвалах, в очередях за водой.
Здесь остающихся, выживающих впроголодь.

Здесь отличающих входящий от исходящего,
Детей рожающих под обстрелами...
А вы видели, как шутят, смеются они,
И себя не считают особо смелыми:

«Это наш город, мы никуда не уйдем.
Пусть эти уходят, мы их не звали!»
Дети собирают осколки в саду
И учат уроки при свете свечи в подвале.

И пока штурмуют границу толпы желающих
выехать,
Прочь бегущих с когда-то родных земель,
Вчерашняя школьница с чертами
иконописными,
Неумело крестясь, закроет собой колыбель.

В ОКТЯБРЕ

Туман играет тенью за окном,
И магистраль бессонная грохочет.

Мой город М. – он никогда не спит,
Он слишком стар, его усталость точит.

Так старики впиваются во тьму
Прозрачными, незрячими глазами,
Боясь забыться и уйти бродить
И заблудиться где-то между снами.

Я так давно не видела степи –
Бескрайнего, тревожного простора.
Там тоже, говорят, сейчас туман
И снег придет, наверно, до Покрова.

Мне пишут: «Неспокойно даже днем,
И с каждой ночью ближе фронт подходит.
Дрожат дома от близости такой,
И непонятно, кто и что отводит...»

Немееет степь под натиском зимы.
До лучших дней живое замирает.
Лишь тени над дорогами кружат,
В промозглом растворяются тумане.

НА ЛЕНТЕ...

На ленте, где встречаются миры
И брат не узнает при встрече брата,
История страны моей распята,
А новостные сводки так щедры

На правду и на ложь и на другое,
И кровь сочится в текста кружевах,
И здравый смысл тут терпит полный крах.
Бредет по свету выцветшее горе,

Оно ни стран не знает, ни времен,
Знамен не знает, старости и детства,
И этот мир лишается наследства
И валится в кошмарный новый сон.

На ленте, где встречаются миры,
Бредет машин тугая вереница.
Кто в пекло, кто пытается укрыться
И знать не хочет правила игры.

А правил нет. Жизнь порвана и смята.
История напишется потом.
Когда на пепелище новый дом
Построит брат, не узнающий брата.

Александр
ДАВИДОВ

ДОЧКИ-МАТЕРИ

Рассказ

1

Крупный пушистый снег падал с самого утра на шахтерский город, его крыши, деревья, мостовые и тротуары, накрывая всю округу, черную от вечной в воздухе угольной пыли, толстым белым одеялом. Снега много, вполне достаточно, чтобы слепить большого снеговика с морковью вместо носа и с пластмассовым, набекрень надетым ведром. Снеговик, гостеприимно распахнув ветви-руки, улыбаясь прочерченной в снежной голове улыбкой, встречал каждого, кто входил в отдельно стоящее здание темно-красного кирпича.

Это трехэтажное П-образное, казенного вида строение на самой окраине шахтерского города могло прикинуться чем угодно: казармой, периферийной больницей, даже исправительным учреждением. Но если вы подходили достаточно близко, то видели на крыльце группку детей в школьной форме, слышали приглушенный кирпичными стенами школьный звонок и понимали: перед вами определенно школа. Не просто школа, а школа-интернат, где лишившиеся родителей дети не только учатся, но и живут.

Валентина Сергеевна, учительница русского языка и литературы, подходила к месту своей работы всегда с опаской. Дело было в стае бродячих собак, собиравшихся у крыльца. Дети вы-

носили им недоеденные котлеты, гладили по косматым головам. У каждой собаки была своя, детьми даденная кличка, так что дворняги были не совсем бродячими, поскольку принимали детей за своих коллективных хозяев. Взрослых же собачья стая облаивала, очевидно, считала их посторонними, зашедшими на их собачью территорию. Собаки инстинктивно чувствовали, что настоящие хозяева здесь дети, что интернат их дом, где они не только учатся, но и обитают, взрослые же приходят сюда на время, отработать положенные часы и вновь удалиться.

Дети унимали собак, когда Валентина Сергеевна подходила к школе, и кричали ей:

– Не бойтесь, Валентина Сергеевна, проходите, не бойтесь!

Так было до недавнего времени, но новая директриса вызвала службу по отлову собак, после чего разгорелось что-то вроде небольшой войнушки, чему Валентина Сергеевна была невольным свидетелем. Ловцы собак прибыли на большой крытой машине с клетками внутри. Одетые в фуфайки и ватные штаны, вооруженные длинными палками с кольцами на конце, собачники – угрюмые мужики с недовольными лицами – едва принялись за дело, как вся школа, побросав уроки, высыпала на улицу. Дети кидались в них комьями земли, камнями и обломка-

ДАВИДОВ Александр Николаевич родился 31 марта 1958 года в Прокопьевске. Работал на заводе, служил в армии. Окончил Кемеровский государственный университет, факультет романо-германской филологии. Работал преподавателем английского языка. В 90-х руководил строительным кооперативом. В дальнейшем работал директором малого предприятия. Публиковался в журнале «Огни Кузбасса». Живет в Кемерове.

ми кирпичей; собачники угрюмо выполняли свою работу – ловили собак и тащили их к машине. А собаки никак не могли взять в толк, что происходит, и вместо того, чтобы убегать, бестолково метались по школьному двору.

До сих пор в ушах у Валентины Сергеевны детский крик вперемежку с собачьим лаем, перед глазами сцена этого побоища, а еще очкастое, искаженное испугом лицо директрисы, прильнувшей к стеклу своего кабинета на втором этаже.

После зачистки спаслись лишь двое – большой печальный пес Серый и маленькая Жулька. Лишившись остальной стаи, эти двое присмирели и даже не рычали, так что заходить в школу стало совсем безопасно. Больше собачников директриса не вызывала, решив оставить все как есть: две собаки все-таки не огромная стая, пусть будут.

Теперь, когда Валентина Сергеевна подходит к школе, Жулька разве что твякнет пару раз, а Серый вообще лежит и не поднимет от лап голову, лишь поставит торчком уши. У Серого обгорел до мяса бок и теперь постепенно заживает. Это семиклассник Володя Зеньковский выстрелил в него из поджиги. Используя навыки, приобретенные на уроках труда, соорудил Зеньковский из куска дерева, обрезка трубы и проволоки свое страшное оружие, зарядил взрывной смесью и металлическим мусором, а после решил испытать на ком-то живом.

«Зачем ты это сделал, Володя, зачем?» – пытали его директор с завучем, классный руководитель с воспитателем. Поочередно и все вместе допрашивали Зеньковского с благоговейным ужасом: что за изверг такой растет под их присмотром в интернате?

Но молчал Зеньковский, лишь тупо смотрел в пол. Бог весть, какие темные мысли бродят в его голове. И пса не убил, только бок ему обжег, и всеобщее осуждение заслужил. И предполагал ведь небось, что выйдет нехорошо, но раз уж засела ему в голову эта мысль – бабахнуть в живого пса, – не мог успокоиться, пока не исполнит.

– Валентина Сергеевна, зайдите ко мне на минутку, – перехватила ее в коридоре директриса.

– Что такое, Нина Ивановна?

– Да вы проходите, садитесь.

Директриса носила строгий костюм с большой брошью на лацкане и грозную, высокую, львиную прическу. Но Валентина Сергеевна подзревала, что, как бы ни старалась директриса

выглядеть грозной, она постоянно была чем-то испугана. Она боялась проверок и комиссий, анонимных жалоб и разного рода происшествий. Вот и сейчас, наклонившись через стол, глядя на Валентину Сергеевну в упор, глаза в глаза, она выглядела серьезной и испуганной.

– Вы знаете, у нас опять ЧП.

– Что случилось?

– Две ученицы 5 «В» класса – в котором вы, кстати, классным руководителем – сбежали.

– Кто?

– Света Боглачева, Таня Субботина. Заводила, конечно, Боглачева. Убегает, чтобы разыскать мать. В этот раз Субботину прихватила для компании.

Тон своего сообщения директриса старалась держать тревожным, но получалось у нее скорее буднично. Время от времени из интерната кто-нибудь убегал.

– Что теперь? – спросила Валентина Сергеевна.

– Как обычно. Сообщим в милицию. Как попадутся, их привезут к нам. Вы уж постарайтесь, заинтересуйте эту Боглачеву чем-то. Побеседуйте с ней по душам.

Вот как. Еще вчера эта Боглачева встречала ее на пороге с другими детьми и кричала ей:

– Не бойтесь, Валентина Сергеевна, проходите, не бойтесь!

А сегодня она сбежала. Хотя ничего не предвещало. С этими детьми всегда так.

Когда она устраивалась в интернат, директор сказал:

– А вы справитесь? У нас трудные, особенные дети.

А завуч при первом знакомстве поведал:

– Здесь дети отзывчивые, доверчивые. Они лишены родительской ласки и оттого тянутся к воспитателям и учителям.

Они оба были правы – и директор, и завуч. Дети действительно здесь трудные, беспокойные, но в то же время тянутся к тебе с навязчивым любопытством. Еще неизвестно, с чем труднее справиться.

Самая настырная как раз эта Света Боглачева. Остроносая, в веснушках, в больших, не по размеру, белых туфлях на каблучках, которыми она громыхает, когда идет отвечать к доске – неспешно, дабы не потерять своего, мелюзги с косичками, достоинства, настырно улыбаясь, задрав острый носик. Попросишь ее вытереть с доски – начнет водить по доске тряпкой страшно

медленно, улыбаясь каким-то своим мыслям или просто издеваясь над учителем. А еще этот ее вечный насмешливый вид, с которым она наблюдает за тобой со своей парты...

С чего вдруг она решила убежать? Только вчера вместе с остальными девочками она вырезала после уроков из бумаги снежинки. Валентина Сергеевна уже собиралась домой, когда Боглачева подошла к учительскому столу и стала разглядывать ее с насмешливым видом, будто знает про нее, Валентину Сергеевну, нечто такое тайное, стыдное. У девочки были подведены (довольно неумело) глаза и губы вымазаны чем-то красным. Под ее взглядом Валентина Сергеевна, как это ни глупо, чувствовала себя неудобно.

– Чего тебе, Света?
 – Хотела спросить.
 – Да?
 – Скажите, сколько вам лет?
 – Зачем тебе это, Света?
 – Интересно.
 – Двадцать девять.
 – Так много?
 – Сколько есть.
 – А муж у вас есть?
 – Нет, мужа нет.
 – А дети? Есть у вас дети?
 – Детей тоже нет.
 – Вы, наверное, слишком старая, чтобы иметь детей?
 – Нет, не слишком.
 – Вот у меня молодая мама. У нее много красивых платьев. Не верите?
 – Почему же, Света, верю.
 – Я скоро поеду к ней в гости, и она подарит мне свою фотографию. Я привезу вам ее показать.

Валентина Сергеевна хотела бы иметь дочку. Конечно, не такую, как Света Боглачева, – настырную, непослушную, развязную – да боже упаси! В мечтах Валентина Сергеевна ясно видела маленькую кроткую девочку с широко распахнутыми, желательно синими глазами. Истинным счастьем будет расчесывать ей волосы, заплетать косички, посадив к себе на колени, в то время как та будет называть ее мамой, задавать свои бесконечные «почему?» и забавно удивляться ответам. Расчесывать светлые вьющиеся волосы надо бережно, осторожно, чтобы не сделать ребенку больно. Хотя почему именно светлые? Не обязательно, чтобы были светлые. Вот

у физрука Виктора Петровича волосы темные. Ей все равно, пусть будут темные, как у физрука.

Она прекрасно понимает, что нет у нее ни хорошей фигуры, ни смазливой лица, чтобы нравиться мужчинам. У нее просто нет такой возможности – принимать от мужчин ухаживания и подолгу водить их за нос. Поэтому случилось то, что случилось. Виктор Петрович, неожиданно, ближе к ночи, заявившийся в комнату общежития, где она живет; початая бутылка крепкого вина, которую он достал из-за пазухи и поставил на стол; полчаса разговоров ни о чем, прежде чем он снял с нее очки и стал расстегивать блузку. Все произошло как-то быстро, неуклюже. У Виктора Петровича были жесткие пальцы, и от него неприятно пахло спиртным.

Впрочем, возможно, ему понравилось. С мужчинами никогда не можешь знать точно. Во всяком случае, прошло еще слишком мало времени, чтобы считать это не одноразовым сексом, а чем-то большим. Если он зайдет еще раз, то она будет готова. Приготовит ему роскошный ужин, будет смеяться надо всем, что бы он ни рассказал. Чего не сделаешь ради дочки, у которой будут темные, как у отца, волосы.

– Я написала стихи, – сказала Боглачева. – Хотите, покажу?

– Конечно.

Света принесла и открыла тетрадку. На линованной страничке была нарисована елка, рядом с ней две, очевидно женские, фигуры. Фигуры совершенно одинаковые, отличались лишь размером: одна была по пояс другой. Под рисунком были стихи:

*Белый, белый снег на землю ложица.
 Скоро будет Новый год,
 Будем петь, плясать и веселица.*

Валентина Сергеевна исправила красным карандашом ошибки и спросила:

– А кто это?

– Как кто? – сказала Боглачева. – Конечно же, я и моя мама. Разве непонятно?

2

Автобус, в котором ехали девочки, был набит битком. Было так тесно, что кондукторша не передвигалась по салону, а призывала оплачивать за проезд со своего места. Девочки забились в самый угол, так что их было не видно и никто не задавал им ненужных вопросов. Люди тесни-

лись, переступая ногами по слякоти на полу. Домашние дети, рассевшись на коленях у родителей, жевали, пачкая руки и губы, шоколадные конфеты. Женщина в светлой шубе и шапке держалась за поручень рядом с девочками. У нее были иссиня-черные волосы, изящное ушко с золотой сережкой, карие глаза с длинными ресницами, на выглянувшей из рукава шубы голой руке, что держала поручень, розовые ногти. Женщина была так красива, что толпа в автобусе боялась ее потеснить и создавала вокруг нее немного свободного пространства.

— Моя мама, — восхищенно шепнула Света на ухо подруге, — моя мама такая же красивая. Вот увидишь.

Они вышли в самом центре города, где на площади уже стояла увешанная игрушками елка, красовались вылепленные из снега фигуры и ледяная горка. Непрерывным потоком поднимались на горку дети и скатывались вниз. Света с Таней побежали к горке, вскарабкались наверх, покатались, присев на корточки и вцепившись друг в дружку, но не удержались и опрокинулись, создав с другими детьми кучу-малу. Было весело. Вскочили и побежали прокатиться снова, потом еще и еще.

— Когда же мы пойдем к твоей маме? — спросила Таня, когда они накатались. — Ты обещала!

— Сейчас пойдем. Мне только надо вспомнить, где она живет. Где-то в этих домах.

— А почему она к тебе никогда не приезжает?

— Она меня забыла. У нее что-то с памятью. Это болезнь такая. Но когда она меня увидит, то сразу вспомнит, вот увидишь.

— Есть хочется, — сказала Таня. — Обед сейчас в интернате.

— Ладно, — сказала Света, — пойдем со мной.

Они подошли к входу в магазин. Света стояла рядом с дверью и что-то спрашивала у каждого, кто входил и выходил. Люди отворачивались, мотали головой, но некоторые клали монетку в протянутую Светой ладонь. Потом Света зашла в магазин, а вышла оттуда с двумя булочками с повидлом. Девочки ели булочки тут же, у магазина, когда из дверей вышел домашний мальчик с мамой и устался на них. Света показала ему язык. Мама увела мальчика, держа его за руку. На ходу он обернулся. Света показала ему язык еще раз.

Между тем быстро темнело, зажглись фонари; от снующих туда-сюда прохожих потянулись длинные тени. Девочки шли улицами и переул-

ками, заходили во дворы домов. Зевы подъездов, хлопая дверьми, поглощали возвращавшихся с работы к своим семьям. Ярким теплым светом зажигались окна; то здесь, то там на стеклах играл синий свет от включенных телевизоров. Много домов, много квартир в домах, где шла обычная домашняя жизнь.

— Где же, где же дом, в котором живет твоя мама? — спросила Таня. — Я устала. И холодно. И есть снова хочется.

— Где-то здесь, — сказала Света, — совсем рядом. Просто я никак не могу вспомнить.

— Не можешь вспомнить? Но ты же обещала!

— Пойдем, — сказала Света. — Кажется, этот. — И зашагала к одному из ближайших домов.

Девочки зашли в подъезд, поднялись на второй этаж. Немного поколебавшись, Света решительно подошла к одной из дверей и позвонила.

Дверь открыла женщина с седыми волосами, в вязаной шали на плечах.

— Здравствуйте, — сказала Света.

— Здравствуйте, — сказала женщина удивленно.

— Скажите, Надежда Боглачева здесь живет?

— Нет, здесь я живу. Даже не знаю никого с такой фамилией.

— Мы ищем Светину маму, — сказала Таня, — она живет где-то в этом доме.

— Ты не знаешь, где живет твоя мама? — удивилась женщина. — Это странно.

— Понимаете, — объяснила Света, — я была очень маленькой, когда мы жили вместе. Вот почему я не могу сейчас вспомнить точно, где она живет.

— Это очень странно, — сказала женщина и внимательно, с ног до головы осмотрела девочек. — Да вы же совсем замерзли! Проходите, раздевайтесь. Будете суп? Чай с печеньем?

Девочки сидели с седовласой женщиной за столом, ели суп, потом пили чай из необычных синих чашек с золотой каемкой, ели варенье из стеклянной вазочки. Света с Таней крутили головами, рассматривая квартиру, в которую попали, им здесь очень нравилось. Свисающие треугольником с комода и серванта кружевные салфетки, фарфоровые статуэтки, тикающие часы на стене. Было уютно, хорошо, по-домашнему. Рыжая, с белыми пятнами на лбу и груди кошка подошла к столу. Девочки, свесившись со стульев, стали ее гладить по голове, чесать ей за ушами.

— А кто это? — спросила Света, указав на висевшую над столом в аккуратной рамочке фото-

графию, с которой улыбалась девочка примерно одного с Таней и Светой возраста. – Наверное, это ваша внучка?

– Дочь, – вздохнула женщина. – Только она давно выросла и живет теперь в другом городе. Нет уже этой девочки на фотографии, она давно взрослая, а мне нравится думать, что она все еще маленькая, и ластится к матери, и слушает ее советы. Детям, когда они вырастают, – добавила с горечью женщина и коснулась шалью уголков одного и другого глаза, – становятся не нужны матери. Не приедут, не позвонят. Открытка на Новый год да на день рождения – это все, что можно от них ожидать.

– Вот я никогда не брошу свою маму, – сказала решительно Света, – даже когда вырасту. Мне только надо ее найти.

– Где же все-таки живет твоя мама?

– Где-то здесь, в этих домах. Быть может, в соседнем подъезде. Мне надо ее разыскать, понимаете?

– Понимаю, – печально кивнула женщина с седыми волосами и стала рассматривать девочек.

Одеты в одинаковые платья и кофты, одинаковые колготки. Крутят головами, с интересом рассматривая обстановку, болтают ногами, гладят кошку. Судя по всему, очень довольны, что так удачно попали в гости и теперь сидят в тепле, едят печенье с чаем.

– Подождите меня, девочки, я сейчас, – сказала женщина и пошла в соседнюю комнату, к телефону.

3

– Боглачеву привезли! – разнеслось по интернату.

Дети высыпали на улицу, чтобы посмотреть, как двух беглянок выгружают из милицейского «уазика». Боглачева победно улыбается и задирает нос.

– Все-таки нехорошо, что она убегает, – сказала Валентина Сергеевна завучу; они наблюдали за представлением из окна учительской.

– Что уж хорошего?

– Надо же что-то с этим делать. Поговорить с ее матерью, пусть хоть изредка навещает дочь. Или, что еще лучше, забирает ее по праздникам.

– О чем вы, Валентина Сергеевна? Конечно, вы недавно у нас работаете, чтобы знать. Нет у нее никакой матери. Девочка просто фантазирует. Представьте себе, еще в первом классе раз-

добыла где-то фотографию одной известной артистки, всем ее показывала и уверяла, что это и есть ее мама.

Одетый в гражданское милиционер, привезший девочек, зашел в учительскую – подписать необходимые бумаги.

– Выпьете чаю? – предложила Валентина Сергеевна.

– Не откажусь.

Милиционер был совсем молодым, лет двадцати – двадцати пяти, белобрысым, с мелкими, но правильными чертами лица. Чай он пил тоже мелкими, аккуратными глотками.

– Скажу прямо, – сказал он. – Тем, кто работает в этом интернате, надо памятник поставить.

– Да? Это за что?

– Это же такой контингент, с которым вы работаете... Это настоящие чертята, а не дети. В прошлом году трое ваших сбежали, прямо посреди зимы, жили в канализации. По ночам грабили киоски в округе. Все наше отделение стояло на ушах, пока мы их не нашли и не вытащили из канализационного люка, чумазных с ног до головы. Вот, скажите, что им не живется в интернате? Кормят, поят, одевают. Учат, наконец. Чего им не хватает? Не понимаю.

Валентина Сергеевна пожала плечами и вздохнула:

– Наверное, чего-то им все-таки не хватает.

У милиционера были голубые светлые глаза, что делало его взгляд по-детски наивным. Хорошо, когда такие глаза и взгляд бывают у совсем маленькой девочки.

«Этак свихнуться можно, – упрекнула себя Валентина Сергеевна, – если, оценивая каждого встреченного мужчину, прикидывать, какие от него получатся дети».

К тому же он слишком молод, чтобы она могла на что-то надеяться. И нет ни малейших признаков того, что он смотрит на нее хоть чуть-чуть, но как на женщину, а не как на официальное лицо, работника интерната.

Милиционер допил чай и ушел. Валентина Сергеевна прошла к себе в класс. На уроке две беглянки, Боглачева с Субботиной, были в центре внимания одноклассников и чувствовали себя героинями. Боглачева горделиво улыбалась, вздернув свой носик. Верно, считала побег из интерната чем-то вроде подвига.

– Света Боглачева, останься, – сказала Валентина Сергеевна после урока.

Боглачева подошла к учительскому столу. Смотрит заносчиво, насмешливо улыбается.

– Послушай, Света, что я хочу тебе сказать, – осторожно начала Валентина Сергеевна. – Пойми: интернат, в котором ты живешь, это и есть твой настоящий дом. Здесь твои сверстники, с которыми ты живешь и учишься. Здесь воспитатели и учителя, которые о тебе заботятся. Разве тебе здесь плохо? Зачем гоняться за пустой выдумкой?

Лицо девочки исказилось в злую гримасу.

– Вот сами и живите в вашем курятнике! Ваш интернат – это курятник, понятно? А мама моя никакая не выдумка, я ее найду и буду жить с ней!

– Зачем ты так, Света? Про свой интернат?

– Курятник! Курятник! Курятник!

Оставшись одна, Валентина Сергеевна стала рассеянно собираться домой. Что ж, она, как просила директриса, поговорила с Боглачевой, только толку от этого мало.

Любовь и забота, которые приходится излучать на интернатских детей за зарплату, все же никогда не сравнится с родительской любовью и заботой. Да она и работать бы не смогла, если бы принимала все слишком близко к сердцу. По-немногу черствеешь, сталкиваясь с чем-то подобным каждый день.

С другой стороны, кто бы ее пожалел. Вот уже несколько дней до Нового года, а ничего не происходит. Физрук, встречаясь с ней, просто

здоровается и проходит мимо. Это было так глупо – надеяться на то, что он пригласит ее праздновать Новый год вместе, в своей компании. Все-таки пора признать, что с его стороны это был одноразовый секс, что называется, «без обязательств». Похоже, опять придется, чтобы не оставаться на Новый год одной, ехать через весь город к старшей сестре, праздновать вместе с ее мужем и детьми, делать вид, что она празднует с ними только из-за особо теплых родственных чувств. Самое противное, что сестра непременно опять скажет что-то вроде: «Валечка, когда же замуж? Ведь пора, давно пора. Твоей сестре хочется наконец увидеть маленьких племянников!»

Как будто это зависит только от ее, Валентины, желания.

Валентина Сергеевна машинально взяла из стопки тетрадей тетрадь Боглачевой, открыла на странице с рисунком.

Белый, белый снег на землю ложится.

Скоро будет Новый год,

Будем петь, плясать и веселиться.

У елки две женские фигуры, мама с дочкой, держатся за руки, на плоских лицах червячки улыбок.

За окном все падал снег. Валентине Сергеевне немного, совсем чуть-чуть, хотелось плакать.

Юрий
ТАТАРЕНКО

БЕГУ В БЛОКНОТ ОТ ТЕЛЕНОВОСТЕЙ

ВИДЕНИЕ

Мы помиримся тихо, как мирятся ветки.
А потом – ураганно, как в фильмах
для взрослых.
В принесенной с работы рекламной газетке
Ты прочтешь про Шукинские чтения
в Сростках.
Я успею посуду помыть за собою.
А потом ты из комнаты выйдешь нагая...
А наутро мы в детской поклеим обою.
И прошепчет твой сын, что они
вверх ногами.

ДВА УТРА В КАЗАНИ

Башням и стенам кремлевским идет седина.
Как-то на ум не приходит плевать с колоколен.
Волга к туристам, похоже, одна холодна.
Нежно фонтаны журчат: что, попался, соколик?
Даже в немых переулках столичный размах.
Архитектура – колода с одними тузами.
Сутки в Казани легко провести на ногах.
Трудно потом уезжать без стихов о Казани.

ОДИНОЧКА

Вроде жив. И вроде бы здоров.
На тарелке что-то вроде счастья.

Дождь прошел. Предбанник полон дров.
Все в порядке. Но не обольщайся.
Чемпионский список утвержден.
Гравировка есть на лунном диске...
Ты поэт – а значит, осужден
На стихи без права переписки.

ЭВОЛЮЦИЯ

Три капли неба выжать из стихов,
Забить в девятку, отслужить в десанте,
Заткнуть за пояс Вильяма и Саню
Всегда казалось парой пустяков!
И в прошлой жизни (классе так в восьмом)
Мы все хиты играли в ля миноре...
Бутылка рома, брошенная в море,
В конце концов становится письмом.

ГОСТИНИЦА «СПОРТ»

Кефир не утолит печали,
По утверждению тоски.
Боксеры прячут под перчатки
Невызревшие кулаки.
Предзимье. Дождь. Гордиться нечем.
Тоска, тоска... И черт бы с ней!

ТАТАРЕНКО Юрий Анатольевич родился в 1973 году в Новосибирске. Член Союза писателей России. Лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов в Москве, Одессе, Симферополе, Ярославле, Калининграде, Санкт-Петербурге, Кирове, Томске, Туле, Костроме, Уфе, Мурманске, Полоцке, Льеже. Победитель поэтических турниров в Красноярске, Томске, Новосибирске, Коктебеле, Севастополе. Автор 12 книг стихов. Публиковался в литературных журналах России, Украины, США, Германии: «Арион», «Нева», «Новая Юность», «Юность», «Литературная учеба», «Кольцо А», «Наш современник», «Зарубежные записки» и др. Живет в Новосибирске.

Уже торопятся навстречу
Стихи, одетые в людей.
И в каждом – жизнь, отвага, сила,
И прошептать давно пора
О том, что с нами завтра было
И что еще нас ждет вчера.

ПРИВАЛ

Мне хорошо с тобой и без тебя,
Мой листопадный дорогой товарищ...
Покрошишь сахарку для муравья
И чай покрепче в котелке заваришь.
А голубое небо октября
Напитывает лес осенним светом...
И станет ясно, что живешь не зря
И что напрасно сомневался в этом.

СТОП-КАДР

Бегу в блокнот от теленовостей.
Хватаю ручку – чувствую, бледнею...
Стихи – язык неслыханных страстей,
Не понимать его мне все труднее.

Поэзия – ночное колдовство.
Как в кружевах искусной мастерицы,
В стихах живет предчувствие того,
Что жизнь пройдет и снова повторится.

Не перейти с поэзией на «ты».
Блокнот закрою. Что-то лихорадит...
Стихи живут – во имя красоты.
И даже Бог живет не нас ли ради?

ДЕНЬ ЗНАНИЙ

«Я кто тебе?» В ответ заминка.
«А листьям неба не хватает...»
На наших летних фотоснимках
Влюбленность первой выцветает.
Письмо в неровных восемь строчек
Уже в костре за голубятней...
И жизнь на облако короче
И на глоток вина понятней.

ЗАСТЕНЧИВАЯ ПЕСЕНКА

Я приглашаю вас на листопад,
Нет, не на танец – что вы, в самом деле?
Я вас не видел долгих две недели,
И новой встрече я безумно рад...

Я приглашаю вас на снегопад
В субботу днем – оденьтесь потеплее.
Я что-нибудь прочту из Апулея,
Поскольку Кант немного скучноват...

Я приглашаю вас на ледоход:
Там все бунтует против будней серых,
Там льдины уменьшаются в размерах,
Но все же продвигаются вперед...

Я приглашаю вас... к себе домой –
Сказать три слова, коротко и честно.
Но если вам захочется исчезнуть –
Исчезну я. Навек. Но, боже мой...

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ ВЕРЛИБР

Живу недалеко, одна остановка на такси.
Приезжайте скорее, мне очень на дом!

Ольга
СОЛОДОВНИКОВА

ОТЧАЯННЯ МОТИВ СОРОКОВОЙ ЗИМЫ

* * *

Лишь яблоки глазные фонарей
Блестят, как после пары стопарей,
И бредят пьяно: нужно, мол, скорей
Убраться из провинции паскудной.
Ночной пейзаж привычней и страшней
Отсутствием источника теней.
Таксисту подпевает Headway,
Как улица, внутри меня безлюдно.
В наследстве имя да дурная кровь.
И сколько в адрес Бога ни злословь,
В Него кричу – Он поднимает бровь,
Он терпелив, но с пубертатом трудно.
А пубертатной дуре тридцать семь.
Менять реальность – бегать в колесе.
Грехов за жизнь – коробка монпансье.
Чем ближе Суд, свое роднее тело.
С работы – до квартиры и в постель
Его уронишь. Засыпает зверь,
Тоскующий о воле. Только дверь
В нее открой – уляжется несмело
На выходе непрочной клетки тела...

ПУПОВИНЫ

С новым солнцем на снег протекает война,
И сочится сквозь пальцы деревьев она
На планеты костлявую спину –
По-звериному грызть пуповину
День за днем.
Век за веком.
Вспухает восток
Алой розой.
Стучит и скулит молоток,
Прибивая к смиренью гвоздями
На оплаканный крест матерями.
Полыхают под утро на небе костры.
И кресты, и кресты,
Топоры так остры!
Сын за сыном.
Смиренно – за рядом ряд.
Пуповины не рвутся.
Кричат и кровят.

76

СОЛОДОВНИКОВА Ольга Васильевна родилась 31 августа 1981 года в Прокопьевске. Окончила два курса исторического факультета Томского государственного университета и Новокузнецкую педагогическую академию. Участница литературных семинаров в Ленинске-Кузнецком и Бугуруслане. Публиковалась в альманахах «Кольчугинская осень» и «Образ». Автор книги «Идущая на жизнь» (2016). Член Союза писателей России. Живет в Прокопьевске.

* * *

Снег шел войной на полдень.
Самый обычный полдень.
В чистом, на смерть, исподнем
Мир завершал свой круг.
Это логично очень.
Это обидно очень.
Был перевод неточен
Звуков в движенье рук.
Звуки любовь шептали,
Люди любовь хлестали,
И Тот, Кто был вначале,
Снегом расплакался вдруг,
Выпустив мир из рук.

* * *

Пасмурный день сурка. Уличная собака,
Так же как век назад, брюхом тревожит пыль.
Так же как миф назад, с кличкой чудной –

Итака –

Помнит черты того, кто без нее уплыл.
Небо живет в глазах, ходят трамваи важно.
Небо мудрей людей. Утро, собака, я
Вместе молчим о том, что умирать

не страшно,

Страшно лежать в пыли вечность.
И ждать тебя.

* * *

Навязчивый мотив скользил туда-сюда
По патоке ночной, тревожа звездный улей.
И рубцевалась льдом крещенская вода.
Любимых имена шипели словно угли.

И стая птиценот, замерзших и немых,
Гнездилась на губах – любви касаний вместо.
Отчаянья мотив сороковой зимы
Меж нами дрейфовал. Красиво. Бесполезно.

* * *

По тяжелой воде меряют жизнь водомерки.
Загорелое детство, вспотев от примерки,
Майку, шорты наденет. И галстук на шее.
Выдыхает горнист – собирайся скорее
На зарядку. Под пятками плавится солнце.
И с мостков осторожно к тебе прикоснется
Круговое родство на подушечках пальцев.
Оживает вода. И серебряным танцем
По изнанке небес водомерки кружатся...

* * *

Опять ломаю о воздух крылья.
И навык падать – полет, по сути, –
Отточен так, что на снежной пыли
И отпечатка меня не будет.
И набухает зрачком бездомным
Желанье дома. Хождение в люди
Лицом о стену. Бетонной комой
Любовь чревата. И слез не будет.
Едва ступеньки прощально скрипнут,
В пернатый воздух непрочной грудью
Ложусь. И снится, как птицы гибнут.
В твоём бесптичье – меня не будет.

**Александр
КАТКОВ**

ПРЕКРАСНОЙ НЕЗНАКОМКЕ

Из неопубликованных стихов

* * *

Она вошла, благоухая
духами, запахом листвы,
как обещанье сна и рая
для этой буйной головы.

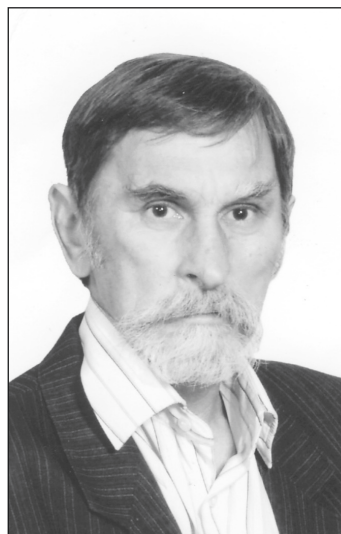
Воительница и царица,
любимая, коль знали б вы,
как долго будете мне сниться,
как не сносить мне головы!

И кажется, пред всей Вселенной
я выдохну: «О боже мой!»
На ваши чуткие колени
склонюсь повинной головой.

* * *

Что может быть лучше февральского
снега,
последнего снега, прощального снега
в оттаявшем и просветлевшем окне,
когда ты уже приготовил к побегу
себя наконец к долгожданной весне,

когда это снова и снова нагрянет
через всю вселенскую к нам кутерьму,
и так долгожданно, радостно станет,
что не поверишь себе самому.

Входи в этот дом без ключа в мои двери
среди несусветной моей маяты!
И выдохну снова и снова поверю:
«О господи, это весенняя ты!»

* * *

Не вошла, а просто влетела
и затеплила келью мою
своим жестом, улыбкой, телом,
так что замерло на краю

мое сердце заиндевелое
среди холода и пустоты...
Ну и что с ним теперь поделаю,
если рядом красивая ты?

Вот и все. Эта дивная, грешная
будет помниться в сердце моем,
так нечаянно отогревшая,
улетевшая за окном.

ЖЕНЩИНА В БАБЬЕМ ЛЕТЕ

Ты уходишь так осторожно,
что уже никогда не вернуть
и окликнуть уже невозможно
на прощальный, последний путь.

КАТКОВ Александр Иванович (1950–2021) родился на хуторе Зайцево Ставропольского края. Поэт. Учился в Пятигорском институте иностранных языков. Продолжил учебу в университете им. Карла Маркса в Лейпциге (Германия). Защитил дипломную работу на факультете германистики. Служил в ракетных войсках в Прибалтике. Работал переводчиком, преподавал немецкий язык в вузах Кемерово. Автор поэтических книг «Синие ставни», «Чаша», «Ветер славянства», «Путь на Итаку», «Сирень». Жил в Кемерове.

Эти листья сыплют беспечно
посреди моего сентября,
но к порогу любимая женщина
приходила все же не зря,

чтобы выдохнуть: «Где ты, где ты?»
Головенку свою преклоня,
на крылечке бабьего лета:
«Как ты будешь жить без меня?!»

Так и буду, конечно же, буду –
посредине юдоли земной,
на вселенском краю, покуда
голос твой дрожит надо мной.

«Никогда не забуду на свете,
до последнего вдоха храним,
в зацелованном бабьем лете
ты всегда оставался моим...»

* * *

В пору первого листопада
небосвод так волнующе чист,
и тихая на сердце отрада –
видеть первый расцвеченный лист...

Сколько неги и сколько света,
и волнуется вновь душа,
когда листья бабьего лета,
чуть подрагивая, кружат.

Но среди листьев этих круженья,
как и в прежние годы, опять
понимается как откровенье
дня рождения благодать.

Пусть невзгоды проходят мимо,
сгинут беды в огне и зле...
Будь же счастлива и любима
среди нас на этой земле!

* * *

Тополиная пурга
замела следы,
запорошена Юрга,
где же ты?

Обозначься, сделай дар
на мгновение,
и заброшу я тогда
все творения,

все бессонные слова
и заклатья.
Слава богу, ты жива,
в летнем платице.

Хорошо, что ты пришла
откровением,
и воспрянула душа
в удивлении.

**Валерий
БОТАЛОВ**

СОЛНЦЕ НАД МОИМ ДОНБАССОМ

Военная драма

2014 год. На Донбассе гражданская война. Молодой донецкий поэт уходит на фронт, заменив в строю недавно погибшего отца...

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Алексей Лермонтов, поэт, рядовой армии ДНР.

Мария Михайловна Лермонтова, мама Алексея.

Иван Иванович Ракитин, капитан армии ДНР.

Эля Тутаринова, медработник армии ДНР.

Максим Гринев, сержант армии ДНР.

Борислав Прибудько, рядовой армии ДНР.

Лорд (Стефан Колчинский), командир диверсантов батальона «Азов»*.

Вара, диверсант батальона «Азов».

Микола Прибудько, диверсант батальона «Азов».

АКТ ПЕРВЫЙ

1.

В углу темной комнаты небольшой стол, на котором лежат разные бумаги и установлен стационарный телефон. Возле стола два стула и широкая длинная лавка. На ней неподвижно сидит Р а к и т и н. Луч света выхватывает его фигуру.

* Запрещенная в России террористическая организация.

Р а к и т и н. Здравствуйте. Меня зовут Иван Иванович Ракитин. Я действующий капитан армии Донецкой Народной Республики. А поскольку мы люди военные, то перейду сразу к делу... Финал истории, которую мы вам сегодня расскажем, во многом повторяет реальную жизнь. И пусть мы изменили имя и фамилию ее главного персонажа, это никак не отменяет всей героической сути данного события... Да и вся такая история вполне могла произойти на нашей многострадальной земле. Поэтому смотрите и слушайте, а главное, думайте.

Слышится отдаленная артиллерийская канонада.

Думайте. Ибо любая война – это прежде всего повод задуматься над тем, почему и во имя чего она произошла.

В комнате включается свет.

Ракитин поднимается с лавки и, взяв один из стульев, садится за стол.

На дворе стоял 2014 год. В это время на Донбассе шли ожесточенные бои между войсками армий ДНР и ЛНР и вооруженными силами постмайданной Украины.

Ракитин берет в руки бумаги и начинает сосредоточенно рассматривать их.

Звонит телефон на столе. Капитан снимает трубку.

Слушаю... И вам добрый день... Что? Говорите громче! А то я ничего не понимаю из-за этих трещоток!.. Да, это мама моего бойца... Я знаю, что не положено. Однако в порядке исключения

БОТАЛОВ Валерий Николаевич родился в 1974 году в Туринске (Свердловская область). Является штатным и внештатным литературным сотрудником нескольких ютуб- и дзен-каналов, для которых пишет культурно-политические обзоры, спортивную аналитику, художественные и юмористические рассказы. Автор десяти пьес, одна из которых («Новогодняя дача») поставлена Самарским драматическим театром «Арка». Живет в Екатеринбурге.

прошу пропустить ее ко мне... Слушайте, подпоручик! Вам что, письменное разрешение от меня нужно? Пропустить, говорю! Да, под мою личную ответственность! Вместе с пакетом пропустить! Выполняйте!

Капитан кладет трубку и трет лицо руками. Несколько мгновений задумчиво смотрит вдаль, после чего причесывает ладонью волосы и возвращается к бумагам. Достав из кармана шариковую ручку, что-то отмечает ею в документах. В это время заходит Мария Лермонтова. В руках женщины довольно объемный пакет. Ракитин не видит гостью, и она тихо подходит к офицеру.

Мария. Здравствуйте, Иван Иванович. А я думала, что в современной армии командиры бумагу уже не пишут.

Капитан поднимает голову, и его лицо озаряет широкая улыбка.

Ракитин. Ха-ха. Здравствуйте, Мария Михайловна. *(Встает из-за стола и поправляет форму и прическу.)* Пишут. Еще как пишут! Я вообще думаю, что армейская канцелярия останется с нами на веки вечные. Хотя сейчас я занимаюсь вполне приятным делом.

Мария. Это каким же? Если не секрет.

Ракитин. Да вот. Надо бы наградить хоть чем-то особо отличившихся бойцов. Так сказать, для поднятия воинского духа! А вы, как я погляжу, опять их решили пирожками раскармливать?

Мария. Да. Принесла вам немного своей выпечки.

Ракитин. О да! Я чувствую ее приятный аромат даже своим заложенным носом! Ох и балуете вы их, Мария Михайловна, такими мучными деликатесами! Ох и балуете! Зажрутся ведь, пижоны, и спать начнут на постях.

Мария. Так школу же закрыли, Иван Иванович. Что мне еще делать одной? В четырех стенах. Даже поговорить не с кем. Обещают, что скоро по интернету продолжим преподавать. Но это когда еще будет. У меня ведь и компьютера пока что дома нет. Поэтому и занимаюсь домашними хлопотами. Еще и ремонт после обстрелов иногда делаю. А потом пирожкистряпаю. Вы меня простите, если я вас от дел важных отвлекаю. Мне бы только Алексея повидать. Хотя бы одним глазком. Месяц ведь уже почти не разговаривали.

Ракитин. Ну что вы, Мария Михайловна! Я совсем не против ваших визитов. Тем более что они довольно редкие. А мы, армейские, вообще любому подкреплению нынче рады. Только дайте мне, пожалуйста, еще одну минуту. Я закончу с бумагами, и потом сразу же навестим моих без-

дельников. Они как раз сегодня после легкой прогулки отсыплются. Вы присаживайтесь, что стоите здесь как неприкаянная? С таким вкусно пахнущим грузом. Как живете-то хоть? В наше нелегкое время. Помимо кухонных забот?

Ракитин придвигает к женщине стул, и она присаживается на его краешек, поставив пакет с пирожками на колени. Капитан же снова садится за стол и начинает подписывать бумаги.

Мария. Нормально я живу, господин капитан. Грех жаловаться. Нарядов себе никаких сейчас не покупаю, а с питанием у меня все прекрасно. И гуманитарку получаю, и денег немного дают. Да мне разве много надо? За другое душа болит постоянно, Иван Иванович. Единственного же сына доверила под ваше начальство. Папу и мужа уже похоронила на этой проклятой войне. Алешка только и остался теперь из близких.

Ракитин. Я знаю вашу историю, Мария Михайловна.

Мария. Не хотела ведь его отпускать. У него же отсрочка на полгода была. По состоянию здоровья. Но он и слушать меня не стал. Надо, говорит, обязательно дело отца закончить. А какой из Алексея вояка? Он даже драться никогда не умел. Весь в деда пошел. Интеллигент близорукий. Он же все детство за книгами провел. Как сейчас помню, что в первом полугодии первого класса мой сын взял в нашей библиотеке 47 изданий. Представляете?

Ракитин. Представляю. Ха-ха. Я, наверное, за всю жизнь столько книг не прочитал.

Мария. Вот я и говорю. Какой из него солдат? Если он до этого только стихи писать умел. Сидя под луной на подоконнике.

Ракитин. Ну что вы, уважаемая. Ваш сын вполне достойный боец. Голова у него светлая, и ноги выносливые. А то, что он застенчивый слегка, так это не беда. Военное время такой недостаток быстро исправит.

Мария. Может, и нормальный. Только я теперь спать не могу спокойно по ночам. Лезут в голову всякие мысли плохие.

Капитан сворачивает одну из бумаг и кладет в карман.

Ракитин. Ничего, Мария Михайловна. Разобьем скоро бандеровцев и заживем прежней, мирной жизнью. Потерпите немного, а мы сделаем все, что от нас зависит.

Мария. Скорей бы уже, Иван Иванович.

Ракитин. Ну что вы так официально? Называйте меня просто по имени. Вы же лицо гражданское. К тому же еще и женщина красивая. Поэтому вам можно.

М а р и я. Вы меня смущаете, господин капитан. А вы почему ко мне так официально?

Ракитин встает из-за стола и с улыбкой смотрит на женщину.

Р а к и т и н. Я-то? Кхе. Да я как-то по привычке. Ну что ж. Я закончил. Идемте.

2.

Сержант Гринев, рядовые Алексей Лермонтов и Борислав Прибудько отдыхают в комнате. Алексей сидит за столом и что-то пишет, постоянно поправляя очки. Лежащий на лавке

Гринев (он в тельняшке) вяло пощипывает струны гитары и напевает себе под нос незатейливую мелодию. Прибудько чистит автомат, с улыбкой поглядывая на товарищей.

Г р и н е в. Тихо-то как. Почти полный штиль над нами. Выстрелов даже не слышно.

П р и б у д ь к о. Ага. Це точно, Гриня. Добрий нам підвальчик товариш капитан вчора підігнав.

А л е к с е й. Совершенно с вами согласен, ребята. Я сегодня первый раз за этот месяц выспался.

Г р и н е в. Поэт, ты не поддакивай. Ты мне лучше текст давай для песни. Рыбья ты заноза. У меня же тема уже давно готова. А ты все веслами воздух загребашь.

А л е к с е й. У меня тоже почти все готово, товарищ сержант.

Г р и н е в. Почти или готово?

Алексей быстро дописывает последнюю строчку.

А л е к с е й. Готово.

Гринев садится на лавку и зевает.

Г р и н е в. Ну наконец-то. Читай давай быстрее, что ты там настроил. А мы послушаем.

Держа в руках небольшой листок бумаги, Алексей поднимается из-за стола. Выходит в центр комнаты и, смущенно кашлянув, начинает нараспев читать свои строчки.

А л е к с е й (*декламирует*). Когда вернусь я, будет тихий вечер... А летний зной уже сойдет на нет... И я тебя у дома снова встречу... И вновь скажу: любимая, привет... А после поцелую тебя нежно...

Г р и н е в. Стоп-стоп-стоп! Что за сухопутная ахинея, Леша? Ты патронов, что ли, бескапсюльных обьелся?

П р и б у д ь к о. А що, мені нравится. (*Закончив чистку оружия, вытирает руки тряпкой.*) Я свой зазнобе таке б з радістю розказав. Милодично.

Г р и н е в. Бориславик, тебе после работы в лесу любая попса за классику сканает. А петь-то я

как это буду? У меня же мотив совершенно другой! (*Бряцает по струнам.*) Я же шансон хотел Эльке сыграть! Понимаешь? С морским размахом. А тут про летний зной какая-то белиберда!

П р и б у д ь к о. А що тобі, Гриня, моя робота в лісу не нравится? В лісу хорошо. Там тишина и злых людей нема.

Г р и н е в. Слушай, ты, егерь мариупольский! Что ты все время лыбишься, как акула многозубая? Ты не разумеешь, что ли, что я готовую песню девушке обещал показать? Сегодня!

П р и б у д ь к о. А ти, Гриня, не злился, а просто інший мотив напиши. Під ці вірші.

А л е к с е й. Извините, товарищ сержант. Я что-то даже не спросил у вас про мотив. Разрешите, я переделаю все?

Г р и н е в. Да успокойся ты. Переделает он. Опять будешь два дня писать одну песню. И еще не факт, что настихоплетничаешь как надо. Лучше я сам быстрее сварганю под твой текст новую мелодию. Давай сюда свои строчки.

Алексей передает сержанту листок со стихами.

А после поцелую тебя нежно... И обниму, насколько хватит сил... И мы сольемся в танце безмятежном... Лелея Бога, что меня Он возвратил.

Глядя на стихи, Гринев задумчиво чешет щеку.

Ну, в принципе-то, ниче такая поэзия. Хоть и хрень, конечно, полная, но зато стройная. Думаю, нашей новой медсестричке все-таки это понравится.

П р и б у д ь к о. Ха-ха. Даже не сумнівайся, Гриня. Наша Элька від віршів в повном восторге. Памятаю, як Альоша читав ей Пушкіна, так вона дивилася на нього просто закоханими очима.

Г р и н е в (*поднимается с лавки*). Во как даже? (*Алексей.*) Когда это ты успел к ней подгрести? С Пушкиным? Непорядок это, поэт. Девка третий день на службе, а ты к ней уже свой бакен дудонишь. Да еще и впереди более опытных матросов.

А л е к с е й. Извините, товарищ сержант, но я к ней не подплывал. Мы с медсестрой Элей Тугариновой с детства знакомы. Она моя одноклассница.

П р и б у д ь к о. Ха-ха... Вона еще и одноклассница йому! Ха-ха... Ох, обскачет он тебе, Гриня. З твоею музыкой и балалайкою.

Сержант обходит вокруг Лермонтова, озадаченно рассматривая новоявленного соперника.

Г р и н е в. Да хватит тебе ржать, Борисик! (*Алексей.*) Одноклассник, значит?

А л е к с е й. Да. Вы только не обижайтесь на меня, товарищ сержант. Мы с ней даже за одной

партой в школе сидели. Поэтому нам всегда есть о чем поговорить.

Гринев. Ясененько. Ну, вот что, поэт-однопартиец. Ты все равно Эльке больше никаких Пушкиных на уши не вешай. Это я тебе по-дружески говорю. А то по уставу жить будем. Понял меня?

В комнату входят Ракитин и Мария. Гринев первым замечает командира.

Гринев. Отделение, построились! Смирно! Сержант и рядовые, застегивая пуговицы на одежде, встают в шеренгу.

Гринев. Товарищ капитан! Личный состав разведчиков заканчивает отдых! Старший группы сержант Гринев.

Ракитин. Вольно.

Гринев. Вольно!

Ракитин. Так, Гринев и Прибудько. Ноги в руки и давайте шустрым маршем до медпункта. До фельдшера Тутариновой.

Прибудько. А що таке, товарищ командир? Ми вроді б нічим не хвораем.

Ракитин. Прививки от энцефалита там поставите. А то в районе прям беда какая-то с ним. Несколько лет не было, не было, а теперь уже сотня заболевших. Как будто кто специально к нам этих зараженных клещей закидывает. (Алексей.) Лермонтов!

Алексей. Я, товарищ капитан!

Ракитин. Тебя это тоже касается. Даю вам на свидание с мамой пятнадцать минут. После чего также отправишься в медпункт.

Алексей. Есть.

Женщина достает из пакета выпечку.

Мария. Мальчики, я вам тут пирожочков немного принесла. С повидлом. Угощайтесь, пока они свеженькие.

Прибудько. Ха-ха. Ми і від несвіженьких не откажемся!

Гринев. Это точно. Я, например, пирожки просто обожаю. Любого срока изготовления. Они мне даже по ночам иногда снятся.

Ракитин. Отставить иронию! После покушают, Мария Михайловна. Всё, бойцы. Шагом марш на выход.

Гринев. Разрешите хотя бы по одному, товарищ капитан? Чтобы прививаться было не так больно.

Мария. Да, пусть сейчас попробуют, Иван Иванович. Редко ведь такое, наверное, видят? И вы сами тоже покушайте.

Ракитин. Благодарю, но я не буду. Хорошо. По одному домашнему хлебобулочному изданию разрешаю взять – прямо сейчас.

Гринев. Ой, спасибо, товарищ капитан! Век вам такой вечерний завтрак не забуду!

Ракитин. Гринев, вы еще здесь, что ли?

Гринев. Все, все. Исчезаем.

Довольные Гринев и Прибудько, взяв из рук Марии по несколько пирожков, выходят из комнаты.

Ракитин. Ну что же, Мария Михайловна, общайтесь. А я тоже пойду укольчик себе полезный поставлю. Вас потом подвезти до дому?

Мария. Не надо, господин капитан. Сама дойду.

Ракитин. Ясно. Так. Телефон я вам свой написал. Будет какая проблема, рапортуйте мне напрямую. Если сможем, то поможем.

Мария. Хорошо, Иван Иванович. Я поняла. Спасибо вам за все.

3.

Слышна беспорядочная пальба и автоматные очереди. В поле зрения появляются три диверсанта батальона «Азов» в балаклавах. Это Лорд, Вара и Микола Прибудько. За спинами всех большие вещмешки. Причем в бауле, надетом на Вару, угадываются очертания трубы гранатомета. На груди Лорда болтается небольшой бинокль. Вся троица отстреливается из автоматов и отступает короткими перебежками.

Вара. Лорд! Лорд! Слышишь меня?!

Лорд. Чего тебе?!

Вара. Слева тоже сепары! Кругом обложили, суки! Куда когти рвем?! В лоб пойдем?!

Лорд. Давай назад, Вара!

Вара. Так там же болото!

Лорд. Вот и проведешь нас по нему! Ты же местный! Должен все проходы знать!

Вара. Здесь кругом засада, полковник! Трясина на трясине!

Лорд. Назад, я сказал! Слушаем меня, без всяких вопросов!

Микола. Атаман! Дозвольте і мені слово вставити?! Там таки и правда болото! Я теж знаю ці миста! Утопнем ж! Повністю!

Лорд. Отставить, бараны безмозглые! Нашли время умничать! Отходим! Я приказываю! Или я вам сейчас обоим бошки продырявлю!

Лорд наставляет дуло автомата на своих подчиненных.

Вара. Успокойся, шеф! Мы тебе не враги! Куда скажешь, туда и попрем!

Лорд. Вот это правильно, Вара! Очень рад, что ты меня сразу понял! Бегом все за мной!

Вся троица быстро удаляется из виду.

4.

В комнате Алексей и Мария. Женщина выкладывает на стол оставшиеся пирожки.

Мария. Кушай давай, сынок. Вижу же, что тебе хочется их попробовать. Посмотри, какие они румяные. И очень, очень вкусные. Свеженькие. Два часа назад всего их настряпала.

Алексей. Mam, ну как я буду один есть? Так нельзя. Ребята придут, вот тогда мы и слопаем твои пирожки. Вместе с чаем.

Мария. Алексей, что это за выражение? «Слопаем». Не говори так больше при мне. Это неприлично.

Алексей. Хорошо, мамуля. При тебе я буду выражаться только как Цицерон!

Мария. Вижу, что настроение у тебя отличное. Это прекрасно. *(Присаживается на стул.)* Ой, присяду немного. Километров семь уже сегодня прошла. Ноги гудят с непривычки.

Алексей. А чего тогда от машины отказалась? Товарищ капитан бы тебя миглом подвез.

Мария. Да что я буду его отвлекать от важных дел? Нечего на меня бензин армейский перевозить. Сама уж как-нибудь доберусь потом до дому. Как ты здесь? Не обижают тебя?

Алексей. Мама, что ты такое говоришь? Не в бирюльки же играем. Нет, конечно. У меня тут со всеми хорошие отношения. Ты не переживай. Я в полном порядке.

Мария. Да я тебе верю, сынок. Загорел, смотрю, даже. Возмужал. Много врагов уже нащелкал? Или это военная тайна?

Алексей. Нет, мам. Я еще даже не стрелял ни в кого.

Мария. Вот и хорошо. Что не стрелял... Ох... В голове до сих пор не укладывается. Украинцы воюют против украинцев, а русские – против русских. Как будто сон какой-то. Нелепый.

Алексей. Это не сон, мама. Если мы проиграем, то нас всех выгонят отсюда. Или просто убьют. Вчера слушали по интернету их президента. Он же всех нас ненавидит, мам. Мы ему чужие. Они больше не дадут тебе проводить спокойно уроки русской литературы. Если мы их не остановим. Понимаешь? Но я сделаю все, что только в моих силах, чтобы ты и дальше могла учить детей.

Мария. Ох, Алешка. Не нужно мне от тебя никакого героизма... Я и говорю, что это ужас какой-то. И не слушай ты речи умалишенных, сынок. У них и сознание кривое, и правда такая же. Ты лучше Ивана Ивановича держись. Ваш коман-

дир – человек толковый и рассудительный. Я его много лет знаю. Он ведь когда-то еще вместе с твоим отцом служил. Пусть и недолго.

Алексей. Я помню. Ты мне говорила.

Мария. Вот и слушайся его. Он хороший. Пусть и строгий.

Алексей. Ладно. Договорились. А ты как сама, мам?

Мария. Как-как... Школа так и не работает. Дома сижу пока что. И очень скучаю по деткам, по урокам. Вот Толстого опять перечитываю. Льва Николаевича. Его последнее произведение «Путь жизни». Прекрасная и до сих пор актуальная философия. О Вере и Разуме.

Алексей. Я знаю, мам. Я читал эту книгу еще в детстве. Она же у нас всегда на видном месте стояла. Правда, ничего тогда не понял. Мне этот бородатый дядька всегда с трудом давался.

Мария. Алексей! Перестань, пожалуйста, так выражаться!

Алексей. Хорошо, хорошо, мамуль. Включаю Цицерона! А у вас, значит, свет дома есть постоянно? Раз ты по вечерам за книжками сидишь.

Мария. Есть, Алешка. С электричеством сейчас намного легче стало. Нам прицепную подстанцию поставили. Так что я и телевизор смотрю теперь часто. Только он мне, в общем-то, ни к чему. Я и так вижу, что у нас вокруг творится. Нету больше над нашим солнечным Донбассом мира и спокойствия. Устала ведь уже окна фанерой заколачивать. Вышибает постоянно от разрывов. Но в погреб я больше не бегаю, когда бомбят.

Алексей. Почему?

Мария. Потому что соседей у нас теперь нет. Электричество появилось, а дома пустые стоят. Только в конце улицы люди остались. А рядом со мною – никого. Кто уехал, а кто воюет. Один старый Никифор Иванович был. Если ты еще помнишь такого.

Алексей. Конечно, помню. Веселый старик, который на гармошке играть любит.

Мария. Он самый. Только нет его больше. Отыгрался. Неделью назад прямо возле дома убило. Представляешь? Вышел покурить и получил осколком по своей седой голове. А я теперь боюсь, что засядешь в подвале, и вдруг завалит? И вытаскивать ведь некому будет. Хоть закричись.

Алексей. Mam, завалит – это ведь не убьют. Почему ты себя не бережешь?

Мария. Ой, Лешка, это ты себя побереги. Ты молодой. Тебе жить надо. Род наш продолжать. А моя песня уже к закату клонится.

Алексей обнимает сидящую маму за плечи.

А л е к с е й. Ну что ты, мам. Ты еще молодая и красивая. И очень хорошая хозяйка. Я никогда в жизни не встречал учительницу, которая бы пекла такие вкусные пирожки!

М а р и я. Так ты же их еще даже не попробовал!

А л е к с е й. Как не попробовал? Ты ведь не первый раз приносишь. И всегда у тебя получают очень-преочень вкусные.

М а р и я. Ах ты, дамский угодник. Знаешь, Алешка... Вот повидала тебя, и на душе так тепло стало. Одна ты у меня в жизни надежда. Образованный, красивый, в общем, весь такой перспективный. Вот закончится война, найдем тебе хорошую работу по душе и женим на достойной девушке.

А л е к с е й. Мама...

М а р и я. Что «мама»? Ты ведь и правда стал похож на настоящего мужчину. Молодого отца мне напоминаешь. Мне это так нравится. Все-таки вечный двигатель существует. Наши дети – точно такие же, как мы. И лицом похожи, и ошибки по жизни совершают абсолютно аналогичные. В общем, ешь пирожки давай. Пока они свеженькие. Не строй из себя благородного Айвенго.

А л е к с е й. Ладно, ладно, сдаюсь, госпожа мама! Один, так и быть, скушаю в вашем присутствии.

М а р и я. Вот и умница.

Алексей берет со стола пирожок и откусывает его.

А л е к с е й (жуя). Мм, какая вкуснятина!

М а р и я. Спасибо. Только ты покушай сначала. А уж потом хвалить будешь.

А л е к с е й. Кстати, о девушках, мам. Совсем забыл тебе сказать. Здесь ведь Элька Тутаринова появилась! В медпункте теперь нашем работает.

М а р и я. Это какая Тутаринова? У меня же их человек двадцать с такой фамилией училось. Дай-ка я тебе, солдат, губы твои чумазные вытру.

Мария достает платочек и вытирает им сыну губы.

А л е к с е й. Мам, ну ты чего? Элька, одноклассница моя. Соседка по парте.

М а р и я. Это та, за которой ты в школе, простите, бегал?

А л е к с е й. Ни за кем я не бегал.

М а р и я. Я имею в виду, стихи которой прямо на обложке тетради писал. Про принцесс всяких.

А л е к с е й. Да. Она.

М а р и я. Молодец какая. А у нее как дела? Она замужем?

А л е к с е й. Нет. Она свободна.

М а р и я. А родители живы ее? Правда, я уж и не помню, чьих она Тутариновых дочка.

А л е к с е й. Живы. Только они в России теперь. Элька сначала тоже с ними уехала, а потом вернулась. И теперь одна здесь живет.

М а р и я. А почему она вернулась?

А л е к с е й. Я не знаю, мам. Я у нее не спрашивал. А сама она об этом ничего не рассказывала. Да я ее и видел-то всего пару раз пока что. Сейчас вот на прививку пойду и снова поговорю с ней. Может быть, спрошу и об этом.

М а р и я. Спроси. Вот же какая замечательная девушка. Могла ведь спокойно себе жить где-нибудь на Урале, но вернулась на войну, чтобы людям помогать. Как это благородно выглядит. И кажется таким несовременным. Тоже, что ли, в наш госпиталь устроиться? Хоть кому-нибудь пользу приносить буду. А то же тоскливо одной дома, Алешка. И страшно... Мне вообще последнее время так часто бывает страшно, что порой это просто невыносимо. Даже книги не помогают. И за себя страшно, и за тебя, и за людей. Школу вот закрыли, а кого в ней потом учить? Даже если и победим.

Алексей снова крепко сжимает сидящую мать в объятиях.

А л е к с е й. Мамка, ты у меня такая классная. Только сильно-то не переживай.

М а р и я. Это почему же?

А л е к с е й. Потому что мы обязательно победим, мам! Обязательно! И ты еще увидишь мирное солнце над нашим Донбассом. Я обещаю.

5.

Где-то далеко громыкает артиллерийская канонада, а поблизости квакают лягушки.

Диверсанты батальона «Азов» В а р а и М и к о л а сидят на земле. Микола усиленно трясет в воздухе босыми ступнями, после чего надевает носки.

М и к о л а. Скажи мени, Вара. Нащо мі ці намордники постійно носим? Даже середи жаб и то сидим в балаклавах.

Вара вставляет в пистолет новую обойму и убирает его за пояс в кобуру.

В а р а. Не знаю, Микола. Я не колдун, чтобы читать мысли в башке у командира. Наверное, Лорд боится, что сепары наши рожи со спутника срисуют. Если снимем балаклав. Сейчас, говорят, из космоса можно даже номер на автомобиле прочесть.

М и к о л а. Та ти що? Таки з космосу видно, який номер у моеї машини? Когда я по хутору на ній гарцюю?

Вара берет в руки колоду карт и начинает их тасовать.

В а р а. Не знаю, я не проверял. Но морду твою, думаю, из космоса точно можно увидеть.

М и к о л а. Даже когда вона на болоті?

В а р а. Даже когда она на болоте. Слышь, хватит своими мокрыми носками тут трясти. Давай я лучше в картишки по новой сдам. Мне отыграться охота. Не люблю ходить в должниках.

М и к о л а. Та я завсегда за маленький катранчик. Тільки дозвоьте мені уточнить. Що ти ставиш на кін? У долг я більше не хочу тебе обдуривать.

Вара чешет за ухом и достает из кармана новенький смартфон.

В а р а. Давай так, Микола. Я ставлю этот смартфон против моего долга.

М и к о л а. А що він такий покарябанный весь?

В а р а. Че ты мелешь, дурень? Он новый, с иголки почти. Я его только три дня назад у сепаров подтянул. Из разбомбленного магазина. Маде ин Швеция, и ловит везде. Даже на болоте с него можно звонить. Ну, так я сдаю?

М и к о л а. Добре. Давай так поступим. Якщо ти виграєш партейку, то долг спишем. А якщо я, то ти мені віддаєш цей телефончик і свій новенький пістолет.

В а р а. А губа у тебя не треснет? От такой ставки.

М и к о л а. Ну, дивись сам, Вара. Мое дело тільки предложить. Якщо сам не хочеш відігратися, то тут я безсилен.

В а р а. Хорошо. Давай так. Если выиграю, то долг по нулям. А если проиграю, то получишь этот смартфон и дам тебе из гранатомета по сепарам лупануть. Последней гранатой. Идет?

М и к о л а. Вообще-то, так собі предложение. Все-таки твій долг більше, нежели цей телефон. Но Микола Прибудько сьогодні добрий. Він согласен. Здавай мені.

Вара заканчивает тасовать и кидает карту партнеру.

Микола медленно открывает ее под руками.

Еще одну.

Вара скидывает еще одну карту.

Достаточно. Теперь собі.

Вара скидывает в открытую несколько карт.

В а р а. Блин, двадцать два. Опять перебор.

М и к о л а. А у мене девятнадцать. Дозвольте получить ваш трофейний телефончик!

Вара передает смартфон напарнику.

В а р а. Давай еще разок.

М и к о л а. А що у тебе ще цінного осталось? Крім пістолета.

На поляне появляется Л о р д. Увидев его, Микола спешно прячет телефон в одежду.

Л о р д. Вы чего здесь расселись, олигофрены?

М и к о л а. А що таке, Лорд? Сидим як пристойные гаврики. Катаем по тютельке. И сушимся.

Л о р д. Я тебе сейчас промеж глаз скатаю, дурень ты игральный. Я вам что приказал? В карты играть или обстановку в северном направлении проверить?

В а р а. Будет тебе кричать, Стефан. Какая в той стороне обстановка? Там топи кругом. Сам-то что разведал?

Л о р д. Что-что... Обложили нас кругом. Повсюду сепары катаются. Кидайте свои бубны, и дальше в болото уходим. А то, не ровен час, и сюда за нами заявятся.

М и к о л а. Атаман, здається мені, що ти нас не чуєш. Ми вже всі мокрі, а далі ще хуже буде. Ми ж потонем!

Л о р д. Да закрой ты пасть, наконец! Я не меньше твоего хочу отсюда выбраться. А болото – оно для всех болото.

В а р а. Стефан, так объясни, что ты задумал? Мы продолжаем операцию или что? А то в болоте полностью остаться как-то не с руки. Или ты и правда надеешься выйти по топи на другую сторону?

56

Л о р д. Вот будете обсуждать мои приказы своими чугунами лбами, тогда точно останетесь в этой вонючей тине. Все и полностью.

В а р а. Чего ты постоянно гарцуешь, полковник? У нас тоже нервы не железные.

М и к о л а. Це точно, Вара. Прет и прет, аки лошадь необъезженна.

Л о р д. Да что тут непонятного, Вара? Отсидимся в топах до ночи, а по темноте попробуем назад к сепарам под брюхо прорваться. И уже на месте оценим обстановку. А сейчас идти в их сторону – это все равно что в подвал сразу спуститься. В качестве арестанта. Сцапают, и не пикнешь. А по моему плану хоть какой-то шанс есть.

М и к о л а. А з чого ти рішив, що сепари и сюди заявятся?

Л о р д. Чуйка у меня потому что на такие вещи. Я угрозу всеми местами чувствую. В отличие от некоторых.

М и к о л а. Таки и всеми?

Лорд подходит вплотную к Миколу и угрюмо смотрит на подчиненного.

Л о р д. И что за придурков в батальон понабрали? (Миколу.) Ты что, на печи, что ли, всю жизнь просидел? Или из своей конюшни в цивилизованный мир никогда не вылазил? А? Совсем

ведь башка у тебя не в ту сторону соображает. Ни одного толкового слова еще не сказал.

М и к о л а. Ну да. З сільських ми. И на конюшне теж працювали. А шо такого? Зате я на Майдані в перших рядах був.

Вара поднимается с земли.

В а р а. Микола, ты уже надоел со своим майданом. Поднимайся давай. Лорд, наверное, прав. Надо все-таки в болоте пока что схватиться. От греха подальше. А там посмотрим.

Л о р д. Давно бы так. Хоть один думающий человек рядом. Выдвигаемся. Пока не поздно.

Микола тоже поднимается с земли. После чего, постоянно озираясь по сторонам, троица удаляется из виду.

6.

Фельдшер Э л я, стоя у стола, выкладывает шприцы и лекарства из медицинской сумки.

Раздается стук в дверь.

Э л я. Да-да, открыто. Входите, пожалуйста.

В комнате появляется А л е к с е й.

А л е к с е й. Привет, Эль. Можно?

Девушка оборачивается и широко улыбается гостю.

Э л я. О-о, какие люди! Да еще и с автоматом! Привет, Алешка! Входи, конечно! Жду тебя давно уже! Ты чего сегодня самый последний? А, хотя мне уже все про тебя рассказали. Гринев поставился. Мама к тебе приехала, да? С пирожками.

А л е к с е й. Да. Если хочешь, я и тебе потом маминых пирожков принесу. Они вкусные очень.

Э л я. Хи-хи. Спасибо, ешьте сами. Вам такое нужнее. Ты садись, садись. Поставлю тебе тоже прививочку от энцефалита. Всем вашим уже сделала. Один ты у меня остался. Единственный непривитый.

А л е к с е й. Звучит очень приятно. Особенно слово «единственный».

Э л я. Алешка, садись, говорю, давай. Сейчас еще приятней будет. Если уколов не боишься.

А л е к с е й. Боюсь немного, Эль. Но если надо, то мы потерпим. Мне штаны снимать? Или что?

Э л я. Хи-хи. Ой, ну и смешной же ты, Лермонтов. Нет, конечно. Тогда бы я тебя лечь попросила. Закатай мне просто рукав.

А л е к с е й. Хорошо, доктор. Исполняю.

Алексей садится на стул и закатывает один из рукавов солдатского комбинезона. Девушка в это время наполняет шприц жидкостью.

Э л я. Руку подверни мне, пожалуйста. Да, вот так.

А л е к с е й. А я тебе стихи сегодня ночью написал.

Э л я. Да ты что? Так читай, раз написал. Руку расслабь немножко.

Девушка ставит парню укол.

А л е к с е й. Слушай... *(Декламирует.)* Я пациент, а вы мой Эляксир... Красивый. Стройный. Только мало спите... Ах, Эля милая, уколов коммандир... Поставьте мне один, куда хотите...

Девушка, улыбаясь, смотрит на солдата.

Э л я. Я думала, серьезные написал, а ты дурачишься. Шут гороховый. Ватку еще поддержи здесь немного.

А л е к с е й. Хорошо-хорошо. Я правда сочинил. Слушай... *(Декламирует.)* Пустынный пляж. На ласковом песке... Рисую девушку, любимую когда-то... И сердце вновь сжимается в тоске... От вида грации в лучах тепла заката. Мне больно помнить, как она легка... Но я смотрю то с нежностью, то смело... И хочется укутать в облака... Безумной страсти ее бархатное тело...

Несколько секунд в комнате стоит полная тишина, во время которой парень и девушка смотрят друг на друга.

Звучит отдаленная артиллерийская канонада.

Э л я. А дальше?

А л е к с е й. Это пока что все. Дальше я еще не придумал. Вернее, не успел. Товарищ сержант Гринев подъем скомандовал.

Э л я. Все равно здорово вышло, Алешка. Ты настоящий поэт. Только грустно как-то очень. Впрочем, мне всегда нравилась легкая печаль в твоих стихах.

А л е к с е й. Ну, не знаю. Как уж получилось. Ладно, пойду я, Элька. А то еще потеряют. Спасибо тебе за прививку.

Парень встает и направляется к выходу.

Э л я. Леш.

Парень останавливается и оборачивается.

А ты правда эти стихи только для меня написал?

А л е к с е й. Правда. Целую ночь сегодня не спал. И написал.

Э л я. Понятно. Иди, а то потеряют.

Алексей выходит из комнаты. Почти сразу в нее заходит Г р и н е в. Держа гитару в руках и весело улыбаясь, сержант приближается к девушке.

Г р и н е в. Элечка, наконец-то я дождался, чтобы показать тебе свою новую песню. А то ходят сюда, понимаешь, различные поэты-одноклассники. И сбивают вас с верного курса всякими Пушкиными.

Э л я. Сержант Гринев, иди-ка ты в свое расположение. Не мешай мне работать.

Гринев озадаченно чешет затылок.

Гринев. Опаньки. Рыбья ты заноза. Кажется, нас отшили. По самую ватерлинию. Ну что же. Мы матросы не гордые. Мы и на другой палубе споем. *(Разворачивается, ударяет по струнам и поет на манер шансона.)* Когда вернусь я, будет тихий вечер. А летний зной уже сойдет на нет... *(Уходит, но голос еще слышится.)* И я тебя у дома снова встречу... И вновь скажу: любимая, привет...

7.

В комнате Прибудько и Алексей. Борислав наливает в железный чайник воду из бутылки и ставит его на маленькую электрическую плитку.

Прибудько. Эх, пивнем зараз трохи чайку. Крепенюкого.

Алексей. Ага. С пирожками.

Прибудько. Ни. Я их не буду більше. Що-то живот вид них закрутило. Я б лосятинки зараз поел. Дружина мене раньше постоянно ее робила. В яком-нибудь соусі.

Алексей. То есть вы браконьером, что ли, были?

Прибудько. Ха-ха. Леха, ти що таке बताєшь? Я природу знаєшь як люблю?! А мясо мене охотники дарували. Або конфискованное покупал. А з браконьерами я боровся постоянно. Помятаю, однажды зловили ми одного депутата. Прямо над тушею вбитого лоса. Так вин зі страху брехать начав, що спутал сохатого з кабаном. Ха-ха. Поэтому, мол, и застрелил. Так и не змог йому, убогому, тоді объяснить, що кабанов теж стрелять без лицензии неможна.

С гитарой за спиной и с автоматом в руках входит хмурый Гринев.

О, а ось и наш боцман пожаловал! Сидай, Гринь. Чайком тебе пригощу. Ароматным. З брусничными листьями. Нарвав вчора трохи в лісу.

Алексей. Да, товарищ сержант. Давайте попьем вместе чаю. И пирожки еще остались. Кушайте их тоже. А то Борислав отказался, а мне одному этого много.

Гринев. Не буду я твои пироги жрать. Послушай, поэт, ты Эльке говорил что-нибудь про меня?

Алексей. Нет.

Гринев. Точно ничего дурного не рассказывал?

Алексей. Нет, товарищ сержант. Мы с ней и не разговаривали почти. Она укол мне сделала, и я сразу же ушел.

Прибудько. Ха-ха. Що таке, Гриня? Здається мені, що твоя песня нашей медсестричке не зашла повністю? Так? Ха-ха.

Гринев. Я ее даже ей и не пел.

Прибудько. А чому?

Гринев. А она и слушать меня не стала. Эля, походу, и в самом деле неровно дышит к нашему поэту. Сидела после его визита вся, знаете ли, как наша чайка астраханская. Печальная и отстраненная.

Прибудько. И що?

Гринев. Нишо... Я этих баб сухопутных знаю получше любого якоря. Если начала мечтать после разговора с тобой, значит, точно влюбилась.

Быстро входит Ракитин.

Ракитин. Гринев!

Сержант вяло поднимается с лавки.

Гринев. Я, товарищ капитан.

Ракитин. Закругляй чаепитие и труби эвакуацию. На сборы даю ровно пять минут.

Прибудько. Куди на цей раз, товарищ начальник?

Ракитин. В сторону болота. Сегодня в округе бандеровскую ДРГ в клещи взяли, которая по нашим тылам рыскала... Несколько человек рассчитали, но часть диверсантов смогла уйти. Взяли у них трофеем мешок взрывчатки. Значит, готовили какую-то крупную пакость. А час назад технари радиосигнал засекли в районе местных топей. А поскольку наших там нет, то у меня приказ прошерстить это местечко по-тихому. И попробовать выяснить, кто в этих трясиныах околачивается.

Гринев. Может, гражданские кто по ягоды шастанут? Хотя какие сейчас ягоды...

Ракитин. Вот мы об этом скоро и узнаем. Жду всех на улице. Максим, захвати еще ручной пеленгатор. Немного сами поищем на местности.

Гринев. Слушаюсь, товарищ капитан!

8.

Слышится человеческий храп, кваканье лягушек и отдаленная артиллерийская канонада.

Лорд и Вараспят, свернувшись калачиками, на голой земле. Миколасидит рядом и крутит в руках бывший смартфон Вары.

Миколас. Як ви можете дрихнути в такий сырости? Мені даже тут жрать и то не особливо хочется. Кругом болото и сепари, а ви храпите без задних ног.

Лорд просыпается от слов Миколы и нервно поднимает голову.

Л о р д (*спросонья*). Прибудько, ты, что ли, тут бурчишь под носом?

М и к о л а. Ни. Я тихо сижу, атаман. Весь на фоксе.

Л о р д. Сдерни отсюда, а? Не мешай братве отдыхать. Иди вон округу проверь. Только не забудь нас примерно через час разбудить. Понял?

М и к о л а. Добре. Піду ягодку яку сьем.

Л о р д. Не надо здесь жрать никакие ягоды. Желудок скрутит – мало не покажется.

М и к о л а. Ти спи, спи. Коли спится. А я вже сам розберуся. Що мені жрать, а що ни жрать.

Микола поднимается с земли и удаляется от лежащих товарищей.

Л о р д. Пошел за шухером посмотреть, а оружие с собой не взял. Ой, идиот.

Вара просыпается от голоса Лорда.

В а р а. Че такое, Стефан? Подъем уже?

Л о р д. Нет. Еще немного поваляемся. Надеюсь, этот хуторянин не забудет нас разбудить.

Лорд зевает, переворачивается на другой бок и закрывает глаза.

9.

На фоне отдаленной артиллерийской канонады слышится пение птиц.

В поле зрения появляются вооруженные автоматами Р а к и т и н, Г р и н е в, Л е р м о н т о в и П р и б у д ь к о. Бойцы оглядываются по сторонам и осторожно продвигаются в пространстве, выставив вперед оружие. На голове у сержанта большие наушники, он держит в руках небольшой радиоприемник, которым вправо и влево сканирует местность.

Г р и н е в (*тихо*). Где-то здесь, товарищ капитан. Сигнал усиливается.

Ракитин подносит указательный палец к губам.

Р а к и т и н (*тихо*). Тише, боец.

Прибудько присаживается и осматривает пространство вокруг себя.

П р и б у д ь к о (*тихо*). Их трое, товарищ командир.

Р а к и т и н (*тихо*). Как узнал?

П р и б у д ь к о (*тихо*). Бачите сліди от ботинок? (*Показывает пальцем в сторону.*) Мені здається, що вони туди пішли.

Р а к и т и н (*тихо*). Бери с собой молодого, и обходите поляну справа. Мы зайдем с другой стороны.

Прибудько (*тихо*). Есть.

Четверка разделяется на две пары и крадучись расходится в разные стороны. В это время в зоне видимости появляется жующий М и к о л а. Диверсант вяло почесывается и поглядывает вокруг. После

чего достает из кармана смартфон и начинает делать им селфи прямо в балаклаве. Увлеченный своим занятием, Микола не замечает, как в противоположной от него стороне появляются П р и б у д ь к о и А л е к с е й. Бойцы видят неизвестного с телефоном и, тихо подкравшись к нему, наставляют на незнакомца автоматы.

П р и б у д ь к о. Вітаю вас. Ви хто такий будете, якщо не секрет?

М и к о л а. Що?

Микола испуганно оборачивается и замечает обоих бойцов.

Я-то кто такий буду? Зараз я тобі все поясню! Микола бьет Алексея телефоном по голове, после чего набрасывается на Прибудько. Оглушенный ударом, Алексей падает на землю. В это время Микола и Борислав тоже валяются с ног и продолжают борьбу уже лежа. Борислав пытается ударить соперника прикладом автомата, но тот уворачивается и наносит ему ответный удар в голову. Борислав роняет автомат, и противники, кряхтя и злобно постанывая, дерутся голыми руками. Тем временем Алексей приходит в себя и поднимается с земли вместе с оружием.

П р и б у д ь к о. Лешка, стреляй! Стреляй! Алексей нерешительно теревит в руках автомат, потом слегка ударяет им по голове Миколы, который, сидя сверху, колотит Прибудько по лицу.

М и к о л а. Ах ти, собака очкастая! Я тобі покажу, як мене автоматами бити!

Диверсант вскакивает на ноги и резко бьет Алексея кулаком в лицо.

На-тобі!

Лермонтов снова падает, но в это время Прибудько, воспользовавшись тем, что противник отвлекся, нападает на него сзади и валит на землю. После чего, уже сам усевшись сверху, начинает бить Миколу кулаками.

П р и б у д ь к о. Хто ти такий, я тебе питаю?! Хто ти такий?!

М и к о л а. Перестань, Бориславка... Мені дуже больно.

Удивленный, Прибудько прекращает драку и, тяжело дыша, разглядывает противника.

П р и б у д ь к о. Що?! Звідки ти мене знаєш?!

М и к о л а. Так я братанчик твій. Двоюрідний. Микола Прибудько. Подивися під балаклавою, якщо не віриш.

Прибудько задирает противнику балаклаву и несколько секунд ошарашенно смотрит на Миколу. После чего озадаченно вытирает лицо рукой.

П р и б у д ь к о. Точно, Микола. Ось це встеча. А я думав, тебе у тюрме ще держат.

М и к о л а. Мене випустили. Перед самою Револуцією Гідності. А ти, я бачу, смердючим сепарам прислуживаєш? Ось вже не думав, що ти підеш против України.

П р и б у д ь к о. А ти тепер, значить, за нову Незалежну? Так?

М и к о л а. Я не за нову и не за стару. Я просто воюю за свою землю.

П р и б у д ь к о. Так и я за свою воюю.

М и к о л а. Ну, тоді стріляй в мене. Або відпусти. Яка тобі радість, якщо мене ваші потім в підвалі до стінки поставять?

Прибудько думает несколько секунд, потом поднимается с брата-противника и берет в руки автомат.

П р и б у д ь к о. Иди, Микола. Тільки пообіцяй мені, що я тебе більше тут ніколи не побачу.

Микола быстро вскакивает на ноги и поднимает с земли телефон.

М и к о л а. Зараз обіцяю. Але хто знає, Бориславка. Може ще и зустрітись. *(Показывает в сторону Алексея.)* А з цим сопляком очкастим я ще обязательно посчитаюсь.

П р и б у д ь к о. Йди геть. Не заставляй мене брати гріх на душу.

Диверсант быстро удаляется восвояси. Прибудько присаживается к лежащему Алексею и слегка похлопывает того по щекам. Лермонтов приходит в себя и непонимающе смотрит по сторонам.

П р и б у д ь к о. Як ти, Леха?

А л е к с е й. Голова кружиться, товарищ Прибудько.

П р и б у д ь к о. Да ладно тебе выкать, как баба. Можеш вже на «ти» мене називати. З бойовим крещением тебе, рядовой Лермонтов! Тільки якщо хочеш жити, по ворогу треба стріляти, а не по голові його бити. Понял мене?

А л е к с е й. Понял. Я просто растерялся немного. Извините.

На месте недавней схватки появляются Р а к и т и н и Г р и н е в.

Р а к и т и н. Прибудько! Что случилось?! Доложите обстановку!

П р и б у д ь к о. На одного гражданского нарывались, товарищ командир. Ходить, дурник, по лісу и селфи на телефон робит. Ми до нього, значить, а він подумав, що його розсчитать хочут. Тому почав брикатися. Вдарив Алешку телефоном по обличчю и втік потім.

Г р и н е в. Так и у тебя иллюминатор слегка треснутый. Тоже, видать, перепало. От чужой лопасті.

П р и б у д ь к о. Пустяки, Гриня. Зацепив злегка. Кажу ж, псих просто попався.

Гринев сканирует местность ручным пеленгатором-приемником.

Р а к и т и н. Лермонтов, а ты что добавити можеш?

А л е к с е й. Так все и было, товарищ капитан. Он фотки делал, а мы у него всего лишь спросили, кто такой. А этот человек вдруг полез в драку. А больше я ничего особо и не помню. Быстро все очень произошло.

Р а к и т и н. Как ты себя чувствуешь?

А л е к с е й. Почти все в порядке, товарищ капитан. Голова только сильно кружится.

Р а к и т и н. Так она у тебя разбита в двух местах. Поэтому и кружится.

Г р и н е в. Сигнал полностью пропал, Иван Иванович. Хотя теперь, в принципе, понятно, откуда он здесь был. От телефона и фонило. А сейчас, видимо, он расколотил аппарат об голову поэта, и все исчезло. Считаю, что вряд ли таким стали бы диверсанты заниматься.

Р а к и т и н. Опытные диверсанты с включенными телефонами по тылам не бегают. Это так. А вот рогули необстрелянные спокойно такое могут исполнить. Уже встречал подобное. В общем, так, бойцы. Слушай мою команду. Прибудько, давай Лермонтова в машину. А мы с Гриневым еще немного здесь посмотрим.

П р и б у д ь к о. Так я ж кажу, товариш командир. Цивільна людина це був. Не военный. И тільки один.

Р а к и т и н. Тебя, Борислав, не поймешь. То трое их, то один. Хватит со мной здесь в лотерею играть. Сейчас сам постараюсь все выяснить. Исполный приказ.

П р и б у д ь к о. Есть.

10.

Слышится кваканье лягушек.

Л о р д и В а р а продолжают спать на земле.

Появляется М и к о л а, нервно тормозит товарищей.

М и к о л а. Підривайтесь, лежебоки! Сепари на болоті!

Лорд мгновенно вскакивает на ноги и хватается за автомат.

Л о р д. Какие сепары? Где видел?

М и к о л а. Не тільки бачив, а й по обличчю вже від них получил.

Л о р д. Так будеш знать, как без оружия по вражеским лесам ползать. Идиот конченый. Сколько их?

М и к о л а. Бачив двух, але наверняка их більше.

Сонный Вара садится на землю.

АКТ ВТОРОЙ

12.

Ночь. Слышится шум сильного дождя. М а р и я неподвижно лежит на полу. Рядом с ней валяется телефонный аппарат.

Гремит гром. Женщина приходит в себя и растирает голову руками.

М а р и я. Где это я? И почему столько воды кругом? *(Поднимает голову и осматривается.)* А-а... Дома мы... На мокром полу отдыхаем... Бомбежка, что ли, была опять? Ой, как же кружится голова.

Женщина видит рядом с собой телефонную трубку и кладет ее на аппарат. После чего снова снимает трубку и набирает номер.

Алло, Ваня... Это ты? А кто это? А-а... А это Маша Лермонтова... Лермонтова... Маша... Что мне нужно? Сейчас я все объясню... Можно вас попросить об одной услуге... Когда Ваня придет... Когда капитан Ракитин придет, то передайте ему, пожалуйста, что мне нужна помощь... А то меня почти что убили. Очень вас прошу, скажите ему, что я звонила. Я – Лермонтова Мария. Слышите? Алло! Алло!

Женщина кладет трубку на место.

67 Положили трубку... Видно, не поверили, что убитый человек может звонить по телефону... А мне ведь действительно иногда кажется, что я уже не живу на этом белом свете... Как своего Пал Палыча похоронила, так что-то оборвалось внутри... Радость из сердца ушла... А потом почти сразу умер папа... И с его похорон я порой ловлю себя на мысли, что все это происходит со мной не наяву... Что все это какая-то нереальная жизнь... Когда родственник идет войной на родственника, а вчерашние соседи становятся лютыми врагами только из-за того, что разговаривают немного на другом языке... Ох, беда... Впрочем, хватит раскидать... Хватит. У тебя же есть Алешка. Родной и единственный сын. Маленький поэт и большой умница... Поэтому вставай, моя хорошая. Вставай, лапочка. Надо продолжать жить.

Женщина тяжело поднимается с пола. Смотрит по сторонам.

Пошли лучше посмотрим, какие там у нас возникли разрушения.

13.

Э л я заканчивает перевязку головы сидящего на стуле А л е к с е я. Присевший рядом на стол П р и б у д ь к о хмуро наблюдает за происходящим.

В а р а. Че, уже подъем?

Л о р д. Вара, хватит тупить! Сепары под боком! Автоматы в зубы – и валим отсюда, пока не поздно.

В а р а. Куда валим-то, Лорд? Кругом трясина.

Л о р д. Тихо!

М и к о л а. Що?

Л о р д. Да тихо вы, бараны! Кажется, машина едет!

Лорд достает бинокль и подходит с ним к краю пространства. Поднося бинокль к глазам, разглядывает даль.

Точно. Наезде, сволочи, зажигают.

М и к о л а. Ах вони, суки! Ну, я им зараз покаюсь!

Микола хватает вещмешок Вары с гранатометом и бежит в ту сторону, куда смотрел Лорд.

В а р а. Куда ты потащил мою трубу?! С последней гранатой!

М и к о л а. Заткнись, Вара! Ти мені должен цей выстрел!

Л о р д. Стоять, идиот! Погубишь всех! Стоять, говорю! Расстреляю мерзавца!

Но Микола, не обращая ни на кого внимания, скрывается из виду.

Слышен звук мощного выстрела. Лорд снова смотрит в бинокль.

Л о р д. Промазал, сволочь! На базу вернемся – судить эту собаку будем! За невыполнение приказа!

В а р а. Лорд, а ты думаешь, мы вернемся? Мне почему-то кажется, что так и останемся на этом болоте.

Л о р д. Перестань каркать, болван! Уходим!

В а р а. Подожди кричать, полковник! У меня тут идея появилась!

Л о р д. Какая?

В а р а. Сейчас все объясню.

11.

М а р и я входит в комнату с большим пакетом в руках. Ставит пакет на стол и начинает вытаскивать из него продукты.

М а р и я. Вот, ребята снова муки привезли. Сейчас отдохну немного и опять что-нибудь настряпаю.

Раздается свист летящего снаряда, потом взрыв.

Женщину отбрасывает ударной волной, и она, непроизвольно смахнув продукты со стола, падает на пол.

Конец первого акта

Э л я. Все, герой. Я закончила. Как ты себя чувствуешь хоть?

А л е к с е й. Спасибо, Эль. Я почти в полном порядке.

П р и б у д ь к о. О да. Тріснули йому знатно. Телефонном.

Э л я. Ничего. Могло быть и хуже. Ладно, воины, мне в медпункт идти нужно. Алешка, если хочешь, то ложись вон на лавку. Подложи себе только что-нибудь под голову мягкое. Понял?

А л е к с е й. Не хочу, Эль. Посижу просто. Я правда в порядке.

Э л я. Не хочешь – как хочешь. Все, я ушла. Не скучайте тут без меня.

Эля гладит Алексея по голове и выходит из комнаты. Оставшиеся провожают девушку взглядом. Несколько секунд в комнате стоит тишина.

П р и б у д ь к о. Дякую тобі, Алексей.

А л е к с е й. За что спасибо?

П р и б у д ь к о. За те, що не сказав капітану, що бандит був в балаклаве.

А л е к с е й. Вы про что?

Прибудько. Ні про що. Слухай, хватит мені выкать. Бісишь уже.

А л е к с е й. Хорошо, Борислав. Я больше не буду с вами на «вы». Извините... А можно у вас... Можно у тебя спросить?

П р и б у д ь к о. Спрашивай.

А л е к с е й. Вы... То есть ты... прекрасно же русский язык знаешь?

П р и б у д ь к о. Знаю, конечно.

А л е к с е й. А почему все время тогда на суржике разговариваешь? Да еще на таком смешном.

П р и б у д ь к о. Не знаю. Привык как-то уже. Хотя в детстве мы с ребятами только на русском общались. Один брат мой двоюродный, Колька, иногда на таком суржике балакал. Мы его даже за это в своей компании бандеровцем звали. И дома потом с женой я тоже только на русском разговаривал... Это, наверное, лет пять назад началось... Под мой присмотр тогда базу отдыха в лесу отдали. А там документов надо было много оформлять. Самых разных. И эти бумаги были только на украинском. А потом туда и чиновники часто отдыхать приезжали. Со всей страны.

А л е к с е й. А они при чем?

П р и б у д ь к о. Ну как при чем? Некоторым из них очень не нравилось, что я говорю по-русски. Просили общаться с ними только на их любимой мове. Пришлось подстраиваться. Вот и смешалось с тех пор все в голове. Даже думаю теперь то на родном языке, а то на суржике.

А л е к с е й. Понятно.

В комнату входят уставшие Р а к и т и н и Г р и н е в. Сержант держит вещевой мешок Вары, в котором видно очертание трубы гранатомета. Алексей и Прибудько поднимаются на ноги.

Г р и н е в. Фу, добрались наконец-то. До любимой гавани. Иван Иванович, разрешите я немного прилягу? Спина че-то гудит, как испорченный буксир.

Гринев бросает вещмешок с гранатометом и собирается лечь на лавку.

Р а к и т и н. Разрешаю. Как дела, бойцы? Лермонтов!

А л е к с е й. Я, товарищ капитан!

Р а к и т и н. Да не дергайся ты. Как состояние?

А л е к с е й. Все в порядке, товарищ капитан! Уже ничего не беспокоит!

Р а к и т и н. Это радует. Прибудько, ты ему голову перемотал?

П р и б у д ь к о. Нет, фельдшер Тутаринова. Я думал, что вы ее встретите. Она отсюда только что ушла. К себе в медпункт.

Г р и н е в. Нет, она нам не попадалась. А то бы я обязательно с ней поздоровался. А чего вы в расположение приперлись, а не в госпиталь?

П р и б у д ь к о. Так поэт сам не захотел. Он, видите ли, стесняется показывать свои бойцовские раны.

Р а к и т и н. А фельдшер что сказала?

П р и б у д ь к о. Эля сказала, что у него сильное сотрясение, товарищ командир. Она его к травматологу отправляла, чтобы он снимок сделал. А поэт не пошел.

Ракитин внимательно смотрит на вытянувшегося перед ним Алексея.

А л е к с е й. У меня правда все хорошо, товарищ капитан. Я не вру.

Г р и н е в. Ха-ха. Значит, жить будет, если лечиться не хочет.

П р и б у д ь к о. А вы как прогулялись?

Г р и н е в. Пусто у нас, Борисик. Только лежанку срисовали, на трех человек. И трубу гранатомета еще пустую нашли. Бойца батальона «Азов».

Р а к и т и н. Между прочим, Прибудько, мы обнаружили ее недалеко от того места, где вы с лесным фотографом сцепились. Так что навряд ли он был гражданский. Хотя мне сей факт был понятен и раньше. Плохо ты людей читаешь, Борислав. Для разведчика это – непозволительная роскошь.

Ракитин поднимает вещмешок.

Так. Трофеей я заберу, мне еще доложить надо о нем. Лермонтов!

А л е к с е й. Я, товарищ капитан!

Р а к и т и н. Завтра сходишь в госпиталь и сделаешь снимок головы.

А л е к с е й. Но, товарищ...

Р а к и т и н. Никаких но. Это приказ.

А л е к с е й. Есть.

Р а к и т и н. Гринев!

Сержант садится на лавке.

Г р и н е в. Я.

Р а к и т и н. Расположение без нужды не покидать. И ждать моих указаний.

Г р и н е в. Есть.

Ракитин выходит из комнаты.

П р и б у д ь к о. «Азов», «Азов». Как «Азов», Гриня? Откуда узнали?

Г р и н е в. Слушай, Борисик. Мне кажется или ты действительно полностью забыл украинские слова? Ха-ха... Что-то я, брат, не узнаю тебя сегодня. Видать, тебе тоже слегка мозги в нужную сторону подправили. Ха-ха.

П р и б у д ь к о. Макс, откуда вы поняли, что эти диверсанты именно из «Азова»?

Гринев снова ложится на лавку и закидывает руки за голову.

Г р и н е в. Борисик, я знаю твоё отношение к этой банде. Но лично мне всё равно, из какой флотилии пришли по нашу голову подобные гаврики... Откуда-откуда? Там в бауле их листовки были. Видимо, вместо туалетной бумаги использовали. А на самой трубе лейбла их фирменная присобачена. Так что сомнений никаких нет. Это остатки «азовских» нациков у нас по тылам шныряют. В испуганных трусах-парусах.

А л е к с е й. А может, они уже ушли, товарищ сержант?

Г р и н е в. Нет, поэт... Меня интуиция редко подводит... Они здесь... Какая-то рыба заноша у них сидит. В одном месте.

П р и б у д ь к о. Думаю, что у них ещё осталась взрывчатка. И эти люди наверняка хотят что-то подорвать в городе. Поэтому и не уходят.

Г р и н е в. Вот и мы с товарищем капитаном считаем аналогично... Я так ведь ему и сказал недавно. Дескать, всем своим морским нутром чую, Иван Иванович, что диверсанты не полезли домой через болото... Они здесь.

14.

Ночь. Сквозь шум дождя доносятся раскаты грома. Л о р д, В а р а и М и к о л а крадучись входят в комнату. Вара проходит в дальний угол, осматривая пространство.

Л о р д (*тихо*). Ну что там?

В а р а. Чисто, полковник. Можно ничего не опасаться. Дом пустой, как я и говорил.

М и к о л а. Вара, а звідки ти узнав, що хата порожня?

В а р а. Это не имеет значения. Откуда я узнал.

М и к о л а. Ну а все ж?

В а р а. Это дом моих родителей. Точнее, это хата моего отца.

М и к о л а. Та ти що?! А чого ти раніше то мовчав? Треба було відразу сюди йти.

В а р а. Не хотел, чтобы ты марал здесь все своими грязными ногами.

М и к о л а. Ох, ох... Как будто у тебе ноги не у болотной жиже... Эх... Сьогодні відпочнем, як білі люди. О. И электрика в хате есть. Плитка працює. Зараз зварю з сухпайка що-небудь поїсти. Гаряченького. А то жрать хачу как вовк.

Л о р д. Отойти от плитки!

М и к о л а. Чому?

Л о р д. Потому! Отойти, говорю! Нам незачем показывать, что в этом доме пользуются электричеством. Вообще не трогай здесь ничего!

М и к о л а. А че ти тут розкомандувався? То йому одне не подобається, то інше. Я и без тебе знаю, що мені робити. Ясно тобі?

Л о р д. Ну, хорошо. Поговорим по-другому тогда.

М и к о л а. Це як?

Лорд бьет Миколу, и тот падает на пол. Полковник хватается его за волосы и подставляет к горлу нож.

Л о р д. А вот так! Я тебе покажу, гадюка, кто тут и как раскомандовался. Совсем ты от рук отбился. Пес шелудивый.

М и к о л а. Все, все, перестань! Я тебя услышал!

Л о р д. Вот и красавец. Раз услышал. Ты почаще так говори. На понятном всем языке. И заруби себе на носу, Прибудько! Если еще раз ослушаешься моего приказа, я тебя просто пристрелю! Ты уразумел меня?!

Микола садится на полу.

М и к о л а. Я же сказал, что понял.

Л о р д. Это хорошо. Если понял.

В а р а. Да ладно вам собачиться. Я тоже жрать хочу, как медведь бороться. Стоп. У меня идея опять возникла.

Л о р д. Какая еще идея?

В а р а. Подождите меня чуток. Я сейчас в подпол по-быстрому сползаю.

Л о р д. Зачем?

В а р а. А у бати там всегда запасы были. Может, что и осталось.

Вара уходит.

Л о р д. Чего расселся? Вставай у окна и смотри за входом в дом. Или мне опять с тобой побеседовать?

Микола сплевывает и поднимается на ноги.

М и к о л а. Да понял я.

Микола подходит к краю комнаты и смотрит вдаль. В это время возвращается В а р а, держащий в руке большой шмат сала.

В а р а. Живем, братцы! Сала нашел! Целый шмат!

Л о р д. Молодец, Вара. Котелок у тебя все-таки варит неплохо. Давай я его финкой нарежу. Вара кладет сало на стол, и Лорд режет его на куски, жадно поедая самые большие из них. Два других диверсанта тоже подходят к столу и берут с него по несколько долек.

Мм... Даже без хлеба идет просто по высшему разряду. Настоящий деликатес. Вот это батя подогнал тебе, Вара. Уважаю. А где он сам, кстати?

В а р а (жуя). Умер недавно. Вышел покурить во двор и словил в голову осколок.

М и к о л а (жуя). Сепары його вбили?

В а р а (жуя). Нет. Наши.

Л о р д (жуя). А ты откуда знаешь, что его наши убили?

В а р а (жуя). Знаю. У этого городка в соцсетях своя страница есть. Там об этом и прочитал.

Л о р д (жуя). Понятно. Держишь обиду, значит, на нас? Или как?

В а р а (жуя). Нет. Не держу. Смерть отца не имеет для меня никакого значения.

Л о р д (жуя). Да ты, Вара, просто идейный, как я посмотрю. Я бы так не смог.

Вара перестает жевать и вытирает лицо руками.

В а р а. Ты ешь сало, Лорд. Что у меня в голове, это мало кого касается.

Л о р д (жуя). Я ем.

В а р а. Вот и ешь.

М и к о л а (жуя). Так ты не жив тут, Вареник? З батьком.

В а р а. Нет. Не жил.

Л о р д. А почему ты с ним не жил?

В а р а. Потому что много лет назад отец выгнал меня из этого дома. Навсегда.

15.

Ночь. М а р и я лежит на лавке. Лоб женщины накрыт белым полотенцем.

Слышится визг тормозов подъехавшего автомобиля.

Р а к и т и н (за сценой). Так, бойцы! Смотрим в оба глаза и не расслабляемся! Прибудько и Гри-

нев встают на разгребание завала! Лермонтов и Тутаринова за мной! Мария Михайловна! Маша! Вы где?! Отзовитесь!

А л е к с е й (за сценой). Мама! Мамочка! Это мы!

В комнате появляются трое: Р а к и т и н, А л е к с е й (с перебинтованной головой) и Э л я (с медицинской сумкой).

Р а к и т и н. Алексей, где у вас тут свет включается?

А л е к с е й. Сейчас найду, товарищ капитан. Э л я. Вон она, Иван Иванович! На лавке!

Алексей включает свет в комнате, и все трое бросаются к Марии.

А л е к с е й. Мама! Что с тобой? Ты цела?

М а р и я. Алешка, не кричи. А то и так голова набекрень.

Р а к и т и н. Эля, посмотри повнимательней, что с ней.

Девушка присаживается возле женщины.

Э л я. Конечно-конечно, товарищ капитан. Что-то еще беспокоит, тетя Маш? Кроме головы?

Р а к и т и н. Как вы себя вообще чувствуете, Мария Михайловна? Я так понимаю, что к вам в гости снаряд прилетел?

М а р и я. Да, Иван Иванович. Рядом со мной 67 рвануло. И весь дом аж зашатался. Только не надо меня сейчас трогать, ребятки. Я почти в полном порядке. Дайте просто немножко еще полежу.

Э л я. Пульс у нее нормальный.

Р а к и т и н. Да я уже вижу, что вроде обошлось. А то в офис к себе прихожу, а мне там докладывают, что вы звонили и сказали, что вас убило. Вот что я должен думать после такого? Пришлось ноги в руки и сразу сюда. А вы целая вся. Ха-ха.

А л е к с е й. Главное, что смогла позвонить. Мам, я так напугался. Ты прямо не представляешь.

Входят Г р и н е в и П р и б у д ь к о.

Г р и н е в. Это вы еще легко отделались, мадам. Снаряд попал точно в ваш газовый баллон. Который на камбузе стоял возле окна. Там еще и пожар начинался. Если бы не дождь, могли бы больше и не проснуться.

Р а к и т и н. Газовый баллон рванул?

Г р и н е в. Так точно, товарищ командир. В том числе и он. Мина, скорее всего, под подоконником зашла. И прямо в него. Теперь его покрашенные осколки по всему огороду валяются.

Р а к и т и н. Что еще скажете?

П р и б у д ь к о. Бахали наверняка из чего-то небольшого. Может, кумулятивку из гранатомета пустили.

Г р и н е в. Ну да. Бандеровцы такое часто практикуют. Особенно когда горилки обожрут.

А л е к с е й. Мам, ну зачем ты этот баллон оставила? Электричество же в доме есть.

М а р и я. Так я им уж третий месяц как не пользуюсь. Там и газу-то было совсем чуть-чуть.

Р а к и т и н. Ну, пустой баллон – он еще сильнее детонирует. В общем, получается, что в рубашке вы родились, Мария Михайловна!

Женщина убирает полотенце со лба
и садится на лавку.

М а р и я. Ага. В ней самой. *(Видит перебинтованную голову сына.)* Ой, господи. Алешка! Час от часу не легче. А с тобой что еще случилось? Ранили, что ли?

А л е к с е й. Все нормально, мама. Ударился немного.

М а р и я. Ну как же ты так? Эля, у него серьезное что-то?

Э л я. Да нет, не переживайте. Разбил голову немного. Я рану обработала. Надеюсь, что скоро все заживет.

М а р и я. Господи... Вот и будет с вами нормальный пульс. Провинились, что ли, мы с тобой, Алешка, перед Всевышним? Одна неприятность за другой, и все в нашу сторону.

Р а к и т и н. Ничего, Мария Михайловна. Ноги-руки целы, а остальное заживет. До свадьбы. Да, Лермонтов?

А л е к с е й. Так точно, товарищ капитан!

Р а к и т и н. Вот и отлично.

П р и б у д ь к о. Командир, там, помимо пристроя, раму еще снесло. И часть проема. Большая сквозная пробоина теперь в доме. Закрыть бы надо.

М а р и я. Закройте, мальчики. Если вам не сложно. У меня на улице фанера толстая лежит, а в пристрое где-то гвозди с молотком были. Я сама уже несколько раз окна так заколачивала. А то никаких стекол не напасешься. По нынешним временам.

А л е к с е й. Конечно, давайте сделаем, ребята? Разрешите маме помочь, товарищ капитан?

Р а к и т и н. А есть ли вам смысл здесь оставаться, Мария Михайловна?

М а р и я. А куда мне прикажете переехать? Другого жилья у меня нет.

Р а к и т и н. Я имею в виду, что могу вам в Донецке свою квартиру пока что предложить. Все равно же стоит пустая.

М а р и я. Спасибо, Иван Иванович. Это лишнее. Еще неизвестно, где сегодня безопаснее. Я уж как-нибудь здесь все переживу. В своем родном гнезде. Среди любимых книг.

Р а к и т и н. Вас понял. Так, бойцы. Завалы сейчас уже поздно расчищать. А вот окно нужно закрыть. Поэтому, Борислав, неси из машины фонарь, и пошли искать во дворе рабочие материалы.

П р и б у д ь к о. Есть.

Прибудько выходит.

А л е к с е й. Товарищ капитан, а почему вы сразу с собой фонарь в дом не взяли?

Г р и н е в. Ха. Ну ты даешь, поэт. Кто же нынче по темным домам с прожекторами ходит? Без проверки. Пальнуть ведь могут на свет.

А л е к с е й. А-а, понятно.

Р а к и т и н. Ничего, Гринев. Алексей – боец еще молодой. Ему простительно.

Э л я. Давайте я вам тоже помогу, товарищ капитан?

Р а к и т и н. Тутаринова, вы можете, если к моменту окончания работ приготовите нам какой-нибудь скромный ужин. А то мы еще с утра, так сказать, не завтракали. Если хозяйка, конечно, не против будет.

М а р и я. Конечно, мальчики. Я сделаю вам по-быстрому очень вкусный борщ. А Элечка мне, надеюсь, поможет.

Э л я. Конечно-конечно, тетя Маш. Что скажете, то и сделаю.

Р а к и т и н. Вот и отлично. Гринев, принеси тогда из машины еще пару банок тушенки. А то Прибудько сам не догадается их взять. И будет у нас прекрасный борщек с тушенкой.

16.

Ночь. Сидя на стуле и положив автомат на колени, М и к о л а дремлет на краю комнаты. В а р а лежит на полу. Л о р д сидит возле небольшой открытой коробки.

В а р а. О чем думаешь, Лорд? Сидя над взрывчаткой.

Л о р д. О чем думаю? Размышляю над тем, почему мы уже дважды провалились за полтора дня. Со мной такое впервые. Вот я и думаю: кто в этом виноват и что нам теперь делать?

В а р а. А что делать, полковник? Отлежимся завтра весь день, и уходить надо. По темноте. Мост одним зарядом не снести. Им разве что водочка теперь подорвать можно. Да и патронов почти не осталось. Скоро даже откусываться нечем будет.

Л о р д. Послушай меня, Вара... Я провел больше полусотни операций и никогда не возвращался назад без результата. Никогда. Но где-то ты прав. Гремучего материала у нас действительно мало. Да и сепары ведь тоже не дураки. Если они нашли у наших остальную взрывчатку, то сейчас даже на водокачке круглосуточная охрана. И нас наверняка ждут на любом более или менее важном объекте.

В а р а. И что ты предлагаешь?

Л о р д. Пока ничего. Я думаю. Но в любом случае, даже если не получится ничего подорвать, мы все равно что-нибудь замутим. Вплоть до того, что захватим с собой назад какого-нибудь глупого сепара. С пустыми руками я не вернусь. Зарубите себе это на носу.

М и к о л а. Лорд, а де ти воював раніше?

Л о р д. Много где. В Осетии был, потом в Сирии. Теперь вот сюда вам помогать приехал. Так что у меня с русскими старые рамсы.

В а р а. То-то я и смотрю, что ты смерти совсем не боишься. Вроде целый полковник, а на себе всю оставшуюся взрывчатку тащишь.

Л о р д. Смерти почти не боюсь, это верно. А вот в плен попасть очень не хочу.

М и к о л а. Чому не хочешь?

Л о р д. Потому что нет ничего унижительней, чем получать жратву из рук твоего улыбающегося врага.

В а р а. Тихо!

Слышится стук молотков за стеной.

Слышите? Молотки стучат. В соседнем доме, кажется. Че за ерунда? Кто там и что посреди ночи колотит? Микола, что в окно видишь?

М и к о л а. Нічого. Машина якась у суседей стоит. И світло у них в хате. А так ніяких движений.

Л о р д. Вара, а ты знаешь, кто там обитает?

Вара поднимается, подходит к Лорду и Миколу и тоже смотрит в окно.

В а р а. Раньше в этом доме учительница жила. Со своими родителями. Но я ее лет двадцать уже не видел. Может, теперь и не она там околачивается.

Л о р д. Учительница, говоришь?

В а р а. Да, учительница. Литературу преподавала. Русскую. Хорошая баба была, кстати. Статная. Я даже был в нее влюблен когда-то. Но потом уехал и ничего о ней больше не знаю. В соцсетях ее нет.

Лорд встает, подходит к тому месту, где сидит Микола, и тоже смотрит в окно.

Л о р д. Скажи мне, Вара. А местная школа сейчас работает или нет? Писали об этом что-нибудь в твоих соцсетях?

В а р а. Нет, она закрыта.

Л о р д. А что она из себя представляет?

Вара смотрит в сторону Лорда.

В а р а. Слушай, Стефан... Если я тебя правильно понял, то ты красавец. Эта школа – самый лучший вариант для подрыва. Я ж ее хорошо знаю. Там же здание очень небольшое и старое. И второй этаж держат всего две колонны. Ведь если даже одну подорвать, то все может полететь к чертовой матери! Да даже если и не полетит, то кто туда потом сопливых детишек пустит? А для такого дела и одного заряда будет вполне достаточно. Ты же об этом сейчас подумал? Да, полковник?

Л о р д. Так точно, Вара. Ты меня правильно понял. Я тоже считаю, что сепарам школа ни к чему. Пусть учат своих детей в подвалах.

В а р а. Она еще и стоит практически на отшибе. За ней парк, а там и до леса недалеко. Должны уйти от нее потом без всяких проблем.

Лорд возвращается к коробке и закрывает ее.

Л о р д. Видишь, как оно все в елочку. Лучшего варианта в нашей ситуации, пожалуй, и не найти.

М и к о л а. Так ми що? Школу йдемо підривати?

В а р а. Да. Школу. Догадливый ты наш.

М и к о л а. А як у цій школі з охороною?

В а р а. Да там наверняка сторожит какой-нибудь старый дед. Нетрезвый и не при памяти. Да и кого нам, в три рыла и с пушками, в таком месте бояться?

Л о р д. Вот и я о том же, Вара. Вряд ли нас ждет вооруженная засада в закрытой школе. Риска практически никакого, зато шуму может быть на всю страну.

В а р а. Заметано, Лорд. Когда двинем?

Л о р д. А чего ждать? На рассвете и исполним. Пока все спят. А после этого можно и домой возвращаться.

17.

На столе стоит большая кастрюля. Р а к и т и н, А л е к с е й, Г р и н е в и П р и б у д ь к о ужинают. Э л я пьет чай, а М а р и я смотрит за тем, как едят мужчины.

Р а к и т и н (жуя). Скажите, Мария Михайловна. А у вас, случайно, ничего больше в доме нет взрывоопасного?

М а р и я. Есть.

Ракитин давится супом и с изумлением смотрит на женщину.

Извините, Иван Иванович, что во время трапезы такое говорю, но от мужа осталась какая-то старая граната.

Гринев. И где же она у вас лежит?

Мария. В шкатулке. Могу потом принести, если вам так нужно.

Ракитин. Мария Михайловна, не потом, а немедленно несите сюда вашу гранату!

Мария. Может, вы покушаете сначала?

Ракитин. Несите, несите! Вы что?! Нельзя такое в доме держать! Вам взрыва газового баллона мало?

Алексей. Mam, так ты скажи, где шкатулка стоит. Я сам принесу.

Мария. Сиди, сиди, Алешка. Я сейчас схожу.

Женщина встает из-за стола и выходит из комнаты.

Ракитин (вдогонку). Только, ради бога, аккуратней там! Ничего, пожалуйста, не трогайте внутри шкатулки!

Гринев. Ах же ты, рыба заноша! В этом доме, оказывается, полно всякой взрывчатки. Ха!

Женщина возвращается со шкатулкой и ставит ее на стол.

Мария. Вот. Там еще и наручники есть. Паша три года в военной инспекции служил, так ему там их и выдали.

Ракитин вытирает руки и открывает шкатулку. Достает небольшую гранату и весело смотрит на нее.

Ракитин. А, так это муляж! Я думал, у вас настоящая в наличии.

Алексей. Так она игрушечная, товарищ капитан?

Ракитин. Да. Но сделана очень хорошо.

Алексей. Mam, можно тогда я себе ее возьму? Мне хоть какая-то память будет об отце.

Мария. Бери, конечно, Алешка.

Гринев. Наручники тоже бери, поэт.

Алексей. Для чего?

Гринев. Ха-ха. Вдруг понадобятся?

Ракитин. Гринев прав, Алексей. Насчет пустой гранаты не знаю, а наручники нам вполне могут когда-нибудь и пригодиться.

Алексей. Хорошо. Возьму и гранату, и наручники.

Он рассматривает обсуждаемые предметы, после чего прячет их в карманы.

Мария. Ой, а я ведь вам даже спасибо не сказала. Большое спасибо вам, мальчики, за помощь.

Ракитин. Да не за что, Мария Михайловна. Что смогли, то сделали. Завтра, если будет

такая возможность, мы вам и во дворе поможем. Главное, что вы сами целы. А все остальное – дело наживное.

Мария. Спасибо еще раз, Иван Иванович. На улице я уже как-нибудь сама разгребу. Потихонечку.

Алексей. Можешь теперь спать спокойно, мам. Окно мы закрыли очень надежно.

Гринев (жуя). Ага. Фанера – это надежней некуда. Эх, война закончится – в строители, наверное, подамся. Прибыльное будет дело. Заработаю деньжат и женюсь на какой-нибудь загорелой медсестричке. Элька, пойдешь за меня? Если я не с гитарой, а с деньгами к тебе подкачу? На белом «мерседесе»?

Эля. Гринев, ты хотя бы прожуй для начала. Прежде чем такие вопросы при всех задавать.

Гринев. Да ладно. Я уж понял, что у тебя сердце как камень. Никакой волной его не разобьешь.

Мария. А какое у вас образование, Максим?

Гринев. У меня-то? Я отличник Астраханского мореходного училища. А после него четыре года на рыбацком баркасе по Каспию отходил.

Мария. Так вы из России?

Гринев. Да. Прибыл сюда добровольцем, когда шторм тут еще только начинался.

Прибудько. И зачем же ты сюда приехал, Гриня? Денег ведь здесь все равно не зарабатываешь?

Гринев. При чем здесь бабки, Борисик? Ты же сам свидетель, к чему у вас все шло. И если теперь оставить майдаунов при пушках, они такую рыбу заношу натворят, что просто мама не горюй. Это же и юнге безумному понятно.

Ракитин. Правильно мыслишь, Гринев. Только они ведь не на одном Донбассе дел натворят. Они всю Украину искалечат. Дайте только время.

Мария. Ой, мальчики, хватит вам о войне. Кому еще подлить супчика? Тут осталось на пару тарелок. Алешка, тебе надо еще? Голова не болит у тебя, кстати?

Алексей. Все у меня в порядке, мам. А кушать я больше не буду. Объялся уже.

Ракитин. Совершенно с тобой согласен, Алексей. С тушенкой оно сытно получилось. Я тоже больше не хочу. Однако замечу, что ужин сегодня был просто чудесный.

Мария. Благодарю вас, Иван Иванович. Мне очень приятно, что вам понравилось. Элечка, а вы почему только один чай пьете?

Э л я. Спасибо, тетя Маш. Я на ночь как-то не приучена есть. Потом уснуть не могу долго. Да и для фигуры не очень полезно.

М а р и я. Ну что вы, Эля, какие там в борще калории? Жидкость она.

Г р и н е в. Нормальная у тебя фигура, Элька. Самое то. Я тоже уже наелся. Эх, хряпнуть бы сейчас еще немного алкогольчика. Соскучился по нему даже пуще, чем по красивым девчонкам. Эта водка мне ведь тоже снится. Почти каждую ночь.

Р а к и т и н. Сержант Гринев!

Г р и н е в. Ох, и помечать уж нельзя.

М а р и я. Спиртного, к сожалению, в доме не держу. Мой покойный муж его на дух не переносил. А то бы я, конечно, угостила вас по рюмочке.

Р а к и т и н. Это лишнее, Мария Михайловна. У нас временный сухой закон. Зимой, может, и отменим, а сейчас пока обходимся без этого.

П р и б у д ь к о. А я бы тоже не отказался от стопочки, товарищ командир. Мне жена раньше часто домашней горилки делала. Принимал немало за ужином с большим удовольствием.

А л е к с е й. Борислав, а почему твоя жена тебе не звонит даже?

За столом повисает напряженная тишина.

П р и б у д ь к о. Кхе... Спасибо, хозяйка, за супчик. И правда, было очень вкусно. Пойду-ка я покурю, наверное.

М а р и я. И вам спасибо, Борислав. За добрые слова.

А л е к с е й. Так ты же не куришь?

П р и б у д ь к о. Ну, просто воздухом подышу. Извините.

Прибудько встает из-за стола и выходит из комнаты.

М а р и я. Алексей, это неприлично – тыкать человеку, который гораздо старше тебя.

А л е к с е й. Да он сам меня попросил, мам. Не выкать ему.

Г р и н е в. Ты его про жену больше не спрашивай.

А л е к с е й. Почему?

Г р и н е в. Потому что ее убили. Этой весной. Прямо в лесу. Борислав в нем в начале войны какой-то базой заведовал. Так там батальон «Азов» лагерь себе устроил... Напились они как-то – и давай стрелять во все стороны. А его жена как раз в тот день из города приехала. Вся с детскими покупками и счастливая. Узнала в больнице, что беременная, и позвала Борисика на прогулку. Чтобы рассказать ему о такой долгожданной радости... Тут ее шальной пулей и вальнули. Прибудько сразу же после этого в Донецк подал-

ся. Ну и хохочет он постоянно тоже, видимо, от этого. Что-то, видать, повернулось в башке. Так что ты его про жену не спрашивай.

М а р и я. Ужас какой.

18.

В полной темноте П р и б у д ь к о стоит один посередине комнаты.

Слышится женский смех, повторяемый эхом.

Ж е н с к и й г о л о с (с эхом). Бориславка! Бориславка! У нас будет ребенок, слышишь? Хи-хи-хи... Я хочу мальчика. А ты?

Луч света выхватывает фигуру мужчины.

П р и б у д ь к о. Если б вы только знали, как я любил свою жену... До сих пор люблю... Ее звали Татьяна. Она была красива, как греческая богиня... Иногда я смотрел на нее и в моей голове крутилась только одна мысль: что она нашла во мне? Простом работнике лесного хозяйства... Шесть лет мы прожили душа в душу... Я даже боялся сказать ей плохое слово. Я просто боготворил ее. Мы ведь даже ни разу по-настоящему не поссорились... Единственное, что несколько омрачало наше совместное бытие, так это то, что мы долго не могли завести детей. Мы очень хотели... И вот у нас наконец-то получилось... Но именно в тот день, когда я узнал о том, что скоро впервые стану папкой, Татьянку забрали у меня навсегда... Пьяные и обколотые подонки... Все изрисованные свастикой и постоянно горлающие лозунги фашистских пособников... Свастика на Украине... А ведь еще недавно казалось, что подобное здесь просто невозможно! Ибо наша земля заплатила миллионами человеческих жизней, чтобы такие нелюди, как в батальоне «Азов», больше никогда не стреляли на ней куда попало! А они стреляют. До сих пор стреляют... Так что не спрашивайте у меня, почему я нахожусь по эту сторону, а не по ту. Ибо я лучше многих знаю, что враг уже не у наших ворот. Враг уже в наших домах. И имя ему – потеря памяти и полная безнаказанность... И этот враг у каждого мужчины заберет его Татьянку, если его не остановить.

19.

В комнате Р а к и т и н, М а р и я, А л е к с е й, Э л я и Г р и н е в.

Звонит телефон. Мария снимает трубку.

М а р и я (в трубку телефона). Алло... Здравствуйте. Да, он здесь.

Женщина передает трубку Ракитину.

Как ни странно, но это вас, Иван Иванович.

Р а к и т и н (*в трубку телефона*). Слушаю! Да, это я. Хорошо, вас понял. Скоро буду.

Ракитин кладет трубку и смотрит на хозяйку дома.

Простите, Мария Михайловна. Оставил ваши координаты в своем офисе. На всякий случай. И вот понадобился зачем-то начальству.

М а р и я. Какая беспокойная у вас офисная работа, Иван Иванович. Даже по ночам трудитесь.

Р а к и т и н. Какая уж есть. Зато у меня там, извините, кровать очень большая и дико теплая! В общем, спасибо вам за все. А мы поедом. Гринев и Лермонтов, давайте в машину!

М а р и я. Вам спасибо, господин капитан. Зато, что откликнулись и пришли на помощь. Извините за беспокойство. Алешка, дай я тебя хоть обниму, мой хороший. Радость ты моя единственная.

Женщина обнимает сына.

А л е к с е й (*тихо*). Ну не надо, мам. Перед товарищами же неудобно.

Женщина разнимает объятия и вытирает слезу.

М а р и я. Ничего. Товарищи поймут. Если они товарищи.

Г р и н е в. Эх, вот так всегда. Только привыкнешь к хорошему кубрику – и сразу зовут на холдную палубу.

А л е к с е й. Товарищ капитан, а можно обратиться с просьбой?

Р а к и т и н. Слушаю.

А л е к с е й. Разрешите мне у мамы до утра остаться?

М а р и я. Да, Иван Иванович. Пусть он у меня переночует? Если это возможно, конечно.

Р а к и т и н. Хорошо. Разрешаю остаться, рядовой Лермонтов. Но чтобы к подъему был на месте.

А л е к с е й. Слушаюсь, товарищ капитан! Спасибо!

Р а к и т и н. Эля, тебя куда подбросить? Домой или в медпункт?

Э л я. Я домой сегодня, Иван Иванович. Только разрешите мне тоже здесь остаться? А Алексей меня потом проводит.

Р а к и т и н. Да я не твой командир, Тутаринова. Ты у хозяйки дома об этом спрашивай.

М а р и я. Элечка, что вы такое говорите? Я вас никуда ночью не отпускаю. Хоть с Алексеем, хоть без него. Если хотите, то оставайтесь, конечно, у нас. Места всем хватит.

Г р и н е в. Товарищ капитан, тогда уж и мне разрешите остаться? Мне тоже есть что сказать фельдшеру Тутариновой. В ночной тишине.

Р а к и т и н. Гринев, марш в машину!

Г р и н е в. Ну товарищ капитан! Почему одним можно, а другим – нет? Это несправедливо!

Р а к и т и н. Сержант Гринев!

Г р и н е в. Ладно, понял. Подчиняюсь. Эх, не везет мне в жизни на красивых женщин. Элька, тогда хотя бы пообещай мне, что послушаешь мою новую песню. Для тебя ведь писал, недотрога ты эдакая.

Э л я. Обещаю, Максим.

Г р и н е в. Ого. Как неожиданно! И когда можно прийти с гитарой?

Э л я. Как только, так сразу.

Г р и н е в. Ну, это хотя бы что-то! Ладно. Всем спасибо, всем пока. (*Поет на манер шансона.*) Когда вернусь я, будет тихий вечер... И летний зной уже сойдет на нет...

Гринев выходит из комнаты.

Р а к и т и н. До свиданья всем.

М а р и я. До свиданья, Иван Иванович.

Э л я и А л е к с е й (*синхронно*). До свиданья.

Ракитин тоже выходит из комнаты.

Слышно, как отъезжает машина.

Мария тяжело вздыхает, садится на стул и смотрит на стол.

М а р и я. Ох, держалась, держалась, а сейчас вот поняла, что устала я очень, ребятки. Прямо сил больше никаких нет. А надо еще ведь посуду помыть.

А л е к с е й. Мам, так ты ложись. Мы с Элькой уберем здесь все.

Э л я. Конечно, отдыхайте, тетя Маш. Мы все сделаем в лучшем виде.

М а р и я. Хи-хи. Эх вы, хитрецы. Думаете, я не вижу, что вам очень хочется побыть наедине? Не беспокойтесь. Я совсем не собираюсь мешать вашему молодому делу. Только, пожалуйста, без глупостей здесь мне. Война закончится, тогда и в любовь играть будете. По-взрослому. А пока – не надо. В общем, и правда, пойду я. Взгляну еще раз на своего солдата-сына – и баиньки. Если усну, конечно.

А л е к с е й. Спокойной ночи, мам.

Э л я. Спокойной ночи, Мария Михайловна.

Мария обнимает и целует ребят.

М а р и я. И вам спокойной ночи, ребятки. Алешка, закрой ворота еще и двери запри.

А л е к с е й. Хорошо, мам. Сделаю.

Женщина уходит из комнаты.

20.

Ночь. Л о р д и В а р а спят на полу. М и к о л а трясет полковника за плечо.

М и к о л а. Лорд! Лорд! Чуешь мене?

Лорд садится на полу и зевает.

Л о р д. Пора уже, что ли?

М и к о л а. Ні. Ще дві години цілих.

Л о р д. Два часа еще можно спать?

М и к о л а. Так.

Л о р д. Слышь, debil? А зачем ты меня тогда разбудил?

М и к о л а. Ти не лайся, Лорд, ти послухай мене. Я зараз сепара, який мене в лісу бив, побачив. Він ворота сусіднього будинку закривав.

Л о р д. И что? Мало ли кто тебя лупил в этой жизни?

М и к о л а. Дай я його на шматочки поріжу, Лорд? Цей сопляк мені должен.

Л о р д. Даже не думай, Прибудько. А вдруг их там целая рота? Сорвешь нам всю операцию.

М и к о л а. Тобі що, сепара смердючого жалко? Треба мені буде, я и всю роту там покладу.

Лорд снова ложится на пол.

Л о р д. Отставить, говорю. Ослушаешься — пристрелю прямо в погребе. И закопаю в том месте, где сало лежало. Понял?

М и к о л а (в сторону). Пристрелю, пристрелю... Я вас, суки, ще всіх переживу.

Л о р д. Что ты сказал?

М и к о л а. Понял я. Спи.

21.

В комнате А л е к с е й и Э л я. Молодые люди моют посуду и весело хохочут.

Э л я. А потом наша Лиза за Барнецкого замуж вышла. Помнишь такого?

А л е к с е й. Сашку-то? Конечно, помню. Он мне сто гривен до сих пор не отдал. Пришел как-то, пару лет назад, и говорит: дай взаймы до вечера, а то совсем меня жена деньгами не снабжает. Ха-ха. Взял и пропал. И больше я его не видел. Ха-ха! Вот уж не думал, что наша одноклассница его второй половинкой станет. Он же чудик. Каких мало. Ха-ха!

Э л я. Эх, Алешка... Как же хорошо у нас было раньше. Какой класс был дружный!

А л е к с е й. Дружный. А сейчас половина там, за бандеровцев, а половина здесь. Война всех разделила.

Алексей протирает тряпкой стол, а девушка составляет в стопку тарелки.

Э л я. А тебя почему, кстати, в соцсетях нет?

А л е к с е й. А что мне там делать? Я лучше книжку читаю какую-нибудь. Или стихами занимаюсь. А интернет у Ивана Ивановича есть. Мы там все смотрим. Если нам что-то нужно.

Э л я. Забавный ты, Лермонтов. Ведь и дома у вас как в девятнадцатом веке. Ни компьютера, ни современных телефонов.

А л е к с е й. Не знаю, Элька. Нам это здесь как-то и не особо нужно было. Хотя, может, потом и купим. Маме, наверное, компьютер скоро для работы понадобится... Ну, все... Посуду мы помыли, со стола протерли. Можно теперь и отдохнуть немного.

Молодые люди вытирают руки о полотенце и весело смотрят друг на друга.

Э л я. О да, товарищ рядовой. И у нас осталось еще целых четыре часа на личную жизнь.

А л е к с е й. Ого, как много! Целых четыре часа.

Э л я. Нет, Алешка. Это очень мало. Вот увидишь, что мы и не заметим, как встанет сегодня на рассвете наше новое солнышко. Поэтому говори скорее: какая у нас намечается развлекательная программа?

А л е к с е й. Не знаю. Я же не готовился к тому, что мы сегодня будем только вдвоем.

Э л я. Эх ты. Плохой из тебя, Лермонтов, массовик-затейник. Давайте тогда, мой добрый Айвенго, я сама предложу вам поиграть в одну интересную игру.

Эля внезапно приобнимает Алексея, и они, глядя друг другу в глаза, начинают танцевать без музыки.

А л е к с е й. А в нее разве можно играть танцуя?

Э л я. Конечно.

А л е к с е й. А откуда ты знаешь, что дома меня зовут Айвенго? Меня так папа всегда величал.

Э л я. Ты мне уже говорил об этом.

А л е к с е й. Забыл, значит. Ну и в чем же она заключается? Эта ваша игра?

Э л я. Давай помечтаем с тобой, что будет с нами после войны.

А л е к с е й. После того, как мы победим?

Э л я. Да! Ведь по-другому быть просто не может! Как ты думаешь, кем, например, стану я?

А л е к с е й. Не знаю. Доктором, наверное. Терапевтом каким-нибудь.

Э л я. Не-е. Я не хочу быть врачом. Медицина — это не мое.

А л е к с е й. Почему?

Э л я. Потому что в ней каждый день столько страданий! От этого быстро устаешь. А ты, наверное, будешь подполковником! Да? Настоящим героем войны. Как твой папа.

А л е к с е й. Не-е. Быть офицером — это не для меня.

Э л я. Хи-хи. Повторюша. Какой же ты все-таки красивый в этой военной форме.

А л е к с е й. Не смущай. Тем более что ты намного красивее меня... Эх, Элька. Как же давно мы с тобой не танцевали! Надеюсь, ты помнишь, когда это было?

Парочка останавливается.

Э л я. Как же такое забыть, Алешка? Ведь это случилось только один раз в жизни. На нашем выпускном вечере.

А л е к с е й. Точно. И именно тогда мы впервые поцеловались.

Э л я. Не мы, а я тебя поцеловала. Ты ведь у нас такой стесняшка.

А л е к с е й. Ничего я не стесняшка. Просто я ж не знал, как ты ко мне относишься. Поэтому боялся получить от тебя по лицу. За свои дополнительные ухаживания.

Э л я. Хи-хи. Ясно. Только я так и не поняла: а кем ты хочешь стать? После нашей победы.

А л е к с е й. Я хочу написать, Элька, что-нибудь такое, чтобы это запомнилось. Осталось после меня надолго, понимаешь? Я уже даже придумал один такой стих. И очень надеюсь, что он обязательно понравится людям.

Э л я. Хи-хи. А ты стал самоуверенным мальчишкой, Айвенго. Я не узнаю тебя совсем.

А л е к с е й. Да ты знаешь, рядом с тобой я и правда чувствую себя очень раскованным. По крайней мере, сейчас.

Э л я. Какой приятный комплимент. И что же это за строчки ты придумал? Которые обязательно запомнятся людям.

А л е к с е й. Ну вот послушай, если тебе интересно. *(Декламирует.)* Смысл нашей жизни очень прост. Не в вине он и не в новом месте. Лей любовь на близких, словно тост. Главное – побыть с ними вместе. Пока зришь, пока дают дышать, ты цени их на процентов двести. И не дай кому-то помешать... В этой жизни... Вам... Набытья вместе...

Возникает пауза.

Э л я. Это очень красиво, Алешка. Очень.

А л е к с е й. Спасибо, Элька. Я знал, что тебе понравится.

Алексей и Эля тянутся друг к другу, чтобы поцеловаться. В это время появляется М а р и я, которая, увидев, чем занимаются молодые люди, громко кашляет.

М а р и я. Гм... Алексей! Ты ворота закрыл? Парень и девушка спешно отстраняются друг от друга.

А л е к с е й. Да, мама. Я все закрыл и крепко запер.

М а р и я. Вот и умница. Смотрю, и посуду всю помыли уже. Молодцы какие. Ох, пойду все же и попробую уснуть. Ведите себя хорошо здесь.

Э л я. Может, с нами все-таки посидите, тетя Маш? Чаю попьем.

М а р и я. Нет, Элечка. Вы кажетесь такими счастливыми, что мне совсем не хочется вам мешать. Да и кто знает... Когда еще у вас так получится – поговорить только вдвоем.

22.

Накрытый плащ-палаткой, в комнату заходит Р а к и т и н. Кладет на стол связку ключей и свой автомат.

Устало трет переносицу.

Р а к и т и н. С того памятного дня прошло уже много лет. Однако утро, в которое все и случилось, до сих пор отчетливо стоит у меня перед глазами. И до сих пор мою душу терзает щемящее чувство вины, что все тогда могло быть совершенно иначе... Если бы не я. Хотя когда стараешься думать об этом беспристрастно, то порой оправдываешь себя. Говоришь себе, что судьбу, состоящую из случайностей, вряд ли можно отменить... В общем, той ночью еще несколько раз шел дождь. Но когда ровно в 4.45 по донецкому времени я вернулся в офис из штаба, на улице уже стояла прекрасная и солнечная погода.

Ракитин снимает плащ-палатку и, забравшись на стол вместе с автоматом, накрывается ею.

В окружающем мире было на удивление спокойно. Я поразился этому факту и решил все-таки немного отдохнуть. Для чего забрался в свою шикарную постель и, обняв любимый автомат, сразу забылся глубоким сном беспричинно счастливого младенца. Тогда я еще не знал, что это будет один из самых коротких снов в моей жизни.

23.

Слышатся громкие голоса птиц.

Л о р д, В а р а и М и к о л а крадучись передвигаются в пространстве. Затем группируются вместе, присев на корточки.

Л о р д *(тихо, указывая пальцем)*. Это ваша школа?

В а р а *(тихо)*. Да, она. *(Указывая пальцем.)* Нам вон туда надо.

Л о р д *(тихо)*. Понял. Тогда еще раз повторю весь мой план. Подламываем служебный вход и сначала полностью осматриваем помещение. Всех, кого встречаем, нейтрализуем без выстрелов. Повторяю: без выстрелов. После чего При-

будько встает на стрем, а мы с тобой, Вара, проводим операцию с часовым зарядом. Всем все понятно?

В а р а (*тихо*). Понятно.

М и к о л а (*тихо*). Ясно.

Л о р д (*тихо*). Тогда двинули по тихой грусти. Диверсанты поднимаются на ноги и скрываются из виду.

24.

Одетая в домашний халат М а р и я провожает
А л е к с е я и Э л ю.

А л е к с е й. Ну все, мамуль. Мы пойдем уже. А ты, если, не дай бог, что случится, звони сразу же Иван Ивановичу. Мы приедем и во всем разберемся.

М а р и я. Какой ты уже все-таки большой стал, Алешка. Да уж, как быстро летят годы! Хотя отец наверняка бы тобой гордился. А вы так и не сомкнули глаз, что ли, сегодня?

Э л я. Нет, тетя Маш. Не сомкнули. Однако время все равно прошло очень незаметно.

А л е к с е й. Это точно. Чуть рассвет не пропустили.

Парень и девушка переглядываются и смеются.

М а р и я. Я, честно говоря, тоже так и не уснула. Слышала, как дождь несколько раз принимался.

Э л я. Мы тоже его слушали.

А л е к с е й. О да. Он был несильный и очень короткий.

М а р и я. Идите уже. Молодые голубки. Не терзайте мне душу расставаньем. И так буду скучать за вами.

Алексей поправляет автомат и обнимает маму.

А л е к с е й. Я тоже буду скучать, мам. Но мы обязательно скоро увидимся. Может, даже сегодня приедем. Завалы тебе помочь разгрести.

М а р и я. Не надо. Во дворе я сама справлюсь. А Иван Иванович если разрешит, то принесу вам еще как-нибудь пирожков потом. С чем тебе сделать в следующий раз?

А л е к с е й. А с чем хочешь, с тем и сделай. Только мы не просто скоро увидимся, мам. А я обязательно выполню свое обещанье.

М а р и я. Какое обещанье?

А л е к с е й. Помнишь, я обещал тебе мирное солнце над Донбассом? Так оно будет. Оно непременно будет у нас таким, мамуль... Ты только верь и жди. Все, мы пошли.

Э л я. До свиданья, тетя Маш.

М а р и я. До свиданья, Элечка.

Молодые люди выходят из комнаты.

Мария смотрит им вслед.

25.

А л е к с е й и Э л я неторопливо идут по утренней улице.

Громко поют птицы.

Э л я. Какое же сегодня утро чудесное! И тихо как. Даже не верится, что вокруг творится весь этот кошмар.

А л е к с е й. Это точно, Элька. Как будто нет ничего... Ни войны, ни выстрелов, ни смерти... А есть только мы. Ты и я... А помнишь, кстати, то стихотворение, которое я тебе написал на обложке тетради?

Э л я. Да. Оно так и осталось у меня там. Только теперь немного выцвело. Я, когда была в России, часто смотрела на эту тетрадку. И тебя вспоминала. И эти твои стихи знаю теперь наизусть. (*Декламирует.*) Когда-нибудь, принцесса, ты вспомнишь это лето... Что с радостью ласкало тебя своим теплом... И будешь улыбаться, и вспоминать про это... Тогда, когда осенний снег влетит в твоё окно...

72

А л е к с е й (*подхватывает и декламирует*). Веселая принцесса, на миг забудешь холод. И снова под туманом придешь меня встречать. Под звуки полонеза, летящие из дома... Ты скажешь мне, как в страшном сне: мне надо уезжать.

Э л я. Очаровательные строчки. Хотя даже и не подумаешь, что это написал совсем юный мальчик. Юный, грустный школьник в очках... Хи-хи. Впрочем, ты ведь и сейчас, если присмотреться, выглядишь совсем не взрослым. Хоть и с автоматом идешь.

А л е к с е й. Это плохо или хорошо?

Э л я. Не знаю. Хорошо, наверное... Только вот прочла твои строчки с обложки, и мне вдруг подумалось, что это с нами все было в другой жизни. Той – веселой и беззаботной.

А л е к с е й. Элечкин, ну что ты печалишься? У нас впереди еще целая вечность! Главное, что мы теперь вместе! И я точно знаю, что скоро все закончится и мы заживем совершенно другими и радостными событиями. Понимаешь?

Э л я. Так хочу в это верить, Алешка... (*Указывает рукой.*) О, смотри, а вот и наша школа стоит... Одна и в утренней дымке... Старенькая она уже.

А л е к с е й. Ну да, старенькая. Ремонт бы в ней надо сделать. Хотя бы косметический.

Э л я. Знаешь, мне так жалко, что в ней никого не учат сейчас. Даже не представляю себе детство без школы и своих одноклассников.

А л е к с е й. Согласен, Элька. Моя мама очень скучает по своим урокам. Готовится до сих пор к ним. Книги дома перечитывает.

Э л я. Ой, Алешка... Смотри. Там, кажется, дверь служебного входа открыта.

А л е к с е й. Я вижу. Точно, ведь открыта. Сторож, что ли, ее отворил?

Э л я. Так, а зачем ему открывать двери в такую рань? В неработающей школе.

А л е к с е й. Не знаю. Может, двор подметал. Хотя странно все это как-то. Пойдем проверим? Вдруг там мародеры какие-нибудь ошиваются?

Э л я. Алешка, может, не надо никуда ходить? Что-то мне страшно стало.

А л е к с е й. Ха-ха. Чего нам опасаться, Элька? У меня автомат и два рожка патронов к нему. Пошли, не бойся. Время еще есть у нас немного в запасе. Может, это действительно сторожу просто не спится. Только все равно не шуми там. Зайдем осторожно и посмотрим.

Эля останавливается в сомнении и смотрит на Алексея.

А л е к с е й. Ха-ха, Тутаринова! Пошли, пошли. Вот уж не знал, что ты такая трусиха.

Э л я. Ну, пошли.

Алексей и Эля скрываются из виду.

26.

В поле зрения снова появляются А л е к с е й и

Э л я. Ребята осторожно продвигаются вперед, осматривая все вокруг.

Э л я (*тихо*). Вроде никого нет.

А л е к с е й (*тихо*). Ну да. Не слышно людей.

Э л я (*тихо*). Такие странные ощущения. Мы с тобой вдвоем в нашей пустой школе.

А л е к с е й (*тихо*). Кстати, а помнишь это место? Где мы сейчас стоим.

Э л я (*тихо*). Конечно. Мы здесь впервые с тобой поцеловались. Только тогда было очень темно. А к чему ты это вспомнил?

А л е к с е й (*тихо*). Не знаю... Просто почему-то захотелось это все повторить.

Э л я (*тихо*). Так, а чего ты ждешь? Ведь я тоже этого хочу. Или мне снова все взять в свои руки?

А л е к с е й (*тихо*). Не надо. Я сам теперь взрослый.

Алексей притягивает девушку к себе, и они целуются.

Скажи, Элька... А почему ты вернулась из России?

Э л я (*тихо*). Потому что в ней нет тебя... Поэтому мне было там постоянно грустно.

А л е к с е й (*тихо*). А если все так, то почему мы не пошли тогда дальше одного школьного поцелуя? Почему не остались вдвоем?

Э л я (*тихо*). Не знаю... Может быть, просто чего-то испугались... А может быть...

Эля осекается и пристально вглядывается вдаль.

А л е к с е й. Что «может быть»?

Э л я. Господи, Алешка! Там какие-то люди в балаклавах идут!

А л е к с е й. Где?

Э л я. Обернись.

Алексей оборачивается и сразу утягивает девушку в сторону.

А л е к с е й. Ух ты... Это еще кто такие? Элька, давай за угол!

Э л я. Что?

А л е к с е й. Прячемся быстрее, говорю! Наши в балаклавах не ходят по городу!

Испуганные парень и девушка отбегают в угол и прижимаются к стене. Вскоре с разных сторон появляются Л о р д, В а р а и М и к о л а.

Диверсанты подходят друг к другу.

Л о р д. Что у тебя, Прибудько?

М и к о л а. У мене чисто. Кабінети всі закриті и всюди ні душі.

Л о р д. Мы тоже никого не встретили. Это хорошо.

В а р а. Ага. Это нам на руку.

Лорд внимательно осматривает пространство рядом с ребятами, но не видит их.

М и к о л а. Ха. Цим сепарам даже на сторожа и то грошей жалко.

В а р а. А че тут брать-то, Микола? Парты, что ли, деревянные?

М и к о л а. Ну, не скажи, Вара. Буво би время, то я б прошвирнулся по кабинетам. Там багато чого є цікавого.

Л о р д. Отставить базар. Продолжаем действовать по плану. Прибудько, ты встаешь на фоксе, а мы с Варой минируем одну из колонн.

В а р а. Заметано, шеф. Скоро эта зачуханная школа превратится в грудку битых кирпичей.

М и к о л а. Це точно, Вара. Сьогодні у сепарів буде веселий день.

Л о р д. Сплюньте, балаболы. Давай все по местам.

Диверсанты снова расходятся в разные стороны.

Э л я. Господи, Алешка, они ведь, кажется, школу хотят взорвать.

А л е к с е й. Да понял уже.

Э л я. И что мы будем делать?

А л е к с е й. Дай подумаю две секунды... Так. Все, я придумал.

Э л я. Что ты придумал?

А л е к с е й. Беги сейчас быстрее на улицу и любым способом, но как можно скорее, сообщи Иван Ивановичу или еще какому-нибудь военному, что диверсанты хотят взорвать нашу школу.

Э л я. А ты?

А л е к с е й. А я попробую им помешать.

Э л я. Алешка, ты сошел с ума! Господи, что ты говоришь? Как ты им помешаешь? Их много, и они все с оружием. Надо уходить отсюда, малыш. И чем быстрее, тем лучше.

А л е к с е й. Элечка, послушай меня. Как я буду смотреть в глаза своей маме, если они взорвут ее школу? А я ничего не сделаю, чтобы им помешать... Пойми меня, пожалуйста.

Э л я. Но они же убьют тебя, Алешка!

А л е к с е й. Элечка, мы теряем время. Иди, пожалуйста. Сообщи нашим. Я продержусь, ты не переживай.

Э л я. Алешка!

А л е к с е й. Иди!

Алексей передергивает затвор на автомате и скрывается из виду. Эля нервно мечется из стороны в сторону.

Э л я. Господи... Господи... Как же так, Алешка?! Что же делать? Что же делать?! Что-что... Бежать и сообщать! Вот что!

Эля тоже скрывается из виду.

27.

В а р а пытается достать из вещмешка Л о р д а коробку с бомбой.

Л о р д. Что ты копаешься, Вара?

В а р а. Да завязку у тебя дернул не с той стороны. Узлом пошла.

Л о р д. Ой, идиот. Как бы дорого нам не обошлась твоя ошибка.

Вара аккуратно достает из вещмешка коробку со взрывчаткой.

В а р а. Да не рычи, я все достал уже. Кхе. Адская машинка к использованию готова!

Л о р д. Ну, так ставь ее быстро возле колонны!

В а р а. Под какую ставить?

Л о р д. Давай под правую. Визуально кажется, что она больше держит.

Вара кладет коробку на землю и присаживается на корточки рядом с ней.

В а р а. На сколько часового механизм заводить? Нам же еще уйти надо.

Лорд отпихивает Вару и присаживается рядом с ним.

Л о р д. Ай, отойди ты. Сам все сделаю.

В это время появляется А л е к с е й с автоматом на изготовку.

А л е к с е й. А ну, прекратите это немедленно! Слышите?! Иначе я буду стрелять!

Бандиты оборачиваются на голос.

Л о р д. Что за черт четырехглазый? Ты кто такой, мальчик?

В а р а. Походу, это сторож. Которого мы где-то проглядели.

А л е к с е й. Это неважно, кто я такой. Забирайте с собой свою бомбу и уходите отсюда! Я не дам вам взорвать эту школу!

Л о р д. Нет, вы посмотрите на него, какой он смелый.

В а р а. Ага. Вроде subtilный очкарик, а духу, как у бойца спецназа.

А л е к с е й. Моя близорукость не должна вас волновать. Повторяю. Если не уберетесь отсюда через десять секунд, я открою огонь.

Позади Алексея появляется М и к о л а, который ведет под дулом автомата заплаканную Э л ю.

М и к о л а (громко). Ей, сторож! А якщо ти не опустишь пушку, то я прострілю їй голову через пять секунд!

Алексей поворачивается на голос. В это время Вара вытаскивает пистолет и направляет на парня.

Э л я. Алешка, берегись!

Звучит выстрел. Алексей хватается за раненое плечо и падает на землю. Лорд и Вара подсакивают к парню и начинают избивать его ногами.

Э л я (кричит от ужаса). А-а-а!

М и к о л а (Эле). Заткнись, сука! Иначе я тебе бошку отстрелю!

В а р а (Алексею). Ах ты, гнида сепарская! Ты кому смертью угрожаешь?!

Лорд присаживается рядом с избитым и раненым поэтом и снимает с него автомат.

Л о р д. Это точно. Нашел с кем в войнушку играть! Я же тебя сейчас из собственного автомата пристрелю! Идиот конченный!

А л е к с е й. Не пристрелите.

Л о р д. Ха-ха. Нет, ты посмотри, какой сопляк наглючий! Это еще почему у меня не получится?

Алексей резко вытаскивает из кармана наручники, быстро цепляет их за свою руку и за руку Лорда.

А л е к с е й. Потому что тогда вам придется меня тащить!

Лорд вскакивает на ноги, но Алексей висит на его руке. Лорд хватается Алексея второй рукой за горло.

Л о р д. Ах ты, псина ушлая! Загрызу, сука... Одними зубами глотку порву!

А л е к с е й (*сдавленно*). Это еще не все, граждане!

Свободной рукой Алексей вытаскивает из кармана гранату и зубами вырывает чеку. После чего мгновенно прячет руку в карман.

Лорд отпускает шею поэта, и ошарашенные бандиты молча взирают на происходящее.

А л е к с е й (*проглотив чеку*). Теперь у меня в кармане боевая граната, а чека от нее в желудке. И если я разожму руку, через четыре секунды в моих штанах рванет 60 грамм тротила. И если учесть, что от меня еще и ваша взрывчатка недалеко, то здесь всем мало не покажется.

М и к о л а. Ось же гадениш. Слухай, Лорд. А я ж його впізнав. Це він бив мене недавно на болоті. Ну все, самураї поганий. Тепер ти точно труп.

Э л я. Господи, Алешка... Что же ты наделал?

А л е к с е й. Не переживай, Элечка. Все нормально. Сейчас ты побежишь за подмогой. Они же не дураки. Они хорошо понимают, что уже проиграли.

В а р а (*Лорду*). Что делать будем, шеф? У сопляка все козыри на руках. Можно, конечно, попытаться дернуть ему руку из кармана, но не факт, что мы успеем перехватить рычаг до взрыва. Он ведь ее и в сторону может метнуть.

Л о р д (*рычит от ненависти, схватив рукой Алексея за грудки*). Р-р-р... Убью гада... На кусочки разрежу!

А л е к с е й. Да хватит вам рычать. Давайте по-деловому, господа диверсанты. Если вон тот человек не отпустит сейчас мою девушку, то я разожму в кармане руку. Вы же нас все равно убьете. Поэтому мне ничего не остается, как закончить свою жизнь вместе с вами. В общем, я считаю до трех.

М и к о л а. Вара! Может, бросим их здесь да двинем до выхода?

Л о р д. Слышь, сволочь с Майдана?! Перестань называть врагам наши имена! И только попробуй побеги! Я тебя изрешечу!

В а р а. Так, а что делать, шеф? Ждать, как трусливые зайцы, пока сепар руку расцепит?

М и к о л а. Вот именно. Валить надо отсюда. Че тут по порожнякам задницы тусовать?

А л е к с е й. Школа старая, граждане диверсанты. Если взрывчатка сдетонирует, то вы вряд ли успеете выйти. Начинаю отсчет. Один!

Э л я (*плачет*). Господи, Алешка. Не делай этого!

А л е к с е й. Прости меня, Элечка, но по-другому никак нельзя.

В а р а. Лорд, он вряд ли блефует! Сопляк, походу, и правда напрочь отмороженный! Надо что-то решать!

А л е к с е й. Два!

В а р а. Лорд! Че ты тянешь?!

А л е к с е й. Ну?!

Л о р д. Отпусти бабу.

Микола отталкивает Элю и опускает автомат.

А л е к с е й. Вот и правильно... А теперь беги, Элечка. Беги как можно быстрее. И сделай все, как мы обговаривали.

Э л я (*плачет*). Алешка!

А л е к с е й (*кричит*). Беги! Беги, родная! Если они не уберутся, я взорву их всех в этой школе! Беги!

Эля быстро исчезает из виду.

В а р а. Ну и засада. Уходить надо, Лорд! Скоро здесь будут сепары.

Л о р д (*Алексею*). Поднимайся, сука! Или я сейчас сам подорву твою гребаную детскую забегаловку!

Алексей встает на ноги.

Уходим. Вара, покажешь, как отсюда быстрее уйти. Главное, до леса добраться, а там мы с ним разберемся.

В а р а. А если он раньше руку разожмет?

Л о р д. Уходим!

А л е к с е й. Нет, вы меня не поняли. И взрывчатку свою забирайте.

Л о р д. Микола, возьми взрывчатку.

М и к о л а. Ни-ни. Я пас.

Л о р д. Вот же падла, а! Вара! Засунь мне тогда ее в мешок!

В а р а. А сам-то че мое имя перед сепаром светишь?

Л о р д. Быстрее, Вара!

В а р а. Да сделаю сейчас. Не рычи.

28.

Р а к и т и н спит прямо на столе, укрывшись плащ-палаткой. В комнату вбегает Э л я. Видит отдыхающего офицера и бросается к нему.

Э л я. Товарищ капитан! Товарищ капитан! Проснитесь, Иван Иванович! Бандиты Алешку убили!

Капитан поднимает голову и несколько мгновений сонно смотрит на Элю.

Иван Иванович! Бандеровцы Алешку убили! Убили, Иван Иванович!

Офицер садится на стол.

Р а к и т и н. Так, Тутаринова. Отставить слезы. Где и когда это случилось? Рассказывай быстро и четко.

Э л я. В школе... В нашей школе это произошло!

Ракитин спрыгивает со стола и быстро застегивает на себе одежду.

Р а к и т и н. Как вы там оказались?

Э л я. Мы проходили мимо и увидели, что она открыта. Зашли внутрь, чтобы узнать, почему не заперта неработающая школа, а там бандиты... Там диверсанты бомбу под колонну закладывают... И Алешка захотел им помешать...

Ракитин берет со стола автомат.

Р а к и т и н. Так. Понятно. Давай быстро за мной. По дороге расскажешь все остальное.

29.

В комнате Г р и н е в и П р и б у д ь к о. Гринев чистит щеточкой армейские ботинки, а угрюмый Борислав, сидя недалеко от товарища, молча смотрит в пространство.

Г р и н е в (*смотрит на свои ботинки*). О, красота какая. Даже на войне надо за собой следить. Вдруг где рыба заною подвернется? С хорошей талией.

П р и б у д ь к о. Жениться тебе надо, Гриня. Пока не поздно.

Г р и н е в. Жениться – это само собой. Лет двадцать еще погуляю и потом сразу под венец. На всю оставшуюся жизнь. Слушай, Борисик, а ты че угрюмый такой сегодня? Посмотри, какое утро прелестное на дворе. Солнце, тепло, тихо! А ты на себя не похож. Случилось что? Или это тебя поэт своей болтовней так задел? Так ты на него не дуйся. Он же не знал, какая у тебя беда в жизни была.

П р и б у д ь к о. Нет, Гриня. Поэт здесь ни при чем. Брат у меня умер. Кажется.

Г р и н е в. Это как?

П р и б у д ь к о. А вот так. Был-был – и не стало. В общем, это долго объяснять, Макс.

Г р и н е в. Хм... Ну, тебе виднее. Сочувствую. Брат – это самый близкий человек. Жалко, конечно, что так получилось. У меня вон дома, в Астрахани, как-то бабка троюродная померла, так и то жалко было. А тут целый брат. Может, помянуть хочешь? Давай, я найду топливо, раз такое дело.

П р и б у д ь к о. Не надо. Он того не стоит.

Г р и н е в. Кто не стоит? Брат твой?

П р и б у д ь к о. Да.

Г р и н е в. Во даже как. То сидишь чернее тучи, а то и не стоит брателло твоих переживаний. Ну, ты и фрунт, Борисик.

В комнату врывается Р а к и т и н, следом – заплаканная Э л я.

Р а к и т и н. Гринев, Прибудько! Форс-мажор, ребятки! Даю одну минуту на сборы!

Бойцы мгновенно поднимаются и начинают собираться.

П р и б у д ь к о. Что случилось, командир?

Р а к и т и н. Лермонтов с диверсантами в местной школе сцепился.

Г р и н е в. Вот это новость! Жив?!

Р а к и т и н. Еще неизвестно. Быстрее, быстрее, бойцы! Все, уходим!

Все удаляются из комнаты.

30.

В а р а, Микола и Л о р д с Алексеем (они по-прежнему сцеплены наручниками) вбегают и останавливаются. Все четверо тяжело дышат.

В а р а. Я больше не могу, полковник! Дыхалка уже обрывается! Надо привал сделать!

Л о р д. Хорошо. Делаем пятиминутную передышку!

Все устало опускаются на землю. Алексей валится вместе со всеми, и его рука, которой он держал гранату, вываливается из кармана. Вара мгновенно замечает это.

В а р а. Лорд, у него пакля выскочила! Сука, сейчас рванет!

М и к о л а. А-а-а!

Вара и Микола прыгают в сторону, а Лорд сразу лезет в карман поэта.

Л о р д. Я вам еще припомню это, паскудники! Как вы командира своего спасали!

Лорд вытаскивает гранату из кармана парня и отбрасывает ее от места привала. Все, кроме Алексея, закрывают головы, ожидая взрыва. Но ничего не происходит.

В а р а. Че-то не взрывается. Фуфло, что ли?

А л е к с е й. Она учебная. Это муляж.

М и к о л а. Как муляж?

А л е к с е й. Так и муляж. Но вы, если хотите, можете теперь вернуться в школу.

Лорд хватается свободной рукой за свою макушку и начинает дико смеяться.

Л о р д. Ха-ха-ха! Ой, я не могу! Ха-ха-ха... Очкастый сопляк вчистую уделал трех храбрых диверсантов! Ха-ха-ха... Вот это операция! А как сыграл, гнида?! Кричал ведь даже, как будто перед смертью! (*Алексей*.) Ты кто, сукин ты сын? Я ни в жизнь не поверю, что ты простой школьный сторож! Офицерик какой, что ли, зашифрованный?!

Микола. Я ж тобі кажу, атаман. Він військовий сепар. Я його бачив вже тут.

Алексей. Нет. Я не офицер. Я обычный рядовой армии ДНР. А вы кто такие?

Лорд. Зачем тебе это знать? Меньше информации в голове – меньше страданий. Перед смертью.

Микола. Лорд, я зараз приріжу його! Дай мені пошінковать на шматочки цю суку!

Лорд. Прирежешь, прирежешь. Надо только сначала отстегнуть его от меня.

Вара. Давай ему просто клешню отстрелим? Пары очередей за глаза хватит.

Лорд. Отставит стрельбу, Вара. Побереги последние патроны. Девка наверняка уже сообщила все сепарам. Поэтому я уверен, что за нами уже выехали. Зачем врагам звуками лишними подсвечивать?

Микола вытаскивает нож.

Микола. Давай я йому відріжу цю руку, а? Мені так хочеться зробити цій падлі трошки больно! (Алексю.) Ось чого ти сюди приперся, паскуда смердюча? На мою землю? Що тобі тут треба?!

Микола хватает Алексея за шиворот и притягивает к себе.

Отвечай мені, падлюка! Я ж все одно тебе кокну!

Алексей. Я никуда не приперся... Я родился здесь. Это моя земля.

Микола. Ах ти, сука! Так ти, виходить, сознательно пішов проти України?! Зрадник підколодний! На тобі!

Микола бьет Алексея в лицо.

Лорд. Осади, Прибудько!

Алексей. Я никого не предавал. Я защищаю свой дом. Понимаете вы это или нет?!

Микола снова бьет Алексея по лицу.

Микола. Я тобі покажу – не предовал!

Лорд. Отойти ты от него, придурок! Я приказываю! Вара! Возьми у этого идиота нож и отсеки сепару кисть! Пусть он без нее попробует свой дом защищать. Слышишь? А то я больше не могу находиться с ним, как собака на поводке. Меня рвать от злости тянет.

Вара. Сделаем, шеф.

Алексей. Не надо мне руку отрезать... У меня ключ от наручников есть... В другом кармане штанов лежит.

Микола. Ха-ха-ха... Виявляється, що у тебе ключик є! Ха-ха... Ну, все! Теперь ты точно труп!

Лорд (Миколу). Перестань скалиться, болван! Обыщи его лучше!

Микола шарит в кармане у Алексея и достает оттуда ключ от наручников.

Микола. Точно, є ключик, атаман!

Лорд. Отстегивай тогда быстро, дурень! И хватит уже скакать от радости!

Микола. Та у мене просто руки трясутся!

Вара. От чего? От страха, что ли?

Микола. Ни. Як подумаю, що буду різати цю тварюку на шматочки, серце дрожить від радості!

Микола снимает наручники с Лорда и Алексея и передает их командиру.

На тобі їх, Лорд! Ха-ха, на пам'ять! Ну що? Я приступаю до казни цього сепара? Так?

Лорд. Подожди минутку, злобный человек.

Микола. Чому?

Лорд. Потому. Я передумал его валить. Мы этого поганца с собой возьмем. Как трофей.

Вара. Зачем он нам нужен, Стефан?

Лорд. А мы обменяем его потом. На нашего.

Микола. Та ти що, Лорд, з дуба звалився?

Лорд. Это приказ, Прибудько! А чтобы он тебе понятней был, вы теперь вместе пойдете!

Микола. Що?

Лорд быстро сцепляет наручниками Миколу и Алексея.

Лорд. Вот так мне будет гораздо спокойнее.

Микола. Ее! Ти що наробиш, падла? Ее! Ее!

Лорд. Закрой свою пасть, пес шелудивый! Отроешь ее еще раз в мою сторону – я тебя сам на шматки пошинкую! Понял меня?! А чтобы в твоей дурной башке даже мысли не возникло обсуждать мои приказы, я выкину этот ключ к чертовой матери!

Лорд кидает далеко в сторону ключ от наручников.

Микола. Лорд, я тебе скоро убью! Так и знай!

Лорд (сплевывает). Попробуй. Вдруг получится? Только не ори об этом очень громко, болван! А то еще сепары услышат. И хватит базарить! Встали все, и вперед! Вперед, я сказал!

Все четверо поднимаются и быстро удаляются из виду.

31.

Присев на корточки, Ракитин осматривает окружающее пространство. Эля наблюдает за капитаном.

Ракитин. Тутаринова, давай еще раз по порядку. Что они говорили? Вспоминай любые мелочи.

Эля. Я вам все уже вроде рассказала, товарищ капитан. Их трое было. Все в балаклавах и с

автоматами. Алешка отправил меня за помощью, а сам пошел спасать школу от взрыва.

Появляются запыхавшиеся Гринев и Прибудько.

Гринев. В школе везде чисто, товарищ капитан. Никаких следов.

Ракитин. Прибудько, а у тебя что?

Прибудько. За школой парк. Там после дождя полно информации.

Ракитин. Короче, Борислав!

Прибудько. Они ушли через него вчетвером, командир. Так что еще недавно, скорее всего, Алешка был жив.

Ракитин. Это точно?

Прибудько. У Лермонтова подошва на ботинке срезана. Поэтому его шаг легко запомнить. А три других человека идут практически в одинаковой обуви. И их следы мне тоже знакомы. Мы их видели недавно у болота.

Ракитин. Так. Понятно.

Гринев. Конечно, Лека был жив. Если школа осталась цела, то, значит, он их скovyрнул отсюда. Пряма не поэт, а орел какой-то! Настоящий матрос! А с виду ботан-ботаном.

Эля. Вспомнила, товарищ капитан! Вспомнила!

Ракитин. Что вспомнила?!

Эля. Этот, который меня поймал, сказал, что Алешка бил его на каком-то болоте. А самый главный, который у них был, называл его Прибудько.

Гринев. Во как даже. Ничего не понимаю. Родственник твой, что ли, Борисик? Среди диверсов.

Прибудько. Зато я все понял, товарищ командир.

Ракитин. Так говори, если понял! Что я из тебя каждое слово тяну?!

Прибудько. Среди диверсантов действительно находится мой двоюродный брат. И если он так сказал, то, вероятнее всего, они вернутся на болото. Убьют там Алексея и попытаются через топи уйти до места своей дислокации.

Гринев. Вот это рыба занола! Ну и семьяка у тебя, Прибудько!

Ракитин. Отставить, Гринев! Так. Картина прояснилась. Тутаринова!

Эля. Я!

Ракитин (Эле). Слушай меня внимательно! Возвращайся на базу и хватай за грудки первого попавшегося офицера! Скажешь ему, что Ракитин со своими ушел в район болота, преследуя группу диверсантов. И что ему нужна помощь!

А Алешкиной матери пока что ничего не сообщай! Поняла меня?!

Эля. Давайте я с вами пойду, товарищ капитан? Алешка ранен, ему помощь моя нужна.

Ракитин. Мы сами с усами, Эля. Если найдем живым, сделаем ему все что надо.

Эля. Я прошу вас, товарищ капитан...

Ракитин. Фельдшер Тутаринова! Выполняйте приказ!

Гринев. Значит, в погоню выдвигаемся, Иван Иванович?

Ракитин. Так точно, Гринев! (Прибудько.) Бориславик, я очень надеюсь на тебя! Помоги нам найти их! Стань легавой собакой, егер ты мариупольский, но приведи нас к этим подонкам как можно скорее! Слышишь меня?! Если чудеса бывают, то можем еще и успеть!

Прибудько. Я постараюсь, товарищ командир. Я очень постараюсь.

Эля (Гриневу). Макс, я тебя прошу, я тебя умоляю: успеете! Я тогда буду каждый день слушать твои песни под гитару! Только спасите Алешку! Успеете, мальчики!

Ракитин. Повторяю, фельдшер Тутаринова! Выполняйте приказ! Остальные за мной, бегом марш!

Эля и бойцы быстро расходятся в разные стороны.

32.

Слышна отдаленная артиллерийская канонада, а поблизости – кваканье лягушек.

Появляются Лорд, Вара и сцепленные наручниками Алексей с Миколой. Все четверо тяжело дышат.

Вара. Лорд, я больше не могу. Если сделаю еще шаг, то просто умру. Надо передохнуть.

Лорд. Привал.

Все устало садятся на землю.

Я сам без сил, как бродячий пес... Фу... Надо покемарить немного... Прибудько. Если хоть одним пальцем тронешь наш трофей, я тебя убью. Вара, разбудишь меня через двадцать минут. Отбой.

Лорд ложится на спину и сразу засыпает. Микола прислушивается к его храпу и зло сплевывает на землю.

Микола (тихо). Подивітеся на нього, а? Вже заснув як вбитий. У цієї падли просто желізні нерви. Придушу його зараз і дам деру.

Вара. Микола, не дури. Тебе сепар враг, а не Лорд.

Микола. Так я и йому зараз це скажу. (Алексей.) Спишь, сука? Я тобі теж скоро убью... Кстати.

Микола придвигается к Варе.

Послухай мене, Вара. Хочеш від карточного долгу избавиться? Повністю.

В а р а (тихо). Хочу, конечно. А что?

М и к о л а (тихо). Тоді я тобі сделку пропону.

В а р а (тихо). Какую сделку?

М и к о л а (тихо). Я зараз зніму наручники и дам тобі нож. Ткни им сепара в мотор. Щоб він у нього не працював більше. И ми по нулям.

В а р а (тихо). А как ты снимешь наручники?

М и к о л а (тихо). Как-как. У мене чотири ходки за злом квартир. Я ці наручники сто разів вже шпилькою розкривав.

В а р а (тихо). А чего ж ты Лорду не помог их снять?

М и к о л а (тихо). Хотів подивитися, як він викрутится. Ну, так ти згоден? Или як?

В а р а (тихо). Пристрелит ведь Лорд.

М и к о л а (тихо). А ми йому скажемо, що сепар тикать хотів. Та и не пристрелит вин тебе. Він тебе уважает. Или що? Ти так и будеш ходити фуфлижником? Ну, дивись сам.

В а р а (тихо). Хорошо. Я согласен. Эта сволочь мне самому давно не нравится. Такую операцию под откос пустил. Что мне его теперь жалеть? Тем более если за это деньги платят. Так что давай сюда пику.

М и к о л а (тихо). Умница. На. Зараз обруч зніму и кончі його.

Микола передает Вару нож, а сам, достав из штаны булавку, открывает ей наручники.

Готово.

Вара подбирается с ножом к Алексею.

В а р а (тихо). Ну что, пришло тебе время умереть, поганый сепар.

А л е к с е й. А я не сплю. И все слышал.

В а р а. Что?

Алексей резко выхватывает пистолет из-за пояса Вары и стреляет в него. Диверсант заваливается набок, а Микола от страха кубарем летит в сторону. Тут же поднимает свое сонное тело Лорд. Поэт тем временем вскакивает на ноги.

А л е к с е й. Я смотрю, вы так и не поняли, что очкарики тоже могут постоять за себя! Дорого за это поплатитесь!

Алексей стреляет в полковника. Однако Лорд успевает кувыркнуться в сторону, поэтому выстрел не причиняет ему никакого вреда. Алексей же быстро скрывается из виду. Оба целых диверсанта сразу подсказывают к Вару, и полковник трясет раненого.

Л о р д. Вара, Вара, черт бы тебя побрал! Как так получилось? Как?!

М и к о л а. Сепар ушлим оказался, атаман! Зняв наручники и пістолет у Вари витягнув!

Л о р д. Это правда, Вара? Слышишь меня?!

М и к о л а. Що з ним балакать, Лорд? Він вже не жилец. Треба за сепаром пиляти! Инакше він сюди своїх приведе.

Л о р д. Так беги за ним! Что ты сидишь, рот разинул?! Беги, сука, иначе и тебе тоже не поздоровится!

Микола хватает автомат и быстро удаляется.

В а р а. Лорд... Я еще жив.

Л о р д. Вижу, дружище. (Тихо.) Это меня и беспокоит.

В а р а. Помогите мне, Стефан... Перевяжи рану.

Л о р д. Конечно-конечно. Я тебе сейчас обязательно помогу. Дай-ка мне сюда свою пику.

Лорд забирает у Вары нож и резко всаживает его в грудь товарища.

В а р а. А-а-а... Что ты делаешь, гад?!

Л о р д. Помогаю тебе. Не попасть в плен.

В а р а. Ненавижу.

Л о р д. Кого?

В а р а. Всех.

Л о р д. Бывает. Я и сам такой. Прощай, Вара. Ты был хорошим солдатом.

Лорд удаляется восвояси. Через несколько секунд на этом же месте появляются Р а к и т и н,

Г р и н е в и П р и б у д ь к о.

П р и б у д ь к о. Где-то здесь пальнули, товарищ командир. Гарью пахнет.

Г р и н е в. Смотрите! Человек лежит!

Все трое опускаются возле Вары.

П р и б у д ь к о. Судя по его обуви, это один из трех диверсантов.

Р а к и т и н. Вижу, Прибудько, вижу. Все, он уже «двухсотый». У него и пулевое, и колото-резаная.

Г р и н е в. Он теплый еще, товарищ капитан. Неужели Алешкина работа?

Р а к и т и н. Смотри внимательней, Бориславчик! Кажется, еще не все потеряно!

Прибудько тщательно осматривает землю вокруг.

П р и б у д ь к о. Нам туда, Иван Иванович. Совсем недавно поэт был еще жив. Вот свежие следы от его ботинок. Их теперь трое осталось.

Гринев поднимает с земли наручники и разглядывает их.

Г р и н е в. Наручники еще валяются. Ничего не понимаю. Рыбья ты заноза. Поэт с ними без хомутов уже, что ли, бегают?

Р а к и т и н. Отставить пустые разговоры!
Вперед, ребята, вперед! Пока они далеко не ушли!
Все трое быстро удаляются.

33.

Медицинская сумка стоит на столе. Э л я, сцепив
ладони, нервно ходит по комнате.

Э л я. Лишь бы успели! Лишь бы они только
успели!

Девушка обходит стол и присаживается на стул.

Однако, посидев всего несколько секунд, опять
нервно вскакивает на ноги.

Раздается стук в дверь.

Входите! Открыто!

В комнате появляется М а р и я.

М а р и я. Здравствуй, Элечка.

Э л я. Здравствуйте, Мария Михайловна. А
Алешки у меня нет.

М а р и я. Так я не к нему. Я к тебе на этот раз.

Э л я. Ко мне?

М а р и я. Да. К тебе. Хочу устроиться к вам
медсестрой. Ты поможешь мне в этом? У меня
ведь нет такого профильного образования. Вот
я и боюсь, что меня отправят домой восвояси. А
мне бы очень хотелось хоть чем-нибудь помочь
Алешке и его друзьям. Что с тобой, милая? Да
ты плачешь, как я посмотрю. Что случилось,
Элечка?

Э л я. Мария Михайловна! Теть Маш... Банди-
ты... Диверсанты эти... Алешку вашего похитили.
Ошарашенная новостью, женщина опускается на стул.

М а р и я. Как похитили? Когда?

Э л я. Утром сегодня... Они хотели взорвать
нашу школу, а Алешка им не дал этого сделать...
И они увели его с собой.

Эля роняет голову на колени женщины
и горько рыдает.

М а р и я. Куда увели?

Э л я. В лес, Мария Михайловна... В лес.

34.

На земле лежит большой деревянный крест.
Слышится отдаленная артиллерийская канонада.
Появляется А л е к с е й. Держа пистолет в руке,
он с трудом передвигает уставшие ноги.

А л е к с е й. Надо идти! Надо идти! Надо
жить! Пока дают дышать, надо жить!

Алексей запинаясь о крест и падает на землю.

Переворачивается на спину и устало раскидывает
руки. Канонада стихает.

Как же хорошо на моей земле... Какой свежий
воздух... На нашем Донбассе даже возле болота

и то пахнет полевыми цветами! И строчки в голо-
ву сами по себе приходят. Кажется, я сочинил но-
вое стихотворение. Только где его записать? Ведь
у меня нет даже клочка бумаги. Но это ладно. Это
мы в голове пока сохраним... А что же делать бу-
дем? У меня совсем кончились силы и остался
только один патрон. Может, для себя его прибе-
речь? Нет. Это неправильно! Надо идти! Надо ды-
шать, Алешка! А там – будь что будет!

Рыча от усилий, парень пытается подняться, но не
может этого сделать.

Не могу... Не хватает сил... Тогда буду полз-
ти... Ведь если не ползти, то бандиты найдут ме-
ня... А у меня для них только один патрон... Поэ-
тому... Вперед! Вперед! Вперед!

С огромным трудом Алексей поднимается на ноги,
проходит несколько шагов, падает и снова пытается
подняться.

Ну, давай же, поэт! Давай! Нельзя сдаваться!
Отец всегда говорил: не сдаваться! Русские не
сдаются! Домой... Домой, Лешка... Там Элька!
Там мама! Там ребята! Вперед, очкарик! Только
вперед!

В поле зрения появляется М и к о л а.

М и к о л а (*кричит*). Лорд! Він тут! Ха-ха! Я
знайшов його! Сука! Від мене не уйдеш!

Микола передергивает затвор автомата. Появившийся

Л о р д перехватывает руку подчиненного.

Л о р д. Отставить!

Алексей переворачивается и стреляет в диверсантов
из пистолета.

Оба бандита отпрыгивают в сторону, и Микола тоже
дает очередь по Алексею.

Л о р д (*Миколу*). Осади, сволочь! Не зови сю-
да погоню! Дай мне задушить его голыми руками!

Микола меняет рожок на автомате.

М и к о л а. Це ти коней своїх осади. Знай-
шовся тут мені теж захисник сепаров. Ми і з пого-
нею поговоримо. З усіма поговоримо.

Л о р д. Я приказываю тебе не стрелять!

М и к о л а. А ти хто такий? Чому я повинен
тебе слухати? Вали в свою Польщу, на хрен! И не
мешай мені самому вирішувати, що я повинен ро-
бити у себе вдома! Понял ты меня или нет?!

Л о р д. Кто я такой, спрашиваешь? А вот кто!

Лорд бьет автоматом Миколу по лицу. Тот падает.

Дай сюда свой автомат! Он тебе больше не
понадобится!

Лорд забирает оружие у Миколы и встает над ним
во весь рост.

Я – Лорд! Слышишь, ты?! Пес шелудивый! И
я не из Польши! Я – гражданин мира! Солдат

удачи, который постоянно плюет в лицо смерти! Вот кто я такой! Теперь тебе все понятно или еще добавить?

М и к о л а. Понятно.

Л о р д. Вот так-то лучше! И не разговаривай со мной больше на своем птичьем языке! А то все у вас, у майдануток, напоказ! Только делаете вид, что обожаете свою ридну мову! Но когда ходит вокруг вашей подлой морды старуха с косой, то вы сразу же вспоминаете, на каком языке говорили ваши гребанные родители! Сами русские от кончика носа до гнилой жопы, а все визжите, что надо только москаляку посадить на гиляку! А вас первых надо натянуть на эту гиляку! Первых! Вы же тут уже все насквозь провоняли поганым русским миром!

Лорд подходит к лежащему Алексею. Тот вытягивает пистолет вперед, наставляя его на врага.

Что не стреляешь, сопляк?! Орехи закончились?! Так я уже догадался, что ты пустой! Второй раз ты меня лопухом не сделаешь! Как ни играй. Ха-ха. И у меня-то как раз свинцовых орехов еще полным-полно!

Лорд осматривает пространство и пинает ногой крест.

Л о р д (*сплевывает*). Но ты не бойся, чetyрехглазый! Я не буду на тебя тратить свои патроны! Мы тебе казнь по статусу предателя Украины сейчас сделаем!

А л е к с е й. Вам все равно не выбраться отсюда. Капитан Ракитин найдет вас и всех перестреляет.

Лорд бьет Алексея автоматом в лицо, и поэт теряет сознание.

Л о р д. Закрой пасть свою! Рядовой армии так называемой ДНР!

Лорд кладет автомат Миколы на землю, берет бесчувственное тело Алексея и тащит его волоком к кресту.

И не переживай ты так за нас! За себя лучше помолись!

Диверсант укладывает парня на крест, распиная его руки.

Сейчас вот прицеплю тебя к этому изделию и поджарю на нем хорошенько твою вонючую тушу!

Лорд снимает вещмешок, достает из него веревку и разрезает ее надвое. После чего начинает приматывать руки Алексея к боковым перекладинам креста.

Помнишь, как ваши в одесском Доме профсоюзов пылали? Вот и мы сейчас точно так же поступим! Ха-ха! Прибудько! Хватит там валяться! Иди сюда, ты мне нужен!

Микола тяжело поднимается с земли и подходит к Лорду.

М и к о л а. Хорошую идею ты придумал.

Л о р д. Я и без тебя знаю, что она хорошая! Вставай с той стороны. Поднимаем крест!

Диверсанты поднимают крест и притаптыванием ног у основания укрепляют его в земле. После этого Лорд хлопает Алексея по щекам.

Просыпайся, рядовой! Ха-ха. А то самое интересное проспишь!

Очнувшийся Алексей пытается оторвать руки от перекладин.

А л е к с е й. Вам все равно не уйти. Сколько ни бегайте.

Л о р д. Да не дергайся ты! Канаты у нас надежные! Кстати, а чем ты в жизни раньше любил заниматься?

А л е к с е й. Я писал стихи. Если хотите знать.

Л о р д. Ха-ха. Хорошее занятие. Вот бы и писал их себе. Зачем ты, кретин, оружие в руки взял? Не твое же это дело!

А л е к с е й. Я взял в руки автомат, потому что вы убили моего отца... И мы обязательно выгоним вас отсюда... Дайте только нам время.

Л о р д. Так твое время уже закончилось! По-нян? Молись или стихи свои читай! Ха-ха! А мы с удовольствием послушаем что-нибудь из твоих последних произведений! Ха-ха... Прибудько! Поджигай крест!

М и к о л а. А у меня нечем.

Л о р д. Как нечем?

Микола достает из кармана смартфон.

М и к о л а. Так. Вот только телефон в кармане есть.

Лорд видит аппарат в руках Миколы и зло сплевывает на землю.

Л о р д (*со скрытой угрозой*). Работает, что ли, телефон-то у тебя?

М и к о л а. Нет. Батарейка ночью села.

Л о р д. То есть ты пошел в тыл к сепарам, на особо важное задание, и взял с собой включенный телефон, да?

М и к о л а. А что такого?

Лорд бьет автоматом Миколу по голове.

Л о р д. Ублюдок! Значит, это из-за тебя нас два дня гоняли по тухлым болотам?! Ты же маяк на себя нацепил, урод безмозглый! Убью гада! Убью!

Лорд остервенело бьет автоматом по телу Прибудько. Неожиданно избитый Микола поднимает с земли свой

автомат и стреляет из него в Лорда. Раненый Лорд, шатаясь, пятится назад.

М и к о л а. Я тебя сам убью! Вражина ты подлая! Тоже нашел мне боксерскую грушу!

А л е к с е й. Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Смешные вы, ребята. Убогие какие-то и психованные.

Л о р д. Да помолчи ты... Верующий в светлое будущее на кресте... Эх, как-то жизнь неудачно сложилась... Вроде полковник, а сдохну в грязном болоте... Уходить надо... А то в плен возьмут.

Шатаясь, Лорд исчезает из виду.

М и к о л а. А ну, стой, падла! Сейчас за все свои издевательства ответишь!

Микола передергивает затвор автомата и скрывается из виду. Слышна автоматная очередь. Микола возвращается к кресту.

Ха-ха-ха! Вот и кончился ты весь, полковник! Больше гонору только было! А у меня все просто отлично! Я же сказал, что я вас, суки, всех переживу! Всех! (Алексею.) А сейчас и ты у меня к небу вознесешься!

Микола судорожно роется в вещмешке Лорда и достает оттуда коробку.

Подорву тебя, на хрен, этой маленькой адской машинкой! Ответишь за все свои собачьи делишки! Я тебе и судья, и палач буду!

Диверсант кладет коробку в основание креста и гордо выпрямляется во весь рост.

М и к о л а (громко). Я, Микола Прибудько, который борется на земле Украины со всякой москальской нечистью, приговариваю к смертной казни одного из пойманных мной сепаратистов! Приговор будет приведен в исполнение ровно через три минуты!

Микола присаживается возле креста и заводит часовой механизм.

А л е к с е й. А я тогда тебе вместо последнего слова стихи почитаю. Написал совсем недавно.

М и к о л а (встает на ноги). Че ты там прошептал? Я не слышу.

А л е к с е й (с возрастом громкости). Когда увижу я предсмертные сюжеты и мелкое все отпадет, как пыль... Мои прошепчут губы: где ты? где ты? Ну почему не стала явью быть? Но, забывая, как звучит дыхание... И чувствуя, как просится душа... Все так же ненавидя расставания... Прощу я всех, кто быть с тобой мешал... Я прощаю вас! Слышите?!

Микола вскидывает автомат и бьет им по лицу Алексея.

М и к о л а. Заткнись, сука! Проповедник чертов!

А л е к с е й. Я прощаю вас всех! Мне вас жалко! Ведь вы такие несчастные! У вас даже друзей и то нет... (Громко кричит.) Элька! Элька! Я люблю тебя! Элька-а-а-а...

Появившийся Г р и н е в видит, как диверсант избивает поэта.

Г р и н е в (стреляет из автомата). Стоять, сволочь! Стоять!

Микола отпрыгивает в сторону и быстро скрывается из виду.

Товарищ капитан! Сюда! Я нашел его!

Возле креста тут же появляются Р а к и т и н и П р и б у д ь к о.

П р и б у д ь к о. Мать честная, что же вы творите, гады?!

Г р и н е в. Он жив, товарищ капитан! Одно пулевое в плечо, а в остальном вроде в порядке! Ха-ха! Жив! Успели! Мы успели!

Р а к и т и н. Помогите, бойцы!

Ракитин, Гринев и Прибудько аккуратно опускают крест на землю.

Г р и н е в. Борисик, там братик твой тоже еще дышать остался. Я его, кажется, подстрелил, но он ушел.

П р и б у д ь к о. Товарищ командир, разрешите, я займусь сбежавшим бандеровцем?

Р а к и т и н. Справишься один?

П р и б у д ь к о. Справлюсь, Иван Иванович. Не переживайте. У меня с «азовцами» свои счета.

Р а к и т и н. Тогда разрешаю! Притащи его сюда живым или мертвым!

Прибудько убегает в погоню, а Ракитин и Гринев отвязывают Алексея от креста.

Г р и н е в. Совсем озверели, сволочи! Но главное, что мы успели, товарищ капитан! Успели!

А л е к с е й. Здравствуйте, ребята... А я вас так ждал.

Р а к и т и н. Лешка! Ты только дыши! Ты только дыши, слышишь?! Гринев, давай его перевяжем!

Г р и н е в. Ага, поэт! Держись! Тебе же еще стихи для девчонок писать! Тебя же ждут на берегу, моряк! Ты только не помирай раньше времени! Успели! Рыбья ты заноза! Ха-ха-ха!

А л е к с е й. Товарищ сержант... Я забыл вам сказать... Там внизу...

Г р и н е в. Что? Ты молчи! Потом все расскажешь!

А л е к с е й. Товарищ капитан... У меня в ногах бомба... Слышите?

Ракитин поворачивает голову назад и видит коробку.

Р а к и т и н (*кричит*). Гринев! В сторону! В сторону, я сказал!

Сержант отпинывает коробку, а капитан, бросившись на лежащего на кресте Алексея, закрывает его своим телом.

Гремит мощный взрыв.

35.

М а р и я сидит на стуле. Э л я нервно ходит рядом с ней.

М а р и я. Элечка, у вас есть что-нибудь от голов?

Э л я. Есть.

М а р и я. Дайте мне, пожалуйста, какую-нибудь таблеточку.

Девушка открывает медицинскую сумку и перебирает в ней лекарства.

Или нет, Эля... Дайте мне просто воды.

Девушка закрывает сумку и наливает из чайника воды в стакан, передает его Марии. В это время в комнату входят Р а к и т и н (у него перевязана голова и рука) и П р и б у д ь к о. Оба в головных уборах. Эля сразу бросается к ним.

Э л я. Ну что? Где? Нашли? Что? Что? Где Алешка?!

Мужчины молча снимают головные уборы.

Мария роняет стакан с водой на пол.

Э л я. Нет! Нет! Не-е-ет! Так нельзя! Этого не может быть! Так нельзя! Иван Иванович, миленький, ну скажите, что это неправда! Как же так?! Ну как же так, товарищ капитан?! Почему же вы не успели? Как же так?!

Эля падает в ноги Марии и рыдает на ее коленях.

П р и б у д ь к о. Когда мы его нашли, Алешка был еще жив. Двадцать минут при нас дышал.

Э л я (*рыдает*). А-а-а... Нельзя же так! Ну нельзя же так! Почему же вы не успели?!

Мария смотрит в одну точку и гладит девушку по голове.

Р а к и т и н. Прости меня, Маш... Это я во всем виноват. Взял бы его с собой вчера – и ничего бы не было.

М а р и я. Не вини себя, Ваня... Не надо... Я же вижу, что ты сделал все, что мог... Наверное, это просто судьба такая. И у меня, и у него.

Р а к и т и н. Все равно прости... Не уберег... (*Плачет.*) Прости... Ты же для меня не чужая, Маш... Я же планы на тебя имел. Поэтому и Алеш-

ку взял к себе. Надо мной же все смеялись, что у нас разведчик в очках появился! Прости... Я не смог... Я очень хотел, чтобы он жил, но у меня не получилось... Прости.

М а р и я. Ваня, я хочу знать: как погиб мой сын?

Капитан вытирает рукой слезы.

Р а к и т и н. Его застрелили. Входное было в плечо, поэтому мы сначала подумали, что ранение легкое. А сейчас на вскрытии выяснилось, что пуля сидела почти у самого сердца.

Э л я. Боже, как это чудовищно! Ну как же так, а?! Как же так?!

М а р и я. Где это случилось?

Р а к и т и н. В семи километрах от нашей части. Возле заброшенной деревни старообрядцев.

М а р и я. Понятно. А где сейчас Алексей?

Р а к и т и н. В госпитале.

Э л я. А Гринев где? Его тоже убили?

Прибудько поднимает с пола стакан и ставит его на стол.

П р и б у д ь к о. Гриня жив. Ходить пока просто не может. Осколками ноги посекло. Ему еще и медаль сегодня вручили. За былые заслуги. Прямо на больничной кровати.

М а р и я. А что стало с теми, кто это сделал?

Р а к и т и н. Мы только одного живым нашли. Но Прибудько его загнал в болото и прямо там и оставил. Это ведь так, Борислав?

П р и б у д ь к о. Так точно, товарищ командир. Микола больше сюда не вернется. Никогда.

36.

В полной темноте М а р и я сидит на стуле посередине комнаты. За ее спиной стоят Э л я, Р а к и т и н, Г р и н е в и П р и б у д ь к о. Сержант держит в руках гитару.

Слышно тиканье часов. Луч света выхватывает фигуру женщины, и тиканье затухает.

М а р и я. Война – это страшная вещь. Одна-ко рано или поздно она все равно закончится тишиной. И мой Алешка всегда мечтал именно об этом. И пошел на фронт, заменив погибшего отца, только для того, чтобы люди на его родине работали спокойно и вообще жили, не опасаясь внезапно прилетевшего снаряда...

Доносятся звуки отдаленной артиллерийской канонады.

Теперь Алексея нет. Остались только нежные стихи на обложке школьной тетради его любимой девушки. И война тоже осталась. И кажется, что мечта моего маленького и близорукого поэта, ко-

торый никогда уже не будет слишком взрослым, не осуществилась. Однако я вижу, что вокруг остались и те, кто мечтал, думал и поступал так же, как и мой единственный сын. Их много. За ними Сила и Правда. И потому у них обязательно получится вернуть в наши дома безвоенную и такую долгожданную тишину. Слышите? У них все обязательно получится.

Канонада стихает, а женщина встает на ноги.

И, глядя на этих удивительных людей, я свято верю, что совсем скоро на моем любимом Донбассе будет светить неимоверно горячее, но бесконечно мирное солнце...

Г р и н е в (*поет под гитару, в ритме марша*). Когда вернусь я, будет тихий вечер... А летний зной уже сойдет на нет... И я тебя у дома снова встречу... И вновь скажу: любимая, привет!

Р а к и т и н (*громко*). Памяти погибших за свободу русского Донбасса посвящается!

В с е (*хором*). А после поцелую тебя нежно... И обниму, насколько хватит сил... И мы сольемся в танце безмятежном... Лелея Бога, что меня Он возвратил... Лелея Бога, что меня Он возвратил... Хваля лишь Бога, что меня Он – возвратил...

Занавес

Николай ИВАНОВ

В ЛИТЕРАТУРЕ – НАША ГРУППА КРОВИ...

Отчетный доклад председателя правления Союза писателей России

Уважаемые коллеги!

Мне достаточно легко выступать перед вами с отчетом, поскольку все наши секретариаты, общественные мероприятия практически в прямом режиме транслировались в социальных сетях, на информационных ресурсах СПР.

В 2018 году к основополагающему сайту «Российский писатель» присоединился «День литературы», затем мы открыли официальный сайт СПР «Слово. Отечество. Человек». Развили свою официальную страницу в «ВКонтакте», где у нас сегодня уже более семи тысяч подписчиков, – и это без скандалов, «клубнички», чисто и исключительно информационный ресурс.

Мы благодарны нашим информационным партнерам. Газете «Литературная Россия» во главе с Владимиром Еременко. Также нашими помощниками в доведении правдивой информации стали «Литературная газета» (Максим Замшев), «Слово» (Виктор Линник), «Вечерняя Москва» (Александр Куприянов), еще десятки СМИ в Москве и регионах России. Отдельно благодарим Юрия Перминова, который к съезду выпустил региональный номер газеты «Омское время» и привез тираж в Москву.

Наша открытость выбила из колеи оппонентов, которые привыкли подсматривать в щелочку, вынюхивать домыслы, делать из фактов огрызки и выдавать это за сенсации литературной жизни. Хочется напомнить им народную мудрость: «Если все время смотреть в чужую борозду, своя кривая будет».

Да, это был один из главных критериев, который мы с первого дня исповедовали после XV съезда: открытость друг перед другом и обществом. Ровно то, что требует от нас Устав и о чем попросил Канта Ибрагимов на первом же секретариате после съезда: «Мы в регионах должны знать, что происходит на Комсомольском, 13 и друг у друга».

Наши отчеты и сообщения набирают тысячи просмотров. Удивляет лишь то, что в этих тысячах

нет некоторых руководителей региональных организаций, которые отмахиваются от интернета, как от проказы, мешающей личному творчеству.

Друзья!

Соглашаясь стать руководителем, мы добровольно берем на себя и обременения – работать не на себя, а в первую очередь на коллектив. А управление коллективом требует оперативных решений. Поэтому как бы кому-то не отстать от жизни. И когда начинают брать «интервью»: а что будет и когда, а что произошло и как было, а почему мне не сообщили – это вызывает, мягко говоря, оторопь. Нужно смотреть и изучать информацию пленумов и секретариатов на официальных и дружественных сайтах. Иначе попросту упустим ситуацию не только в общелитературном поле, но и у себя в регионе.

Вынужден это обозначить, потому что именно отстающие ломают шестеренки в работе общего механизма. Не успеваем за временем – оно пройдет мимо.

Вторая позиция, определившаяся после съезда как приоритетная, – это внимание к проблемам регионов.

Мы пошли на то, что после XV съезда учредили почетное звание «Лучшая региональная писательская организация имени Леонида Соболева». Мы не должны забывать говорить слова благодарности тем, кто работает на общее дело. Лауреатами становились Челябинск, Астрахань, Дагестан, Тюмень, Саха (Якутия) и другие регионы. По итогам 2022 года лучшей региональной организацией признана Ярославская областная во главе с Мамедом Халиловым. Я попрошу Мамеда Гаджихалиловича выступить в прениях, тогда мы и вручим заслуженную награду.

Мы прекрасно понимаем: вам не дождаться указаний из Москвы – будь то Минкультуры или Минцифры – как власти относиться к людям творческих профессий. Сегодня очень многое зависит от региональных властей. В том числе и поэтому у нас не прекращались поездки по стране, порой по пять раз в месяц. Но это не ради выколачивания себе денег, на чем настаивают, примеряя чужую шапку по своей взъерошенной сплетнями голове, наши оппоненты, а попытка решения проблем региональных организаций на местах. Почетные звания «Губернатор литературной России», «Литературный город России» – это из этой же серии, направленной на сохранение единого литературного пространства.

Мне кажется, поездки секретарей принесли определенную пользу: Тува, Благовещенск, Забайкалье, Камчатка, Мурманск, практически весь Северный Кавказ, Якутия, Республика Коми. Даже оказалось, что в Тулу за все время существования

Союза писателей России ни разу не приезжал председатель, хотя она находится в двух часах езды от Москвы.

К кому-то не успели доехать: два ковидных года внесли свои коррективы в нашу деятельность. Но согласимся, это парадокс времени – отрешивание центра государства от своих писателей. И мы на Комсомольском, 13 не должны быть пожарной командой, да и слишком часто меняются губернаторы и министры культуры. Сетовать можем, но раз упало нам это время на плечи, вынесем и его.

Но в вопросе работы регионов есть и другие проблемы. Некоторые организации так и не смогли стать ведущими литературными экспертами в регионах, не предложили или проигрывают параллельным писательским структурам в качестве, креативности, мобильности проектов. Махнем рукой на принцип состязательности, не отточим свои зубки в борьбе с конкурентами – затрут, отодвинут на обочину. И правильно сделают, иначе превратимся в аморфную массу, живущую заслугами предшественников. У нас в союзе, как на сцене, температура должна быть выше нормальной в 36,6 градуса – тогда будем пробуждать интерес общества к себе и собственно к литературе. Только пульсация, а не просто пульс. Только страсть, а даже не любовь. Только Отечество, а не сам любимый. И главное – идти хотя бы на полшага впереди других по идеям, проработке проектов, активности. Наша задача – не позволить сделать из людей толпу, но сохранять единство народа.

Говоря о регионах, хочу поздравить всех нас с прирастанием организаций. Мы не только не распались ни одной своей организацией, а и создали новые. Это было время долготерпеливого, даже осторожного собирания литературных земель. Казалось бы, все уже введено в общество в пазлы, но у нас за эти пять лет появились и Татарстанская, и теперь уже Донецкая и Луганская республиканские организации, Австралийское отделение СП России. Начата работа по созданию Запорожской областной организации; завтра, 11 февраля, там проводится учредительная конференция – здесь благодарность Владимиру Сорокину (Симферополь), который побывал на той территории и провел необходимую работу.

Мы сформировали и оформили наши ассоциации в Риге и Кишиневе, в Восточном Казахстане. Прекрасно работает Эстонское отделение во главе с Владимиром Илляшевичем. 11 января прошло учредительное собрание в Карачаево-Черкесии, которое воссоздало региональное отделение, по ряду причин закрытое Минюстом два года назад. Перерегистрировалось Ростовское отделение. Поздравим наших коллег, чьи представители находятся в

этом зале уже в качестве делегатов съезда: Татьяна Сушенцова – Казань, Федор Березин – Донецк, Марк Некрасовский – Луганск, народный писатель КЧР Ислам Хубиев – Карачаево-Черкесия.

За эти пять лет сменилось более 50 процентов руководителей на местах. Республика Коми – Андрей Попов, Брянск – Ирина Пенюкова, Башкортостан – Айгиз Баймухаметов, Хабаровск – Константин Кураленя, Благовещенск – Павел Савинкин, Мурманск – Илья Виноградов, Московская область – Сергей Антипов и т. д. И особая благодарность за работу тем, кто своим авторитетом, энергией, заботой об организации сохранил свои посты после отчетно-выборных собраний. Значит, ваш труд отмечен самым высоким баллом – доверием людей.

И в первую очередь благодаря вам мы единственные из писательского сообщества удостоились благодарности Президента Российской Федерации – а там, поверьте, выверяли в наградном листе каждую букву.

Есть третья и последующие позиции, к которым я вернусь несколько позднее. Пока же оглянемся назад, на свое пятилетие.

Первый год нашей работы: мы глотаем с вами строительную пыль, удерживая в прямом и переносном смысле за собой здание на Комсомольском, 13. Нас выталкивали в ангары в Текстильщики, в казематы на Берсеневской набережной, нам подгоняли машины для перевозки вещей – но мы выстояли. Не могу не сказать добрых слов (и надеюсь, выражу общее мнение делегатов) в адрес рабочего секретариата во главе с Геннадием Ивановым. Мы не плачемся, у нас нет уныния, мы перестали бесконечно токовать по счастливому и благополучному советскому прошлому – принимаем время таким, какое оно складывается на сегодняшний день, и решаем возникающие вопросы исходя из даты на календаре.

По решению прошлого съезда мы провели своеобразный аудит членов СП России через замену членских билетов. Наш союз уменьшился: отпали наконец те, кто годами числился в списках, при этом утратив всяческую связь с организациями. Стал более жестко выполняться принцип Устава, по которому члены СП России должны состоять на учете и работать на благо своих регионов. Вспомним, что в Новгородской организации не могли собрать кворум и выбрать делегатов на XV съезд, потому что в организации числилось более десяти человек из Питера, два с Ямала, еще пяток из других регионов страны. Грешили этим принципом приема со стороны Московская областная и Московская городская организации, создавая массу проблем уже в регионах, куда возвращались с писательскими

билетами непонятные авторы. Сегодня я благодарю Москву и Московскую область, за то что эта практика свелась на нет.

К сожалению, замена билетов обнажила и другую сторону: с помощью этой процедуры были сделаны попытки освободиться от строптивых коллег, оставить их за бортом организации. В каждом конкретном случае мы не могли пожарно разобраться, поэтому на одном из пленумов было принято решение провести замену билетов в индивидуальном порядке, поставив на временный учет при центральном аппарате СП России. Но отношения в коллективе – это всегда улица с двусторонним движением, и трудно понять коллег, которые сами отгородились от товарищей – порой обидами, порой чванством. И дверью хлопали, и просили признать только их светочами литературы.

На слуху попытки иркутских выходцев из организации; много раз обращалась с просьбой признать их самостоятельной организацией группа П. Краснова и Д. Кан в Оренбурге; совсем недавно разделилась практически пополам Липецкая организация. Все правы и все виноваты. Но, опять же, пленум постановил: двух организаций в регионе не будет, мы работаем с большинством. Нам хватает грустного опыта Крыма, где после 2014 года никак не могут остановиться в создании все новых и новых писательских сообществ, которых уже более десяти. Нам же хранить и оберегать одну – Союз писателей России. Он нам передан и завещан.

Обмен билетов позволил нам сформировать федеральные списки по регионам. Есть те, кто ухмыляется нашей скрупулезности в работе и считает ее напрасными потугами навести в творческом союзе строгую отчетность и едва ли не заставить ходить строем. А я заглядываю немного в будущее. Есть поручение руководства страны разработать профстандарт профессии «писатель». Копья в рабочей группе правительства до сих пор ломаются, кого можно считать писателем и с какого времени. И в первую очередь это Пенсионный фонд, который считает, сколько копеек было отчислено по налогам в доход государства. Но работа идет, в том числе, хочу предположить, и для тех, кто считает себя вольным литературным стрелком и ухмыляется на уставные права и обязанности. Когда решение по профессии «писатель» все же состоится, вы же первые и потянетесь за всевозможными справками на пенсию, на награды, поощрения, льготы. А их, как я представляю, сможет выдать только творческая организация. Самоназначений себя писателем, дай бог, не произойдет.

Но это будущее. А мы анализируем прошедшее пятилетие.

После первого строительного года очередные два – пандемия. Это и утрата друзей, и ограничения по мероприятиям, которые мы тем не менее научились проводить при помощи технических средств. Потому и не потеряли, собственно, ни одного фестиваля или конкурса. Кроме, пожалуй, Гончаровской премии в Ульяновске. Но там больше политика, когда в номинации «Русский роман» премии стали давать жителям Израиля за русофобское же, по сути, творчество. Но мы радуемся новым конкурсам и премиям, одну из последних с красноречивым названием предложил писатель Александр Лапин: «Моя Россия». И вручение будет производиться на Куликовом поле 21 сентября, как и положено, в День воинской славы. Мы только что создали совет по детской книге – и это тоже широчайшее поле деятельности в дополнение уже к тем нашим направлениям работы, которыми мы занимаемся непрерывно, и только усиливая их эффективность.

Последний год у нас проходит под знаком СВО, также внесшей значительные коррективы в нашу деятельность. Повторюсь в главном: нам не пришлось делать выбор, какую позицию занять после 24 февраля 2022 года. После ваших звонков с просьбой и даже требованием четко обозначить позицию СПР мы первыми среди творческих союзов и единственными до сих пор приняли заявление в поддержку армии: «Русские писатели никогда не хвалили войну, русские писатели поклонялись солдату на войне». Тот случай, когда регионы скоординировали Москвой. Тот случай, когда мы с вами в том числе сломали практику либеральных подписантов, которые сразу после 24 февраля привычно бросились собирать подписи против СВО и президента. И формировать, как у них прежде всегда получалось, повестку дня в стране по расшатыванию общества.

Мы впервые за долгое время практически мгновенно, единодушно создали прямо противоположное заявление, подписи под которым непрерывно публиковала «Литературная газета». Всего один человек из наших рядов отказался ставить подпись, посчитав СВО делом армии, – но остальные заглянули глубже, увидели зорче грани нового миропорядка, а не просто стрельбы на Донбассе. Считаю, что это были не просто наши подписи – это оказалась стена, о которую впервые разлетелась вдребезги либеральная пена. И побежали на самокатах из страны ненавистники нашей Родины: они вдруг увидели другую Россию, воспрянувшую, имеющую собственное мнение и умеющую его отстаивать. Это называется гражданской зрелостью. И не случайно практически на единственном здании во всей Москве, у нас на Комсомольском, 13, висит плакат с буквой Z: «За Победу». Не случайно только члены нашего союза полетели в составе творческих де-

сантов по госпиталям Минобороны: раненых не обманешь, они через свою боль, свои увечья оценивали искренность и достоверность нашего слова. И всего пять человек вышли из союза, не согласившись с нашей позицией, – это на уровне технической погрешности. Да, есть и притаившиеся, усмехающиеся и даже тайно соперничающие коллективному Западу – практически все имена мы знаем, наш круг достаточно узок. Но они одиночки. А мы можем гордиться своим единством и чувством ответственности за Родину.

Мы выпустили пять сборников патриотической поэзии тиражом более 200 тысяч экземпляров. И их уникальность, в отличие от объявленных «уникальностей» других книг на эту тему, заключалась в том, что они миновали все товарно-денежные отношения, они не замарались деньгами, мы не повезли их подальше от Донбасса, вглубь России на гонорарные презентации, как делают другие. Они как изначально предназначались для бойцов СВО, их родных и близких, так и дошли до адресатов на фронт. Благодарю авторов, спонсоров, наших коллег из издательства «Вече», составителей. Мы с вами не только зафиксировали время через поэтическое слово, но и сформировали в определенной степени общественное мнение. Сегодня на выходе еще два сборника – это «Оберег», женская поэзия об СВО (90 поэтесс России сказали свое слово бойцам спецоперации), и не менее удивительный сборник, подобного рода книг не издавалось в стране со времен Великой Отечественной, – это стихи поэтов национальных республик.

На съезде в составе СМЛ (Совет молодых литераторов Союза писателей России. – *Прим. ред.*) присутствует тувинская поэтесса Чечена Монгуш, которая вместе с русскоязычными поэтами перевела многие стихи об СВО и буквально вчера выпустила книгу (вы ее многие получите) – спасибо нашей Тувинской организации за такой пример. Создали свои сборники в Курске, Новосибирске, Луганске, Калининграде, готовят в Брянске и других городах. Вышли тематические номера журналов «Сибирские огни», «Пересвет», «Берега», «Александръ» и т. д. На съезд привез свою книгу уже о камчатских героях СВО Александр Смышляев.

Армия в который раз убедилась, что писатели России – рядом и вместе. А мы давайте поблагодарим тех, кто непрерывно вылетал и выезжал не только в госпитали, но и «за ленточку»: Сергей Бережной из Белгорода, Сергей Котьяло, Александр Ананичев (Сергиев Посад), Нина Попова, Елизавета Хапланова, Ольга Хмара (Воркута), Валентина Ефимовская (Санкт-Петербург), Светлана Размыслович (Великие Луки), Нина Дьякова, Геннадий Иванов и Алексей Шорохов, Дмитрий Дарин, Алексей Полу-

бота и Юрий Белоусов из Шатуры и другие. Показателем нашей эффективности и качества работы стало то, что Минобороны закачало наши сборники в 5000 планшетов, которые выданы в воинские подразделения на Донбассе для юридических консультаций. Юридических норм оказалось недостаточно русскому солдату, и тогда пришло наше поэтическое слово. Сегодня время героев, мы и говорим с бойцами как с героями. Уверен, история скажет спасибо и оценит по достоинству и наше общее литературное стояние рядом с участниками СВО на защите суверенитета страны и русского слова.

Друзья!

Нам можно было оправдаться сложностями ремонта, пандемии и СВО, но мы, наоборот, усилили свое влияние на текущие события. Даже сторонние наблюдатели определили СПР как законодателей литературного и даже общественного процесса в стране. Только что вышла «Российская газета», в которой автор констатирует: «В последние годы Союз писателей России возвращается на общественную, культурную и даже политическую сцены». Возвращаемся. И не статистами!

В наше время, подчиненное цифре, а не букве, удивительно, что мы с вами доходили до каждого явления, имени. Откуда такая ответственность? В преемственности. И мне хочется, чтобы вне зависимости от того, кто избирается председателем союза, у нас работала система, которая не позволит кому бы то ни было увести СПР в иную сторону. Вы, сидящие в этом зале, тому должны быть порукой. Это – ваша в первую очередь ответственность, потому что наш союз – он подразумевает именно всю Россию.

Есть закономерности в явлениях. «Молодая гвардия» могла родиться только на Донбассе. Золотой ключик русской литературы, несмотря на миллионные тиражи русофобов, все равно хранится на Комсомольском, 13. Пусть хоть выпрыгнут за свои миллионы! Да, заработают деньги, уставят полки километрами своих книг, увешают себя литературными премиями, но духовность, нравственность, народность, Россия, человек и слово все равно в СПР. Как в человеке приживается только близкая кровь, так и в литературе при любых раскладах останутся все же книги нашей группы крови. А мы, даже если будем писать о прошлом, все равно будем устремлены в будущее. И это будет не «Архипелаг ГУЛАГ».

Никогда мы не забывали и то, что Россия – многонациональная страна. Именно поэтому мы фактически восстановили такое уникальное явление в литературе, как художественный перевод. Вспомним Расула Гамзатова, 100-летие которого мы будем от-

мечать 8 сентября. Его слова незадолго до смерти были полны горечи: «Я был поэтом аула и всей вселенной. А теперь я снова поэт одного аула». Это он говорил об исчезновении в начале девяностых института переводчиков. И именно в Махачкале мы провели первое всероссийское совещание по вопросам художественного перевода. Эти вопросы являются главными в наших фестивалях «Берега дружбы» в Таганроге и «Хрустальный родник» в Орле. Своеобразный центр перевода создал в Астрахани Юрий Щербаков. Эти вопросы – в центре внимания в Республике Коми. Мы должны стать защитниками языков малых народов. Гаджеты, комиксы, мультики ударили в первую очередь по детям, и именно дети сегодня хуже всего знают язык своих предков. Не потерять языковое ожерелье России – наша первоочередная задача. Я бы попросил Еремея Айпина из Ханты-Мансийска поделиться своим видением решения этих проблем. Вплоть до создания писательской комиссии по языкам малых народов России.

Хочу выразить благодарность нашей приемной комиссии, которая внимательно подходит к приему в наши ряды по книгам на национальных языках. Здесь огромное доверие писательским организациям и одновременно их ответственность по пополнению своих рядов, вводу в литературное пространство литераторов, работающих на национальной языковой основе.

По-моему, мы остались единственной творческой писательской организацией, которая не спустилась на коммерческие рельсы и осуществляет прием не за деньги, а за книги высокого художественного уровня, по рекомендациям уважаемых членов СПР, пройдя приемные комиссии в регионе и в Москве.

За отчетный период проведено 19 заседаний. Рассмотрено 527 приемных дел. В Союз писателей принято 425 литераторов. То есть мы по тем или иным причинам отклонили 102 дела. Вроде сработали вхолостую, но это как раз тот фильтр, который говорит о нашей требовательности к слову. Некоторые коллеги просили прописать в Уставе мельчайшие детали прохождения комиссий. Друзья, у нас есть положение о приемной комиссии, в которое достаточно легко можем вносить ваши пожелания – в том числе не состоять в двух организациях и т. д.

В этой связи хочется выделить Горный Алтай: за пять лет ни одного представленного на прием дела. Неужели нет достойных? В Горном Алтае – при таком самобытном, духовно-нравственном народе – нет талантов? Или все же недостаточно работаем? Крайне мало рассмотренных по сравнению с другими организациями дел в Калужском отделении и, неожиданно, в Ставропольском. Из

одного колоска каравай не испечешь! И СП России – это не членский билет в кармане того или иного литератора. Это – явление, на котором в том числе зиждется культура в регионах и стране, духовные ценности, о которых мы сегодня говорим.

Далее. Впервые прозаики сравнялись в количественном составе по приему с поэтами. По-прежнему практически нет драматургов, но об этой проблеме поведает председатель Национальной ассоциации драматургов Юрий Михайлович Поляков.

Мы пополняем свои ряды в том числе из СМЛ. Мы отдаем себе отчет, что мастерство – это сплав мудрости и мастерства. Но и без молодой энергетики запаса прочности и хода не будет. Мы создали с вами Совет молодых литераторов. Сегодня это разветвленная сеть организаций – со своим активом, ежегодными всероссийскими совещаниями в Химках, межрегиональными фестивалями. Много споров и суждений было по форме и методам вовлечения молодежи в литературу на наших классических принципах. И сегодня мы видели уже цифру в 8 %, к которой относим молодое поколение.

Однако и тут не обошлось, как во всяком новом деле, без определенных перекосов. Мы принимаем молодежь с уже определенными жизненными установками, с системой ценностей, состоявшимся кругом общения и т. д. Понимаем, но надеемся на внутреннюю работу самих ребят. При этом уже некоторым эсэмловцам оказалось очень комфортно тусоваться среди молодежи – этакими гуру, ни за что при этом не отвечающими в головных писательских организациях. Было, что предпринимались попытки увести региональные СМЛ в самостоятельное плавание. Где потерпели крушение – кажется, сразу же, отойдя от берега. И здесь большая ответственность за работу с начинающими свой творческий путь ребятами лежит на самих региональных организациях. СМЛ – они ваши, при ваших писательских организациях. Руководители СМЛ утверждаются только на заседаниях ваших правлений. Вы, и только вы руководите этими отделениями; Тимофеев и Иванов лишь в какой-то степени координируют эту работу. Мы не можем из Москвы стопроцентно оценивать все тонкости в поведении молодежи на местах. Да, мы сменили уже четверых руководителей СМЛ в регионах: занесло их от вдруг свалившегося величия. Некоторые стали даже напрямую требовать встреч с губернаторами, самостоятельно приглашать на встречи порой сомнительного рода писателей. Появились случаи, когда руководителями секций молодежь вдруг стала значать себе писателей из СРП, Интернационального союза, считая тех, кто их вырастил, сформировал в команду, мастодонтами.

С такими, вне сомнения, безжалостно расстаемся – у них напрочь отсутствуют те качества, которые вырабатывает СПР: чувство ответственности за коллектив, бережное отношение к старшему поколению, работа над словом. Я думаю, СМЛ можно и нужно ограничить сроком пребывания в 35 лет. А то некоторым уже за сорок, а всё бегает в коротких штанишках, всё обсуждают самих себя, рвутся на фестивали, незаметно сами став мастодонтами для 18-летних, закрыв им путь в литературу. Хорошо, что это понимает и исполком СМЛ во главе с Андреем Тимофеевым.

При этом хочется сказать молодежи, которая и сегодня приехала на съезд, и приезжает на семинары, как правило, за свой счет: а ведь мы гордимся вами. Нет большей радости, чем открывать ваши имена для литературы. Когда выходцы из СМЛ становятся руководителями организаций, как в Мурманске и Мордовии. Пройдет время, и уже на следующем съезде некоторые пересядут с галерки в первые ряды к делегатам и будут полноправно вершить литературную историю страны. И не только литературную. Подчеркну это: мы увидели ваши труды. Мы знаем имена москвича Ивана Александровского, Дмитрия Ханина из Ростова, Екатерины Огаревой (Санкт-Петербург), Марии Четвериковой из Омска, Александра Лошкарева из Липецка и других. И удвоение цифры с четырех до восьми процентов в схемах молодых авторов СП России – это в том числе ваша заслуга, ваша работа, и это уже история литературного процесса в стране. Готов назвать его организаторов: Александр Рыжков из Рыбинска, Денис Домарёв из Самары, Александр Рухлов из Кургана, Гаврил Андросов из Якутска и т. д.

Едиственное пожелание: оглянитесь спокойно и согласитесь, что вы в подавляющем большинстве пока еще заведены на фестивали и конкурсы. Мы же хотим видеть от СМЛ более полноценное участие в общественной жизни. Чтобы в ваших планах были не только семинары, но и, например, день сдачи крови раненым, выезд на восстановление заброшенных литературных усадеб – сделали же вы прекрасное дело по восстановлению памяти Николая Тряпкина. Без подобного СМЛ не будет восприниматься обществом как организация, которая способна сказать свое слово в истории литературы и общества. Мы ждем от вас предложений – условно – пойти на Северный полюс, выехать лагерем к поисковикам по поднятию останков павших воинов, ждем создания летнего отряда по осушению «выкопанного» украинского Черного моря, выставления пикетов по спасению имени и образа Блока в Питере – все что угодно, но что бы утверждало в каждом из вас гражданина. Вот сейчас вы начали борьбу за

молодого читателя – прекрасно! Струной должна зазвенеть ваша общественная жизнь. А лично я предлагаю в конце апреля собраться на Новодевичьем кладбище, убрать после зимы могилы Маяковского, Шукшина, Островского, Гоголя, Чехова, Фадеева, Михалкова, да и Дениса Давыдова тоже. Нас сплачивает не только слово, но и в большей степени – дело.

Более подробно на работе СМЛ остановится в своем выступлении его руководитель Андрей Тимофеев. А пока же поприветствуем и поддержим нашу смену, выражая тем самым наше доверие идущим следом.

Уважаемые коллеги!

Многие вопросы, которые мы обозначаем на съезде, в той или иной степени касаются выполнения уставных норм. Наш Устав не дополнялся с 2013 года. Прошедшее десятилетие внесло огромное количество изменений в законы страны, в том числе в Конституцию. Именно это потребовало и от нас соответствовать нормам, которыми живет страна. Проект Устава был заранее, за полтора месяца, обнародован на наших сайтах, в его обсуждении приняли участие А. Проскуряков (Кострома), И. Ерпылев (Оренбург), А. Кондратенко (Орел), И. Щелочков (Воронеж), С. Порохов (Ленинградская область) и другие. Виктор Фролов и Иван Ерпылев обобщали все ваши наработки, сверялись с законодательством, и мы выносим сегодня переработанный проект Устава на утверждение. Остановлюсь на двух-трех позициях, которые вызвали наибольшие толкования.

Более детально о нововведениях в Уставе будет рассказано при его представлении, я только коснусь некоторых тем.

Первое – разделение исполнительной и законодательной власти в организации. Ныне, например, я и председатель СПР, и председатель правления СПР. То есть сам даю себе указания и сам же их выполняю. Сегодня это не проходит по Закону об общественных объединениях. Мы идем на то, чтобы съезд выбирал именно председателя правления СПР как руководителя постоянно действующего коллегиального органа между съездами. А вот директора, к которому переходят финансово-хозяйственные функции исполнительного характера, утверждает правление. Я даже допускаю, что он не обязательно должен быть членом СПР, важен профессионализм. Данная схема разделения властей уже была апробирована в Московской городской писательской организации и не дала сбоев.

Второе – срок полномочий не строго пять лет, а до пяти лет. Это поможет в первую очередь нашим коллегам в республиках, по договоренности между секциями (допустим, кабардинской и балкарской,

карачаевской и черкесской) проводить ротацию чаще, чем через достаточно долгие пять лет.

Третья позиция – исключение из СПР методом отзыва личных рекомендаций и решения общего собрания. Слышалось непонимание: как же так, мы пересматриваем свою же оценку творчества? Нет! Кроме творчества у нас есть и наше поведение, наши заявления, наши поступки. Мы возмущаемся и требуем снятия всевозможных народных званий с артистов, уехавших за границу и поливающих грязью собственную страну. Так и с писателями: некоторые пишут вроде красиво, а в душе вдруг в самые сложные моменты проявляется жгучая ненависть к нам же, к нашей стране, с их стороны практически открытая поддержка пресловутой «пятой колонны». Мы – союз единомышленников. Мы что, должны и обязаны терпеть унижения и оскорбления в свой адрес в своих же рядах? Мы мазохисты? Механизм отзыва рекомендаций – это урок нравственности, это преграда против токсичных людей.

Мы не можем по Конституции запретить состоять писателям и в других организациях, но, право же, не вызывает уважения поведение тех взрослых тетей и дядей, которые и в 60, и в 70 лет все бегают и бегают по разным песочницам. Когда же у вас проснется чувство собственного достоинства? Двойное литературное гражданство – оно сродни двойному гражданству тех, у кого главным является исключительно личная выгода. Никогда не будет отдачи для Родины, а у нас – для СП России. Двойная литература, двойное дно! Это то, что разъедает единство нации. И нашим и вашим за две копейки спляшем. Дадим 30 сребреников, только отойдите от нас сами. Все равно вы спину не прикроете, потому что у вас всегда подстелена соломка и запасные аэродромы. Хотя сами при этом прикрываетесь Конституцией. Или хотите быть немножко беременными? А кто пожалеет организацию, тех людей, которые порой годами не могут избавиться от таких двухкопеечных?

Мне думается, новый руководитель Союза писателей России будет более жестко учитывать наличие двух литературных паспортов при рассмотрении вопросов по выдвижению (или невыдвижению) таких людей в исполнительные органы нашего союза, высший творческий совет, приемную комиссию, в конечном счете – на любые виды поощрения.

Мы фиксируем в Уставе и постулат: сосредотачивать свою деятельность на благо организации, а не на дядю со стороны.

А то писательский авторитет хотите иметь от нашего союза, а танцевать в другой горнице? По мне, так решать кардинально: или работаем все вместе, или заявление на стол. А я скажу, почему стали бегать. Кто-то из соседей получает грант – и побежал туда, где заплатят денежку. И неважно, какой

флаг развевается над той штаб-квартирой. Только давайте помнить, что когда получаешь деньги – наклоняешься к окошку. Кланяешься чужим деньгам.

Такая же позиция с формулировкой «утрата связи с организацией». При обсуждении сетовали, что мы должны по Конституции защищать человека. А организацию? Когда люди годами не приходят на собрания, срывают кворум и нет возможности рассмотреть даже приемные дела уже тех, кто стремится искренне в Союз, – как быть коллективу? Они не платят несчастные 800 рублей в год хотя бы на цветы умершим товарищам – так зачем нужен такой человек организации? Писатель сам должен хоть за что-то отвечать?

И давайте помнить главное: Устав – он Устав Союза писателей России, а не условного Иванова.

Вот в таких деталях и заложены смыслы изменений. Поверьте, никто не собирается вредить самим себе, над документом работали те, кому самим жить по этим же нормам. Если же что-то окажется противоречащим нормам бытия, Минюст никогда не пропустит его регистрацию.

Друзья!

Мы хотим, чтобы общество знало: Союз писателей России – он не в политике. Но наша задача – формировать повестку дня, на основании которой политики и будут принимать (или не принимать) решения!

Мы отчетливо понимаем, что впереди еще более сложные времена. 2024 год из-за выборов президента станет годом беспрецедентных атак на нашу страну, на наши ценности, наши достижения. С началом СВО мы приняли первый, пока еще наполненный пеной удар. Но, вне сомнения, идет подготовка на решающий абордаж нашего корабля с названием не «Путин», но – «Россия». Корабль будут раскачивать, делать пробоины в днище с осознанием: или сегодня – или потом долго «нет». Учитывая и предугадывая это, мы готовы при таком раскладе событий собраться и через два года, чтобы продемонстрировать силу единства в собственном Отечестве и явиться той цементирующей силой, которая не позволит болотным майдам вершить наши судьбы и судьбы наших детей и внуков, влиять на ход русской истории.

Только вот хочется, чтобы и власть помнила: киты тонут от прилипал. От тех присосавшихся моллюсков, которые в какой-то момент набирают критическую массу и не дают сильному, мощному животному всплыть и глотнуть воздуха. И формы присосаться к туловищу самые разные, порой на первый взгляд благородные. Интересен, а по сути, страшен факт: в молодежном парламенте нашей Госдумы нет ни одного парня, кто бы служил в армии. Ни одного! Вы думаете, эта будущая элита об-

ладает понятием защиты Отечества, его безопасности? Вот поэтому мы вновь и вновь будем спрашивать и с СМЛ: что у вас в биографии, дорогие наши?

...Не военизированное подразделение строим. Думаем о величии и силе не только Союза писателей, а об Отечестве. Для нас это неразрывно.

В оставшиеся минуты хочу коснуться вопроса взаимодействия с АСПИР (Ассоциация союзов писателей и издателей России. – *Прим. ред.*). Сергей Вадимович Степашин затронул в своем выступлении наше участие в создании ассоциации.

Можно было не входить в ее состав, как до сих пор заявляют некоторые писатели? Можно! Но я вспоминаю список из более десяти литературных организаций – вплоть до неких профсоюзов литераторов количеством в 20 человек. Пожалуйста: Союз независимых авторов и издателей, Российский союз профессиональных литераторов, Русский ПЕН-центр и т. д.

Мы что, желали бы видеть их законодателями литературного процесса в стране? Будем откровенны: АСПИР создавалась бы при любых условиях, это реальность времени. Но наш отказ дал бы повод отодвинуть нас на обочину. Методы бы нашлись, не обольщаемся иным. Но мы сделали ровно наоборот – поставили условия, которые позволили очистить в определенной степени литературную болотину.

Именно по нашей просьбе основные учредители отменили от включения в ассоциацию коммерческие союзы. Мы также попросили рассмотреть (и с этим согласились наши коллеги), что все вопросы будут решаться только коллегиально, никто против кого-то одного «дружить» не сможет, у каждого есть право вето и возможность выйти из АСПИР в ту же минуту, когда напишется заявление. Это удерживает всех от резких движений и заставляет искать точки соприкосновения!

Все ли нам нравится в ее деятельности? Погрешу против истины, если скажу: да. Но у нас есть возможность говорить друг с другом и реагировать на предложения.

В то же время именно благодаря АСПИР мы совместно издали уже с десяток книг, в авторах которых более половины писателей из нашего союза. Двенадцать писателей получили существенную экстренную медицинскую помощь именно по линии АСПИР. Ассоциации всего два года, многое оттачивается, нарабатывается опыт. Но мы с вами определились с самого начала: какие бы конфигурации из писательских сообществ ни создавались, у нас с вами своя биография, и мы приняли на себя, как в свое время большевики – царские долги, как Россия – обязательства СССР, так и мы приватизирова-

ли не недвижимость Литфонда (хотя, возможно, и это стоило сделать) – но духовность, нравственность, народность, традиционные ценности в литературе на всю ее историческую глубину. Так что у нас – да, зачастую отличные от других учредителей ориентиры. Но мы перед нашими предшественниками отвечаем за свой союз. С. А. Шаргунов (руководитель АСПИР. – *Прим. ред.*) прекрасно знает наш творческий и организационный потенциал, а потому может воспользоваться им для усиления по тем или иным направлениям работы ассоциации. Здесь мы союзники и благодарим его за совместное решение литературных задач.

И о нашем времени и дне сегодняшнем.

У нас нет перепутей. Мы знаем, куда идем, мы сами строим мосты и добываем булыжник для дорог. Порой кажется, что строим в тупик. Например: СПР, не получая от государства на ведение своей уставной деятельности ни копейки, в виде налогов и коммуналки выплатил ему за прошедшие пять лет несколько миллионов рублей. Грустно, но мы с вами, друзья, содержим государство!

Есть самый верный способ добиться финансирования – наложить кальку на все творческие союзы в вопросах финансирования политических партий. Почему они, набрав на выборах 3 % голосов, объявляются национальными объединениями, отражающими интересы народа, а мы, имея региональные организации в каждом субъекте федерации, – что, не выражаем интересы народа? Может, власть кроме политики станет когда-то уважать еще и культуру, творчество? Мы не денег просим. Работу! Мы укрепляем духовную безопасность Отечества и рассматриваем свою деятельность только с этих позиций. Поэтому, укрепляя армию, экономику, финансы, партийную систему, верните в зону своей ответственности и слово писателя! Пока же получается, что библиотекарь, перекладывая наши книги, получает трудовую пенсию, а писатель, эти книги создавший, давший при этом работу издателям, полиграфистам, торговцам, – нет. Вновь парадокс новейшей истории России. Как и то, что мы ныне не буква, а цифра. Вроде всем понятно несуразность отрыва литературы от культуры, других творческих союзов, но все наши просьбы, требования выстроить логическую цепочку: от писателя – к книге – к книжным ярмаркам – к библиотеке – к читателю – пока не возымели успеха. Мы при производстве, где толщина бумаги, условно, важнее слова. И мы все равно идем в библиотеки, которые принадлежат Минкультуры. Но мы для них уже чужие, бродячие, неприкаянные менестрели, которым просто по сердобольству открывают двери. Бред! Мы стучимся в двери к своим книгам!

Я думаю, борьбу за воссоединение с культурой мы должны продолжить, и если поручите подготовить секретариату очередное обращение или резолюцию в органы управления страной, чтобы повлиять на ситуацию, мы найдем чернила написать новые письма вдобавок к уже посланным ранее обращениям.

Нет сомнения, открой мы коммерческие линии, смогли бы на авторитете СПР, наших предшественников сколотить состояние, как это делают другие союзы: любой каприз за ваши тщеславные деньги. Орден – 5 тысяч, объявить лучшим писателем года – еще сверху столько же. А мы делаем очередной шаг: настало время выйти из всех проектов, где с людей берутся деньги, неважно на что – на изготовление грамот или орденов.

Спасибо всем вам, кто не побежал делать деньги под знаменем СПР. Грань очень тонкая, соблазнительная. У нас был выбор: доллары в глазах или отечественная словесность, совесть русское литературное слово. Мы остались верны самим себе.

Да, нам продолжают навязывать модное кино, модный театр, модную литературу – для модных же авторов. Такие люди не так безобидны, они подравнивают нашу великую культуру под себя. То есть опускают. И вот уже некоторые региональные министры культуры вкупе с директорами библиотек главным критерием качества поэта делают подсчет количества лайков в интернете и приглашают к себе в регионы именно лайканутих. Господа министры, проверьте свои списки приглашаемых в последние годы: где ваши кумиры сегодня? Укатали на самокатах через Верхний Ларс? Ах, а мы им верили, они так красиво пели! Мы им ордена на грудь, гонорары, премии – а они, неблагодарные, обманули!

Господа, вы сами обманываться были готовы и рады! Потому что не о Родине думали, не о ее просторах, не о подрастающих детях, а о том, будет ли картинка из региона в телевизоре или строчка в новостях. Ничего, мол, что секунда и строчка, на наш век хватит.

На ваш, может, и хватит. А вот Россия вкладывает в такую же секунду целые века своей истории и культуры. Ей не строчка нужна, а вся песня. Мечтаю, когда с министров будут спрашивать не за количество концертов заезженных, как пластинка, звезд, а за выращенных, поддержанных, выпестованных именно в своем регионе талантов, ставших всероссийскими звездами.

У страны много проблем. У писателей России – ровно столько же, потому что мы не отделяем себя от Отечества. Писатели России не перекасти-поле. Мы дыхание и голос своего народа. Мы сами – Россия.

Завершая доклад, еще раз хочу поблагодарить наши региональные организации, тех писателей, которые не за себя радели, а за интересы общего дела. Наши доверчивых и преданных читателей. Наши единомышленников из других общественных объединений, министерств и ведомств. Тех меценатов, кто поверил в нас и помогает устоять на этом юру. Заверяем всех: у нас нет и не будет никаких финишных ленточек, после пересечения которых можно остановиться. Мы всегда в движении и устремлены только вперед. К горизонту, который не кончится никогда!

23

И самое последнее, хотя по значимости оно, может быть, и событие первого ряда.

У нас учрежден почетный знак «За заслуги в литературе». Им уже награждены несколько писателей, чьи имена на слуху у любого грамотного человека: Ольга Фокина, Юнна Мориц, Виктор Потанин, Владимир Крупин, Владимир Иллешевич и некоторые другие.

Я попрошу подняться на сцену писателей, кто прибыл на съезд и чье имя в литературе так же штучно. Чья заслуга – безусловна и которые также удостоены этой награды. Айпин Еремей Данилович – Ханты-Мансийск, Салимов Марсель Шайнурович – Уфа, Аврутин Анатолий Юрьевич – Минск.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
ЖУРНАЛА
«НАШ СОВРЕМЕННИК»
С. Ю. КУНЯЕВА**

Россия, в отличие от многих государств мира, – это страна слова. Поэтому русская культура началась со «Слова о полку Игореве», а уж чем она закончится – один Бог знает.

Я смотрел, кто за последние годы ушел из жизни и какой вклад они внесли в нашу великую литературу. Вот наши потери за несколько лет: Валентин Распутин, Альберт Лиханов, Валерий Ганичев, Виктор Лихоносов, Петр Палиевский, Юрий Кузнецов, Олег Михайлов, Глеб Горбовский, Сергей Небольсин, Новелла Матвеева, Александр Казинцев.

Список, который я прочитал, это список более-менее молодых людей, а два человека ушли из жизни совсем незадолго до нашего съезда: это замечательный писатель, имя которого навсегда останется в русской литературе, – Юрий Васильевич Бондарев, ветеран войны, и ветеран войны Владимир Бушин.

Самая творческая часть писательского съезда – это не потерять нашу связь со словом. Я, задумываясь об этом обо всем, тревожился: ну весь мир скудеет, как скудеют реки, скудеют ручьи. Но сама Россия стоит, как остров, омываемый творческими усилиями своих сыновей и своих дочерей. И дай бог, чтобы это все продолжалось.

Думая об этом, я написал короткое стихотворение, которое хочу прочитать:

*Живем мы недолго – давайте любить
и радовать дружкой друг друга.
Нам незачем наши сердца холодить,
и так уж на улице вьюга!
Давайте друг другу долги возвращать,
щадить беззащитную странность,
давайте спокойно душой прощать
талантливость и бесталанность.
Ведь каждый когда-нибудь в небо глядел,
валялся в больничных палатах.
Что делать, земля – наш прекрасный удел,
И нет среди нас виноватых.*

Спасибо России!

**ВЫСТУПЛЕНИЕ
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
ГАЗЕТЫ «ЗАВТРА»
А. А. ПРОХАНОВА**

Я из того советского времени, когда в нашей литературе существовало два мощных направления, тогда они назывались – городская проза и деревенская проза. Кумиром городской прозы был Трифонов. Кумирами деревенской прозы были Распутин, Белов, Астафьев. И два этих великих направления так или иначе рассматривали роль государства в судьбах народа, в судьбах культуры, в судьбах поколения.

Трифонианцы – городская проза – винили государство за избиение ленинской гвардии, за подавление того раннего революционного пыла, процесса, который воспалил Гражданскую войну и который, казалось бы, захватил все грядущее русское будущее. Оно было подавлено, многие были истреблены, и Сталин покончил с этой стихией, создал новое государство.

Деревенщики – деревенская проза – мучительно переживали конец русской деревни. А вместе с концом русской деревни – и русского уклада, ущемление и подавление русского фактора, русского сознания, русского мироощущения, русского чувства, русской семьи, русского говора. И в подавлении этой деревни они тоже винили государство, которое жестокой коллективизацией, поборами, давлениями на крестьян, по существу, разорило деревню.

И эти два направления пестовались государством: среди этих направлений были лауреаты, были орденосносцы, их приглашали в Кремль; тем не менее все они тайно, явно глубинно предьявляли укоризну государству. И эти два направления исчезли вместе с исчезновением государства советского. Исчезла ось координат, относительно которой они существовали, враждовали, создавали важнейшее, интереснейшее напряжение в нашей культуре, в нашей литературе, за счет которого и живет всякая живая культура. Она живет полюсами, живет столкновениями, она в этих мучительных выборах находит какое-то удивительно не среднее, а сверхсостояние.

Что же теперь? Я присматриваюсь к современному литературному процессу и ищу: есть ли в нем направления, есть ли в нем тенденции, есть ли в нем такие крупные литературные группировки, в которых зреет новая философская концепция, новые культурные модели? Я пока их не нахожу. Может быть, потому что я недостаточно зрячий, недостаточно ясновидящий. Но они непременно появятся.

Я думаю: относительно чего, какая ось координат возникнет, для того чтобы вдруг с нее вскипели, взорвались, зашумели эти две извечно русские тенденции: левая и правая, земное и небесное?

Мне кажется, что сегодня наше государство, оказавшись абсолютно неподготовленным к этой украинской войне, столкнувшись с огромным количеством трудностей – внешних, внутренних, военных, – оно стремительно перестраивается. И эта перестройка происходит хаотически, где-то плано-во, а где-то спорадически; она мучительна. Государство меняет кожу, уходят одни элиты, появляются другие, меняется репутация, одни рушатся, другие возникают. В этой схватке сокрушаются конструкции, упорно возводимые после 1991 года, они у нас на глазах рушатся, падают нам на головы; появляются новые персонажи, новые герои, появляются новые мученики, появляются новые ясно-видцы, появляются новые предатели и изменники, появляются новые скопидомы, появляются новые таинственные маги, волшебники.

Идет строительство новой типологии, человеческой, и, конечно, новых ситуаций, в которых эти типы участвуют и присутствуют, – это драгоценное для художника время, время перемен. Повторяю, оно драгоценно для художника. Все остановившееся, все зашифрованное, все покрытое чехлами ста-бильности, здравого смысла – вдруг хлопается, чехлы распадаются и вся требуха реальная, обще-ственная вываливается на поверхность. Хватай ее, пиши, находишься в гуще всего этого. Ну и, конечно, погибай при этом: если ты заглянешь в жерло пуш-ки, которая готова выстрелить, готовься к тому, что она оторвет тебе голову.

И вот эта удивительная возможность для сегод-няшнего литературного процесса, для сегодняшнего художника – не просто возможность. Это вмененное глубинное свойство и обязанность художника – за-фиксировать этот процесс. И эта возможность, по-моему, драгоценная, особенно для молодого поко-ления. Потому что, конечно, время фиксируется в декларациях съездов, в декларациях крупных кон-грессов, его фиксирует журналистика, его фикси-руют всевозможные постановления и указы. Но по-настоящему его фиксирует только литература. Я помню из романа Бунина «Жизнь Арсеньева» пораз-ительный эпиграф (не сказано, чей он, он из какой-то русской летописи, из какого-то русского сказа-ния). Он звучит так: «Вещи и дела, аще не написании бывають, тмою покрываються и гробу безпамятства предаются, написавшии же яко одушевлени...» Ли-тература не дает исчезнуть времени. Она не дает пропасть истории. Она воскресительна, она из мертвых подымает целые исторические эпохи. Я повторяю, это огромная возможность для сегод-няшнего русского литературного процесса.

И вторая, мне кажется, удивительная такая мис-сия. Мы видим, как угасает язык. С исчезновением традиционной русской деревни исчез восхититель-ный русский язык, который питал и русскую дворян-скую литературу, и русскую мещанскую литературу, и разночинную литературу. Исчез вот этот народ-языкотворец, живший в деревнях. Пришел язык на-шей журналистики, язык гуттаперчевый, целлуло-идный, с огромным комичным англицизмом, с ни-чтожным количеством определений, быстрым переходом от подлежащего к сказуемому. Это бед-ный язык, мобильный язык, на котором можно бу-дет выписать, не знаю, рецепт какого-нибудь сла-бительного или, может быть, какого-то снотворно-го. А где язык? Кто его сохранит? Кто сбережет этот язык? Потому что есть язык – есть народ. Убывание языка – убывание народа. И может быть, все то, что мы сейчас чувствуем: наше убывание, наше умень-шение, наше ослабление – связано с уменьшением и убыванием нашего языка. И здесь, как мне кажет-ся, писатель является спасителем языка. Язык, ух-дя, исчезая из деревень, светелок, из дворянских салонов, – он прячется в книге, он прячется в лите-ратуру. И литература, писатель, который является сберегателем языка, языкотворцем, – его миссия божественная, восхитительная. Писатель не дает погаснуть этим лампадам русского языка и русско-го словотворчества.

Вот эти две составляющие, о которых я сейчас говорил, – я смотрю на эти задачи с какой-то зави-стью. Наверное, мне не придется уже участвовать в этих новых литературных свершениях, создавать эти новые литературные движения. Но новые лите-ратурные движения – это не просто литературные движения. Русская жизнь, русская судьба – она ко-варна. Все серьезное, глубинное связано и с вос-хождением, и с падением государства, они рожда-лись в литературе. В литературе рождались Рахме-товы. В литературе рождались «лишние люди», Печорины. В литературе рождались Базаровы. В литературе рождались будущие революционеры, которые в чеховских рассказах были Ионычами, а спустя десять лет сажались в седла Первой конной армии, и становились чекистами, и расстреливали по губерниям бывших чеховских героев, телегра-фистов и офицеров.

Поэтому, конечно, мы, здесь все сидящие, каза-лось бы, узнали о процентном содержании в нашей писательской среде женщин, о процентном содер-жании в нашей среде мужчин, о процентном содер-жании в нашей среде провинциалов, горожан. Но мы не узнали, какой процент в нашей среде буду-щих мучеников, будущих подвижников, будущих бе-глецов и скрытников. Они есть среди нас. И это изумительно, это восхитительно!

Поэтому как чудесно быть писателем вообще и с особенностью этой распри на кресте. Как изумительно быть молодым писателем, когда он наполнен любовью, чаянием, восхищением! И который ждет от будущего только одного – только венка из роз, а не соснового венца.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА «НОВАЯ НЕМИГА ЛИТЕРАТУРНАЯ» А. Ю. АВРУТИНА

Наш съезд проходит в знаменательную дату: 10 февраля – день памяти Александра Сергеевича Пушкина. Причем тогда тоже была пятница, а время кончины поэта – 14 часов 45 минут – практически совпадает со временем моего сегодняшнего выхода на эту сцену. Поэтому позволю себе прочесть вот это стихотворение:

...Наш примус все чадил устало,
Скрипели ставни... Сыпал снег.
Мне мама Пушкина читала,
Твердя: «Хороший человек!»
Забившись в уголок дивана,
Я слушал – кроха в два вершка –
Про царство славного Салтана
И золотого петушка...
В ногах скрутилось одеяло,
Часы с кукушкой били шесть.
Мне мама Пушкина читала –
Тогда не так хотелось есть.
Забыв, что поздно и беззвездно,
Что сказка – это не всерьез,
Мы знали: папа будет поздно,
Но он нам Пушкина принес.
И унывать нам не пристало
Из-за того, что суп не густ.
Мне мама Пушкина читала –
Я помню новой книжки хруст...
Давно мой папа на погосте,
Я ж повторяю на бегу
Строку из «Каменного гостя»
Да из «Онегина» строку.
Дряхлеет мама... Знаю, знаю:
Ей слышать годы не велят.
Но я ей Пушкина читаю
И вижу: золотится взгляд...

ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» М. А. ЗАМШЕВА

Дорогие друзья, я думаю, что все собравшиеся согласятся с тем, что те пять лет, которые прошли, мы можем охарактеризовать как время, когда действительно появился какой-то свежий воздух в работе союза. И если уж Николай Федорович за 40 минут своего доклада не смог упомянуть, наверное, всех тех больших дел, тех направлений, тех проектов, которыми союз занимался эти пять лет, то и в коротком своем выступлении логика велит мне выделить что-то одно из того, что происходило в союзе.

И мне хотелось бы сказать добрые слова именно о работе, которая ведется с молодыми литераторами. Конечно, с молодыми так или иначе пытаются работать все, но часто это происходит, не совсем учитывая возможности и способности и просто качество текстов, которые молодые литераторы представляют на обсуждения.

Мы же в вопросе СМЛ Союза писателей России, как мне кажется, очень грамотно, пусть местами и нервно, с дискуссиями между старшими и более молодыми товарищами, но в целом работу выстроили правильно. Создание Совета молодых литераторов, те мероприятия, которые они проводят, вызывают большое уважение и говорят о том, что действительно у союза большое будущее. Не секрет ни для кого, что было время, когда молодые писатели относились к Союзу писателей не без некоторого скепсиса: зачем это нужно, все это устаревшее. Сейчас ситуация переламывается, и даже видно по этому залу, где очень много молодых лиц. И мне приходится бывать в регионах, общаться с молодыми писателями в Кемерове, и в Самаре, и в Уфе, и в Новосибирске, я вижу, что у ребят горят глаза. И вообще, мне кажется, в эти пять лет у нас у всех стали гореть глаза, что, несомненно, говорит о том, что союз работает, работает методично, работает каждый день, не ища ни пиара, ни какой-то славы, а работает для нас, для писателей.

Николай Федорович просил о проблемах сказать. Мне кажется, что проблема здесь только одна. Пять лет – это очень мало для того, чтобы все начинания и проекты, которые задуманы, были доведены до конца. Поэтому, я думаю, наша общая задача – это дать возможность избранным сегодня рабочим органам работать долго, спокойно и вместе с нами довести до логического завершения те проекты, которые идут, начать новые. И как Николай Федорович говорил: никакой финишной ленточки мы не видим; литература, Россия – они вечны!

Юридические нормы велят оценить работу как удовлетворительно или неудовлетворительно. Конечно, удовлетворительно. Но, если говорить простым языком, мне кажется, правление справилось на отлично за этот период. Спасибо.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЛАВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ АССОЦИАЦИИ ДРАМАТУРГОВ Ю. М. ПОЛЯКОВА

Я предлагаю считать работу правления Союза писателей России за отчетный период удовлетворительной и выражаю горячую надежду, что и на следующие пять лет нашу организацию возглавит Николай Федорович.

Нашей ассоциации драматургов скоро исполнится пять лет. До этого, как ни странно, не было никакого общедеряльного объединения драматургов. Но и за эти пять лет кое-что удалось сделать, а главное – это наш конкурс «Автора на сцену», который мы проводили при поддержке такой организации, как «Театральный агент». Тем, кто интересуется: в нижнем фойе лежат наши альманахи «Автора на сцену» с пьесами-победителями. Мы десятирер драматургам дали дипломы, а под дипломы выдали по миллиону рублей на постановки. Правда, это было до известных событий; сейчас, конечно, ситуация более сложная.

Хочу сказать, что уже в 2017 году, когда мы проводили первый конкурс, там были интересные, сильные пьесы (их немного, но несколько штук было), посвященные событиям на Донбассе. Однако все наши попытки предложить эти пьесы театрам, даже с миллионом (что для Москвы, конечно, смешные деньги, но для регионального театра, скажем того же Рыбинского, на эти деньги можно хороший спектакль поставить), не увенчались успехом.

С чем это связано? Я думаю, это связано с тем, что 30 лет культурная политика в нашей стране во многих областях, в частности в литературе и театре, была направлена не на укрепление патриотического сознания, не на сплочение общества, не на подготовку общества к испытаниям, а, наоборот, на его разложение и внедрение нездорового динамизма.

Это легко подтверждается тем фактом, что глупо пацифистское письмо против специальной военной операции вышло в марте именно от театральных

деятели, начиная с руководителей нашего Всероссийского театрального общества, а затем уже его подписали и ведущие художественные руководители, режиссеры, продюсеры и т. д. То есть театр сейчас в руках людей, которых интересует в лучшем случае только их профессия и самовыражение. Судьба Отечества им неинтересна. Формировали эту когорту наши государственные чиновники. Им нужно каким-то образом из этого положения выходить. Каким – пока не видно, а уже исполнился год военных действий. Кто сидел, там и сидит, потому что прошел год с начала СВО, а не вышло ни одного спектакля, посвященного этим событиям. Хотя, как я уже сказал, пьесы есть, и их стало еще больше. Это говорит о том, что если в других сферах какое-то движение началось, то в театральной – застой. А нормальные драматурги, продолжающие традиции, пишущие социально острые, проблемные произведения в разных жанрах, в разной стилистике, – они не востребованы.

Почему? Потому что театры современные пьесы не ставят. Есть десятки, если не сотни театров, в которых самая свежая современная пьеса – это Вампилов. Вампилов – замечательный драматург, но он умер полвека назад. Им современность неинтересна. Им интересна новая драма (скажем, «Золотой маске»). А что такое новая драма? Это драматургия иногда и неплохая, но она, как говорил наш президент, драматургия с пониженной социальной ответственностью. Так что для нынешнего театра если и ставить современную пьесу, то именно такого характера.

Каков выход? Много в свое время смеялись, и тот же мой любимый Булгаков, над реперткомаи, и справедливо смеялись. Но я вам хочу сказать, что уж лучше пусть будет государственный репертком, чем антигосударственный, который у нас работает в стране с 1991 года! Сначала он работал вполне легально при Ельцине, до начала СВО он работал полулегально, но полностью определял репертуар и продолжает определять, потому что все люди на местах. Министерство культуры этим абсолютно не интересуется, это я вам говорю как бывший председатель Общественного совета Министерства культуры. Нам даже не удалось спасти несчастную Татьяну Васильевну Доронину – у нее отобрали театр под видом освежения театрального пространства и в итоге отправили ее в дом престарелых. Так что этот антигосударственный репертком работает.

Я думаю, что мы должны от имени писательского сообщества обратиться напрямую к президенту. Если он этого не знает, то открыть ему глаза. Если он это знает, то просто сказать: раз знаете, то, пожалуйста, действуйте. А то по телевизору говорят о том, что все должны выступить единым фронтом, в том числе деятели культуры, но как бы условий для

его создания (здесь критиковали создание фронта, но в хорошем смысле действительно какой-то нужен) не создается. Вот, на мой взгляд, те главные проблемы, которые сейчас есть в драматургии.

И последнее. Наша ассоциация сейчас готовит аналитическую записку в верха, там есть кому показать и передать соответствующие материалы. Мы из МХАТа убрали этого разрушителя Боякова; правда, прислали Кехмана (хрен редьки не слаще), но тем не менее. Так вот, я прошу, пользуясь тем, что вы здесь представляете свои писательские организации, очень хорошо знаете свою культурную жизнь, напишите нам несколько страниц о том, как в вашем областном или республиканском театре действительно представлена современная драматургия, современная тематика. Мы это обобщим и постараемся передать как можно выше. Может быть, поможем.

Молодые писатели в союзе: результаты и будущее

ВЫСТУПЛЕНИЕ РУКОВОДИТЕЛЯ СОВЕТА МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ А. Н. ТИМОФЕЕВА

Коллеги, друзья! Николай Федорович Иванов сказал, что доля писателей до 35 лет в союзе выросла с четырех до восьми процентов. В этом не только и не столько заслуга Совета молодых литераторов, сколько заслуга тех мастеров, которые вели творческие семинары на наших совещаниях, руководителей литературных объединений при союзе, писательских организаций, которые по-настоящему работают с молодыми. Спасибо вам большое. Это наша общая с вами победа.

37 региональных советов молодых литераторов создано по России. Все руководители утверждены правлениями местных писательских организаций. И это не милые плюшевые ребята; чаще всего у них есть собственное мнение, в том числе по вопросу, каким должен быть Союз писателей России и как ему развиваться. Я вообще не люблю послушных и ведомых, чаще всего такие только кивают головами и ничего не делают. Но руководители СМЛ не смотрят по сторонам, эти люди связывают свою судьбу с Союзом писателей России. Это ваши ближайшие соратники и помощники.

Главное событие, которое проводит СМЛ, – Всероссийское совещание молодых литераторов в Химках. В течение последних трех лет это крупнейший молодежный литературный форум страны, больше, чем «Липки», чем мастерские АСПИР и любые другие форумы. В 2022 году «Химки» объединили более трехсот молодых писателей, организаторов и экспертов из 62 регионов страны. Как мы это делаем? Где берем ресурсы? Все очень просто. Мы скидываемся и проводим самое большое совещание в России. Его организаторы ничего не получают, только отдают. Мастера работают бесплатно, иногда даже приезжают за свой счет. Это плохо? Это очень плохо и ненормально. Но это показывает, что мы как профессиональное сообщество, как настоящий союз можем достигать любых целей, которые перед собой поставим. И нам нужно их достигать и дальше.

Уникальное направление на «Химках» – специальная программа для организаторов литературного процесса. Такого нет вообще ни у кого в стране, только у Союза писателей России. Мы вовремя поняли, что руководитель – это не просто хороший писатель. Он должен разбираться в издательской деятельности, в переводческой деятельности, понимать, как вести литературные объединения, как организовывать фестивали, как заполнять грантовые заявки. Любое региональное отделение Союза писателей России может делегировать на программу для организаторов в «Химках» своего активиста, даже не обязательно молодого. И мы вместе попытаемся овладеть этими навыками, такими нужными для нас сейчас. Обменяться опытом, стать еще эффективнее и профессиональнее.

На наш взгляд, литературные фестивали не должны быть междусобойчиками для молодых писателей, а должны быть местом встречи писателей, читателей, библиотекарей, краеведов, учителей. Восемь наших литературных фестивалей с этого года объединились в Содружество, и как раз особенность этих фестивалей в том, что они ориентированы не только на писателей, но и на молодых читателей и студентов. Челябинск, Ленинск-Кузнецкий, Рыбинск, Химки, Уфа, Липецк, Самара, Мурманск. Но восемь – это не закрытый клуб. За 2023 год мы обкатаем технологию, а дальше – если фестиваль отвечает нашим ценностям и определенному стандарту качества, то Содружество будет пополняться. И если фестивалей для писателей у нас в стране сейчас слишком много, то фестивалей для читателей много быть не может. В идеале в каждом регионе должен быть именно такой свой фестиваль.

Вчера проходила специальная молодежная программа съезда. На ней присутствовали не только руководители региональных советов моло-

дых литераторов и активисты СМЛ, но и члены комиссии по работе с молодыми; были и руководители писательских организаций. Мы вместе думали над тем, каким мы видим Союз писателей России и его региональные отделения, выделяли проблемы – внешние и внутренние. И если на внешние мы мало можем повлиять, то внутренние никто не решит, кроме нас самих. В ближайшее время результаты этой работы будут обобщены и представлены в виде большого аналитического материала.

И последнее. Мамед Гаджихалилович Халилов и Николай Федорович Иванов уже поднимали сегодня вопрос об Ассоциации союзов писателей и издателей. Николай Федорович озвучил цифру: АСПИР помогла двенадцати нашим писателям, находящимся в трудной жизненной ситуации. Двенадцать книг переводов с национальных языков тиражом 700 экземпляров было издано. Осваивая сотни миллионов грантов и субсидии, сложно не сделать хоть что-то полезное. Вот что-то полезное сделано, двенадцать книжек нам брошено. Но кто-нибудь из вас в регионах видел эти деньги? Может, какие-то полезные региональные проекты, которые вы тянете на своих плечах, были поддержаны? Ну конечно же, нет.

Я вам расскажу, что происходит в сфере, которой я занимаюсь. Есть десятки совещаний молодых литераторов в Союзе писателей России, от областных до всероссийских. У Союза российских писателей есть несколько таких совещаний. У Союза писателей Москвы есть свой ежегодный семинар. Ни одно из этих мероприятий не было поддержано. Вместо этого АСПИР создала свои дополнительные мастерские. Спрашивается: зачем? У нас каждый месяц теперь по несколько аналогичных мероприятий по стране. Бедные молодые писатели уж не знают, куда им и ехать, так и кочуют туда-сюда. Существующие формы не были поддержаны, а был создан собственный литературный мирок. И до сих пор они продолжают в него играть.

Но даже это делают неэффективно. Приведу один пример. Литературные резиденции АСПИР не наполняются зрелыми, состоявшимися писателями, и они берут туда совсем начинающих. Человек написал пару первых произведений и уже едет на месяц в резиденцию. Оплата дороги, проживания, питания, куратора и т. д. – все это обходится, по самым скромным подсчетам, не меньше двухсот тысяч. Так на 200 тысяч присутствующие здесь Александр Громов и Денис Домарёв проводят в Самаре фестиваль имени Михаила Анищенко – внимание! – на сто человек. Один и сто. Результативные показатели проектов ассоциации занижены в десятки и сотни раз.

Наконец, СВО. Вы знаете, что АСПИР не провела ни одного мероприятия в поддержку СВО. Я выступал у них в доме Ростовых. Перед началом подходит ко мне девочка и говорит: про политику у нас нельзя. То есть год идут военные действия, но об этом запрещено упоминать. У нас были писатели, которые ездили в командировки от АСПИР и хотели попутно презентовать сборник «Позывной – Победа!». Так бедные работники ассоциации чуть ли не телами своими заслоняли баннер АСПИР, чтобы, не дай бог, не была сделана фотография сборника на фоне этого баннера. Безумие просто.

Друзья, коллеги, у нас проходит съезд. Мы выбираем председателя, вносим изменения в Устав. Мы должны это сделать сейчас и – бог с ними. Это мы с вами представляем современную русскую литературу, и нам нужно решать свои дела. Но дальше, конечно, предложение Мамеда Гаджихалиловича Халилова о создании специальной комиссии по взаимодействию с АСПИР, которая проанализирует ее работу и очертит наши требования и красные линии, мне кажется здравым. Для этого достаточно полномочий пленума правления. Николай Федорович правильно сказал: мы не могли не вступить и правильно сделали, что вступили. Но теперь пора посмотреть, удовлетворяет ли нас выполненная ими работа или нет.

Вячеслав КУПРИЯНОВ

ВЕРЛИБР И ЕГО ИСТОКИ

Вячеслав Куприянов – член Союза писателей России, Союза писателей Сербии и Союза писателей Сербской Республики.

Лауреат премии фестиваля поэзии в Гоннезе (Италия, 1986), Европейской литературной премии (Югославия, 1987), обладатель Македонского литературного жезла (1999), лауреат премии им. Бранко Радичевича (Сербия, 2006), премии Министерства образования Австрии (2007), премии «Моравский свиток» (Сербия, 2008), Бунинской премии (2010), Международной премии «Европейский атлас поэзии» (Сербская Республика, 2017), премии Felix Romulana (Сербия, 2017), премии «Сердце связующая нить» (СП России, 2018), премии «Югра» (Ханты-Мансийск, 2018), Международной премии Naji Naaman's Literary Prize (Япония, 2018), «Золотой ключ Смедерева» (Сербия, 2021).

Из недавно изданных книг – «Противоречия, опыты соединения слов посредством смысла» (Москва, Б.С.Г.-Пресс, 2019); «Неизвестному трусу» / «Für den unbekannten Feigling» (на русском и немецком, Pop-Verlag Ludwigsburg, 2021); «Соль на языке земли» (на русском и сербском, Смедерево, 2021); *Hur man blir en giraff* / «Как стать жирафом» (на шведском, Stockholm, Faethon, 2022).

Разговоры и споры о русском верлибре – свободном стихе – актуальны по-прежнему. Я начну с рассуждений о самой возможности его возникновения.

В «Общей филологии» академик Ю. В. Рождественский пишет: «Существует четыре основных рода фактуры речи: устная речь, письменная речь, печатная речь, речь массовой коммуникации... По родам фактуры речи в филологии различаются роды произведений словесности или роды словесности: устная словесность, письменная словесность, печатная словесность, массовая коммуникация». Мы будем искать истоки верлибра исходя из всех этих четырех родов словесности.

В природе языка находим три вида сгущения звучания: слог, слово и предложение. Отсюда три ступени сгущения мысли, три типа речи. Первый тип имеет в своей основе слог. Упорядоченное количество слогов при упорядоченном распреде-

лении ударений стягивается в строку, пределом которой может быть рифма. Это и есть привычное нам стопное стихосложение – силлаботоника. Второй тип берет в основу предложение с логическим (фразовым) ударением. Это – проза, которая (как и стихи) может быть как художественной, так и нехудожественной (деловой). Третий тип имеет своей основой слово, то есть в идеале каждое слово является носителем логического (смыслового) ударения. Уплотнение смыслового ударения влечет за собой особое отношение к выбору слов, к их распределению друг относительно друга, к большей связи логического (понятийного) в языке с образным. Можно определить верлибр как стих с пословным ударением.

Так же думал и Арво Метс: «Свободный стих представляет собой качественный скачок – переход от слогового стиля речи к новой стихии – к стихии полнозначного слова. Основой, единицей в свободном стихе становится любое значимое слово...» (А. Метс, «О свободном стихе»). Я бы определил верлибр как художественный жанр, симметричный прозе относительно поэзии. Современную поэтику следовало бы излагать исходя из верлибра. Начиная с Евангелия от Иоанна:

В начале было Слово,
И Слово было у Бога,
И Слово было Бог.

Здесь Слово определяется через Бога, Бог – через Слово, а само «бытие» (связка «было») – через становление Слова посредством Бога. Так создается «пословный», смысловой ритм.

По мысли Ю. В. Рождественского, для различения поэзии и прозы должны существовать такие тексты, которые одновременно являлись бы поэзией и прозой, не поэзией и не прозой и в то же время оставались бы художественной литературой, не переходя в научную или журнальную. Таким «третьим» типом речи и оказывается верлибр.

Верлибр считается современным жанром поэтической речи, во всяком случае, полагают, что на русской почве он появился сравнительно недавно, в первой трети XX века, но в широкий литературный обиход был введен уже во второй половине XX века.

В 80-х годах прошлого века на кафедре общего и сравнительного языкознания МГУ, которой профессор Ю. В. Рождественский тогда заведовал, проходили семинары «по сочинению верлибров» с моим участием. Образцами был выбран мой «звериный цикл», «Как стать жирафом», «Как стать дикобразом» и в завершение – «Как стать человеком».

КАК СТАТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Перестань
трястись
за свою
шкуру!

Перестань
сдирать шкуру
с других.

Пусть другие
перед тобой
не трясутся.

А теперь повтори сам себе:

Перестань
трястись
за свою шкуру!

Перестань
сдирать шкуру
с других!

А теперь попробуй стать человеком.

Но для начала еще —
побывай
во всех
курах!

Это можно определить как «басенный верлибр» с опорой на паремии устной речи. Так басни, согласно А. А. Потебне, растут из пословиц и поговорок. Он утверждал: «...краткие жанры фольклора в ряде случаев представляют собой свернутую форму пространственных жанров». Ю. В. Рождественский нашел эти мои «басни» удобными для извлечения поэтического смысла из некоторых физических свойств представителей животного мира. Вспомнили такое древнее сочинение, как «Физиолог». Мои «звериные» тексты можно возвести к самой ранней из фактур речи — к устной речи. Мою «Песню волка» я сам связываю с детскими впечатлениями от сибирских сказок.

ПЕСНЯ ВОЛКА

Я волк волк
Я зимний ночной волк волк
Я своими следами служу духу снега
Я хозяин хруста чужих костей
Это я надышал вам морозные звезды
На ваши оконные стекла
Пока вы спали во сне
Я навыл вам в небе полную луну

Когда вы еще не умели смотреть на небо
Это я научил вас бояться ночных деревьев
Это я заклинаю вас от опасных игр
с собственной тенью

Это я подсказал вам что надо сбиваться в стаи
Я волк волк
Я зимний ночной волк
Я ухажу от вас в вашу же зимнюю сказку

Еще Юрий Владимирович Рождественский сравнивал верлибр со словарной статьей, таково здесь толкование слова «волк». Но в фольклоре звук не менее важен, чем смысл, так что получилась некая имитация «волчьего воя».

В 20-х годах XX века академик В. В. Виноградов в главе о стиле протопопа Аввакума замечает: «...это бывает или в молитвах, обращенных к Богу, или в «акафистах», направленных к Аввакуму, синтаксические ряды подвергаются более сложному художественно-ритмическому упорядочению, образуя то, что мы назвали бы свободными стихами (vers libres), с делением на строфы, с замыкающей каждую из строф дактилической концовкой и вообще с целым арсеналом поэтических приемов. Такова, например, молитва Аввакума, которую он «кричал с воплем ко Господу», — с реминисценциями из псалмов:

Послушай мене, Боже!
Послушай мене,
Царю небесный-свѣтъ,
Послушай меня!
Да не возвратится вспять ни единый от нихъ

И гробъ имъ тамъ устроиши всѣмъ!
Приложи имъ зла,
Господи, приложи
И погибель имъ наведи.
Да не збудется пророчество дьявольское»
(«О языке художественной прозы», 1980).

Николай Гоголь в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» обратил внимание на следующее: «Еще тайна для многих этот необыкновенный лиризм — рождение верховной трезвости ума, — который исходит от наших церковных песней и канонов и покуда так же безотчетно подмывают его сердце родные звуки нашей песни». Точное определение — «верховная трезвость ума»! Так от известного текста Н. Гоголя я попытался перейти к подражанию псалму:

ЧУДЕН ДНЕПР

Чуден Днепр
 При тихой погоде
 Когда не делит
 На левую и правую
 Свою величавую широту
 Чуден Днепр когда
 Редкая пуля долетит
 До его середины
 Чуден Днепр при любой погоде
 Когда не льет свои воды
 На мельницу нечестивых
 Чуден Днепр
 И блажен муж
 Иже не делит
 На левую и правую
 Величавую широту
 Своей славянской души

Св. Василий Великий в своих «Толкованиях на Псалтирь», можно сказать, показал, как надо начинать «верлибр». «Превосходство псалмов можно познать или из материи, или из образа, или из рода писания. Ибо книга псалмов есть как бы сокращение, или содержание, Ветхого Завета. Ежели Моисей или в истории передал, или в законе предписал, и ежели иные пророки или увещающие к добродетелям, или прорицающие будущее, все сие Давид в псалмах кратчайшим образом вместил... Все же сие не простым повествованием объемлет, но различным стихотворческим искусством, важными выражениями, чудными метафорами (преносными речениями), и новым некоторым вещания родом, так пленяет души в любовь и хвалу к Богу, что ничего сладче, ничего спасительнее воспеть и слышать не возможно...»

Св. Василий Великий прямо называет псалом художественным сочинением. И он объясняет в то же время: не псалмы Давида, а псалмы Давиду! То есть – молитва, идущая от Бога и «отраженно» обращенная к Богу.

Вот такую модернизацию псалма Давида – уже с оглядкой на массовую коммуникацию – совершил Эрнесто Карденаль (1925–2020), что я поспешил перевести с испанского на русский:

ПСАЛОМ 1

Блажен муж иже не следует
 лозунгам партийным
 не сидит на собраниях подлых
 ни с гангстерами за одним столом
 ни с генералами на военном совете

Блажен муж иже своих ближних не выслеживает
 на своих школьных друзей не доносит
 Блажен муж иже не читает
 реклам
 коммерческих
 ни по радио им не внимает
 ибо лжи их не верит
 И будет он как дерево посаженное при
 исходе вод...

Вот редкая запись Иисусовой молитвы «Отче наш» на церковнославянском языке (прошу прощения за транскрипцию, привожу по следующему редкому изданию: «книжица сия именуемая ЗБОРНИК, то есть некоторых молений на всякий день потребных СОБРАНИЕ, напечатана во Святой Киевско-Печерской Лавре, в лето от Рождества Христова, 1841):

ОТЧЕ НАШ, его же сынове есмы, верою во Христе Иисусе.

ИЖЕ ЕСИ, за упование уложенное нам, НА НЕБЕСЕХ.

ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ, еже быти нам святым и непорочным пред тобою в любви.

ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВО ТВОЕ,

яко да оправдившися благодатию твоею, наследницы будем по упованию жизни вечная.

ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ, благодать спасительная всем человекам, наказующая нас,

ЯКО НА НЕБЕСИ ждати блаженного упования, и явления славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, яко

И НА ЗЕМЛИ, отвергшимся нечестия и мирских похотей, целомудренно, и праведно, и благочестиво в нынешнем веце пожити.

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ, не ко сласти плотстей, но ко исполнению нужды житейския,

ДАЖДЬ НАМ ДНЕСЬ, не излишний, но довольный.

И ОСТАВИ НАМ ДОЛГИ НАША, яко отец сыном прощая вины, а не яко судия казнь налагая,

ТАКОЖЕ И МЫ обычаем злы суще, ОСТАВЛЯЕМ ДОЛЖНИКОМ НАШИМ:

колыми паче ты, естеством благ, сие сотвориши.

И НЕ ВВЕДИ НАС ВО ИСКУШЕНИЕ, да напасть нас не постигнет.

Аще же и постигнет искушение человеческое, ты сильный Боже,

не остави искуситься паче, еже можем,

НО сотворив со искушением и избытие,

яко возможи нам понести.

ИЗБАВИ НАС ОТ ЛУКАВАГО: да не прикасается нас, но паче бегаёт от нас,

тебе всегда в нас действующу, и еже хотети, и еже делати от благоволения.

ЯКО ТВОЕ Отца Вседержителя ЕСТЬ ЦАРСТВО,
И Сына искупителя СИЛА, и Духа освяителя,
СЛАВА, во веки, АМИНЬ.

Все эти дополнения толкуют основной текст, как бы заполняя паузу канона. И это не делает текст более «прозаическим». И это не только «художество», ибо здесь нет вымысла, желательного для художества, но только «сакральная» правда, обязательная для свидетельства – перефразируя Ю. В. Рождественского, – осознанная или неосознанная правильность мысли (см. еще об этом у о. Павла Флоренского). И если в «Толковании на Псалтырь» говорится, что «книга псалмов есть как бы сокращение, или содержание, Ветхого Завета», то, видимо, сочинители молитв могли себе позволить их «расширение».

В том же «Толковании» много говорится о повторках, что мы сегодня называем параллелизмами. Текст нарочито строится как избыточный, повтор идет через отрицание («Блажен муж иже не иде... не ста... не седе...»), затем через утверждение («но в Законе... воля его») и затем через подобие («и будет как древо...»). Изящная и строгая конструкция! Можно еще сказать, что в псалме скрыт силлогизм.

Печатная речь, кроме всего прочего, дает образцы научной и деловой прозы. В каждом физическом законе просматривается афоризм или цепь афоризмов. Возьмем добротную «письменную нехудожественную речь», текст из военного устава:

*Затвор служит:
для досылания патрона в патронник,
для запираания канала ствола,
для производства выстрела,
для выбрасывания стреляной гильзы.*

Это пример деловой прозы, записанной «метранпажем». Здесь исчерпано действие затвора, исчерпана его идея. Здесь виден свободно построенный текст, который бессмысленно продолжать «до бесконечности». Предметное содержание этого текста определяет не только его границы, но и четкий порядок слов, изменить слова невозможно, ибо исказится и суть описанного действия.

Попробуем найти «верлибр» у Ф. Достоевского: III. Из тетради № 1/3 (центрархив, ф. 212). Я, опуская авторскую прозаическую запись и следуя за интуитивными волнами ритма, излагаю этот текст Достоевского уже «стихами»:

*Страстные и бурные порывы.
Никакой холодности и разочарованности,
ничего пущенного в ход Байроном.
Непомерная и ненасытимая жажда
наслаждений.*

*Жажда жизни неутолимая.
Многообразие наслаждений и утолений.
Совершенное сознание и анализ каждого
наслаждения,
без боязни, что оно от того слабеет, потому что
основано
на законной потребности самой природы, тела.
Наслаждения артистические до утонченности
и рядом с ними
грубые, но именно потому, что чрезмерная
грубость
соприкасается с утонченностью (отрубленная
голова).
Наслаждения психологические.
Наслаждения уголовным нарушением всех
законов.
Наслаждения мистические (страхом, ночью).
Наслаждения покаянием, монастырем
(страшным постом и молитвой).
Наслаждения нищенские (прошением
милостыни).
Наслаждение Мадонной Рафаэля.
Наслаждения кражей,
наслаждения разбоем,
наслаждения самоубийством.
Наслаждения добрыми делами...*

Повторю, что Ю. В. Рождественский говаривал, что верлибр – это «словарная статья». Здесь Ф. Достоевский дает «словарную» разработку «наслаждению». Для записи «верлибром» следует правильно выбрать паузы по ритму и смыслу. Кстати, есть чудачки от стиховедения, утверждающие, что любой текст в столбик есть верлибр. На данном примере видно, что не каждый текст готов «остолбенеть» и не каждый столб – произведение искусства. Здесь мы видим игру контрастов, столкновение противоположностей, все это пробуждает эмоции не в меньшей степени, нежели напряженные мысли.

Противопоставим этому «сгущенному» тексту Достоевского столь же «сгущенный» текст, однако без претензии на поэтичность, а именно из «Никомаховой этики» Аристотеля: «...И если все стремится к наслаждению, то наслаждение по своему роду должно быть благом. Еще и за то не признавали наслаждение благом, что оно помеха. Называть удовольствие помехой заставлял, по видимому, неправильный способ исследования... В самом деле, наслаждение выполняемой работой не помеха ей, но если это наслаждение чем-то другим, то помеха; например, наслаждение пьянством – помеха работе...»

Здесь ключевому слову «наслаждение» философ (прозаик!) изыскивает понятийный смысл через сопоставление его с другими определяющими поня-

тиями, эмоциональные всплески здесь отсутствуют. Этот отрывок не просится в стиховую запись: паузы (концы «строк») будут совпадать с предложениями. А Ф. Достоевский распределяет «страсти», исчисляя их ощутимые оттенки.

Я выбрал у себя похожий верлибр, разыгрывающий ключевое слово «исчезновение»:

*Исчезновение. Со временем замечаешь,
Что жаль даже уходящего облака. Исчезновение
Цветов смущает чуткую душу, хотя
Сам сад совсем не колышет. Исчезновение
Снега с полотен Брейгеля Старшего
Смущало бы больше, чем исчезновение
Самого Брейгеля. Исчезновение листьев
С появлением ветра. Исчезновение хлеба
Со стола. Внезапное исчезновение
Стола из комнаты, комнаты из пространства.
Исчезновение человека, не замеченного
Садом, столом, пространством, временем,
Человеком. Исчезновение человеческого
В человеке. Исчезновение любви
В любимом. Исчезновение в любящем.
Исчезновение человека в земле, земли в небе,
Неба в исчезающей душе, исчезновение
Молнии, так и не успевшей блеснуть.
Исчезновение улыбки, не нашедшей
Себе лица. Счастье исчезновения,
Прежде чем исчезнет все.*

Ясно, что «идея наслаждения» (или «идея исчезновения») не может исчерпываться с той же предметной определенностью, как техническая «идея затвора». Но, ограниченный внешне усилиями вкуса, интуицией художника, причудами оперативной памяти и т. д., художественный текст бесконечен внутри себя неисчерпаемостью эстетической задачи. Вымысел домысливает себе эмоцию, эмоция откликается на смысл.

Современный свободный стих связан не с народной мудростью, не с молитвами и гимнами, обращенными к высшим силам, не с просвещенностью книжной, а с массовой коммуникацией. Можно пошутить: книги делают человека умнее, а газеты заставляют его нервничать.

Философию упования современника в двух строках определил Владимир Бурич:

*Чего я жду от завтрашнего дня?
Газет.*

Невольно вспоминаю комнату Владимира Бурича, где стопками хранились газеты за истекшие годы и годы. «Упование» гражданина-обывателя на расширение своего информационного горизонта (Маршалл Маклюэн, «Понимание медиа: внешние расширения человека») поэт Бурич гротескно изобразил в этом верлибре:

HOMO STATISTICUS

*В доме построенном из спрессованных отходов
набив живот третьесортной пищей
этажерки третьесортной литературой
сидит HOMO STATISTICUS
и терпеливо смотрит в телевизор*

Он ждет уже тысячелетие

*Ему обещали
репортаж с Антареса и Бетельгейзе*

Еще более нервной делают традиционную поэзию кино с его приемом монтажа, телевидение с его правилом общедоступности («равнение вниз»), интернет, где логос граничит с хаосом. Свободный стих менее скован этими новыми условиями, именно он пытается сохранить традиционный этический импульс, а по отношению к диктату мимолетности в массовой коммуникации использует иронию как защитный рефлекс. Таков мой верлибр:

МАССМЕДИА

*Глобальные
Глупости
Пересекают
Великий океан*

*Межконтинентальные
Нелепости
Курсируют между
Востоком и Западом*

*Сверхскоростные
Недоразумения
Переходят
Все границы*

*Чувство меры
Всего мира
В трансатлантическом
Трансе*

Наиболее влиятельным автором-«шестидесятиком» (а это время расцвета массовой коммуникации)

остается Владимир Бурич с его книгой «Тексты» (1988). «С точки зрения эстетической конвенциональные стихи являются конкретным выражением категории искусственности (не следует вкладывать в это слово негативный смысл), а свободные стихи – эстетической категории естественности» («Первая стихотворная традиция», 1982). Отсюда «Каникулы стихотворца» Алексея Алехина, известного поэта-верлибриста:

*Регулярный французский парк напоминает сонет.
Английский — расчетливый беспорядок верлибра.
Весь август редактировал дачный клочок: пропалывал спондеи, заседал пиррихии, секатором прорубал цезуры. Кое-где спилил, поделив на строфы.
После все равно зарастет разговорной речью.*

Массовая коммуникация легко зарастает устной, разговорной речью без опоры на культуру, это бытование СМС и смартфонов, общение с единомышленниками, близкими, которые не мыслят, а обмениваются слухами, сплетнями, растёт дистанция общения с «далекими». Речь носит инструментальный характер. Отсюда «обиходные верлибры», бытовой нарратив без опоры на опыт фольклора, письменности и книгопечатания. В этом причина неубедительности многих современных верлибров.

Важную роль в сочинении верлибра играет наблюдение. Например, у Арво Метса:

*Моторы,
собранные нами,
были все
на одно лицо.*

*Не отличить
работу уголовника
от работы
поэта.*

Или более детально, с повторами и долей вымысла у Владимира Бурича:

*Профессии развращают –
машинистка вытирает боты чистой бумагой
мельник ходит в муке по колену
редактор не смеется над Швейком
не плачет над бедной Лизой*

Хотел бы сказать, что даёт верлибр для «экологии» литературы и словесности вообще. Он даёт возможность умеющим писать в рифму приблизиться к прозе, не обязательно позволяя прозе поглотить поэтическое начало. Он даёт возможность сочинителям прозы приблизиться к поэзии, воплощая в изящном виде тезис о краткости как сестре таланта. Он даёт ещё одну, третью возможность рыцарям пера, застывшим на распутье между дальней дорогой прозы и ухабами поэзии. И пусть дети, сочиняющие невесть что весело и свободно, не верят взрослым, когда те им говорят: деточка, стихи – это только когда та-та-та и в рифму.

Он восстанавливает и проявляет естественную традицию в национальной словесности и своей положительной практикой опровергает поверхностное мнение, будто верлибр – это «тлетворное влияние Запада» и русский язык для него не приспособлен. Русский язык далеко не исчерпал заложенные в нём возможности, и верлибр ещё одна из них.

Алексей ВАРЛАМОВ

ПРОБА НА СЧАСТЬЕ В ГЛУБИНУ

Писатели по-разному входят в литературу. Одни стремительно, быстро и ярко. Другие медленно и трудно – тележно. «Я отдал свою молодость смутным скитаниям по человеческим поручениям и только в тридцатилетнем возрасте стал писать и тем устраивать свой внутренний дом», – вспоминал, уже будучи зрелым, состоявшимся литератором, Михаил Пришвин. Для Серебряного века, когда молодость, талант, удача считались синонимами, когда в литературу приходили сразу гениями, родившимися под счастливыми звездами, это было ужасно поздно. А между тем у Пришвина тоже была своя звезда и своя избранность...

Он родился в 1873 году в Ельце. В одной гимназии с ним учился и буквально на год разминуслся по времени Иван Бунин. Его учителем географии был тогда еще мало кому известный Василий Розанов. Он же исключил Пришвина из гимназии с волчьим билетом за грубость, когда трудному подростку исполнилось пятнадцать лет. В двадцать четыре студент рижского политеха Пришвин отсидел год в тюрьме за революционную деятельность, потом окончил университет в Германии, в Париже пережил нелегкую историю неразделенной любви к русской студентке Варваре Измалковой (будущей корреспондентке и знакомой Александра Блока) и с незаживающей на всю жизнь раной в душе навсегда вернулся в Россию. Но тем и отличаются по-настоящему талантливые люди, что даже неудачи и неуспехи умеют обратить себе на пользу, и напрасно мытарства молодости для Пришвина не прошли. Что-то исподволь, медленно, осторожно зрело в тайниках его души, ждало своего срока, и неудивительно, что позднее, размышляя о природе успеха и неуспеха, писатель занес в дневник: «Только измерив жизнь в глубину своей неудачей, страданием, иной бывает способен радоваться жизни, быть счастливым; удача – это мера счастья в ширину, а неудача есть проба на счастье в глубину».

В полной мере это относилось и к его литературной судьбе. Свою первую художественную книгу – очерки Выгорецкого края «В краю непуганых птиц» – Пришвин написал в 1906 году, когда по совету этнографа Ончукова отправился на Север записывать фольклорные предания, а привез оттуда

целый очерк северной жизни России начала минувшего века. Книга была замечена и имела успех (в том числе и денежный, Пришвин получил шестьсот рублей золотыми), и эта первая литературная победа значила для вчерашнего неудачника необыкновенно много.

Но успех надо было закреплять, двигаться вперед, и начинающий литератор принялся вырабатывать свою, как нынче принято говорить, писательскую стратегию, а с этим в Серебряном веке было ох как непросто. То были годы страстного, пылкого обращения интеллигенции к народу, ее болезненного самоощущения в отрыве от него, которые вызвали поворот, пристальное и даже патологическое внимание к наиболее темным, иррациональным сторонам российской жизни, к сектантству, к расколу в его самых радикальных толках и согласиях, а следовательно, и к раскольничьей апокалиптике. Пришвин хорошо видел и представлял обе стороны – и интеллигентскую, и народную. Он писал о них в «Крутоярском звере» и в «Никоне Староколенном», в «Радии» и в «Отце Спиридоне», он возил Вячеслава Иванова к хлыстовской «богородице», а потом молодая красивая женщина со строгими чертами лица, с головы до ног укутанная черной шалью, сидела на лекции поэта-эллиниста. Он звал с собою к хлыстам Блока, был своим человеком в секте «Начало века» и «не раз приводил на край ее чана людей из нашей творческой интеллигенции».

Ездил на поиски града Китежа, записывал старинные сказания, общался с богоискателями и, ползая на сцене, изображал на заседании Императорского географического общества паломников к озеру Светлояр: «Ползут, все ползут... тут, там, везде. Мужчины, женщины – все ползут...» Публика глядела в лорнет и щурилась. Этот человек был ей непонятен. За настоящего художника, творца его не считали, и он оставался в тени куда более знаменитых и блестящих литераторов своего времени. Зинаида Гиппиус звала Пришвина бесчеловечным писателем, Мережковский до него не снисходил и принял у себя только потому, что у них оказались общие знакомые среди сектантов-немоляк. Розанов смутился, обнаружив бывшего ученика на заседании Петербургского религиозно-философского общества, стал бормотать извинения за былое и подарил ему свою книгу, но никакой дружбы между ними не вышло,

Обыкновенно, когда мы думаем о Пришвине, эти обстоятельства забываются: образ благостного певца русской природы, философа-космиста затмевает его невероятно самолюбивую, страстную, фантастическую и по-охотничьи наблюдательную земную натуру. А вместе с тем трудно сказать, кто еще из русских писателей дал более точную и об-

разную картину общественной жизни России советского периода. Большевистский переворот он возненавидел, писал о нем в дневнике матерными словами и яростно публично нападал на Блока за его статью «Интеллигенция и революция». Блок, если верить Иванову-Разумнику, ответил тем, что вывел Пришвина в образе витии («погибла Россия!») в поэме «Двенадцать». В 1919 году во время мамонтовского нашествия у Пришвина была возможность уйти с белыми, но он остался в России. Причиной тому была любовь к женщине, а еще – осознание своей ответственности за то, что происходит в стране, ведь и он пусть чуть-чуть, но приложил к этому руку в молодости.

То, что он пережил в революцию и годы разрухи в русской деревне, сначала елецкой, а потом смоленской, не довелось переживать никому из литераторов того времени при всеобщем богатом жизненном опыте нашего старшего поколения. Он написал об этом в повести «Мирская чаша», которую не пропустил в печать Троцкий, наложив резолюцию: «Признаю за вещь крупные художественные достоинства, но с политической точки зрения она сплошь контрреволюционна».

И все же, оставшись в России, Пришвин не прогадал. Трудно сказать, как сложилась бы его жизнь, если бы он эмигрировал, но вряд ли бы он смог написать там столько, сколько написал здесь. Это очень точно подметил Валентин Курбатов: «Пришвин не уехал потому, что был охотником». Но дело не только в охоте. Воспоминаниями, реконструкциями прошлого могли жить Ремизов или Бунин, а вот Куприн на чужбине заскучал и под конец своих дней вернулся на родину. И Пришвину нужна была каждодневно живая натура, этот снег, весна света и осень с ее могильным запахом речных раков, нужно было, чтобы «после морозов сретенских и ужасных февральских метелей пришла бы мартовская Авдотья-обсери-проруби, становилось бы вовремя жарко, налетало оводье и комарье около Акулины-задери-хвосты, и так начался бы великий коровий зик...». А в какой бы Франции или Германии он все это нашел?

В его отношении к русской жизни всегда присутствовал созидательный момент: он пытался увидеть во всем творческое начало, верил в то, что умные русские люди рано или поздно «переварят и выпрямят всякую кривизну», и призывал к той же вере своих читателей тогда, когда это выглядело непонятно чем – безумием, утопией или особым писательским мужеством и прозрением.

Жив-то жив, но как тяжело этому человеку на русской земле жилось, и чем дальше катилось красное колесо, тем трудней приходилось. Во второй половине 20-х годов после многих скитаний При-

швин поселился в Сергиевом Посаде, только-только переименованном в Загорск, и оказался свидетелем окончательного разорения Троице-Сергиевой лавры. Именно благодаря этому мы имеем сегодня один из самых поразительных документов эпохи – фотографии сброса лаврских колоколов в январе 1930 года. В дневнике Пришвина подробно описано, как это происходило. Сначала сбросили самого большого – «Царя», который весил 4000 пудов, он покатился по рельсам и неразбитый лежал на земле; «Корноухий», такой же по размерам, но более тонкий, массой в 1200 пудов, разбился вдребезги. Третьим сбросили «Годунова», и эти события произвели на Пришвина очень тягостное впечатление, заставляя задуматься и над собственной судьбой.

«Трагедия с колоколом потому трагедия, что все очень близко к самому человеку... Страшна в этом некая принципиальность – как равнодушие к форме личного бытия: служила медь колоколом, а теперь потребовалось, и будет подшипником. И самое страшное, когда переведешь на себя: ты, скажут, писатель Пришвин, сказками занимаешься, приказываем тебе писать о колхозах».

О колхозах и ударных стройках он писать не стал, но при этом не сделался ни диссидентом, ни борцом с режимом, ни внутренним эмигрантом. Однако не был и конформистом. Пришвин был тем, что сам называл вслед за Мережковским «личником». Чем удушливее становилось в обществе и чем ближе подступало государево око, тем строже отводил он определенные границы даже не лояльности, а личной независимости, возводя на пути государственной диктатуры рубежи гражданской и художественной ответственности и всегда отделяя то, что нужно отдать кесарю, от того, что оставить себе (но дипломатических отношений не порывал и предусмотрительно обменивался с кесарем посольствами и любезностями). Одно было для него неизменно – спасительная сила творчества, к которой писатель прибегал и ею жил, как другие жили верой, долгом или семьей. Литература была его религией, его «спаси и сохрани», и в этом смысле он оставался человеком начала века, своего рода членом и адептом давно разогнанной секты «служителей красоты».

Он мог сколько угодно строить планы переключиться на фотографии, на картофель, на коз или на коров, но не в силах был бросить писать. Когда после года «великого перелома» стало окончательно ясно, что «кащеева цепь» рабства и зла не разбита, а окрепла и закалилась, Пришвин исходил из своих принципов: если нельзя победить зло в открытом сражении, надо искать другие пути. Запастись терпением, выжидать, пока пройдет эта новая ночь, как

прошла ночь черного передела и гражданской смуты, не торопиться возвращать билет Творцу, а терпеть, пока голгофская тьма распятия не обратится в воскресение и торжество света – мысль стоическая и неисчерпаемая для русской истории. «Так бывало не раз со мной, и вот отчего: когда приходишь в тупик, я не отчаиваюсь, а замираю на темное зимнее время и жду со страдающей тварью весны – воскресения».

В сущности, именно это чувство и это знание давали Пришвину силу верить в свое предназначение художника – спасти «сказку во времена разгрома». Он и спасал ее в «Женьшене», в «Фацелии», в «Повести нашего времени», в известной всем нам с детства «Кладовой солнца» и менее известной «Корабельной чаще».

В его жизни было много счастья и много несчастья, страдания, бедности, одиночества и непонимания, но еще больше радости и любви, и, пожалуй, мало кто из русских писателей XX века сумел прожить свою жизнь так полнокровно и вольно, как он, не поступившись ни совестью, ни честью. И дело не в том, что в отличие от Алексея Толстого или Максима Горького Пришвин чурался столбовых дорог в литературе, а шел незаметными боковыми тропками, зорко поглядывая по сторонам и записывая в дневник, что там делается на большаке. Просто, помимо таланта писать, у него был такой же несомненный талант жить – тот, который он позднее назвал «творческим поведением» и повторял вслед за Грибоедовым: «Пишу как живу».

Пришвин начал скитанием, а закончил домом. «Меня та мысль, что мы к концу подошли, не остав-

ляет. Наш конец – это конец русской бездомной интеллигенции. Не там где-то за перевалом (за войной, за революцией) наше счастье, наше дело, наша подлинная жизнь, а здесь – и дальше идти некуда. Там, куда мы пришли и куда мы так долго шли, ты и должен строить свой дом... Лучшее разовьется из того, что есть, что под ногами, и вырастет из-под ног, как трава».

Его судьба, его личность и написанные им книги вызывали противоречивые оценки – от восхищения до полного неприятия, как, впрочем, и сам он отзывался порой о своих современниках весьма нелицеприятно. О нем писал Бахтин, его высоко ставили Юрий Казаков, Виктор Боков, Василий Белов, очень ценил его Вадим Валерианович Кожин, говоривший о наступающем времени Пришвина. Резко отрицательно отзывались о нем Платонов, Соколов-Микитов, Твардовский, Олег Волков. Недооцененный, за редким исключением, своими современниками, он верил и рассчитывал на понимание и любовь потомков, которые будут жить в ином, просветленном и преображенном мире, и не столь велика его личная вина, что история России пошла путем, не совпавшим с его предвидением, и птиц распугали, похоже, зря.

108

«Я расту из земли, как трава, цвету, как трава, меня косят, меня едят лошади, а я опять с весной зеленею и летом к Петрову дню цвету. Ничего с этим не сделаешь, и меня уничтожат, только если русский народ кончится, но он не кончается, а может быть, только что начинается».

Николай ХВОСТОВ

ДНЕВНИК ТОПОГРАФА*

ТЕТРАДЬ ШЕСТАЯ
ТУЛУНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ, 1946 год

1. Передислокация партии

В начале 1946 года я получил приказ расформировать базу партии в Ухтуе и в течение одного месяца полностью перебросить наше предприятие в село Качуг. С этим удалось справиться в том числе благодаря помощи инженера Рябова. Его отряд работал в Качуге уже несколько лет, поэтому нам не пришлось заниматься строительством новой базы и ее обустройством. В Качуг я перевез свою семью, а родители мои вернулись в Черемхово.

Мимо поселка проходит Якутский тракт, который уже в то время представлял собой хорошую гравийную дорогу. Эта трасса здорово помогла нам при выполнении поставленных задач в полевом сезоне 1946 года. Появилась возможность доставлять продукты и материалы в полевые бригады автомобильным транспортом. Там, где грузовик не мог проехать, мы использовали авиацию.

После завершения Великой Отечественной войны все предприятия страны начали перевооружаться: фонды обновлялись отечественным и иностранным оборудованием. В полной мере это касалось и топографической службы. Инженеры получали новые приборы, полевые отряды оснащались рациями, автомобильным и авиационным транспортом, увеличились нормы выдачи продуктов.

Советские люди с энтузиазмом приступили к мирному созидательному труду. Предстояло восстановить разрушенное народное хозяйство на освобожденных территориях, заново построить города и поселки, пострадавшие от варварского нашествия фашистов, освоить и обустроить новые земли для будущих поколений советских людей.

Сразу после завершения войны в Качуге была сформирована аэросъемочная партия, в которую входило два самолета Р-5 и один «бостон». На них была установлена аэросъемочная аппаратура. В качестве разведочного, связного и транспортного самолета использовался У-2, также входивший в состав партии. Пилоты всех самолетов пришли в гражданскую авиацию с фронта. Вероятно, именно военная

закалка помогала нашим асам выполнять любое сложное и опасное задание. Каждый из них мог посадить самолет на крохотном пятачке расчищенной земли при плохой видимости или отправиться в полет при неблагоприятных погодных условиях. Они действовали смело и бесшабашно, не оглядываясь на требования своих инструкций. Уже спустя годы за лихачество и грубое нарушение «Наставлений по полетам» авиаторов сурово наказывали, вплоть до пожизненного отстранения от управления воздушными судами. Но в послевоенные годы руководители всех уровней снисходительно смотрели на оправданные и неоправданные риски летного состава.

Именно мужественная работа специалистов и пилотов аэросъемочной партии позволила раньше намеченного срока собрать в этом малоизученном и труднодоступном районе необходимый материал для производства карты высокой точности.

Разработанная советскими инженерами методика использования самолетов с установленными на них аэрофотоаппаратами дает возможность в кратчайший срок составлять качественные карты любого масштаба. Аэросъемка местности производится с высоты от шестисот до пяти тысяч метров. Отснятые материалы в специальных цехах привязывают к местности, дешифруют и строят сеть фототриангуляции. Затем на макет карты наносят названия рек, ручьев, долин, низин, хребтов, характер наземного покрова, указывают дороги, тропы, одинокие избы, покосы и многие другие данные, полученные в ходе работ полевых бригад топографов и геодезистов. Этот оригинал отправляется на картфабрику, откуда готовые экземпляры карты распространяются на гражданские и военные предприятия.

Благодаря самоотверженному труду советских топографов в 1955 году по аэрофотосъемочным материалам была создана полная топографическая карта всей территории СССР в масштабе 1:100 000.

2. Инспекция на Киренгу

В тот год мы имели почти регулярную связь со всеми полевыми бригадами благодаря использованию автомобильного и воздушного транспорта. Исключением был отряд инженера Кондратьевой, осуществлявший нивелировку местности, бригада реконсцировки техника Скворцова и бригада строителей геодезических знаков Колупаева. Все они работали на одном производственном участке, который располагался северо-западной Качуга в значительном удалении от имевшихся дорог.

По моим подсчетам, к середине июля эти бригады, продвигаясь с работой вдоль реки Киренги, должны были достигнуть таежного поселка Мунок.

Я обратился к начальнику лётно-съемочной партии Курочкину с просьбой организовать рейс к Муно-

* Печатается в сокращении. Первые пять тетрадей опубликованы в «Огнях Кузбасса» № 3 за 2020 г.

ку для доставки продуктов нашим работникам и для осуществления мной плановой инспекции. Курочкин, несмотря на плотный график полетов, выкроил время для такого рейса с тем условием, что пилот меня ждать не станет и возвращаться мне придется своими силами. Объяснялось это просто: повсеместно установилась хорошая погода при отсутствии таежных пожаров. Поэтому нельзя было терять ни одного часа светлого времени суток, нужно было максимально использовать хорошую видимость для производства аэрофотосъемки. У-2 выступал в качестве самолета-разведчика при выполнении воздушной рекогносцировки. Я, конечно, согласился на эти условия, и спустя день, погрузив продукты, мы с летчиком Витей Вяткиным поднялись с Качугского аэродрома и взяли курс на северо-запад.

Достигнув Киренги, по моей просьбе Вяткин снизил машину до трехсот метров и направил вдоль реки. Мы внимательно смотрели вниз в надежде увидеть следы пребывания бригад. Был замечен уже построенный триангуляционный пункт, это вселило в меня уверенность, что наши товарищи не отстают от намеченного графика.

Подлетев к поселку, Вяткин снизил самолет до ста метров, высматривая площадку для посадки. Сделав несколько кругов над Муноком, Витя выбрал относительно чистую площадь между рекой и огородами. Спустя минуту самолет коснулся земли, затем последовала тряска по неровной поверхности, крутой разворот перед самой изгородью и, наконец, полная остановка машины.

Все, кто был в поселке, пришли к самолету. Оказалось, в Муноке до этого дня никогда не приземлялись летательные аппараты. Здесь почти не было людей, воочию видевших самолет, и понятно, какое ликование вызвало наше прибытие.

Мои расчеты оказались верны: бригады техника Сковрцова и инженера Кондратьевой базировались в поселке. Сковрцов ушел с работой в тайгу, обещая вернуться через два дня, а Кондратьева работала вблизи – километрах в пяти от поселка.

Разгрузив продукты, с помощью местных жителей мы отнесли их в дом, где разместились наши коллеги. Вяткин выпил молока, покурил, и все пошли провожать его к самолету. На Витю смотрели с нескрываемым восторгом, и поселковые парни с охотой отозвались на его просьбу расчистить площадку для взлета. Вяткин вырулил самолет, махнул рукой в прощальном салюте, разогнал машину и поднял ее в воздух. По просьбе местного населения Витя еще трижды облетел поселок на предельно малой высоте, затем самолет взмыл вверх и отправился на юг. Пролетев несколько километров, летчик сбросил выпел с моей запиской для Кондратьевой.

Я принялся готовить ужин, ожидая своих товарищей. Дом, в котором они расположились, был одним

из лучших в поселке. Большая русская печь, массивные стены, множество приусадебных построек, солидная изгородь – все это характеризовало хозяина как справно, трудолюбивого крестьянина. «Где же ваш муж?» – спросил я хозяйку. «Побило на войне мужичков наших», – ответила она и заплакала.

В целом люди в Муноке жили очень бедно. Здесь не было ни школы, ни почты, ни магазина. Регулярная связь с большим миром осуществлялась только в зимний период, когда можно было тайгой на санях добраться до Качуга. Даже по сибирским меркам деревня была очень маленькая – всего-то двадцать домов да несколько гектаров распаханной земли. Жили здесь натуральным хозяйством, ловлей рыбы и промыслом пушного зверя. Несколько раз в год местные жители снаряжали обоз в Качуг, куда на продажу отвозили добытую пушнину. Других средств существования не было. Семьям без добытчика жилось очень непросто, вот и дети нашей хозяйки были одеты в обноски и питались очень скудно.

Спустя час, следуя моему указанию в записке, сброшенной с выпелом, бригада Кондратьевой в полном составе вышла из тайги. Мы сразу подвели итоги проделанной работы, обсудили сроки завершения оставшихся объемов и условились о месте и времени сбора всех трех бригад. В назначенный срок я организую отправку самолета, на котором Кондратьева вывезет полевые документы, геодезические инструменты и оборудование в Качуг. Оставшиеся члены бригад верхом на лошадях, не обремененных значительным грузом, вернутся в расположение нашей партии.

Забегая вперед, скажу, что наш план сработал четко: все три бригады в срок закончили работы, собрались в условленном месте и даже сумели подготовить хорошее место для посадки самолета. Когда стал слышен звук мотора, они подожгли костры, которые позволили летчику увидеть взлетно-посадочную полосу.

Мы не садились за стол, ожидая бригаду Сковрцова. Чтоб не терять время, я проверил состояние измерительных приборов Кондратьевой. Как и ожидалось, нивелир был правильно отъюстирован. Состояние башмаков, реек, костылей и мерных лент соответствовало требованиям инструкций. Журналы полевого нивелирования велись грамотно, методика работ и допуски инструкций нарушений не имели. Я, конечно, остался доволен, о чем и сообщил Светлане. Она пыталась скрыть свои чувства, но я заметил, что моя похвала ей приятна.

Несколько слов о Кондратьевой. Родом она была из Томска. Еще до войны окончила Новосибирский институт инженеров геодезии и картографии и работала в Западной Сибири. В конце 1942 года погиб ее старший брат, который был кадровым офицером в звании майора. Светлана решила мстить за него фа-

шистам. В военкомате она добила того, чтобы ее направили на передовую в качестве корректировщика артиллерийского огня, ведь эта военная специальность во многом соответствовала ее гражданской профессии. После тяжелого ранения Кондратьева была комиссована и вернулась в топографическую службу. Она имела несколько боевых наград, одна из которых была получена за то, что, находясь в укрытии, Светлана лично уничтожила четверых фашистов, пытавшихся забросать ее гранатами, и при этом не переставала вести корректировку огня. Об этом нам рассказала ее мама, приехавшая как-то погостить к дочери. Фронтная закалка и боевой опыт, конечно, наложили отпечаток на характер Светланы: она была грубовата, строга к себе и к окружающим. В работе Кондратьева задавала очень высокий темп, не жалея ни людей, ни лошадей. Приучив себя довольствоваться малым, того же требовала от остальных. Перед началом полевого сезона я разговаривал с ней на этот счет, стараясь объяснить, что все, конечно, должны работать с полной отдачей сил, но требовать от людей ежедневной запредельной нагрузки нельзя. В общем, я немного переживал, удалось ли Кондратьевой создать нормальный доброжелательный климат в рабочем коллективе.

Наконец вернулась с работы бригада рекогносцировщика Скворцова. Как мы и ожидали, Скворцов услышал шум самолета и поспешил в деревню. Мы сели ужинать. Во время общей беседы за столом я задал вопрос, не случается ли споров или недопонимания между членами бригад и их руководителями. Вопрос прозвучал очень мягко и обтекаемо, но всем было понятно, что я имею в виду. «С нашим командармом разве поспоришь? – ответил один из рабочих. – Ей армией командовать, а лучше – фронтом!» Все рассмеялись, и я понял, что опасения мои были напрасными. Светлана сумела создать здоровую атмосферу в своем коллективе, и моего вмешательства не требовалось.

Я провел в Муноке неделю. За это время сходил в маршрут со Скворцовым и убедился в его грамотной и ответственной работе. Затем помог Кондратьевой в съемке одного сложного из-за крутого рельефа участка. Дождаться бригаду строителей Колупаева я не стал и решил отправиться в Качуг. Мне предстояло преодолеть более ста километров.

3. Возвращение в Качуг

Хозяйка дома, где остановились наши бригады, узнав о том, что мне предстоит добираться до Качуга своим ходом, любезно предложила одну из трех своих лошадей. Я мог доехать на ней до ближайшего эвенкийского стойбища и просто оставить там. Эвенки спустя несколько недель собирались коче-

вать на север, они-то и приведут лошадь обратно в Мунок. «Вдоль реки тропа, по ней и следуйте. Мимо стойбища не промахнетесь», – дала мне напутствие хозяйка.

Выехал я утром и уже во второй половине дня прибыл на стойбище. Меня тепло встретили и заверили, что обязательно вернут лошадь владельцу.

Я подошел к реке, там совсем маленькие эвенки ловко ловили хариуса. Я попросил у них удочку. Улыбаясь, дети вручили мне ее и обступили со всех сторон. Считая себя опытным рыбаком, я нисколько не смутился и спокойно закинул снасть. Хариус не заставил себя долго ждать – сразу взял приманку. Однако вытащить его я не смог – видимо, подсек раньше, чем следовало. Мою неудачу дети сопроводили громким смехом. Вторая и третья попытки также не увенчались успехом. Ребятам дружно смеялась надо мной. Их, вероятно, веселил тот факт, что взрослый мужчина не способен обхитрить маленькую глупую рыбу. Наконец мне повезло, и я вытащил на берег хариуса граммов на триста. Тогда самый старший из ребят взял у меня удочку и принялся таскать рыбу одну за другой. За короткое время он поймал с десяток штук, показывая мне, как правильно подсекать и вываживать хариуса. Наука была несложная, но у меня не получалось рыбачить так сноровисто. Тем не менее, поймав еще несколько крупных хвостов, я был вполне доволен уловом. Хариуса я решил взять с собой, для чего круто посолил его в своем котелке.

Утром следующего дня я покинул гостеприимное стойбище и отправился пешком до следующего населенного пункта Шевыкан (если я правильно запомнил его название). К полудню мне удалось подстрелить гуся на небольшом таежном озере. Это была легкая добыча, так как гусь оказался весенним подранком. Он не мог встать на крыло и улететь со своей стаей. Обремененный этим трофеем и соленой рыбой, я протопал еще несколько километров.

Ветер донес до меня запах дыма, и, немного поразмыслив, я принял решение найти костер, а следовательно, и людей, которые должны были быть рядом. Свернув с тропы, я быстро обнаружил следы пребывания таежников. Пройдя еще несколько сот метров, вышел к месту, где, как оказалось, затаборились геологи. Они обрадовались моему появлению и пригласили в свой лагерь. Мне очень знакомо это чувство радости, когда, долго пробыв в тайге, встречаешь нового человека. Он всегда принесет какие-нибудь известия и разбавит однообразие полевой жизни свежими впечатлениями.

Отряд состоял из двух инженеров и трех рабочих. В их задачу входило исследование района на предмет наличия золота и других полезных ископаемых. Они собрали изрядное количество образцов разных пород и минералов, которые уже сортировали и готовили к транспортировке.

Приготовив ужин, мы уселись за стол. Один из геологов достал спирт и разлил его по кружкам. Солёный хариус оказался весьма кстати. Мы выпили за содружество наших профессий. Мне показали топографическую карту, которой пользовался отряд, и выразили благодарность за ее точность и основательность. Я, конечно, был рад теплым словам, но ответил, что конкретно к данной карте не имею отношения. «Какая разница! Ты советский топограф, и карта советская – значит, определенное причастие к ней имеешь!»

Геологи рассказали, что уже второй год ведут изыскания в этом районе и на следующий полевой сезон имеют грандиозные планы. Ожидается проходка шурфов и разведочных канав, работать будет несколько отрядов. «Мы здесь уже обжились немного, приготовили, так сказать, плацдарм», – не без гордости говорили они.

Устроились геологи и правда неплохо. В центре лагеря находились две большие армейские палатки. Одна была жилая, другая оборудована под полевую лабораторию. Рядом с кострищем располагался балаган, который выполнял роль столовой. Имелась коптильня, а также небольшая печь для выпечки хлеба: ее сложили из гольцов, доставленных с ближайшей реки. Сруб примерно три на три метра выполнял роль бани. Был даже огород, представлявший собой грядки лука, чеснока, свеклы и репы. Но особо гордились геологи своим ледником – ямой с массивной крышкой. В нее весной натаскали лед и хранили там добытое мясо и пойманную рыбу.

Я похвалил новых знакомых за хозяйственный подход к делу и сказал, что топографы о таких условиях могут только мечтать. Как правило, они завтракают в одном месте, а ужинают в другом. Кочевая жизнь не дает возможности для основательного обустройства очередного лагеря. Геологи согласились с моим суждением и предложили выпить за путешественников и исследователей земли.

«Ты изучаешь внешнюю оболочку нашей планеты, а мы распознаем ее начинку – недра. Недалеко то время, когда советские люди начнут исследовать другие небесные тела, и накопленный нами опыт поможет им в этом». Я, признаться, не разделял такого фантастического оптимизма, но спорить не стал, а высказал лишь сожаление о том, что профессия топографа недооценена в нашем обществе. Так было в те годы, такое положение осталось и теперь.

Составление карт и атласов имеет прежде всего культурное значение, характеризует развитие государства и общества, являясь неотъемлемой частью прогресса. Однако благодаря средствам массовой пропаганды в сознании обывателя живет стереотип, что первопроходцами являются геологи. Действительно, было время, когда путешественники отправлялись в путь не имея карты и в дальнейшем сами

составляли ее. Но в последние десятилетия ситуация в корне изменилась: там, где мог не побывать геолог, археолог, военный, обязательно прошли с работой бригады топографов и геодезистов. Именно они являются пионерами, исследовавшими в буквальном смысле всю территорию нашей необъятной страны.

Советские геологи, безусловно, относятся к первооткрывателям новых месторождений полезных ископаемых, что дает немедленный экономический эффект как для государства, так и для рядовых граждан. Возводятся горно-обогачительные комбинаты, к ним тянут линии электропередачи, строятся дороги, новые города и поселки. Все это широко освещается в периодической печати, по радио, телевидению, даже снимаются фильмы. И в общей симфонии хвалебных отзывов находится место всем, кроме инженеров-геодезистов. Не умаляя заслуг специалистов разных профессий, мне, как человеку, отработавшему 40 лет в топографической службе, прискорбно сознавать, что о трудовых буднях моих друзей и коллег знают немногие. А ведь своим самоотверженным трудом мы внесли значительный вклад в развитие нашего государства.

...После сытного ужина и интересной беседы мне, как почетному гостю, предложили на ночь занять лучшее место в палатке. Я с благодарностью удобно устроился и сразу уснул.

Еще вечером закапал дождь, а к утру он набрал силу и перерос в ливень. Геологи предложили остаться и переждать непогоду, но я решил все же продолжить путь, так как в Качуге меня ждали служебные дела.

Таежная тропа вывела меня в Шевыкан. Не задерживаясь, я проследовал дальше по тележной грунтовой дороге. Однако из-за дождя она вся раскисла. Мои сапоги быстро намокли, и, пройдя с десятка километров, я натер ноги. Набитые мозоли не давали мне идти дальше. Я отмыл сапоги, сложил их в рюкзак, а на ноги надел толстые шерстяные носки. В скором времени они покрылись слоем глины и стали подобием лаптей. Ходьба значительно облегчилась. Почти без остановок я шел целый день. Вечером добрался до большого села Бутоково, но решил не останавливаться на ночлег, а продолжить путь и отдохнуть в полевом стане колхозников, о котором мне рассказали в селе.

Поздней ночью возле дороги я наконец увидел строение. Дверь была не заперта. На столе горела лампа, которая освещала помещение, где вдоль одной стены были сколочены нары, вдоль другой стояли лавки, стол; возле входной двери находилась большая чугунная печь. На нарах спало четверо мужчин. Свободного места для меня было достаточно. Я повесил плащ для просушки возле печи, там же раз-

местил сапоги и шерстяные носки, свернул телогрейку, положил ее под голову – и сразу уснул.

Утром я услышал негромкий разговор крестьян, готовивших завтрак. Они с недоумением обсуждали мое ночное вторжение. Я поднялся с нар, представился, вкратце рассказал о себе и выразил благодарность за полученный отдых в полевом стане. Колхозники весело меня приветствовали, усадили за стол.

За завтраком мне сообщили, что через несколько часов в Качуг будет отправлена подвода и на ней я смогу проехать оставшиеся двадцать километров. Я был очень обрадован этим известием, так как ноги мои ныли от усталости и болели в местах вздувшихся мозолей.

Дождавшись подводы, я улегся на соломе и с удобством добрался до Качуга. Возчик оказался доброжелательным и словоохотливым человеком. Всю дорогу я отвечал на его вопросы и рассказывал о нашей работе. Ближе к вечеру он доставил меня прямо к крыльцу квартиры, где я проживал с семьей. Так закончился этот нелегкий выход из тайги, запомнившийся мне на всю жизнь.

4. Крушение самолета Р-5

Выполнив задание по съемке одного из таежных районов вдоль реки Киренги, на самолете Р-5 летчик Жуков и аэросъемщик Муллеров возвращались на Качугский аэродром. Плановый полет прервался, когда двигатель самолета зачихал, а затем и вовсе заглох, пропеллер остановился. Жуков, как опытный летчик, имевший боевой опыт и не раз осуществлявший аварийные посадки, принял решение дотянуть до ближайших лугов, располагавшихся вдоль Киренги. Р-5 имеет два крыла, поэтому хорошо планирует, однако для удачного приземления необходимо было еще преодолеть около сорока километров.

План Жукова наверняка бы осуществился с попутным ветром. Но ветер предательски дул навстречу планирующей машине. Поняв, что выполнить задуманное не получится, Жуков приказал своему товарищу: «Немедленно прыгай с парашютом! До полей не дотянем!» Муллеров спросил: «А ты будешь прыгать?» И услышал отрицательный ответ: «Мне нельзя покидать самолет, я буду садить его. Это мой долг!» – «Тогда и я не буду прыгать. Садиться – так вместе», – решил Муллеров.

Спустя несколько минут Жуков сообщил: «Держись! Даю посадку!», затем направил машину на густой сосняк. Максимально снизившись над деревьями, летчик резко потянул ручку управления на себя. Нос машины круто поднялся, а задняя часть, задевая вершины сосен, здорово снизила скорость. Зацепившись оперением за ветки деревьев, хвост оторвался, что еще уменьшило инерцию движения уже

неуправляемой машины. Оставшаяся часть Р-5 опрокинулась на землю, обламывая крылья. Удар о землю был сильным, но корпус выдержал нагрузку и экипаж не получил никаких травм.

Освободившись от ремней, которыми они были пристегнуты, Жуков и Муллеров спрыгнули на землю с двухметровой высоты. При отсутствии компаса товарищи по несчастью не могли хорошо ориентироваться на местности и двигались по тайге поворачиваясь интуиции. Им необходимо было выйти к ближайшему поселку Карам. Там находилась база экспедиции Рябова, имевшая в своем распоряжении метеостанцию и рацию. Из поселка регулярно передавали прогноз погоды для аэросъемочной партии.

После того как полетное время Жукова вышло, инженер Курочкин связался по радиации с Карамом. Оттуда ему сообщили, что зафиксировали проход самолета на север, а возвращения его не наблюдали. На поиски самолета Жукова Курочкин сразу отправил «бостон» и второй Р-5, но они не дали результата.

Жуков и Муллеров тем временем шли тайгой и видели, как самолеты барражируют в небе, но не сумели развести костер, чтобы дать сигнал о своем местонахождении. В начале своего похода они взяли с собой дорогостоящие парашюты, но, пройдя метров пятьсот, отказались от намерения сохранить их во что бы то ни стало и отнесли обратно к самолету. Не имея продуктов, запаса воды, подходящей одежды, а главное, привычки пешего передвижения в глухой тайге, наши герои быстро устали и к ночи поняли, что заблудились. К счастью, они вышли на конно-вьючную тропу. На ней заночевали и утром с помощью жребия решили, в какую сторону двигаться. К счастью, фортуна им улыбнулась и к вечеру товарищи сумели добраться до поселка.

О выходе людей из тайги и гибели самолета было немедленно сообщено по радиации Курочкину. Тот радовался и горевал одновременно. Утром в Карам был отправлен У-2. Первым рейсом Вяткин забрал Жукова и доставил его в аэросъемочную партию в Качуг. Заправив самолет, Виктор вернулся в Карам за Муллеровым. Но без приключений им добраться до Качугского аэродрома не удалось: оставалось километров десять, когда отказал двигатель и у У-2. Муллеров, выбравшись из одной переделки, попал в другую.

Вяткин сразу развернул машину и направил ее на свободную от деревьев поляну, которую недавно заметил под крылом. Приземлился в низине, заросшей кустарником, который погасил скорость и сумел удержать самолет от опрокидывания вперед через себя. Осмотр машины показал, что повреждений при посадке она не получила. При этом в баке самолета не оказалось ни литра бензина. Топливный кран оказался открыт: видимо, от вибрации он раскрутился,

и все топливо вытекло. Вяткин и Муллеров без труда добрались до Качуга, оставляя затеси на деревьях, чтобы потом отыскать дорогу к самолету.

На другой день бригада, вооруженная топорами и пилами, с канистрами, полными топлива, отправилась к оставленному У-2. Поляну расчистили от кустарника и валежника. Вскоре двигатель самолета был запущен и Вяткин поднял У-2 в небо. На этот раз все обошлось благополучно, Вяткин и Муллеров долетели до Качугского аэродрома.

Прибывшая из Новосибирска комиссия расследовала обе аварии и пришла к выводу, что вины летного состава в случившемся нет. Причины отказа двигателя Р-5 установить не удалось из-за сильных повреждений машины. Отказ работы двигателя У-2 был связан с неисправностями в топливной системе. Главный вывод комиссии: с целью предотвращения подобных аварий необходимо в кратчайшие сроки организовать на базе аэросъемочной партии ремонтную мастерскую для обслуживания самолетов, а также срочно пригласить на работу опытного механика, который бы отвечал за их техническое состояние.

Курочкин получил взыскание за отсутствие инициативы в деле организации безопасности полетов. А Муллеров после описанных злоключений написал рапорт об уходе из партии, мотивируя свое решение очень просто: «Я не хочу оставить своих детей сиротами». Его с пониманием отпустили, приняв на работу другого специалиста.

5. Охота на кабаргу

С наступлением осени появилась необходимость обеспечить полевые бригады теплой одеждой. По намеченному графику мы с Вяткиным в течение нескольких дней летали в места расположения бригад, доставляли одежду, продукты и узнавали о ходе производства работ.

Инженер Афонин – молодой, но грамотный и энергичный специалист – осуществлял наблюдение с пунктов сети триангуляции в бассейне реки Лены. Его бригада была последней, которую нужно было обеспечить теплыми вещами.

Витю Вяткина очень впечатлил рассказ Жукова о том, как нелегко им с Муллеровым пришлось выбираться из «таежного ада». После того происшествия с самолетом Р-5 все летчики стали брать с собой запас продуктов и оружие на случай аварийной посадки в безлюдной местности, а Вяткин еще и расспрашивал опытных таежников о том, как необходимо действовать в той или иной ситуации. Несколько раз он говорил мне, что хочет заночевать где-нибудь в глуши, а если представится возможность, то и поохотиться.

Наконец случай такой появился. Я получил разрешение у начальника аэросъемочной партии Курочкина остаться на ночлег в полевой бригаде. По предварительной договоренности с Афониним, мы должны были доставить одежду и продукты к одному из триангуляционных пунктов, который располагался на открытой местности, что позволяло без предварительной подготовки осуществить посадку самолета.

Подлетая к знаку в назначенный срок, мы с Витей увидели дым от костров, который указывал место для приземления. Встречал нас не Афонин (тот уже ушел на следующий пункт), а один из рабочих бригады. Доставленный нами груз он погрузил на двух лошадей и отправился догонять своих товарищей. Я же получил записку от Афонина. В ней обстоятельно был изложен ход работ и называлась приблизительная дата их завершения.

Оставшись одни, мы с Витей соорудили шалаш для ночлега, развели возле него костер, сварили и напились чаю. После этого я предложил попытаться счастья в охоте на кабаргу.

Кабарга – это небольшой (высотой полметра, иногда чуть больше) олень. Отличительной особенностью кабарги являются клыки, выступающие из нижней челюсти. Очень осторожная, она предпочитает пастись в чаще густого ельника, в буреломах и обязательно рядом с подножьем гор, имеющих обнажение. В случае опасности это животное ловко взбирается на кручу, куда не способен подняться хищник. С подхода добыть кабаргу трудно, обычно на нее ставят петли или подзывают манком, который копирует блеяние телят. А мне захотелось испытать такой способ охоты, который я узнал от одного бывалого таежника.

Вооруженные двустволкой и карабином, мы отправились к подножью крутой сопки. Там я выбрал пятиметровую пихту, подрубил ей ствол, и вдвоем мы завалили ее так, чтобы наделать побольше шума. Отойдя метров на тридцать, устроились в засаде. Со слов охотника, кабарга, услышав звук падающего дерева, обязательно придет к нему, чтобы полакомиться нежной зеленью кроны.

Более часа мы с Витей просидели затаившись. И вдруг Вяткин скинул свои летные унты и на четвереньках пополз вдоль зарослей, которые нас скрывали. Двигался он быстро и бесшумно, отталкиваясь от земли прикладом карабина.

Я с напряжением следил за ним. Витя тем временем скрылся в кустах. А через минуту я услышал его звонкий смех, который продолжался до тех пор, пока я не подошел.

Вяткин сидел на коленях и, с трудом сдерживая новые приступы хохота, рассказал о причине своего веселья. Он увидел, как в кустах мелькнула кабарожка, но поскольку стрелять было еще нельзя, решил подкрасться к животному как можно ближе. Благода-

ря шуму деревьев от порывов ветра смог подобраться к самцу кабарги на расстояние пяти шагов. Тот стоял на пне и с удивлением наблюдал за неизвестным ему зверем. А потом передними копытцами застучал дробью по пню и зашипел. Витя не выдержал и засмеялся. Кабарожка стремительно, большими прыжками сиганула прочь.

Представив все это, я тоже принялся хохотать. Нас несколько не расстроила неудачная охота. Мы весело рассуждали о том, какое недоумение вызвал Виктор своим появлением у самца кабарги. Уж наверняка эта кабарожка запомнит внешность и повадки нового хищника, который забрел в эту чащу.

К вечеру ветер стих, и мы настреляли в ельнике рябчиков. Вернулись к шалашу уже в сумерках и, сварив похлебку, с аппетитом поужинали. Я похвалил Витю за удачную стрельбу по рябчикам и за умелый «кабаржинный» маневр. «В целом экзамен охотника ты сдал и можешь теперь самостоятельно добывать дичь и любого зверя», – заключил я.

Наутро, позавтракав, мы отправились в обратный путь. Самолет набрал высоту, полет проходил нормально. Но вдруг машина резко стала снижаться. Я, признаться, немало испугался, ухватился за борта кабины. Витя оглянулся и, улыбаясь, подмигнул мне: «Не дрейфы!» Скорость самолета росла, земля была все ближе, но наконец Вяткин взял штурвал на себя и вывел самолет из пике.

Приземлившись, Витя сказал, что я, как участник крутого пикирования, успешно сдал экзамен фигурного полета, однако самостоятельно управлять самолетом мне еще рановато.

6. Ликвидация партии

Все бригады нашей партии без задержек закончили производственные задания и вернулись в Качуг. Этот факт был очень важен, так как предстояло в короткий срок перебросить все предприятие на базу экспедиции в Тулун.

В середине ноября мне удалось закончить ревизию всех материальных ценностей, принять финансовые и производственные отчеты и на основании этого произвести полный расчет с сезонными рабочими и инженерно-техническим составом, постоянно работавшим в экспедиции.

Полевой сезон был успешно завершен. Мне оставалось только произвести взаиморасчеты с организациями и частными лицами, с которыми партии приходилось иметь деловые отношения, и после этого закрыть счет в Качугском отделении Госбанка.

Зайдя в одно из учреждений, я увидел хозяйку дома, где останавливались наши бригады в Муноке. Она меня узнала и рассказала о том, что по первому снегу в поселок прибыл заместитель Качугского райисполкома Васильев и предложил желающим се-

мьям выехать в Качуг. Здесь им предоставили жилье и работу, а детей устроили в школу. Я спросил, довольна ли она, что переехала. Женщина ответила, что жалко было оставлять хозяйство, но деваться некуда: детей она сама в Муноке прокормить не сможет. Я пожелал ей всего наилучшего, а про себя поблагодарил товарища Васильева за то, что он не забыл мою просьбу и позаботился о семьях, у которых на войне погибли кормильцы.

На другой день с двумя машинами я выехал в Иркутск со всеми документами и материальными ценностями нашей партии. Далее поездом добрался до Тулуна, где после необходимых формальностей сдал все дела, получил отпуск и отбыл в Черемхово.

ТЕТРАДЬ СЕДЬМАЯ ТУЛУНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ, 1947 год

1. Задание на полевой сезон

Напряженная работа в течение трех лет в качестве начальника партии сказалась на состоянии моего здоровья. Постоянное нервное напряжение, повышенное чувство ответственности за людей и общий результат способствовали появлению у меня бессонницы и раздражительности. Я не чувствовал в себе силы более оставаться на занимаемой должности и после завершения отпуска был намерен подать рапорт о своем освобождении.

Тем временем в декабре 1946 года в Иркутске было образовано Восточно-Сибирское аэрогеодезическое предприятие. Его начальником стал Борис Владимирович Немыслов, руководивший до этого экспедицией № 55.

В январе 1947 года ко мне домой в Черемхово по поручению руководства Главного управления геодезии и картографии (ГУГК) приехал С. Е. Зуев, исполнявший в то время обязанности начальника партии в Тулуно. Он сообщил, что меня срочно вызывают в Новосибирск, где будет решаться вопрос о назначении на освободившуюся должность начальника 55-й экспедиции. Именно мне хотят предложить возглавить это предприятие, требуется лишь согласие. Я попросил Степана передать руководству, что не могу приехать в Новосибирск по болезни, так как в тот момент действительно был болен гриппом. Кроме того, я написал обстоятельное письмо, где выразил благодарность за доверие, оказанное мне, но твердо отказался от нового назначения, и передал его с Зуевым.

Сразу после окончания отпуска я подал рапорт об освобождении меня с должности начпартии и переводе на должность прораба. Но не получил на это согласия руководства. В дальнейшем освободиться от бремени административно-хозяйственной работы помог случай.

Мой давний знакомый, астроном Владимир Наполков обратился с просьбой порекомендовать опытного и грамотного инженера для производства работ на западном побережье Байкала. Необходимо было выполнить наблюдения с пунктов триангуляции в условиях высокогорья, а также в нескольких точках дать определение астрономического азимута. Сроки выполнения работ были сжатые, а ответственность высокая.

Я сказал, что готов лично выполнить эту работу в установленный срок. Наполков ухватился за мое предложение и немедленно связался с руководством нашей экспедиции, добившись, чтобы именно мне поручили данное задание. При этом с должности начальника партии меня не сняли, назначив исполняющего обязанности. Вероятно, в правлении рассудили так: «Заскучал Хвостов, засиделся. Пуск сезон погуляет, потом вернется».

2. Организация полевых работ

Успешная работа в поле на треть зависит от качества подготовительных работ, предшествующих началу сезона. Трудно все предусмотреть, но нужно это сделать. С большой ответственностью следует рассчитать количество необходимых продуктов, материалов, инструментов. Также важно, чтобы в общем грузе не было ничего лишнего. Бесполезные вещи могут стать значительной обузой.

Вторая треть успеха заключается в умении обеспечить сохранность всего взятого имущества. В тайге отсутствуют продовольственные базы и промышленные склады. За материальные ценности руководитель несет финансовую ответственность в размере их стоимости, но, кроме этого, потеря необходимой вещи может вообще сорвать выполнение задания. Был, например, случай, когда горе-специалист лишился геодезического инструмента. А однажды в бригаде утопили единственное ружье. В обоих случаях работы были сорваны, и руководители бригад, сгорая от стыда, давали объяснения своему начальству. Я сам получил урок из-за неосмотрительности, когда в 1941 году в лютый мороз сгорела палатка, что в итоге едва не привело к трагическим последствиям.

И последняя составляющая общего успеха в работе – это сам производственный процесс. Здесь все зависит от навыков специалиста, его знаний и опыта. Любая работа должна быть выполнена с первого раза. Брак недопустим. В топографической службе он очень дорого обходится.

В ходе подготовки к предстоящему трехмесячному походу я большое внимание уделил решению транспортного вопроса.

Если продвигаться по берегу Байкала, в условиях бездорожья и по крутым хребтам, это отнимет очень много времени и сил. Поэтому было принято решение следовать по воде вдоль береговой линии. Для этого

мною в деревне Сарма была куплена большая лодка грузоподъемностью в тысячу двести килограммов. После этого определили состав бригады, которая должна была состоять из четверых рабочих – по количеству весел на баркасе.

Бригаду я формировал сам, общаясь со многими кандидатами. Главными критериями, которыми я руководствовался при выборе рабочих, были хорошее здоровье, выносливость и покладистый характер. Первый, кого я пригласил в состав бригады, был Дамба – кадровый рабочий нашей экспедиции, отработавший много лет в топографической службе. Эвенк по национальности, хороший следопыт, опытный охотник, Дамба имел безупречную репутацию надежного проводника и добытчика.

Он с удовольствием принял мое предложение да еще порекомендовал взять в бригаду своего земляка Василия Касьянова. Со слов Дамбы, Вася, несмотря на свой юный возраст, хорошо знал и любил тайгу, как человек, выросший в семье потомственных промысловых охотников. Поговорив с Васей, я понял, что Дамба нисколько не приукрасил его возможности и умения.

Третьим членом нашей бригады стал Иван Тимофеев, недавно демобилизованный из армии. Крепкий парень в хорошей физической форме, спортсмен, владеющий приемами самбо.

Иван Большой – последний, кого я включил в состав бригады. Его внешний вид полностью соответствовал фамилии. Высокий рост, широкие плечи, при этом доброжелательное лицо и очень мягкий характер.

В своем выборе я не ошибся: команда наша оказалась дружной и боеспособной.

Под руководством Дамбы я отправил бригаду в Сарму для ремонта купленного баркаса. Необходимо было как следует проварить швы, просмолить днище, а также изготовить три пары весел: две рабочих и одну в запас. Парни быстро справились с этой задачей и даже испытали лодку на воде. Кроме этого, Дамбе удалось недорого купить небольшую сеть, которая была нам весьма кстати.

Я тем временем получил запас продовольствия, две палатки, спецодежду, по два комплекта обуви на каждого. Из оружия взял немецкую боевую винтовку системы «Маузер», свою двуствольную централку и одноствольную переломку того же калибра. В качестве измерительного прибора мне достался трофейный теодолит фирмы «Вильд», который я внимательно изучил и выполнил пробные наблюдения.

В конце мая я выехал на автомашине со всем грузом в Сарму, где меня ожидала бригада. Здесь был исходный пункт нашего плавания. Нам предстояло преодолеть около четырехсот километров с работой, чтобы достичь Нижнеангарска на северо-восточном берегу Байкала.

3. Характеристика объекта производства работ

Приморский и Байкальский хребты – это типичное высокогорье гольцового типа. Переход таежной растительности в безлесную гольцовую зону постепенный, по мере возрастания отметок над уровнем моря.

Высота хребтов увеличивается от юга к северу. Если напротив Малого моря абсолютная отметка гор менее двух километров, то далее, к середине нашего пути, отметка составляет уже две тысячи двести метров, а ближе к Нижнеангарску – почти две тысячи шестьсот метров. Вычтя из этих абсолютных высот отметку уровня воды самого Байкала, получим возвышение хребтов над озером от одного до двух километров.

Очевидно, что подъем на эти хребты с грузом жизнеобеспечения на 10–15 дней – задача не из легких. Но это компенсируется значительным обзором: с одной точки можно наблюдать на очень большие расстояния.

Кроме топографов здесь обязательно должны бывать художники и поэты. Картины, открывающиеся взору, просто завораживают! С одной стороны – байкальская чаша, наполненная водой, с другой – океан тайги, уходящий в горизонт. Суровая красота сибирских просторов опьяняет и создает впечатление одухотворенности необузданной природы.

Байкал и Тайга – это два великана. Оба гордые и надменные, бесчувственные и равнодушные ко всему окружающему. Но они богаты и очень щедры, одаривая любого, кто умеет взять их сокровища.

В подножье Байкальского хребта множество ручьев и небольших рек, являющихся притоками Лены и Киренги, а также озер. В одном из маршрутов нам пришлось идти в верховьях Лены. Она берет начало из небольшого озера диаметром в сто метров, вытекающая из него ручейком шириной около метра. Через 10–12 километров ручей разливается на несколько десятков метров, а еще километров через тридцать многоликая Лена преобразается в горную строптивую реку, бегущую по каменному ложу.

В таежном массиве у подножья хребтов в большом количестве обитают косуля, изюбрь, сохатый, дикий кабан, много боровой и водоплавающей птицы. Я рассчитывал на то, что мы сумеем без труда обеспечить себя в достаточном количестве диким мясом, однако наши маршруты к триангуляционным пунктам от побережья Байкала чаще проходили по гольцовому поясу гор, куда животные заходят редко и только лишь для того, чтобы уйти от таежного гнуса. Мы не имели времени для серьезной охоты, поэтому основной нашей добычей за время путешествия были рябчики, куропатки, утки. Кроме того, мы ловили сетью байкальскую рыбу: ленка, омуля и хариуса.

В большом количестве на склонах байкальских гор растет ягода – дикая смородина и брусника. Встречаются поляны в несколько гектаров, где за крупной красной брусникой совсем не видно зелени.

На юго-восточных склонах хребтов имеются минерализованные родники, бьющие из земли. Температура этой воды достигает пятидесяти градусов. Горячие геотермальные источники, разливаясь, образуют небольшие озера или ручьи, которые питают своей целебной водой Байкал.

Нет сомнения, что придет время, когда все богатства Прибайкалья будут обращены на благо советского народа. Завершение строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали гарантирует это в ближайшие десятилетия.

4. Опасный прижим

Двигаясь вдоль побережья Байкала на баркасе, мы проплывали 30–50 километров, затем выбирали удобное место для стоянки на берегу, разбивали лагерь и я с одним или двумя рабочими отправлялся на наблюдения.

Продолжительность пеших походов в условиях высокогорья не могла превышать двадцати дней, так как мы не могли взять с собой продуктов на более длительный срок. Каждый рюкзак должен весить не больше тридцати килограммов, а ведь кроме продуктового запаса нам необходимо было брать в поход теплые вещи, инструмент, оружие с запасом патронов, топор, миски, ложки, полевые журналы и другую документацию. В маршрут со мной всегда ходил Дамба и кто-нибудь из парней.

Первый наш выход на наблюдения состоялся в первых числах июня. За одну неделю мы успешно отработали на трех пунктах и вернулись к нашему табору, который находился рядом с промышленной артелью. Здесь ловили рыбу и охотились на нерпу, которую тут же разделявали, снимая шкуру и срезая сало. Сало нерпы нам не понравилось. Его использовали в те годы в первую очередь как пищевой жир, а жители прибрежных байкальских деревень ели соленое нерповое сало, как свиное, и готовили из него разные блюда.

Береговая линия Байкала имеет много заливов, которые местные рыбаки называют губами. Расстояние в море между выступающими мысами, образующими залив, составляло от одного до восьми километров. Длина пути вдоль побережья была в два, а то и в три раза больше. Разумеется, всегда хотелось плыть напрямую, но это было опасно. Погода на Байкале очень переменчивая, шторм готов начаться в любую минуту, и только опытные рыбаки могут его предугадать. Наша лодка, имея максимальную загрузку и небольшой запас бортов, была не в состоянии противостоять высокой волне. Рыбаки ар-

тели указали нам на это обстоятельство, когда узнали, что мы собираемся в дальнейший путь. Кроме того, нам сказали, что эта губа имеет опасный прижим в виде отвесных стен и здесь нет места для остановки лодки на берегу в случае необходимости. Поэтому проход вдоль берега будет смертельно опасен во время шторма: лодку разобьет о скалы. Нам предлагалось ждать, пока не появится уверенность в том, что море в течение всего дня будет спокойным.

Прожив еще два дня в рыбацком лагере, на третий день ближе к полудню мы получили наконец разрешение на преодоление губы. Дамба, Вася и оба Ивана взяли каждый за свое весло, я устроился на корме у руля – и мы начали свой путь. Погода в тот день и вправду была отличная, чистое небо при полном штиле вселяло уверенность, что море будет спокойным. Тем не менее председатель артели отправил нам в сопровождение одну из своих лодок. В середине пути рыбаки встали на якорь и дожидались, пока мы полностью не пересечем губу.

Кроме рыбаков за нами наблюдали нерпы: то спереди, то сбоку появлялись из воды симпатичные морды. Высунувшись наполовину своего тела, пугливые и вместе с тем любопытные животные осматривались вокруг и затем скрывались под водой.

Благополучно переплыв губу, мы продолжили путь вдоль берега и, пользуясь хорошей погодой, с ходу решили пересечь еще два залива. Первый мы преодолели быстро – менее чем за час. Пристали к берегу, чтобы пообедать и осмотреться. Отвесные скалы вдоль береговой линии остались позади. Наскоро пообедав, мы продолжили путь. Парни гребли хорошо, скорость наша была не менее пяти километров в час. Я достал бинокль и высматривал на берегу место, где было бы удобно затабориться.

До берега осталось примерно сто метров, но наша лодка стала задевать дно. Мы попали на прибрежное мелководье. Пришлось уходить в море, отдаляясь от берега. В это время подул ветер и началась качка. Двигаясь вдоль мелководья, каждые десять минут мы прижимались к нему лодкой, чтобы промерить глубину. Ветер тем временем крепчал, волна становилась все больше.

Как учили нас рыбаки, если волна не имеет пены – барашков, она еще не опасна. Но когда в воде появляется пена, необходимо немедленно приставать к берегу, так как неминуем шторм.

Барашков, предвестников бури, не было, но волна росла с каждой минутой. Много усилий парни затрачивали, чтобы держать баркас против очередного надвигающегося вала. Наконец я перестал доставать дно веслом и, развернувшись, мы начали движение к спасительному берегу. Дамба выбыл из сил, я его заменил. Оба Ивана и Вася без усталости работали веслами. До берега оставалось совсем не-

много, когда волна выросла до полутора метров. С трудом приблизившись к суше, мы прыгнули в воду и выволокли лодку на берег.

Так в один день нам пришлось преодолеть два опасных прижима: в виде отвесных скал и мелководья возле берега. После этого случая мы двигались только вблизи суши, опасаясь пересекать заливы напрямую.

5. Поход в верховье Лены

Нам предстояло пройти от истока Лены 50 километров на восток, наблюдая с пунктов триангуляции. Кроме того, на одной из точек этого участка нужно было вычислить астрономический азимут.

Это был самый длительный и трудный маршрут за весь полевой сезон. Понимая, что невозможно взять с собой продовольствие в необходимом количестве, я освободил Дамбу от значительного груза и поставил перед ним задачу обеспечить бригаду мясом. Кроме Дамбы в поход я взял Васю и Ивана Тимофеева. Иван Большой остался возле лодки с заданием наловить как можно больше рыбы и засолить ее.

От побережья Байкала к истоку Лены и далее по маршруту мы продвигались с хорошей скоростью. Все складывалось как нельзя лучше. Дамба каждый день добывал к столу разную дичь. Все были довольны, но Дамба все же хотел подстрелить «что-нибудь существенное».

На этом участке мне предстояло определить астрономический азимут солнца, для этого необходимо было выйти в установленный срок на точку наблюдения с заданными координатами. Она находилась на значительном возвышении, с которого был хороший обзор. Ровно в два часа пополудни я выполнил наблюдения за светилом, сделал все расчеты, и наш отряд был готов продолжить путь. Но в этот момент все мы замерли: по распадку в нашем направлении двигался изюбрь. Дамба приготовил карабин, Иван зарядил переломку. Олень шел быстрым шагом, поглядывая по сторонам. Стрелять было еще рано: расстояние составляло более четырехсот метров. Я достал бинокль и рассмотрел изюбря: взрослый самец, пуда на четыре-пять, весь напряжен, словно чувствовал, что за ним следят. Вдруг он прыгнул в сторону, я убрал бинокль от глаз и увидел, как за изюбром мчится медведь. Хищник пробежал несколько десятков метров и остановился. Усевшись на зад, он с сожалением смотрел на уходящего оленя, который, поднявшись по гольцовой круче, ушел в чащу стланика.

Нам повезло увидеть охоту медведя в условиях дикой природы. Заметив изюбря, он устроил засаду за массивным камнем, и если бы олень проходил ближе, то уйти от стремительного рывка хищника ему вряд ли бы удалось.

Дамба весь день ругал нерасторопного медведя, который сорвал верную охоту. Действительно, изюбрь должен был благодарить бурого, за то что тот согнал его с тропы, так как Дамба промахивался крайне редко.

Спустя три недели все работы в верховье Лены были закончены. Несмотря на усилия Дамбы, продуктов у нас совсем не осталось. Обратно было решено идти напрямик через тайгу, а не вдоль берега Лены – так мы значительно сокращали путь. Шли по компасу, а Дамба уходил вперед и в стороны, кружил вокруг, пытаясь найти добычу. К полудню ему удалось подстрелить несколько рябчиков. После обеда Дамба сказал, что видел свежие следы сохача с теленком. Уйти далеко лоси не могли, поэтому он попробует их преследовать. Я не возражал. Мы немного отдохнули и отправились дальше.

Уставшие и измученные жарой, вечером мы достигли Лены. Река здесь шириной всего пять – семь метров при глубине по колено, но какая чудесная вода! Попили, обмылись до пояса, пропустили воду под брюки – стало удивительно легко и пропало чувство голода.

Парни разлеглись на траве, а я достал карту, прикидывая, сколько нам осталось идти до побережья Байкала. Нужно было преодолеть еще примерно соток километров. А через тридцать километров нас ждал небольшой мешок с мукой, оставленный Дамбой на звериной тропе. Его он предусмотрительно завернул в брезентовый плащ и подвесил на ветку мас-
сивной сосны.

Мысли о еде снова пробудили голод. Вася взял ружье и пошел вдоль берега. А я обнаружил, что изрядно намочил свои часы, которые выполняли роль хронографа при вычислении астрономического азимута. В случае их остановки останется неизвестной поправка на время в момент наблюдений. С большой тревогой я открыл крышку, но, к счастью, часы были исправны.

Эти серебряные карманные часы 1900 года марки «Лонжинес» я получил в подарок от старшего брата Кондрата. Они много лет безотказно служили мне, и недавно я передал их своему сыну Николаю как семейную реликвию.

Василий подстрелил утку, которая плавала в небольшой заводи, и она стала нашим ужином. Дамба не пришел, но за него я не переживал.

Голод поднял нас рано, и мы сразу отправились в путь, чтобы пройти как можно больше по утренней свежести. Мы с Васей, привыкшие к долгим таежным переходам, забрали весь груз у Ивана, который слабел с каждым часом.

На одном из привалов Иван заявил, что дальше не пойдет. Мы должны его оставить и следовать дальше, оставляя метки на деревьях. «Ну что ж, – сказал я, – помощи нам не будет, а идти надо. Вася,

руби жерди, сделаем носилки». Вася взял топор и, выбрав дерево, начал его рубить. «Не надо, Вася! Я пойду!» – закричал Иван и даже заплакал от проявленной слабости и стыда перед нами.

Отдохнув намного больше обычного, мы продолжили путь и вскоре вышли на небольшое кострище. Зола была холодная, но хвойные ветки, используемые для лежанки, свежие. Я понял, что это место ночлега Дамбы, который значительно опередил нас. В дальнейшем выяснилось, что Дамба преследовал сохачей несколько часов, пока не потерял след; тогда он напрямик повернул к побережью. Не в первый раз я удивился его способности ориентироваться без компаса и каким-то чутьем знать верное направление.

Наконец мы достигли звериной тропы, на которой был оставлен запас продуктов. Дальше решили следовать независимо друг от друга. Первым почти сразу ушел Вася, немного отдохнув, пошел и я, а Иван остался еще полежать. Теперь спешить было некуда, мы здесь как дома: с хлебными лепешками, чаем и солью. Лук и щавель не нужны теперь, пучки саранки тоже.

Вскоре я почувствовал запах дыма. Значит, Вася уже что-то готовит. Действительно, когда я подошел к костру, он укладывал в рюкзак горячие лепешки. Оставил мне две кружки чая и несколько лепешек, а остальное понес Ивану.

Я с удовольствием смотрел вслед Василию и радовался его силе, выносливости, его высокому чувству ответственности и коллективизма. В тяжелый час всегда познаются истинные человеческие качества. Настоящий друг окажет помощь и поддержку при любых обстоятельствах. Пошлые же люди, несмотря на лицемерие, обязательно проявят свою натуру. Я благодарен судьбе, что в своей жизни подлецов встречал гораздо реже, чем людей честных, преданных идеалам дружбы и товарищества.

Вася с Иваном пришли вместе. У всех было отличное настроение. Вася сообщил, что Дамба уже был у нашего склада, пек и ел лепешки. Об этом свидетельствовало оставленное кострище.

Переночевав здесь же, на другой день мы преодолели оставшиеся десять километров и вышли на берег Байкала, где нас с нетерпением ждали товарищи.

6. Мыс Покойники

Примерно через полтора месяца наша бригада достигла метеостанции, базировавшейся на мысе Покойники. Начальник метеостанции приветливо нас встретил, и мы, воспользовавшись его гостеприимством, отдохнули здесь три дня. Баня, парное молоко, сметана позволили нам в короткий срок избавиться от накопленной усталости.

Несмотря на свое зловещее название, место это очень живописно и удобно для проживания. Два раза в месяц сюда заходил пароход, доставляя все необходимое. Другого транспорта и способов связи с Большой землей не было.

Я поинтересовался у начальника метеостанции, почему мыс так назван, и получил вполне развернутый ответ. Существует несколько версий, а точнее, легенд происхождения такого названия. По одной, самой распространенной, много лет назад здесь погибли рыбаки, занимавшиеся промыслом. Их тела обнаружили на берегу и посчитали, что все они скончались от неизвестной болезни. Другое предание повествует о том, что когда-то сюда свозили людей, заболевших проказой. Здесь они доживали свои последние дни, не получая никакой помощи, поэтому зачастую умерших хоронить было некому и они непогребенными лежали вдоль побережья. Еще одна версия: когда здесь работала первая научная экспедиция, на берегу обнаружили старое русское кладбище с крестами и надгробиями. Кто были эти первые поселенцы, никто не знает, но благодаря погосту мыс получил свое имя.

«Впрочем, все это враки, – закончил рассказчик. – Я думаю, что изначально мыс прозвали Покойный, в том смысле, что здесь нет штормов и море всегда спокойное. Уже в дальнейшем, возможно, здесь кто-то погиб или умер и название получило другой смысл. А лучше называть его Солнечный – так же, как нашу метеостанцию».

7. Медведи байкальских хребтов

Этот полевой сезон, помимо всего прочего, был интересен тем, что на байкальских хребтах нам довелось часто сталкиваться с наиболее опасным хищником сибирской тайги – бурым медведем.

Как правило, в дневное время медведи, спасаясь от гнуса, поднимаются на высоту, где гуляет ветер. Взрослые самцы часто выбирают большой плоский камень, нагретый солнцем, и, развалившись, дремлют на нем. Медведицы приводят сюда детенышей, которые с удовольствием устраивают игры: борются, прыгают, бегают, забираются на каменистую кручу и скатываются с нее, как с ледяной горки. Мать в это время отдыхает, но постоянно на чеку. Если она чувствует опасность, то грозным рыком, а то и затрепичной загоняет медвежат обратно в таежную чащу. Медведи – строгие родители. Неоднократно приходилось наблюдать в трубу теодолита за медвежьими семьями. Зрелище это увлекательное настолько, что всецело захватывает внимание.

Как-то, выполняя наблюдения с пункта, который располагался на господствующей высоте, я услышал грохот падающих камней. Оглядевшись, увидел на соседней горе пестуна. Он проходил вдоль склона и,

отыскивая камни побольше, скидывал их вниз. Они разгонялись, увлекали за собой другие, образуя каменный поток. Медведь внимательно наблюдал за сходом горной массы, видимо, развлекая себя таким образом. Я закончил начатый прием наблюдения и как раз вовремя перевел теодолит на нарушителя утренней тишины. Пестун выбрал солидную глыбу и, опершись на нее передними лапами, принялся раскачивать. Наконец кусок скалы сорвался вниз, чуть было не утащив за собой медведя. Расколовшись на несколько частей, сброшенный камень вызвал сильный обвал, который достиг леса у подножья горы. Каменная лавина подняла там большой переполох. В один миг взлетели птицы, на открытое место устремилось несколько зайцев, выскочила изюбиха с теленком... Пестун, как и я, внимательно наблюдал за развитием событий и, удовлетворившись зрелищем, а также результатом своего хулиганского поступка, неспешно куда-то ушел.

Не секрет, что медведи – очень умные и любопытные животные. Именно поэтому они зачастую становятся участниками невероятных событий, которые выбиваются из общепринятых стереотипов, существующих в сознании людей, никогда не встречавших медведя в условиях дикой природы.

Как-то Дамба отправился в тайгу подальше от берега, заявив, что рыба в качестве основного блюда ему надоела, поэтому он намерен добыть мясо. Настреляв достаточно рябчиков и другой боровой птицы, он возвращался к нашему табору. И вдруг услышал звук, напоминающий лошадиное фырканье. Лошади, понятно, в дремучей тайге взяться было неоткуда, поэтому Дамба ожидал встретить сохатого или изюбря. Он осторожно подобрался к месту, откуда исходили звуки, и увидел... молодого медведя, который жрал голубику, словно корова на выгоне. Морду зверя облепил гнус, и мишка стряхивал его, мотая головой. И при этом фыркал, как лошадь. Дамба мог без труда обойти медведя, но вместо этого хлопнул в ладоши и крикнул: «Ха!» По его словам, косолапый от неожиданности высоко подскочил и большими прыжками, ломая деревья, помчался с поляны.

Спустя время я с Большим Иваном работал на одном из триангуляционных пунктов. Подход к нему был длительный, поэтому мне не удалось закончить программу до наступления сумерек. Можно было остаться ночевать прямо на знаке, но у нас не было воды. Пришлось идти к ручью, который бежал по долине примерно в трех километрах. Пройдя половину пути, мы увидели медведя, лежащего в кустах. Расстояние до него составляло не более тридцати метров. Я видел, что зверь наблюдает за нами. Морда медведя, как и глаза, не выражает никаких эмоций, поэтому невозможно понять его настроение. «Не смотри на него и не оглядывайся», – шепнул я Ивану. Вместо этого, когда мы поравнялись со зверем, Иван хлоп-

нул ладонями и, прокричав: «Ха! Ха!» – быстро победил. Я – следом. Несмотря на драматизм ситуации, меня разобрал смех. Пробежав несколько десятков метров, я оглянулся: медведь, не меняя позы, лежал спокойно на прежнем месте. Наверное, он был удивлен нашим поведением не меньше, чем мы его равнодушием. У ручья мы с Иваном развели большой костер и, конечно, не решились ложиться спать в ту ночь.

Известно, что медведи – мастера засады и при своей значительной массе способны передвигаться абсолютно бесшумно. В этом нам пришлось убедиться на собственном опыте. В один из коротких маршрутов на триангуляционный пункт, расположенный рядом с побережьем, мы отправились всей бригадой. Успешно отработав, решили тут же пообедать. В качестве основного блюда у нас был соленый омуль. Мы сели в круг, расстелили брезент, достали рыбу, лепешки и приступили к трапезе. Вокруг небольшой поляны плотной стеной рос стланник. Во время обеда Дамба нам что-то рассказывал. Неожиданно за его спиной из чащи показалась голова медведя. Мы все замерли, уставившись на незваного гостя. Дамба заметил общее недоумение и посмотрел назад. Медведя, вероятно, смутило наше внимание, и он так же бесшумно исчез в стланнике, как и появился.

Я бы легко согласился с тем, что у меня было видение или какое-то наваждение, если бы не мои товарищи, видевшие то же самое. Рассуждая в дальнейшем, что стало причиной внезапного появления медведя, мы пришли к выводу, что зверя привлек запах рыбы. Остального мы объяснить не сумели, как ни ломали голову.

На 50-летие ГУГК мне, как ветерану предприятия, предложили написать в праздничную стенгазету статью о каком-нибудь любопытном случае. Я в деталях описал этот эпизод, но статью не пропустил редактор, который в молодости тоже изрядно побродил по тайге. Он не поверил в мой рассказ.

На самом деле благодушие хищников объясняется просто: когда медведь сыт и ему ничего не угрожает, он, как правило, старается не вступать в конфликты. Но если он рассержен или не имеет возможности вдоволь насытиться, то превращается в безжалостного, хитрого и расчетливого убийцу. Зверь может терпеливо караулить жертву несколько дней, приготовив засаду там, где ее никто не ожидает. Один из промысловых охотников рассказывал мне, что однажды медведь забрался в зимовье и ждал там хозяина. Охотник, конечно, не предполагал, что в его таежном жилище устроена засада, и погиб, не сумев оказать сопротивления.

А иногда, если нет возможности найти пропитание в тайге, медведи, напротив, действуют нагло и безрассудно, пытаясь чем-нибудь поживиться в де-

ревнях и поселках, где крадут домашних животных и нападают на людей.

Человек вообще легкая добыча для этого зверя. Не имея такой же силы, не обладая чутьем и хорошим зрением в темное время, люди беззащитны перед зубами, лапами и когтями. Впрочем, каждый хищник знает, что люди существуют в едином обществе, поэтому за убитого человека может наступить жестокая расплата.

Дойдя до одного из последних пунктов нашего участка, в стороне от него мы обнаружили могилу. На деревянном кресте ножом было вырезано: «Здесь похоронен наш товарищ, убитый медведем в июне 1944 года». Обстоятельства этой трагедии мне были хорошо известны. Мой однокашник Николай Васильев со своей геодезической бригадой выполнял в этом районе наблюдения, используя гелиотропы*. Оставив на этом знаке рабочего, молодого парня, для подачи световых сигналов, Васильев ушел на смежный пункт, с которого отнаблюдал часть программы. Потом сигналы этого гелиотропа пропали. Выждав два дня, Васильев отправил техника связи. Расстояние между пунктами составляло больше ста километров по прямой, а на местности с учетом горного рельефа – значительно больше. Поэтому техник пришел на место спустя только десять дней. И обнаружил истерзанное и почти уже съеденное медведем тело рабочего. Перевозить такие останки было нельзя, и их захоронили здесь же. Исследуя место трагедии, техник пришел к выводу, что нападение произошло ночью, когда рабочий спал.

Я рассказал подробности этой истории своим спутникам. Мы сняли головные уборы, и мои товарищи, находясь под впечатлением от услышанного, долго молчали.

Таким коварным, хитрым, жестоким врагом может оказаться бурый медведь – любимец публики на арене цирка, герой сказок, а также предмет умиления детей и дамочек, когда он находится в вольере зоопарка.

8. Завершение работ

Спустя три с половиной месяца работы были полностью закончены. Нам удалось в установленный срок выполнить все поставленные задачи. Преодолев по воде на весельной лодке вдоль берега Байкала порядка четырехсот километров, наш отряд прибыл в Нижнеангарск.

Там мы встретились с бригадой Восточно-Сибирского аэрогеодезического предприятия, возглавляемой Василием Григорьевичем Колодиным. Сейчас,

* *Гелиотроп* – геодезический инструмент, служащий для отражения солнечных лучей с одного пункта на другой. Это необходимо для того, чтобы подавать сигнал в точку наблюдения на значительные расстояния – сто и более километров. Отраженные гелиотропом солнечные лучи позволяют отыскать триангуляционный пункт, на который производится измерение углов.

спустя тридцать лет, вблизи Нижнеангарска, как раз в том месте, где выполнялись тогда геодезические работы, строится Байкало-Амурская железнодорожная магистраль. Приятно осознавать, что результаты нашего труда востребованы при сооружении мостов и туннелей, которые позволят осуществить выход железнодорожных путей к богатствам Байкала.

Мы передали оставшиеся продукты и лодку нашим коллегам, а затем пароходом отправились в порт Байкал и далее на поезде уехали на базу экспедиции в Тулун. Я успешно сдал финансовые и технические отчеты. Был вычислен астрономический азимут по трем выполненным наблюдениям, все они дали идентичные, хорошей сходимости результаты. Погрешность моих часов оказалась равной всего одиннадцати секундам за все время производства работ.

В завершение всего я подал рапорт с просьбой на перевод в Восточно-Сибирское АГП, чтобы работать ближе к дому. И в начале 1948 года, после десяти лет работы в Новосибирском аэрогеодезическом предприятии, получил перевод.

ТЕТРАДЬ ВОСЬМАЯ УСОЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ, 1948–1951 годы

1. 1948 год

Созданное в Иркутске Восточно-Сибирское аэрогеодезическое предприятие, естественно, привлекло мое внимание, так как появилась возможность работать в родных местах. Получив согласование на перевод, я незамедлительно прибыл в Иркутск, где приступил к выполнению обязанностей начальника геодезической партии.

Первым делом мне было поручено начать работы по обустройству базы экспедиции в городе Усолье-Сибирском. Я купил дом для конторы экспедиции и арендовал в частном секторе квартиры для размещения работников нового предприятия. Дождавшись начальника экспедиции Ивана Андреевича Потейко, я отправился в Черемхово, где занялся организацией геодезической партии для производства триангуляционных и нивелирных работ на Черемховском участке.

Работы по обустройству базы я осуществлял совместно с В. Г. Колодиным, которому было поручено возглавить строительную партию геодезических знаков. Он уже в то время являлся ветераном топографической службы. Работая в одной спайке, мы в короткий срок смогли решить все организационные и технические вопросы. Я и теперь с большой теплотой вспоминаю Василия Григорьевича. Это был большой специалист и настоящий советский труженик.

База наших партий была организована недалеко от действующего рынка в городе Черемхово. Я с се-

мьей поселился в доме своего брата Ивана и получил наконец возможность постоянно видеться с близкими.

Возвращаясь к организации ВостСибАГП и к истории его последующего развития, следует сказать, что костяк нового предприятия изначально состоял из двух экспедиций. Это 56-й геодезический отряд, переданный из Новосибирского АГП, и 48-й топографический отряд Московского АГП, начальниками которых в 1948 году были соответственно Иван Андреевич Потейко и Всеволод Всеволодович Суходрев.

Хочу сделать уточнение, что до 1966 года все предприятия, в состав которых входили специализированные геодезические партии, назывались отрядами, а после административной реорганизации Главного управления геодезии и картографии их стали называть экспедициями.

ВостСибАГП с годами развивалось и крепло. Количество экспедиций увеличивалось по мере роста топографо-геодезических работ на территории Восточной Сибири. Почти каждый год создавались новые подразделения. Так, в 1949-м был сформирован топографический отряд № 28, который возглавил Петр Семенович Попков. В 1950 году создали топографический отряд № 29 – его начальником также стал П. С. Попков, передав руководство 28-м отрядом Георгию Ивановичу Дорогину. В 1952-м был образован геодезический отряд № 88, и руководство им было поручено мне. В 1954 году сформировали топографический отряд № 104, начальником которого стал Николай Осипович Анищенко. В 1955-м была организована отдельно действующая партия (ОДП), руководство которой поручили Василию Григорьевичу Векшину. В 1956 году создали геодезический отряд № 109, начальником которого стал Николай Георгиевич Николаев. Для реконструкции некоторых рядов триангуляции первого класса, а также для выполнения астрономических измерений в 1959 году была организована отдельно действующая геодезическая партия под руководством Петра Викуловича Богомолова.

Кроме того, в период с 1955 по 1957 год в состав нашего предприятия временно были прикомандированы три геодезических отряда Московского АГП и один отряд Украинского АГП.

Динамично развиваясь, ВостСибАГП к шестидесятым годам стало крупнейшим подразделением ГУГК на востоке Советского Союза. В дальнейшем ВостСибАГП получило новое имя и стало называться «Предприятие № 1». Я отработал здесь 23 года. А после выхода на пенсию еще в течение трех лет, пока позволяло здоровье, занимался обучением молодых специалистов, приемкой и обработкой полевых материалов.

Возвращаясь к воспоминаниям о работе в 1948 году на Черемховском объекте, хочу признать, что там я трудился с особым удовольствием. Мне приходилось довольно часто проезжать с инспекцией в полевые бригады. Для этого я запрягал пару лошадей в легкую повозку и отправлялся по знакомым мне с детства местам. Часто доводилось мне проезжать мимо нашей деревни Карнауховой, где поселился когда-то наш предок Федот Хвостов. Здесь проживали мои прадед, дед, тятя. Здесь родился и я. С любовью и нежностью погружался я в воспоминания о своем детстве. Например, о том, как мы, пятилетние мальчуганы, пасли свиней и телят. На свиньях, бывало, катались верхом и бегали за телятами, держась за их хвосты. За эти проказы нередко получали нагоняй от взрослых. Зимой мы запрягали собак в упряжки и катались на них по заснеженным дорогам. Повзрослев, здесь, на родной земле, я узнал все премудрости землепашца, в полной мере познал нелегкий крестьянский труд.

В те годы наша деревня еще была жилая, и я с радостью заезжал в гости к своему родному дяде Николаю Осиповичу, который последним из многочисленной родни покинул ее во время процесса укрупнения колхозов. Николай Осипович всегда гостеприимно встречал меня, усаживал за стол, расспрашивал о ходе работ на моем участке. Иногда я оставался у него на ночлег, и тогда наши беседы были довольно продолжительными.

Дядя вспоминал о формировании моим старшим братом Кондратом рабоче-крестьянского отряда красных черемховских партизан. Рассказывал о своем участии в партизанском движении против интервентов и колчаковской армии, оккупировавших Восточную Сибирь в 1919 году. Как ветеран Первой мировой войны, Николай Осипович являлся активным участником боевых действий и диверсионных акций. Не раз он говорил мне, что крестьяне в то время готовы были сражаться в первую очередь за свой дом и землю, за свою личную свободу. Варвары и мародеры, которых привел с собой Колчак, вели себя не лучше хищных зверей. Порядки и законы, насаждаемые колчаковской властью, были чужды интересам простого народа. Уже в дальнейшем агитаторы разъясняли крестьянам преимущества нового государственного устройства. В результате активности партизанских отрядов интервенты выдали Верховного правителя России Колчака, а также русский золотой запас силам Революционного совета. После этого союзные оккупационные армии покинули Восточную Сибирь, а затем и территорию РСФСР.

За лето мне пришлось проехать по многим селениям Черемховского, Аларского, Голуметьского и Балаганского районов. Именно здесь производились триангуляционные и нивелировочные работы партии. Никаких организационных и технических

трудностей наш коллектив не испытывал, все запланированные работы были закончены в срок.

В сентябре при сдаче отчета о работе, проделанной в течение полевого сезона, я, отстаивая права своих подчиненных, нагрубил начальнику экспедиции. Спор наш произошел в присутствии главного инженера ВостСибАГП и других руководящих работников. Через два дня последовал приказ о снятии меня с должности начальника партии и переводе в рядовые инженеры с направлением на рекогносцировку пунктов триангуляции на том же Черемховском объекте.

Я быстро сдал все дела партии, взял двух рабочих, лошадей и приступил к работе в районе Сибфарфора.

Надо сказать, что при этом мои отношения с начальником экспедиции Иваном Андреевичем Потейко не испортились. Понимая вину друг перед другом, мы принесли взаимные извинения и более не вспоминали этот случай.

Снятие с должности начальника партии меня несколько не оскорбило и не расстроило. Роль технического исполнителя мне была ближе, чем административно-хозяйственная деятельность. Кроме того, я всегда равнодушно относился к карьерному росту.

2. 1949 год

В начале нового полевого сезона я с семьей уехал в деревню Романово, которая располагалась в десяти километрах на юг от станции Залари по шоссе на Троицкий водочный завод.

Я получил задание на рекогносцировку пунктов сети триангуляции в лесостепной местности Заларинского, Зиминского, Иркутского, Аларского районов.

В бригаду я с удовольствием пригласил двух рабочих, с которыми заканчивал прошлый полевой сезон. Мы хоть и немного поработали вместе, но успели наладить дружеские отношения.

Николай Ипатович и Юрий Долматов – так звали моих спутников. Оба они проживали в городе Усолье-Сибирском.

Николай Ипатович – пожилой человек, страдавший болезнью легких. Много лет он отдал химическому производству, работая с вредными веществами и смесями. В результате получил инвалидность, даже при незначительной физической нагрузке задыхался. В дальнейшем, проведя со мной два полных лета, Николай Ипатович восстановил свое здоровье: лицо утратило бледно-голубой оттенок, исчезла одышка, вернулся аппетит и бодрое настроение.

Юра Долматов – холостой жизнерадостный парень. Он знал много разных песен и, имея отличный голос, прекрасно их исполнял.

Участок, на котором мы работали, по сибирским меркам был густо заселен. В любом направлении мы двигались по проселочным дорогам, что значительно облегчало работу. По нетороному пути приходилось двигаться лишь тогда, когда необходимо было добыть косулю.

В том году я занимался охотой с подхода на лошади. Такой способ является весьма результативным и не отнимает много времени. При необходимости добыть косулю следует двигаться по лесу в поисках мест, где дикая коза любит отдыхать днем. Чаще всего она располагается на склонах в подлеске, продуваемом ветром, или на краю леса, где растет высокая трава. Подъезжая к таким местам, следует придержать лошадь, а ружье с двумя картечными зарядами в стволах необходимо держать на изготовку. Отдыхающая косуля лежит в траве с поднятой головой, ее уши и во сне подняты, различая любые звуки и шорохи. Но охотник, находясь на лошади, имеет хороший обзор и, как правило, замечает отдыхающую дикую козу уже в двадцати – тридцати метрах. Косуля, услышав приближение охотника, вскакивает и убегает. Однако небольшое расстояние позволяет произвести результативный выстрел.

Перед выстрелом необходимо выбрасывать из стремян ноги и как можно сильнее обхватывать ими бока лошади. Если стреляешь через голову лошади, следует наклониться вперед, а при стрельбе в сторону – назад от цели. Такие меры предосторожности обязательны на тот случай, если лошадь рванет с места.

Для такой охоты годится только та лошадь, которая прошла специальную подготовку. Предварительно следует приучить ее к выстрелам, стреляя верхом холостыми зарядами. После подобных тренировок животное привыкает к выстрелам. Когда наездник поднимает ружье, лошадь немедленно останавливается, не двигается и даже не дышит.

Мне нравился этот вид охоты, так как промахи практически исключены и добычу мяса легко совместить с переходами от одного участка к другому.

Довольно часто мне доводилось встречаться с колхозниками на полях. Я не проезжал мимо крестьян, всегда останавливался, знакомился, перекуривал и нередко просил разрешения пройти с литовкой в общем строе косарей или связать 20–30 снопов при уборке хлеба. От этого я получал большое наслаждение. Естественно, мое знание крестьянского труда вызывало расположение у колхозников: они угощали парным молоком, свежим хлебом, зеленью и овощами с огородов. Часто предлагали остаться на ночлег в деревне, помыться в бане. Когда позволяло время, я с удовольствием принимал эти приглашения. Тогда вечером за общим столом велась неторопливая беседа с хозяевами дома. Крестьяне интересовались нашей работой,

новостями в стране и мире, живо обсуждали текущие политические события. Часто люди просили совета, куда лучше отправить детей учиться или работать. Я охотно отвечал на все вопросы. Как сыну сибирского хлебопашца, эти простые люди были близки мне.

Наша бригада работала весьма производительно: каждый месяц мы перевыполняли план, что обеспечило мне и рабочим хороший заработок. При этом работала бригада без какого-либо перенапряжения. Раз в неделю мы устраивали выходной, останавливаясь в каком-нибудь населенном пункте, или приезжали на отдых в деревню Романово, где базировалась наша бригада.

В конце сентября производственное задание было выполнено в полном объеме и мы вернулись на базу экспедиции в Усолье. После сдачи материальных и технических отчетов я приступил к вычислительным работам.

3. 1950 год

Прошел зимний межполевой период. Камеральные работы закончены, использованы очередные отпуска с праздничными развлечениями и семейными застольными встречами.

Наступившая весна нарушила размеренный образ жизни, установившийся в зимний период. Все сотрудники экспедиции потеряли покой. Как бы ни приходилось порой туго в предыдущий год, любой путешественник с приходом весенних дней грезит новым походом. Неоднократно осенью я слышал от людей: «Все! Как хотите, товарищи, но этот сезон последний. Больше никакими коврижками в поле меня не заманите!» А весной тот же человек торопит руководство, сердито требуя нового задания для своей бригады. Несмотря на все трудности, бытовую неустроенность, возможную опасность для жизни, люди привыкают к походным условиям, испытывают потребность вырваться из домашнего уюта на степные или таежные просторы.

Такие же чувства испытывал и я. С нетерпением ожидая начала полевого сезона, я заранее подобрал лошадей для своей бригады, проверил инструменты, произвел ревизию и починку личных вещей, которые необходимы в походе.

Наконец производственное задание получено. Мне следует осуществить рекогносцировку в окрестностях города Усолья, затем с работой необходимо продвигаться в сторону Иркутска и далее на юг до озера Байкал. Задание было интересным, я с воодушевлением взялся за подготовительные мероприятия.

Из всех видов топографических работ рекогносцировка всегда приносила мне наибольшее удовлетворение. Понимая, какое значение она имеет, я с

большой ответственностью относился к поставленным задачам.

Рекогносцировщик, исходя из рельефа местности, должен правильно запланировать расположение опорных пунктов сети триангуляции, определить необходимую высоту каждого знака, его вид. Последующие вычисления углов и сторон между этими пунктами должны давать хорошую математическую точность, что важно при определении координат и высотных отметок исследуемой местности. Это, в свою очередь, влияет на качество будущей карты, которая станет использоваться инженерами других направлений.

Состав бригады в этом году не изменился, мы работали, используя лошадей, запряженных в легкий ходок. С собой имели два седла для проезда верхом в бездорожных лесных массивах.

Наш отряд обследовал участок, где планировалось спрямление и сокращение железнодорожного пути от Иркутска до поселка Слюдянка. Там, где сейчас проходит магистраль, нам довелось пройти весь путь на лошадях. В тот же год начались работы по реконструкции этого участка железной дороги.

Я работал с большим энтузиазмом. Очень вдохновляло осознание того, что прошло совсем немного времени после войны, а советская власть уже делала многое для обустройства и развития нашей необъятной родины в каждом ее уголке.

Основные работы наша бригада закончила быстро. В середине сентября я сдал все технические и материальные отчеты, а в октябре получил новое задание. Мне предстояло подготовить документацию для производства работ на Ургальском объекте, рекогносцировка которого была запланирована на следующий, 1951 год.

С этой целью я отправился в Хабаровск. Там собрал необходимые документы в маркшейдерском тресте, имел деловой разговор в Управлении АГП по Дальнему Востоку, побывал в других профильных организациях. После этого выехал в Верхнебурейский район. Там ознакомился с местными организациями, где собрал необходимые справки. Затем проехал на машине до Умалтинского молибденового рудника с остановкой в поселке Усть-Умалы, расположенном на реке Бурее. Здесь я изучил ландшафт, растительность, рельеф, гидрографию, населенность, транспортные возможности района, выяснил наличие связи, торговых точек, возможность покупки и аренды помещений для базирования партий и организации складского хозяйства.

После возвращения из командировки мне было поручено в короткий срок составить технический проект триангуляционных и нивелировочных работ Ургальского объекта со сметными расчетами и обстоятельной пояснительной запиской. Я увлекся этой работой и выполнил ее за полтора месяца.

В конце декабря перед комиссией я успешно защитил проект, его утвердили и приняли к исполнению. По итогам 1950 года меня поощрили, присвоив звание лучшего рекогносцировщика нашего предприятия с занесением на Доску почета. Кроме этого, мне была вручена правительственная награда – медаль «За трудовую доблесть».

С 1 января 1951 года я был переведен на должность старшего инспектора отдела технического контроля при экспедиции № 55.

4. 1951 год

Должность инспектора ОТК я принял без оговорок и возражений. Скажу больше: я был рад новому назначению. Не было никаких сомнений, что я справлюсь с новыми служебными обязанностями. Я имел достаточно практического опыта, для того чтобы осуществлять контроль соответствия выполняемых работ требованиям действующих инструкций. В мои обязанности также входила регулярная проверка состояния измерительных приборов, их правильной эксплуатации, транспортировки и хранения.

Весной 1951 года я выехал в Хабаровский край на Ургальский объект. Здесь уже базировалась одна из геодезических партий, переброшенная в зимний период.

По моим соображениям, работы по подготовке к полевому сезону должны были идти полным ходом. Но, к сожалению, я увидел, что организационные мероприятия и не начинались. Начальник партии (не хочу называть его имени) оказался полностью некомпетентен и не соответствовал своей новой должности. Он попросту завалил дело, посвящая большую часть рабочего времени пьянству.

У меня не было полномочий снять начальника партии с должности, но я прямо сказал ему о том, что отобью срочную телеграмму на имя начальника экспедиции, где сообщу о текущем положении дел. В итоге нашего разговора этот горе-специалист бросил на меня свое хозяйство и уехал в Иркутск.

В ожидании замены мне пришлось заниматься организационными и подготовительными работами партии. Я сформировал бригады, обеспечил их снаряжением, выдал задания и отправил на объекты производства работ.

В качестве начальника партии мне приходилось выезжать в полевые бригады, и я с удовлетворением отмечал про себя справедливость выводов, сделанных мной в техническом проекте.

Наконец прибыл вновь назначенный начальник партии Марк Семенович Родпорт. Я ввел его в курс дела, передал все материальные ценности. Вместе мы побывали в ближайших полевых бригадах, после чего я вернулся в Усолые.

В течение всего этого года я контролировал производство геодезических работ в Усольском, Черемховском и Иркутском районах. В целом полевой сезон нашей экспедиции прошел успешно, все подразделения предприятия в срок справились с поставленными задачами.

Заслуживает внимания один довольно курьезный случай, который касался технической стороны. В нашей экспедиции работал инженер-геодезист Александр Александрович Дронжен. Это был грамотный специалист и очень ответственный работник. В 1951 году он со своей бригадой работал на северо-восточной оконечности Байкальского хребта. Из-за отдаленности этого объекта Дронжен весь полевой сезон работал самостоятельно, никто его не контролировал. Технический отчет о проделанной работе Александр Александрович передал на обработку в камеральную группу. И почти сразу выяснилось, что не пошли к приемке измерения зенитных расстояний, необходимые для определения абсолютных отметок триангуляционных пунктов. Допуски результатов по данным выполненных вычислений превышали требования инструкций в два-три раза.

Честный человек и ответственный специалист, Дронжен очень тяжело переживал. Он был в недоумении и утверждал, что в работе не допускал никаких технических нарушений или отступлений от требований инструкций. При этом не мог опровергнуть результаты вычислений, сделанных в камеральной группе.

Главный инженер экспедиции Аркадий Тимофеевич Стрельцов поручил мне разобраться в сложившейся ситуации. Он отказывался верить в то, что Дронжен выполнил измерения с браком на всем участке. Но очевидно было и то, что в таком виде принимать работу нельзя и если не разобраться сейчас в причинах несоответствия измерений и вычислений, то на следующий сезон нужно будет повторно снаряжать полевую бригаду на тот же объект. А такой поворот приведет к дополнительным затратам, потере времени, солидному взысканию с Дронжена. И кроме всего прочего, этот позорный факт ударит по репутации всего нашего предприятия.

Я отложил все дела и занялся этим вопросом. Первым делом проверил все вычисления камеральной группы – все было сделано верно. Затем собрал полевые журналы и стал самостоятельно строить схему превышения высотных отметок, не обращая внимания на то, что все полученные значения не имеют допуска. Построенная схема дала мизерные невязки*.

В чем же дело? Подумав, я сделал вывод, что необходимо проверить коэффициент рефракции**, при-

нятый при вычислениях. Выписав из полевых журналов данные для определения коэффициента рефракции на разных участках исследуемого объекта, я отдал их вычислительной бригаде с заданием немедленно произвести необходимые расчеты. Через несколько часов мне принесли результаты. Расчет был сделан в две руки, то есть двумя специалистами независимо друг от друга. Их результаты оказались идентичными и совершенно отличными от того, который первоначально использовался в расчетах. На всякий случай я попросил еще высчитать коэффициент кривизны Земли на той широте, где работала бригада Дронжена. Его значение в итоге также оказалось отличным от ранее принятого. Используя новые коэффициенты, я вместе с вычислительной бригадой и камеральной группой повторил вычисления превышений. Все расчеты оказались в допусках. Брака в работе Дронжена не было выявлено.

Для обоснования своих выводов я составил пояснительную записку и приложил ее к отчету полевой бригады. Главный инженер изучил наши расчеты, согласился с ними, но отправил все материалы на согласование в Московский технический отдел ГУГК для получения заключения.

Ждать пришлось недолго – через неделю с нами связались и сообщили о том, что работа признана качественной и подлежит приемке. Имя честного работника было реабилитировано, непредвиденные затраты на повторное выполнение работ предотвращены, все волнения остались в прошлом.

Этот случай наглядно продемонстрировал многим специалистам, что необходимо рассчитывать коэффициент рефракции и кривизны Земли в каждом отдельном случае, а не принимать его исходя из значения средней географической широты. Практика показала, как на рефракцию оказывают влияние условия высокогорья, атмосферная влажность и, возможно, воздушные течения. В дальнейшем я взял за правило всегда проверять коэффициент рефракции, чтобы избежать подобных неприятных случаев.

Не могу не упомянуть и о печальных событиях, которые случились в послевоенные годы.

Летом 1948 года умер мой сын Леня. Он прожил всего полгода. В то время ощущалась острая нехватка врачей и сказывался дефицит необходимых лекарственных препаратов. При нынешнем положении дел моего ребенка обязательно бы выхаживали.

В декабре 1950-го года умерла моя младшая сестра Галина. Ее очень любили все окружающие люди. Галина была жизнерадостной, доброй и веселой девушкой. Но подлая смерть забрала ее молодой и цветущей.

В середине сентября 1951-го скончался глава нашего семейства – мой дядя Иван Осипович Хвостов.

духа.

* Невязка – это отклонение суммы измеренных величин от теоретической суммы измерений.

** Рефракция – это отклонение света от прямой линии при прохождении через атмосферу из-за изменения плотности воз-

Всю свою жизнь он посвятил нам, своим детям. Еще в молодом возрасте отец поставил перед собой цель дать хорошее образование каждому ребенку. Его жизненная программа была полностью выполнена: все восемь детей Ивана Хвостова окончили высшие учебные заведения. Наш родитель был человеком прогрессивных взглядов, хотя сам относился к числу малограмотных крестьян. Он вел активную пропаганду пользы и необходимости образования для сельских жителей. Его примеру и советам следовали многие крестьяне, благодаря чему наша деревня в какой-то момент стала самой образованной во всей округе. Наш тятя имел красивую цель, которая была им полностью достигнута. Люди запомнили его как сподвижника идеи всеобщей ликвидации безграмотности.

ТЕТРАДЬ ДЕВЯТАЯ

88-я ЭКСПЕДИЦИЯ, 1952 год

1. Назначение на новую должность

В начале 1952 года руководство 55-й экспедиции получило радиогамму. В ней предписывалось мне и инженеру Степану Ефимовичу Зуеву отбыть в Иркутск и незамедлительно явиться в управление ВостСибАГП.

О причинах такой спешки мы со Степаном догадывались. В связи с постоянным увеличением объемов топографических работ на территории Восточной Сибири росло и количество профильных организаций. Формирование очередной геодезической экспедиции привело к кадровому голоду: вновь созданное предприятие попросту нечем было укомплектовать. Не хватало специалистов всех уровней: инженеров, техников, прорабов, кадровых рабочих.

Прибыв в Иркутск, мы сразу явились к начальнику ВостСибАГП Борису Владимировичу Немыслову. Он нас очень радушно встретил: вышел из-за стола, пожал каждому руку, приказал секретарю принести чай с конфетами, а сам по телефону вызвал главного инженера Дмитрия Николаевича Еленевского и замполита Аркадия Ивановича Матвеева.

Когда все собрались, Борис Владимирович предложил нам с Зуевым возглавить 88-й геодезический отряд, приказ о формировании которого был получен недавно. Мою кандидатуру рассматривали в качестве начальника отряда, а Зуев получил представление на должность главного инженера. Матвеев сразу заявил, что наш самоотвод будет рассмотрен только при наличии очень веских причин. Еленевский добавил, что знает наше отношение к административно-хозяйственной деятельности, однако мы не вправе принимать окончательное решение основываясь только на личных предпочтениях.

Борис Владимирович заверил нас в полной и всесторонней поддержке, обещал личное содействие в

решении любых организационных вопросов и добавил: «Как только воспитае́те толковые кадры, тогда поговорим особо. А пока пишите заявления на перевод» – и передал нам чистые листы бумаги.

Нам с Зуевым возразить было нечего. Таким образом, с 8 января 1952 года мы приняли новые должности и немедленно приступили к выполнению своих обязанностей.

2. Формирование экспедиции

Нашей экспедиции предстояло работать на участке строительства Братской гидроэлектростанции, где уже несколько лет проводились инженерные изыскания. Этот объект относился к категории повышенной ответственности. Все виды работ необходимо было выполнить в строго установленные сроки и на высоком производственном уровне.

Мы сразу занялись обустройством базы нашей экспедиции. Большое значение имело формирование складского хозяйства. Участки, на которых предстояло работать производственным бригадам, находились в необжитых таежных районах. И нам в первую очередь пришлось решать вопросы по организации доставки различных грузов на места производства работ до наступления весенней распутицы.

В Братске, который в те годы представлял собой небольшой поселок, мы арендовали здание, где ранее размещался политотдел БАМлага. Здесь же имелось помещение для хранения и сортировки товарно-материальных ценностей, которые регулярно доставлялись из Иркутска по железной дороге Тайшет – Лена.

На базе экспедиции была организована учеба по подготовке младших техников-строителей геодезических знаков. Эту идею подал и реализовал Василий Григорьевич Колодин. На его курсы записывались в основном жители Братска, которых мы сразу принимали на работу и выплачивали им заработную плату. Благодаря успешному обучению и стимулированию новых работников вопросы кадрового обеспечения предприятия к началу полевого сезона уже не стояли так остро.

При активном содействии Б. В. Немылова в феврале был полностью сформирован линейный аппарат экспедиции. Многие работники прибывали к нам из других регионов Советского Союза. Активно выдвигались на руководящие должности молодые специалисты, показавшие себя как грамотные инженеры и толковые организаторы.

К началу весны кроме меня как начальника и Зуева как главного инженера линейный аппарат экспедиции определился в следующем составе: заместитель начальника по административно-хозяйственной части Евгений Адамович Ростен; заместитель на-

чальника по политической части Олег Иванович Панкратов; главный бухгалтер Василий Егорович Камнев; заведующий складом Абрам Зиновьевич Котляр; инспектор отдела технического контроля Надежда Павловна Кобякина; начальник партии строительства пунктов триангуляции Василий Григорьевич Колодин; начальник геодезической партии Николай Георгиевич Николаев.

В состав строительной партии входило 14 строительных бригад по 10–15 человек каждая. Геодезическая партия имела в своем распоряжении четыре отряда рекогносцировки и шесть бригад наблюдений с пунктов триангуляции. Уже по ходу полевого сезона в экспедицию прибывали выпускники вузов и техникумов, здорово помогали студенты, проходившие на нашем предприятии производственную практику. Не обошлось и без помощи органов МВД, которые направляли к нам на работу неблагонадежных граждан, ведущих антисоциальный образ жизни. Это были, как правило, бывшие заключенные. Впрочем, об этих гражданах я расскажу особо.

Мне очень приятно, что в нашей экспедиции начинали свой трудовой путь инженеры, ставшие впоследствии незаурядными руководителями. Таким был, например, Михаил Георгиевич Николаев. Еще совсем молодым человеком он сразу зарекомендовал себя как грамотный и ответственный специалист, обладающий недюжинными организаторскими способностями. Нам довелось много лет проработать вместе вплоть до того времени, когда Михаил Георгиевич был назначен на должность начальника Свердловского ГУГК.

Не могу не вспомнить и о Леониде Дмитриевиче Шибико. Он также поступил работать к нам в статусе молодого специалиста. Но в отличие от большинства выпускников учебных заведений, Шибико был уже человеком с богатым фронтовым и жизненным опытом. Он воевал на 1-м Украинском фронте в составе войска Польского и имел немало боевых орденов и медалей, в числе которых были и награды Польской Республики. После окончания войны Леонид Дмитриевич поступил в институт и с успехом окончил его. Обладая армейской волей, целеустремленностью и выдержкой, Шибико в короткий срок заработал безупречный авторитет в нашей экспедиции. Бывало, что я намеренно отправлял к нему в бригаду людей безответственных и недисциплинированных, так сказать на перековку. Отработав год на полевых работах, Шибико был переведен на должность замполита экспедиции. В дальнейшем он работал в качестве начальника экспедиции и на других руководящих должностях.

Большой вклад в формирование коллектива внесли ветераны предприятия. Они были в первую очередь наставниками для молодых инженеров, делясь знаниями, передавая свой многолетний опыт.

Сплав опыта и молодости позволил нам выполнить все производственные задачи в установленные сроки и на высоком уровне.

В те дни я часто с чувством глубокого удовлетворения думал о развитии геодезической службы в послевоенное время. Общая производительность в десятки раз превышала объемы работ, выполняемых в тридцатых – сороковых годах. Этого удалось добиться в первую очередь за счет формирования профильных организаций по всей стране и увеличения их численного состава. Кроме того, постоянно совершенствовались методы и приемы работ, внедрялись новые приборы, увеличивалось количество техники, окончательно решился вопрос снабжения полевых бригад продуктами и материальными ценностями.

3. Характеристика объекта работ

Братский участок располагался в типичной малообжитой сибирской тайге, богатой разнообразным зверьем, боровой птицей, орехом и различным ягодником. Немногочисленные русские крестьяне проживали в небольших деревнях и поселках, построенных на берегах многоводной Ангары, где в изобилии водилась разная речная рыба. Плодородная земля, добрый строевой лес, хорошие пастбища и покосы способствовали развитию здесь крепких крестьянских хозяйств и колхозов.

Некоторые деревни имели многовековую историю. Их основали еще в XVII веке русские казаки. Одним из первых переселенцами был построен Братский острог, название которого напрямую связано с «братским» народом. Так русские в ту пору называли бурят, улусы которых с незапамятных времен располагались в этом районе. Не думаю, что казаки испытывали к иноверцам какие-то родственные чувства. Вероятно, им просто непривычно было новое слово «бурят» и они употребляли близкое по звучанию «брат».

В ходе строительства плотины Братской ГЭС множество поселков оказалось затоплено, а проживавшие в них люди переехали в другие населенные пункты. Для этого некоторые семьи разбирали свои дома и перевозили их на новое место жительства.

Холмистый рельеф исследуемого участка не имел резко выраженных возвышений. В низинах и на сопках сплошьяком росли могучие сосны, кедровые и лиственничные. Густая и здоровая тайга внесла свои требования к конструкции геодезических знаков. Высота их должна была составлять от десяти до сорока метров, тогда как обычно было достаточно шести – восьми метров. Этот факт заставил формировать большее количество строительных бригад и на треть увеличивать их штатную численность.

Отсутствие дорог ограничило использование автомобильного транспорта, который был в распоряжении нашей экспедиции. Постоянно удавалось использовать лишь гравийное шоссе Тангуй – Тулун и проселочную дорогу на Усть-Кут. Некоторые бригады постоянно использовали лодки и плоты для сплава людей и грузов по воде, но все же основным видом транспорта оставался конный и выючный.

4. Бывшие заключенные в полевых бригадах

Я уже говорил о том, что в начале 50-х годов топографическая служба испытывала острую нехватку кадров. С увеличением объемов выполняемых работ пришлось принимать на работу людей с невысокой профессиональной квалификацией, но имеющих определенную закалку, которая помогала бы переносить тяготы полевой жизни. Такими качествами обладал спецконтингент, прошедший через лагеря и тюрьмы.

Нам нужны были рабочие руки, а бывшие уголовники, у которых не было ничего абсолютно, рассчитывали на спецодежду, общекотловое питание, жилье, авансы и, конечно, на основную зарплату в конце полевого сезона.

Некоторых направляли к нам органы юстиции, другие сами искали у нас место, обращаясь к вербовщикам, назначенным из инженерно-технических работников экспедиции. Вербовщики выезжали в разные районы Иркутской области и были уполномочены сразу принимать на работу желающих. При необходимости вновь принятым сотрудникам выдавался аванс на питание и проезд на базу экспедиции.

Запомнилась группа примерно человек из двадцати, которых завербовал техник Тоня Рутенко. В экспедицию все они прибыли одновременно из города Черемхово. Знакомство и беседу с каждым рабочим я поручил замполиту Панкратову. Олег Иванович выполнил мое поручение и явился с докладом. От него я узнал, что большинство из вновь прибывших являются бывшими заключенными. «В целом народ неплохой, некоторые уже имеют рабочие специальности и производственный стаж», – сообщил он. – Один рекордсмен меня беспокоит: за свои 34 года имеет семь судимостей, нигде никогда не работал, на свободе бывал очень мало».

Я решил лично побеседовать с этим человеком. В кабинет вошел мужчина среднего роста, неплохо одетый, нормальной упитанности (отмечаю про себя, что он не голодал – отнимет у другого, но сам будет сыт), руки и грудь сплошь в наколках, прямо сидеть не может, смотрит исподлобья, а точнее, поглядывает. Держался он с достоинством, лицо его было серьезно, к улыбке не привычное. На все мои вопросы гражданин отвечал спокойно и явно нехотя.

«Ну вот что, – решил я заканчивать беседу. – В бригаде вас будет десять человек. Среди них могут быть лодыри и работающие, будут молчаливые и словоохотливые, серьезные и любители пошутить. Как вы ответите на шутку, отпущенную в ваш адрес, которая может оказаться грубоватой и покажется вам обидной?»

Ответ был простой: «Убью». Я поблагодарил его за откровенность и добавил: «Нам убийцы не нужны. В течение часа вы получите зарплату с момента приезда до сегодняшнего дня включительно. Завтра утром уезжайте с пароходом обратно в Черемхово до места найма. Билет купите сами, деньги на него получите при расчете. Всего этого вы не заслуживаете, но нам всем необходимо выполнять существующие законоположения. Можете быть свободны».

Он вышел, а спустя десять минут ко мне пришли два других недавно принятых рабочих с требованием тоже рассчитать их немедленно и выдать деньги на проезд обратно. «Твой режимчик для нас не подходит. Настоящих людей ты не уважаешь, начальник», – заявили они. Не вступая в полемику, я распорядился удовлетворить их пожелание и попутно поручил Панкратову сходить к начальнику милиции, чтобы сообщить об этих гражданах. К ним приставили милиционера, который всюду сопровождал «сидельцев» (как они сами себя называли) до их посадки в пароход. Это были, безусловно, отъявленные и неисправимые преступники.

Должен сказать, что сам я никогда не испытывал никакой предубежденности или неприязни к тем, кто отбыл срок в местах заключения. Среди них я знал много людей достойных, трудолюбивых и образованных.

Спустя несколько дней после описанного случая мне пришлось остаться вечером в конторе поработать. Уже стемнело, когда я услышал громкие голоса и тяжелые шаги по коридору. Дверь в кабинет распахнулась, и ко мне ввалилось несколько рабочих, которых сопровождал наш сторож Мария Семеновна.

«Николай Иванович, я их не пускаю, а они идут напролом. Не стрелять же мне», – рапортовала она.

«Ты, тетка, не волнуйся и карабина с плеча не снимай», – забасил один из прибывших.

Я успокоил нашего сторожа и предложил незваным гостям сесть. Все трое были крепкого сложения, не старше 25 лет, вели себя вызывающе и были, что называется, под мухой.

«У меня нет времени, поэтому я не расположен вести длинные беседы, тем более вступать в дискуссии», – сказал я строго. – Говорите, с чем пришли, – коротко и по делу».

Мой тон обескуражил рабочих. Они переглянулись и заявили, что у них закончились деньги. Аванс, полученный несколько дней назад, израсходован, поэтому им не на что питаться в столовой.

«Неужели для вас не очевидно, что контора и касса закрыты? Или вы полагаете, что я специально буду вызывать кассира, чтобы удовлетворить эту просьбу? Хочу знать правду: зачем пожаловали?» – сказал я.

Парни потупились, и один из них ответил: «Просто захотели побеседовать с вами».

Я рассмеялся и смягчил тон: «В другой раз я не советую шутить со сторожем, а для беседы вы можете зайти в рабочее время. Имейте в виду, что более таких шуток я не потерплю и приму самые решительные меры. А теперь идите отдыхать, хорошего вам сна».

Рабочие встали, извинились и пообещали «держаться дисциплину». Для меня было очевидно, что эти парни, привыкшие к обычаям примитивного общества, где внешняя бравада и физическая сила имеют решающее значение для самоутверждения, хотели попросту прощупать твердость моего характера.

Подобные штуки бывшие заключенные проделывали и с другими инженерно-техническими работниками экспедиции, но никогда им не удавалось гнуть свою линию. Стиль руководства, принятый на нашем предприятии, не допускал унижения человеческого достоинства любого сотрудника и вместе с тем не позволял никому нарушений трудовой дисциплины.

Впрочем, неисправимые элементы уголовного мира все же встречались в полевых бригадах.

5. Убийство в партии Колодина

Партия Василия Григорьевича Колодина в составе нескольких строительных бригад выполняла постройку знаков на пунктах триангуляционной сети левобережной части Братского района. На грузовике, имевшемся в распоряжении партии, Колодин выехал в полевые бригады для доставки необходимых грузов, а также для проверки качества выполняемых работ. Ко времени приезда Василия Григорьевича постройка очередного сигнала была полностью завершена, и бригада готовилась к переезду на следующий пункт. Разумеется, был смысл перевезти людей и груз на машине, а лошадей, ничем не обремененных, отправить следом.

Рабочие уселись в кузов машины, а Колодин ехал в кабине. И прямо в дороге рабочий Мещеряков убил топором рабочего Воробьева. Это произошло так быстро и неожиданно, что никто из присутствовавших не успел остановить злодея. Мещеряков на ходу выскочил из кузова и побежал по дороге в сторону Братска. Автомобиль остановился после сигналов и шума, подаваемых свидетелями убийства. Выяснив причину остановки, Колодин приказал развернуть машину и направился вдогонку за злодеем. От погони Мещеряков скрылся в чаще. Организованные в тайге поиски не имели успеха.

Василий Григорьевич на машине вернулся к табору, оставленному у готового знака, назначил старшего, выставил вооруженные посты вокруг лагеря с приказом никому не спать ночью, а сам с телом убитого выехал в Братск. Явившись в милицию, Колодин написал заявление и по телефону сообщил мне о случившемся, изложив все подробности дела. Я немедленно прибыл в отделение. Там уже вовсю шли сборы для выезда сотрудников с целью поимки или ликвидации опасного преступника. Я посоветовал милиционерам взять с собой палатку, запас продуктов и включить в группу знакомого мне промыслового охотника. К моим советам прислушались, и, не дожидаясь утра, собранная группа на грузовике выехала к месту преступления.

Впрочем, к моменту их приезда Мещерякова уже арестовали. Расчет Колодина оказался верен: ночью Мещеряков вышел к табору и пытался объяснить свое появление тем, что отстал от бригады. Его под угрозой оружия связали, организовали постоянную охрану. На предварительном допросе выяснилось, что причиной убийства стала давняя вражда бывших заключенных. Они принадлежали к враждующим группировкам уголовного мира и на этой почве не прекращали сводить счеты между собой. Мещеряков требовал от Воробьева полного подчинения, за что тот накануне несколько раз его ударил. Впрочем, никто из коллектива открытой вражды не замечал, все отмечали только их взаимную неприязнь. При этом внешне они были полной противоположностью: Мещеряков низкорослый, щуплый, мрачный и нелюдимый, а Воробьев, напротив, высокий, физически развитый молодой человек, интересный собеседник, жизнерадостный и веселый.

Мне пришлось участвовать в судебном процессе в качестве одного из свидетелей. Народный суд определил меру наказания для убийцы в 15 лет заключения. После оглашения приговора Мещеряков заявил: «Я скоро вернусь и еще кое с кем посчитаюсь». Он не испытывал раскаяния или сожаления, даже бравировал тем, что ему сохранили жизнь. Это ли не пример того, что гуманность советских законов зачастую идет вразрез с общечеловеческой моралью?

6. В строительной бригаде Худеева

Административно-хозяйственная деятельность в качестве начальника экспедиции не позволяла мне выезжать в полевые бригады. Большое внимание приходилось уделять обороту и списанию товарно-материальных ценностей, организации доставки различных грузов и сотрудников предприятия в подразделение экспедиции, составлению различных отчетов, формированию оперативных сводок о проде-

ланной работе, взаимодействию с другими организациями и органами власти.

В конце июля из управления ВостСибАГП пришло распоряжение о необходимости в ближайшие сроки составить и описать схему монтажа в полевых условиях тригонометрического пункта высотой более тридцати метров. Следовало по возможности сфотографировать наиболее важные этапы этого технологического процесса и собранные материалы отправить в Москву, где творческий коллектив инженеров и ученых работал над созданием учебника для высших учебных заведений и техникумов.

Я решил лично выполнить это поручение. Добраться до ближайшей бригады строителей Елизара Ивановича Худеева по воде не составляло большого труда. Вдохновленный предстоящей работой, я стал соображать, где можно раздобыть хороший фотоаппарат. В голову пришла мысль, что в редакции местной газеты наверняка имеется качественная аппаратура для съемки. Я позвонил в газету. Редактор внимательно меня выслушал и выдвинул встречное предложение: собранный материал можно использовать для большой статьи, посвященной работе нашего предприятия в Братском районе. Спустя час ко мне в кабинет ворвался молодой корреспондент, готовый немедленно отправиться хоть на край света. Мы договорились с Сергеем (так звали фотокора) о том, что встретимся в пять утра следующего дня на берегу Ангары.

До табора строителей предстояло проплыть по реке примерно 25 километров и затем около трех – пройти от берега вглубь тайги. Я знал, где находится бригада, но понятия не имел, на каком этапе находится строительство очередного пункта. Тем не менее, полагаясь на удачу, я решился на этот поход.

Ранним утром следующего дня мы с Сергеем на небольшой лодке отправились вверх по течению Ангары. Стоял густой и низкий туман, поэтому пришлось двигаться рядом с береговой линией. Я уселся на корму с ружьем, а Сергей взялся за весла. Нырковые утки небольшими стаями отдыхали на воде возле берега и взлетали, только увидев приближение лодки. Благодаря плохой видимости они подпускали к себе очень близко, и вскоре полтора десятка тушек уже лежало в моем рюкзаке.

Туман рассеялся, когда мы достигли места впадения в Ангару ее большого притока – реки Оки. Лес здесь далеко отступал от воды. Пологий берег манил к себе, но я решил не останавливаться, а лишь попросил Сергея сделать несколько снимков этого живописного места. Уже потом, рассматривая готовые фотографии, я обнаружил запечатленного на них молодого сохатого, который стоял на открытом месте и смотрел в нашу сторону, но мы его не заметили. Бывает же такое...

Интуиция не обманула меня: в бригаду строителей мы прибыли своевременно. Во-первых, успели как раз к обеду, а во-вторых, монтаж триангуляционного пункта был назначен на следующий день.

Сразу после обеда я передал привезенную корреспонденцию, затем провел собрание с трудовым коллективом. Узнав о цели нашего приезда, строители были очень воодушевлены тем, что освоенные ими методы и приемы работ будут изучены на самом высоком уровне.

Рабочие с энтузиазмом приступили к работе, желая продемонстрировать свое профессиональное мастерство. Сигнал, который предстояло воздвигнуть, был действительно исполинских размеров: на земле лежали четыре 35-метровые рамы. Каждая представляла собой столбы, сбитые между собой венцами и крестовинами. Монтаж сигнала начинается с того, что на земле две рамы надежно сшиваются, образуя противоположные грани. Их с помощью системы полиспастов, тросов и блоков поднимают, выставляют друг к другу и крепят уже на месте с помощью деревянных гвоздей, забиваемых в готовые отверстия. Далее всю конструкцию еще раз скрепляют венцами и крестовинами. В завершение устанавливается лестница, стол для прибора и навес.

При организации подъемных, верхолазных и высотных работ требуется особенно грамотный и опытный руководитель. Таким был техник Елизар Иванович Худеев. Он зорко следил за действиями рабочих, своевременно отдавал четкие распоряжения, без суеты делал замечания, сам был готов вмешаться в работу, не упуская при этом никого из виду. Я был впечатлен слаженными действиями бригады и после завершения работ объявил всем благодарность.

Материалы, собранные мной для описания производственного процесса строительства сигнала, иллюстрировались большим количеством фотографий, сделанных фотокором, а также схемами блоков и полиспастов, которые начертил Худеев. А еще возле готового триангуляционного пункта был сделан групповой снимок на память.

7. Наводнение в Братске

Спустившись к берегу, мы с удивлением обнаружили, что лодка, которую я целиком вытащил на сушу, оказалась в воде. За время нашего отсутствия река поднялась на несколько метров, и лодку не унесло течением лишь потому, что она уперлась в прибрежные заросли кустов.

Я взялся за весла, размышляя, что могло стать причиной столь стремительного подъема воды. Двигаться по течению было легко. Не останавливаясь и не отвлекаясь ни на что, мы довольно быстро достигли места слияния Оки с Ангарой. Воды спокойной до этого Оки бурным потоком расходились во все сто-

роны и накатывали на ангарскую гладь, перемешиваясь и достигая стрежня. Мне с трудом удалось увернуться от большой коряги, для чего пришлось круто повернуть лодку. Вся прибрежная часть устья Оки была уже затоплена, волны несли за собой бревна, ветки, кусты, какие-то водоросли, вода стала темного цвета и, казалось, кипела под нами.

Стало ясно, что где-то в верховьях Оки прошли сильные дожди, которые значительно подняли уровень реки, – это и стало причиной наводнения.

Сергей без устали делал снимки, часто вставал на днище лодки, рискуя упасть за борт. «Красота! Стихия!» – восторгался он.

А меня охватила тревога. Дом, в котором я снимал комнату для своей семьи, располагался на берегу Ангары. Впрочем, на весла налегать мне не пришлось, так как скорость потока все увеличивалась. Я даже чуть не проскочил мимо своего дома. Огород уже полностью был затоплен. Нос лодки уткнулся в крыльцо. Сергей сразу убежал в редакцию печатать фотографии, «пока все не затопило».

Жена меня успокоила, сказав, что еще вчера по радио было сообщение о приближающемся наводнении, и все жители Братска были готовы к стихийному бедствию. Я прочитал записку, переданную мне заведующим складом Абрамом Зиновьевичем, где сообщалось о том, что все необходимые меры приняты: продукты, хранящиеся на складе предприятия, подняты на крышу, лодочный флот экспедиции полностью мобилизован, на нашей базе постоянно дежурит несколько человек, включая его самого. Я обрадовался этому сообщению, но все же нашел необходимым сходить на нашу базу. Нужно было собрать ценные документы и обеспечить их сохранность при любых обстоятельствах.

Вечером по радио сообщили о необходимости оставаться по домам до особого распоряжения, при этом следовало быть готовыми к немедленной эвакуации в случае затопления жилых помещений. Радиоточки должны работать в круглосуточном режиме. Мы с хозяином дома подняли все самое ценное на чердак, туда же определили кур, отвязали собаку, насколько сколотили плотик, который мог пригодиться для транспортировки вещей.

Наступившие сумерки принесли еще одну напасть: невесть откуда налетела огромная туча мошки. Тот, кто не бывал в сибирской тайге, вряд ли поймет, как порой досаждают гнус. Мошка повсюду: забивает глаза, нос, не дает дышать, нещадно кусает все открытые части тела. Впрочем, бывалые таежники вырабатывают привычку не обращать внимания на назойливых насекомых, их организм приспосабливается к многочисленным укусам. Но даже для меня нашествие мошек показалось в тот вечер чрезмерным.

Невиданное нашествие насекомых продолжалось в течение всего следующего дня. Все это время мы

просидели в доме, плотно закрыв окна и двери. К счастью, уровень воды больше не поднимался, а спустя три дня стал падать. За эти дни Сергей проявил пленку и напечатал фотографии, которые я приложил к описанию технологического процесса монтажа триангуляционного пункта в полевых условиях. Прделанной работой я остался очень доволен. Уверен, что собранные материалы оказались полезным пособием для изучения, а также стандартизации приемов и методов строительства триангуляционных пунктов.

Через некоторое время была опубликована статья, в которой весьма бойко рассказывалось о непростой и важной работе топографической службы при подготовительных работах строительства Братской ГЭС. Я отправил в бригаду строителей несколько десятков экземпляров газеты и фотографии.

Вода полностью отступила спустя неделю. Наводнение не нанесло значительного ущерба поселку и его населению, лишь были уничтожены посадки на огородах части хозяйств, унесено несколько лодок, где-то повалены изгороди.

В настоящее время вся территория старого села Братск и устья Оки ушла на дно. Теперь там ложе Братского моря, образованного в результате строительства напорных сооружений гидроэлектростанции. Громадная площадь искусственного водохранилища легко вбирает в себя все паводковые и дождевые воды, а ГЭС регулирует их спуск. Этот район в последние годы стал центром энергетики и металлургии Восточной Сибири. Созидательный труд нескольких поколений советских людей позволил обуздать силы природы, направив их на улучшение благосостояния советского общества и государства.

8. Завершение полевого сезона

В середине октября я получил распоряжение о необходимости организовать работу таким образом, чтобы уже в конце текущего года полностью перебросить экспедицию в Нижнеангарск. Там в следующем, 1953 году нашему предприятию предстояло работать на большом участке, расположенном на северо-восточном побережье Байкала. Я направил С. Е. Зуева, чтобы он за короткое время организовал новую базу экспедиции и складское хозяйство.

Одновременно с выполнением камеральных работ приходилось заниматься передислокацией предприятия. Большинство кадровых работников уезжали в Нижнеангарск сразу после составления всех отчетов и получения расчета за проделанную работу.

В ноябре Зуев сообщил, что готов принять все виды грузов. Я отправил Панкратова и Котляра с железнодорожным багажом. Панкратов остался в Улан-Удэ для организации промежуточной базы, а Котляр на самолете с грузом проследовал в Нижнеангарск.

Слаженная работа нашего коллектива позволила в декабре закончить переброску экспедиции на новый объект. Я успешно сдал в управление ВостСиб-АГП отчет о работе, проделанной за прошедший полевой сезон, и остался отмечать Новый год в Иркутске среди близких и родных мне людей.

ТЕТРАДЬ ДЕСЯТАЯ 88-я ЭКСПЕДИЦИЯ, 1953 год

1. Объект работ

Успешная работа нашей экспедиции в прошлом полевом сезоне позволила без промедления приступить к выполнению поставленных задач буквально с начала 1953 года.

Нижнеангарский объект, как и предыдущий Братский, относился к категории объектов повышенной ответственности. Необходимо было в короткие сроки создать карту масштаба 1:25000 для предстоящего проектирования и строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, а также других промышленных предприятий в Прибайкалье.

Весь объект производства работ был разбит на три больших участка: Верхне-Ангарский, Баргузинский и Кударский.

Верхне-Ангарский участок начинался примерно в десяти километрах южнее поселка Нижнеангарск. Далее он простирался вдоль береговой линии Байкала с выходом к долине реки Верхняя Ангара. Северная сторона долины ограничена хребтом с возвышенностью до двух с половиной тысяч метров над уровнем моря с очень крутыми склонами гольцового типа, что значительно затрудняло восхождение на господствующие высоты. Заканчивался Верхне-Ангарский участок восточнее поселка Уоян, упираясь в Северо-Муйский хребет. Большая часть площади этого участка проходила в бассейне Верхней Ангара, впадающей в Байкал. Широкая долина реки равнинная, имеет множество рукавов и протоков; большое количество горно-таежных ручьев и рек питают ее русло. Вся долина Верхней Ангара сплошь покрыта лесом, но имеет отдельные площади луговых и заболоченных массивов. От Нижнеангарска до Уояна имеются небольшие поселки: Душкончан, Холодный, Кичера, Ченча, Кумора, Верхняя Заимка. На этом участке работала партия Андрея Осиповича Луканина, которая базировалась при экспедиции в Нижнеангарске.

Баргузинский участок был расположен вдоль восточного побережья Байкала и начинался от поселка Усть-Баргузин с южной стороны, заканчиваясь в двухстах километрах севернее улуса Улюнхан, примыкая к южной части Северо-Муйского хребта. Здесь работы велись от береговой линии Байкала до долины реки Баргузин. Район этот был более обжит: с незапамятных времен в этих местах селились бу-

рхаты и эвенки. Партия под руководством Максима Георгиевича Николаева производила здесь комплекс инженерно-топографических работ, обустроив базу в поселке Баргузин.

Третья партия нашей экспедиции базировалась в поселке Кудара, руководил ею Александр Петрович Данилов. Кударский участок располагался в Кабанском, Прибайкальском и частично Баргузинском районах. Он был в наиболее выгодном положении, так как находился на уже обжитой территории Прибайкалья. Здесь много населенных пунктов, имеются хорошие шоссейные и грунтовые дороги, поэтому вопросы снабжения и передислокации бригад решались просто.

Разные условия производства работ на трех участках нашей экспедиции заставили использовать все виды транспорта, доступные в то время. На Верхне-Ангарском участке это был в основном вычужный транспорт (олени и лошади) для пешего передвижения по хребтам и возвышенностям, а также лодки и в редких случаях воздушный транспорт. При работе на Баргузинском участке также в основном использовали лошадей и лодки, иногда была возможность доставлять грузы автомобилями. Кударский участок был самый механизированный: регулярно эксплуатировали автомобильный транспорт.

Полевые бригады имели возможность постоянно пополнять запас продуктов за счет таежного зверья, боровой птицы и диких уток: тайга на всех участках была богата и охотно делилась своим изобилием с путешественниками.

Кроме этого, в связи с обилием водоемов инженеры, техники и рабочие нашей экспедиции зачастую встречали на пути следования бригады промысловых рыбаков, которые щедро предлагали им разную рыбу. Платой за угощение всегда была только дружеская беседа советских тружеников за общим столом. Такие встречи всегда незабываемы и скрашивают однообразный быт таежников.

Состав инженерно-технических работников в сравнении с предыдущим годом изменился значительно. Линейный аппарат экспедиции остался прежним, а исполнительный состав пополнился прибывшими из институтов специалистами: Р. Д. Тереховым, Фоминым, Смыковой, Пашковым и другими. Выбыли в другие экспедиции инженеры В. Н. Белых, В. Н. Козлов и С. В. Балдаев. Переводы эти состоялись в основном по семейным обстоятельствам.

С лучшей стороны проявил себя заместитель начальника экспедиции по административно-хозяйственной части Евгений Адамович Ростек, а также Леонид Дмитриевич Шибико, переведенный на должность замполита. Они серьезно подошли к вопросу отбора сезонных рабочих для формирования строительных и геодезических бригад. Лодыри и хулиганы были выявлены заранее, благодаря этому

дисциплина, самоорганизация всех бригад оказались на хорошем уровне.

2. На контроле

В начале сентября 1953 года мне удалось вырваться из рутины административно-хозяйственной деятельности и выехать с инспекцией в комплексную партию Андрея Осиповича Луканина. В его распоряжении имелась лодка с мотором и стационарной рацией, за которой был закреплен моторист-радист. Объезжая полевые отряды, которые работали вдоль реки Верхняя Ангара, Андрей Осипович мог оперативно сообщать на базу партии и экспедиции о текущем положении дел, оперативно формировать заявки, поступающие от руководителей бригад, своевременно координировать работу подразделений предприятия.

К тому времени встал вопрос о сроках завершения строительства триангуляционных пунктов. Необходимо было собрать полную информацию о ходе строительных работ и рационально распределить геодезические бригады по всему участку. Для решения этих вопросов мы с Андреем Осиповичем на моторной лодке отправились вверх по течению Верхней Ангары.

Путешествие было приятным. Передвигаясь по воде на быстроходной лодке, мы смогли за короткий срок оценить работу строителей. Все сигналы отвечали заявленным требованиям: рамы выставлены между собой симметрично и надежно закреплены в грунт, высота знаков была достаточной для хорошего обзора во все стороны, визирные цели (барабаны) установлены строго вертикально относительно земной поверхности.

Когда была возможность, мы с большим азартом стреляли уток и ловили рыбу. В минуты отдыха на берегу варили уху или похлебку, но большую часть улова и трофеев доставляли в бригады в качестве угощения.

Путешествуя таким образом, я получал огромное удовольствие. Но однажды мы подверглись серьезной опасности. Необходимо было переплыть реку с правого берега на левый, где располагалось охотничье зимовье. Здесь мы рассчитывали найти одну из строительных бригад. Дул сильный ветер, который разогнал высокую волну. Посоветовавшись, мы решили форсировать реку с ходу, несмотря на шторм, так как погода портилась и собирался дождь. Моторист сложил все вещи в грузовой отсек, как следует закрепил бочку с топливом и сразу от берега разогнал двигатель на максимальные обороты, направив лодку навстречу волнам. Мы с Луканиным вооружились посудой, чтобы вычерпывать воду. Набрав скорость, лодка стала прыгать с волны на волну, высоко задрал нос. Мы бросили черпаки и схватились за борта судна. Нас подкидывало на каждой волне и при этом обдавало холодной водой. От бешеной скорости, резких порывов ветра и ледяной воды стало жутко. Но моторист,

несмотря ни на что, продолжал бешеную скачку по реке, выжимая из двигателя всю мощь. В какой-то момент я увидел, что днище лодки уже полностью заполнено водой. Наконец моторист сбросил газ, лодка сразу осела в воду, а следующая волна заполнила ее до бортов и заглушила двигатель. Оставшиеся пять-шесть метров лодка прошла по инерции и уперлась носом в сушу. Достигнув берега, мы с Луканиным испытали эйфорию после пережитой опасности и искренне благодарили моториста за проявленную решительность.

К нашему удивлению, в зимовье никого не было. Только когда растопили печь для просушки одежды, обнаружили записку, которую оставили строители. В ней сообщалось, что бригада заканчивает работу на предыдущем сигнале, а два человека, отправленных для обустройства следующего временного лагеря, были вынуждены везти в больницу хозяина этого зимовья. Он допустил оплошность при запрессовывании капсюля и пороха в патрон. Капсюль разорвался, в результате охотник получил ранение в ногу. Строители застали его в сознании, но не способного двигаться. Больного положили в его же лодку и на ней поплыли в ближайший поселок.

Позднее стало известно, что охотника своевременно доставили к фельдшеру. Он получил квалифицированную помощь и спустя время разыскал в тайге бригаду строителей, чтобы выразить им глубокую признательность.

3. Нерест омуля

Достигнув поселка Верхняя Заимка, мы нашли последнюю строительную бригаду и узнали текущее положение дел. Наконец сложилась полная картина хода строительных работ на всем участке.

Хозяин квартиры, где мы остановились, пригласил меня на рыбалку. Я с удовольствием принял его предложение. Отплыв от берега на весельной лодке несколько десятков метров, мы забросили свои удочки с мушкой. Хариус брал неохотно, и я постепенно переключился на охоту по пролетающим мимо уткам.

Мы уже собирались возвращаться на берег, когда мой новый знакомый указал на воду и сказал: «Омуль на нерест прет». Действительно, в реке сплошным потоком в несколько этажей навстречу нашей лодке двигался омуль, и с каждой минутой его становилось все больше. Я закинул свою приманку, но ни одна из особей не удостоила ее вниманием. Огромный косяк рыбы не останавливал свой ход, следуя вековым инстинктам. Хозяин лодки улыбнулся и достал сачок, сделанный из сети со средней ячейей. Погрузив его в реку и дождавшись, когда сеть натянется в потоке воды, опустил сачок метра на полтора в глубину и резко поднял его. Улов, который составил шесть добрых хвостов, он выгрузил в лодку.

До этого случая я не задумывался о том, где и когда нерестится омуль. Оказалось, его нерестовый ход начинается в сентябре и может продолжаться до конца октября. Омуль заходит во все реки, впадающие в Байкал, и оставляет икру на мелководье, в местах, где скорость потока воды небольшая.

Я предложил рабочим строительной бригады сделать запас этой вкуснейшей рыбы. Строители последовали моему совету и засолили впрок несколько ведер омуля.

Вечером за ужином наш хозяин предложил мне обмен ружьями. Ему очень понравилась моя централка, и вместо нее он предлагал совсем новую тулку такого же 16-го калибра. «Разве твоя плохо стреляет?» – спросил я его. «Нет, отлично стреляет, но мне нужны тонкие, легкие стволы, как у твоей централки». Я сравнил ружья. Действительно, стволы моего ружья были тоньше. Опытный глаз бывалого охотника сразу увидел это, еще когда мы были в лодке. «Здесь тайга, а не город и достать нужное ружье трудно, – продолжал он. – Для тебя охота – это спорт, азарт, а я кусок хлеба промыслом добываю». Мы вышли из дома, отошли к реке и испытали оба ружья, стреляя картечью и пулями по развешанным газетам. Бой у двустволок был хороший, принципиального различия я не заметил. Моя централка была заметно легче, но имела скол на деревянном ложе. Я указал на это охотнику, на что получил ответ, что, мол, этот недостаток легко устраним. Мы ударили по рукам, и обмен состоялся.

Это ружье прослужило мне более двенадцати лет, часто выручало меня. Жаль было расставаться с ним, но я был уверен, что передаю его в руки хорошего хозяина, и, думаю, оно принесло ему охотничью удачу.

4. Шибико проигран в карты

Замполит нашей экспедиции Шибико в своей работе большое внимание уделял профилактике нарушений трудовой дисциплины и воспитательному процессу. Естественно, значительная часть усилий в этом направлении была предназначена для лиц, недавно освобожденных из мест заключения. В период с 1953 по 1955 год спецконтингент был богат представлен в наших полевых бригадах. Связано это было с массовой амнистией после смерти Сталина.

Перед приемом на работу Леонид Дмитриевич лично беседовал с каждым из бывших заключенных. Имея богатый жизненный и фронтовой опыт, он пытался сразу выявить антисоциальный элемент, который не желал вставать на путь исправления. Шибико подробно расспрашивал о судьбе каждого, о причинах, которые заставили человека нарушить закон, задавал разные, порой не связанные вопросы, ловил собеседника на противоречиях. В результате собеседования Леонид Дмитриевич совместно с Евгением

Адамовичем Ростеком принимали решение, брать ли в экспедицию нового работника.

Надо сказать, что бывшие заключенные с уважением относились к нашему замполиту: весь его вид говорил о том, что это человек сильный, волевой и уверенный в себе. А некоторые его даже боялись, не скрывая этого. Леонида Дмитриевича между собой они называли Автоматчик, зная, что за его плечами богатый боевой путь.

Как-то я спросил Шибико, уверен ли он, что все наши работники с уголовным прошлым достаточно благонадежны. Он ответил, что самым отъявленным уголовникам в приеме на работу было отказано, а из числа принятых большинство искренне желает начать новую жизнь, но есть и скользкие типы, за которыми необходимо присматривать.

Работали «сидельцы» не хуже других, нарушений дисциплины не допускали, взысканий не имели. Это продолжалось до того момента, пока одна из строительных бригад не вернулась в Нижнеангарск, закончив работы по строительству знаков на своем участке. Работникам бригады предстояло немного передохнуть и отправиться на другой объект.

Каждому из членов бригады была положена зарплата за выполненную работу, которую рабочие получили на следующий день после приезда. Все строители остались довольны своим вознаграждением. Некоторые не скрывали, что впервые в жизни держат в руках такие деньги. Возле кассы экспедиции было шумно и весело. Наш замполит пришел поздравить бригаду с первым заработком. Он попросил не злоупотреблять спиртными напитками, деньги расходовать рационально, а лучше положить их на счет Госбанка, где они надежно пролежат до конца полевого сезона. Его внимательно выслушали, но некоторые поступили по-своему. К вечеру часть рабочих здорово напилась. Вели они себя безобразно, нарушая покой остальных жильцов общежития нашей экспедиции. Пришлось вмешаться Шибико: он успокоил наиболее буйных, пообещав «бить морды», если они не угомонятся.

До отправки бригады на новый участок оставалось еще несколько дней, и наши работники понуро бродили по поселку, явно скучая. Леонид Дмитриевич снимал комнату в доме, который располагался недалеко от базы экспедиции. Хозяин дома, пожилой уже человек, работал на своем огороде и, устав, присел отдохнуть под тенью забора. Спустя несколько минут на бревно, которое лежало с обратной стороны тына, уселось несколько мужчин. Они зло матерились и говорили о том, что в этом доме живет Автоматчик, но ему недолго осталось ходить по белому свету. Далее стало ясно, что некий Блин проиграл в карты и теперь должен «заделать» замполита. Мужчины докурили и двинулись по улице.

Хозяин квартиры сразу пришел в контору экспедиции, нашел Шибико и рассказал о разговоре, который невольно подслушал. Леонид Дмитриевич поблагодарил хозяина и тут же вышел на улицу. Он знал, кого искать, и догадывался где. Рабочие облюбовали себе поляну на краю поселка. Здесь они уединялись своим кругом, чтобы, расстелив газеты на траве, играть в карты или пить водку. В общежитии им строго-настрого запретили этим заниматься.

Со скучающим видом замполит неспешно подошел к четверым рабочим. Нехитрая снедь и несколько бутылок водки стояли на развернутых газетах. Шибико спросил, приветливо улыбаясь: «Отдыхаете, граждане?»

«Политинформацию проводим, – отвечал самый бойкий. – Международную обстановку изучаем», – добавил он, взяв в руки газету.

Леонид Дмитриевич присел рядом: «Ну что же, мероприятие хорошее, вижу, дошли до вас мои слова. Разрешите и мне присоединиться к вашему собранию. Только угостите меня сперва».

На него посмотрели с недоверием, но налили полстакана водки. Шибико выпил большими глотками, заел луком и вкрадчиво заговорил: «Дружка я ищу, давно не виделись. Обещал он кое-что сделать и пропал, как в воду канул. Не можете ли его найти? Вы его точно знаете». Рабочие с недоумением переглянулись: «Какого дружка?» Шибико дружески протянул им пачку папирос, закурил сам и тем же тоном продолжил: «Товарищ этот одного с вами замеса. Тоже бывший сиделец, уважаемый человек, слово держать умеет и закон воровской чтит. Блин – погоняло его. Не знаете ли, где найти его?»

Леонид Дмитриевич пристально оглядел каждого, заглядывая в глаза. Никто из собеседников не смог выдержать его взгляда. Шибико встал, слюнул папиросу и громко сказал: «Трусы! Сами меня боитесь, а другого подряжаете!»

«Да кто тебя боится?» – поднялся один из рабочих. Второй тоже встал, в его руке блеснул нож.

Молниеносный удар замполита свалил первого, затем последовал захват руки с ножом второго соперника, резкий бросок – и истошный крик поверженного на землю.

Оставшиеся двое не шелохнулись. Шибико далеко откинул вырванный нож и вплотную приблизился к сидящим на земле: «Ну, где искать Блина?» – «Мы с ним сами поговорим», – выдавил из себя один из них. «То-то же! А так пусть в гости заходит, поболтаем». И замполит как ни в чем не бывало пошел дальше тем же прогулочным шагом.

О случившемся Леонид Дмитриевич рассказал мне на другой день. Я был немало удивлен и раздосадован случившимся. У одного из рабочих был сломан нос, у второго – указательный палец. Впрочем, они никому не жаловались, на мои вопросы отвечать не хотели.

Спустя два дня к нам пришел парень, самый младший из этой ватаги. Он просил перевести его в другую бригаду. Егор говорил, что ему угрожают расправой, считая, что это он передал Леониду Дмитриевичу намерение преступников. Замполит поговорил еще раз с каждым из строителей по отдельности. После этого от парня отстали. Но мы все же просьбу его удовлетворили. Все участники этих событий доработали до конца полевого сезона и разъехались. А Егор спустя время по протекции замполита отучился на курсах радистов и много лет работал в нашей экспедиции. В Амурской области, куда перебралось наше предприятие в 1954 году, он познакомился с девушкой и обзавелся семьей.

Кто такой Блин, мы так и не выяснили. Вероятно, это был бывший уголовник, который жил где-то в поселке. Возможно, он с кем-то из наших рабочих отбывал наказание.

5. Гибель инженера Вайнера

В начале ноября в экспедицию пришла радиограмма с пометкой «срочно». Сообщалось, что вблизи поселка Кудара Кабанского района, в непосредственной близости от залива Провал, трагически погиб инженер Вайнер. Я срочно вылетел в Кудару, где базировалась партия Данилова. К моему приезду тело уже доставили в поселок и стали известны обстоятельства несчастного случая.

136

Главный инженер экспедиции Зуев, посетивший с инспекцией бригаду Вайнера, стал невольным свидетелем этой трагедии. Ранним утром после легкого завтрака Вайнер со своим помощником на наблюдениях поднялись на триангуляционный пункт. Вынув инструмент из ящика, установили его на столик в рабочее положение. Перед началом работы прибор, согласно инструкции, должен принять температуру окружающего воздуха, для этого достаточно пяти – десяти минут. Помощник осматривал с пункта окружающий лес, а Вайнер принялся за вычисления уже выполненных наблюдений.

Зуев в это время отошел от сигнала на пятьдесят метров и осматривал качество его постройки. Закончив осмотр, он отвернулся и боковым зрением увидел, как что-то полетело на землю с противоположной стороны сигнала. Первая мысль, которая возникла у Степана, – что Вайнер сбросил на землю полушубок, но через мгновение она уступила место тревоге. Подбежав ближе, Зуев увидел разбившегося Вайнера.

Рабочий сообщил, что Вайнер перед падением резко поднялся и повалился на спину. Его голова прошла под перильным ограждением, и он, перевалившись, упал вниз. Рабочий отчаянным движением пытался схватить инженера, но лишь коснулся его сапога. Оказывать помощь упавшему было бесполезно: он был мертв.

Вайнер работал в нашей экспедиции первый год. Он устроился вместе с девушкой, которая была его невестой. Они решили отработать один полевой сезон, а потом пожениться. Узнав о случившемся, девушка зарыдала и принялась корить себя, за то что допустила такой исход. Когда ее с большим трудом успокоили, она рассказала о том, что у Вайнера случались припадки эпилепсии, но он скрывал этот факт даже от своих родителей. Не знали об этой болезни и в институте, который он недавно окончил, и, разумеется, ничего не подозревали его непосредственные руководители на предприятии.

Возможно, на сигнале Вайнер почувствовал близость приступа и хотел обратиться за помощью к рабочему, но, потеряв сознание, упал с двадцатиметровой высоты.

На похороны своего сына приехал отец. Гроб с телом молодого инженера был опущен в могилу на кладбище поселка Кудара. Убитый горем отец Вайнера после поминок благодарил всех нас за проявленное участие. Он заверил, что не имеет претензий к руководству предприятия, и с тяжелым сердцем отбыл домой в Минск.

6. Последний рубеж

Как уже было сказано, Верхне-Ангарский участок был самым трудным в плане организации работ. Кроме отдаленности от населенных пунктов и разных сложных геоморфологических условий (от низин в русле рек до значительных возвышенностей на байкальских хребтах) здесь был еще весьма суровый климат. Зима отступала медленно и наступала очень рано. Значительный снежный покров очень затруднял работу строительных и геодезических бригад.

Комплексная партия Андрея Осиповича Луканина уже в марте начала полевой сезон с рекогносцировки и подготовки к строительству наблюдательных знаков, но закончила весь комплекс работ только глубокой осенью.

Уже выпал снег, ударили первые морозы, а мы ничего не знали о ходе работ бригад инженеров Малахова и Максимова. Я принял решение выехать на объекты, чтобы лично оценить обстановку.

В поселок Ченча я прибыл на легкомоторном самолете в середине октября. Местные жители рассказали, что обе бригады для организации временного склада сняли комнату в доме на окраине поселка. Хозяин дома высказал обеспокоенность долгим отсутствием обеих бригад. «Обычно раз в две недели кто-нибудь обязательно за продуктами является, но вот уже двадцатый день на исходе, а никого нет», — сказал он.

Я расспросил его о погоде, которая была в последнее время. «Метет», — ответил он. Стало понятно, что инженеры Малахов и Максимов находятся на

триангуляционных пунктах в ожидании рабочей погоды.

Я решил немедленно облететь ближайшие пункты наблюдений. Впрочем, полет наш оказался недолгим. Как только самолет набрал высоту и был направлен в сторону гольца Тукалали, где я ожидал встретить бригаду Максимова, пилот увидел человека, идущего на лыжах в сторону поселка. Сомнений не было: кто-то из бригад топографов следовал к населенному пункту. Меня охватила тревога: не произошло ли несчастного случая или иной трагедии?

Опасения мои оказались напрасными. Спустя примерно полтора часа в поселок пришел инженер Виктор Семенович Малахов. Он доложил, что работает на триангуляционном пункте, который является последним для его бригады. Плохие метеорологические условия не позволяют вести наблюдения. Ветер поднимает недавно выпавший, еще не слежавшийся снег, который кружит поземкой. Бригада Малахова ютилась в неотопливаемой палатке, поставленной возле пункта. Топливом для обогрева и приготовления еды служил валежник и стланик. Продукты были уже на исходе, поэтому Малахов решил отправиться сам за ними в поселок, так как был уверен в своей выносливости и хорошо ориентировался в этой местности.

Виктор Семенович очень спокойно информировал меня о сложившейся обстановке, без всякой патетики и драматизма. На мой вопрос, уверен ли он, что в создавшихся условиях имеет смысл продолжать работу, Малахов ответил, что не сомневается в успешном завершении всего запланированного объема. Я, разумеется, был доволен его ответом, отметив про себя, что с такими товарищами можно творить чудеса.

Находясь еще в расположении экспедиции, я предвидел трудности, с которыми могут столкнуться бригады, и, как руководитель предприятия, был готов остановить работы, чтобы не подвергать жизнь и здоровье людей опасности. Оставшийся объем работ можно было выполнить позднее, силами отдельной бригады, оснащенной всем необходимым для работы в зимних условиях. Об этом я сообщил Малахову, приказав действовать по обстановке. Но в случае, если работа не будет выполнена до наступления крепких морозов, возвращаться в поселок, где я его буду дожидаться.

Малахов слушал меня, складывая продукты в огромный рюкзак. Он не хотел более задерживаться и спешил, чтобы к ночи успеть в свой лагерь. Прощаясь, Малахов крепко пожал мне руку и сказал: «Не волнуйтесь, Николай Иванович. Мы вас не подведем».

На следующий день я отправился на поиски бригады Максимова. Пролетая над гольцом Тукалали, мы увидели триангуляционный пункт, к которому с

подножья была набита тропа. Сомнений не осталось: бригада Максимова тоже находилась в вынужденном простое, ожидая рабочую погоду.

Мы несколько раз облетели знак в поисках ровной площадки для посадки самолета. Таковой не оказалось, и я скинул выпел с запиской. В ней я сообщал о том, что завтра мы прилетим в это же время. В том случае, если бригаде требуется помощь, необходимо разжечь один дымный костер. Сигнал следует подать двумя кострами, если все в порядке. Также я настоятельно просил не рисковать, а взвешенно оценить ситуацию и принять решение, стоит ли продолжать работу.

Вернувшись в поселок, я переговорил с местными жителями о том, будет ли возможность при необходимости организовать помощь полевым бригадам. Меня заверили, что окажут всяческое содействие. С пилотом мы неоднократно обсуждали возможность посадки самолета где-нибудь недалеко от полевого лагеря топографов, но он опасался садить машину на еще не уплотненный снежный покров, который мог скрывать ямы и кочки.

На другой день, в то же время, мы поднялись в воздух и взяли курс на Тукалани. Я, признаться, немало волновался и выглядывал из-за спины пилота в надежде разглядеть, какой из сигналов подаст бригада.

Подлетая к триангуляционному пункту, самолет пошел на снижение. Я смотрел то вправо, то влево, но дыма нигде не видел.

Самолет сделал полный круг и стал снижаться. Я уже серьезно забеспокоился, но тут мы увидели густой дым из ельника, потом еще один, и еще... Когда мы завершали второй круг, под нами горело уже не менее десятка сигнальных костров. Из чащи выбежал Максимов – его я узнал сразу. Он выстрелил несколько раз и приветствовал нас, подняв ружье двумя руками над головой. К нему присоединились остальные члены бригады: они радостно что-то кричали, подкидывали шапки, кидали друг в друга снежки и дурачились.

«Вот черти!» – смеялся пилот и тоже помахал им рукой, когда мы завершали уже третий круг.

Я понимал радость своих коллег. Преодолев все трудности полевого быта, пройдя несколько сотен километров, они все же добились желаемого результата. Был счастлив и я, приветствуя их из кабины самолета.

Спустя двое суток бригада Максимова в полном составе вернулась в поселок. Василий Дмитриевич рассказал, что работать на последнем триангуляционном пункте было сложнее всего. Знак располагался на значительной возвышенности. Подход к нему осложнялся очень крутым склоном, передвигаться по которому можно было только на четвереньках. Таким же образом приходилось спускаться к подножью, постоянно рискуя сорваться с каменной кручи. При вос-

хождении в таких условиях невозможно было взять с собой сколько-нибудь значительный груз. При постройке сигнала строители доставляли все необходимые материалы наверх с помощью систем полиспастов, блоков и лебедок. Благодаря этому на склоне сформировалось подобие тропы в виде канавы. По профилю этого рва в течение восьми дней Василий Дмитриевич вместе с помощником поднимался на вершину горы. Маршрут этот составлял примерно восемьсот метров. В ожидании рабочей погоды Максимов постоянно находился на пункте, чтобы не пропустить ни одной минуты с хорошей видимостью. Голец был полностью лишен растительности, поэтому не было возможности развести огонь для обогрева и приготовления горячей пищи.

Но наконец все наблюдения были закончены, допуски инструкции выдержаны, и бригада полным составом завалилась спать в своей палатке. Неудивительно, что мы никого не увидели, прилетев в первый раз.

Прочитав мою записку, Максимов решил устроить «салют победы». Из-под снега был нарыт мох, который дает белый густой дым, и приготовлен в качестве топлива для сигнальных костров. Их было двенадцать, располагались они в двадцати метрах друг от друга. При подлете самолета каждый из бригады запалил костер. Так ребята решили отметить свой триумф над силами природы и обстоятельствами.

Я выразил благодарность каждому члену бригады (в составе которой, кстати, была девушка) за проявленное мужество и настойчивость в работе. Не теряя времени, пилот начал перевозить груз прибывшей бригады на базу партии в Нижнеангарск. А я пригласил Василия Дмитриевича для разговора.

7. Устраняем ошибки

На соседнем участке при производстве работ в конце лета был допущен брак. Здесь работала девушка из числа молодых специалистов, которые недавно устроились к нам в экспедицию. Она работала в хороших погодных условиях, однако допустила досадную ошибку. На ее участке имелся один геодезический четырехугольник*, и в двух смежных с ним треугольниках оказалась недопустимая невязка с обратным знаком. Вывод простой: один из триангуляционных пунктов подлежит повторному наблюдению.

В Нижнеангарске я уже сделал анализ, вычислив полюсные условия** по всем пяти вариантам. В ре-

* Геодезический четырехугольник – это часть триангуляционной сети, имеющая форму ромба. Такое построение позволяет определить наиболее высокую точность положения смежных пунктов сети в горизонтальной проекции.

** Полюсные условия – это условия, при которых данные, полученные при производстве триангуляции, совпадают с теоре-

зультате расчетов я определил триангуляционный пункт, на котором была допущена ошибка в угловых измерениях. Этот пункт находился в 30 километрах от поселка, а молодой специалист, совершивший оплошность, – на базе экспедиции в Нижнеангарске...

«Все ясно! – сказал Максимов. – Завтра выдвигаемся!» Но мне пришлось остудить его пыл. Я предложил не торопиться, немного отдохнуть, а затем как следует подготовиться к предстоящему походу.

Я решил нанять из местных жителей двух погонщиков и добраться до триангуляционного пункта на оленьих упряжках. С собой следовало взять запас еды на пять-шесть суток, палатку и разборную металлическую печь, которую я привез с собой. Максимов спорить не стал и принял мое предложение.

На другой день в поселок вернулась бригада Малахова. Несмотря на утомленный вид, ребята были очень рады встрече с коллегами. Мы не могли все поместиться в одном доме, поэтому после совместного ужина на ночлег Малахов со своими людьми перешел в дом соседей.

Я поговорил с двумя каюрами, и они согласились сопроводить нас до необходимого места и обратно. Мы с Максимовым готовились к отъезду, но когда Малахов узнал, что я собираюсь выехать на наблюдения, он искренне возмущился тем, что «начальство заставляет носиться к чертовой бабушке». Спорить с ним было бесполезно, поэтому ранним утром следующего дня уже не я, а Малахов деловито укладывал инструмент, палатку и снедь в нарты. Сборы, впрочем, были недолгие, и парни умчались, поднимая за собой снежный вихрь.

Наш пилот к тому времени уже перевез большую часть груза. Пришло время отправлять людей. Мы планировали закончить переброску оставшегося коллектива за двое суток. К тому же времени я надеялся на возвращение Максимова и Малахова. Надежды мои полностью оправдались: они вернулись на третьи сутки. Их знания и опыт позволили закончить работу в короткий срок. Мое предположение подтвердилось: предыдущий инженер наблюдал не на барабан смежного пункта, а на его фазу, поэтому луч визирования получил отклонение порядка двух секунд угловой дуги. Такие ошибки часто встречаются у молодых специалистов в связи с недостатком у них практических навыков.

Полевые работы 1953 года наконец были закончены, ошибки своевременно обнаружены и устранены благодаря слаженной, грамотной и ответственной работе коллектива нашей экспедиции.

тическими значениями тригонометрических функций.

Я получил приказ в течение трех месяцев перебросить всю экспедицию в город Свободный Амурской области.

ТЕТРАДЬ ОДИННАДЦАТАЯ 88-я ЭКСПЕДИЦИЯ, 1954–1961 годы

1. Наши задачи

В соответствии с требованиями правительственного задания Главному управлению геодезии и картографии надлежало выполнить работы по созданию крупномасштабной карты 1:25000 на территории Амурской области и Хабаровского края.

Значительная часть этих работ была возложена на Восточно-Сибирское аэрогеодезическое предприятие. Руководители пяти экспедиций ВостСиб-АГП получили приказ в короткий срок поменять место дислокации и обустроить новые базы в Амурской области.

29-я и 55-я экспедиции перебазировались в поселок Зея, 48-я и 88-я – в город Свободный, а 104-я – в населенный пункт Бомнак. На тот момент начальником 29-й экспедиции был Петр Семенович Попков, а главным инженером – Валентин Маркович Киселев. 55-ю экспедицию возглавляли Всеволод Всеволодович Суходрев и главный инженер Евгений Сергеевич Чулков. Начальником 48-й экспедиции был Иван Андреевич Потейко, главным инженером – Василий Николаевич Белых. Руководство 88-й экспедицией осуществлял я, а Степан Ефимович Зуев являлся главным инженером. 104-ю экспедицию возглавляли Николай Осипович Анищенко и Николай Иванович Субботин.

Значительное увеличение объемов производства вызвало необходимость увеличить и производственные мощности всех экспедиций. Состав инженерно-технических работников вырос на 30–50 процентов, в основном за счет выпускников вузов и техникумов. Внутри предприятия регулярно работали курсы для подготовки техников-строителей триангуляционных пунктов. Увеличивался кадровый состав и за счет рабочих основных и вспомогательных служб. Полевые бригады получили хорошее оснащение и новое оборудование. В экспедициях появились вездеходы, вертолеты.

Забегая вперед, хочу сказать, что все задачи, поставленные правительством, были успешно выполнены. Благодаря самоотверженной работе нескольких тысяч людей получены карты высокой точности и хорошего качества. Спустя время с использованием новых карт были открыты месторождения полезных ископаемых, в короткие сроки возведены горнодобывающие комбинаты, построены дороги, аэродромы, линии электропередачи, освоены территории

для сельскохозяйственных нужд. В рамках государственного плана по электрификации и освоению дальневосточных территорий СССР сооружены электростанции на реках Селемдже и Бурее, возведена крупнейшая в регионе Зейская ГЭС, продолжается строительство Байкало-Амурской магистрали.

Нет сомнения, что топографические карты, созданные производственным коллективом Восточно-Сибирского аэрогеодезического предприятия, еще много лет будут приносить пользу для освоения богатств и ресурсов нашей Родины и способствовать улучшению благосостояния советских граждан.

2. Характеристика объекта производства работ

В течение восьми лет 88-я экспедиция постоянно работала в Амурской области. Наши производственные участки находились на территории Верхне-Зейской и Амурско-Зейской равнин, в пределах Свободинского, Белогорского, Шимановского, Тыгдинского, Мазановского, Селемджинского, Зейского административных районов Амурской области. В Хабаровском крае мы работали на Ургальском участке, который находился в Верхнебуреинском районе.

Все объекты размещались в бассейне больших рек: Амура, Зеи, Селемджи, Аргуни, Керби, которые имели бесчисленные притоки. Наличие большого количества рек позволяло широко использовать лодки, оснащенные навесными моторами, без труда ловить разнообразную рыбу, добывать водоплавающую, боровую птицу и таежного зверя.

Всхолмленный рельеф был покрыт смешанным лесом, в котором кроме обычных для Восточной Сибири пород деревьев имеется мелкорослый дуб и черная береза. К особенностям тайги в Амурской области можно отнести большое количество марей, которые образуются в условиях вечной мерзлоты. Мари покрывают все равнины, не имеющие активного стока воды. При этом вечная мерзлота не позволяет паводковым и дождевым водам уходить в земной массив, что способствует сильному увлажнению территории. Равнины оказываются затопленными в летний период, а зимой покрываются слоем льда, достигающим полуметра.

Участки, где нам приходилось работать, были малозаселенными или совсем необжитыми, поэтому дорожная сеть была развита очень слабо. Исключением являлись только приисковые участки треста «Амурзолото», вблизи которых строили и обслуживали автомобильные или вездеходные дороги. Относительно обжитым районом можно признать территорию, где проходила Транссибирская магистраль, вдоль которой располагались поселки и небольшие города.

В целом же условия на Дальнем Востоке мало чем отличались от сибирских: длительная зима, ко-

роткое жаркое лето, обильный снежный покров в холодное время и таежный гнус в знойные дни.

3. Кадры экспедиции

К моменту передислокации экспедиции в город Свободный у нас уже сформировался дружный, боеспособный коллектив, готовый выполнять самые сложные задачи.

В сравнении с 1952 годом линейный аппарат нашего предприятия сохранил свой костяк и получил пополнение за счет введения новых должностей. Начальником экспедиции оставался я, главным инженером – Степан Ефимович Зуев. Леонид Дмитриевич Шибико – замполит; Евгений Адамович Ростек – заместитель по АХЧ; Василий Егорович Камнев – главный бухгалтер; Клавдия Ивановна Цепке и Елизавета Ивановна Колодина – бухгалтеры материальной группы; Августа Николаевна Ростек и Нина Николаевна Пониматко – бухгалтеры расчетной группы; Абрам Зиновьевич Котляр – заведующий складом; Владимир Валентинович Михайлов – старший радист, возглавлявший радиослужбу экспедиции; Анна Федоровна Бесфамильных – техник по учету секретной документации и огнестрельного оружия; Василий Егорович Колодин и Андрей Осипович Луканин – начальники строительных партий; Михаил Георгиевич Николаев и Александр Петрович Данилов – начальники геодезических партий; Надежда Павловна Кобякина – инспектор отдела технического контроля.

Впрочем, не обошлось и без потерь. В середине 1954 года экспедицию покинул С. Е. Зуев, которого пригласили на работу в планово-производственный отдел управления ВостСибАГП. Меня раздирали двойственные чувства: с одной стороны, я был рад, что способности инженера Зуева были оценены по достоинству, но вместе с тем было жаль расставаться с другом. По моей рекомендации на его место был назначен Михаил Георгиевич Николаев. Геодезическую партию вместо Николаева возглавил Василий Дмитриевич Максимов.

Приглашение для работы в управлении получил и наш главный бухгалтер В. Е. Камнев. Его заменил прибывший из Иркутска другой товарищ, но в скором времени он, как утративший доверие, был откомандирован обратно. В июле 1954 года бухгалтерию возглавил Тимофей Викторович Пацюра – с ним мы потом почти двенадцать лет проработали без нареканий.

Приятно сознавать, что за годы работы экспедиции в нашем трудовом коллективе выросли и возмужали инженерно-технические работники, которые в дальнейшем с успехом возглавляли другие крупные предприятия ВостСибАГП. Так, М. Г. Николаев через несколько лет получил должность начальника 104-й экспедиции. При этом Максимов опять заменил Николаева и занял должность главного инженера. Ши-

бико возглавил 55-ю геодезическую экспедицию. Б. П. Смыслович был назначен главным инженером 104-й экспедиции, А. И. Ломаев, А. П. Данилов, Р. Д. Терехов, В. С. Малахов, В. Н. Латкин, Г. И. Кузак в разные годы работали в качестве главных инженеров в 48, 109, 55-й экспедициях.

Наше предприятие справедливо называли кузницей кадров, а инженерно-технических работников относили к золотому резерву всего управления. Думаю, что этому во многом способствовал стиль руководства, который был принят в 88-й экспедиции. Я всегда доверял людям и предоставлял инженерно-техническим работникам всех уровней инициативу в принятии ответственных решений. Случалось, что при решении производственных задач возникали жаркие споры, но при этом обязательно учитывалось мнение непосредственных исполнителей – руководителей производственных бригад или звеньев. Личная инициатива поощрялась на всех уровнях. От начальников партий и руководителей бригад я никогда не требовал согласования оперативных решений, которые необходимо было принимать исходя из сложившейся обстановки. Инженерно-технические работники получали свободу действий, но несли личную ответственность за общий результат на своем участке.

Таким образом, постоянно улучшая технические навыки, приобретая опыт при самостоятельной организации работ, молодой специалист в короткий срок становился грамотным руководителем. Случались, конечно, ошибки и промахи, но на них всегда указывали старшие товарищи (и не для того, чтобы показать собственное превосходство, а с тем, чтобы исключить их в дальнейшем). Настоящим наставником для молодых специалистов был Василий Егорович Колодин, который охотно делился с ними своим богатым производственным и житейским опытом.

Нельзя не вспомнить техникув-строителей, которые занимались самым трудоемким процессом – возведением триангуляционных пунктов. К моменту прибытия на Дальний Восток наши строители уже мастерски освоили технологию постройки сложных и высоких сигналов. Они с удовольствием делились практическими навыками с бригадами строителей других предприятий, для чего при экспедиции были налажены курсы повышения квалификации. Самых грамотных и ответственных рабочих обучали специальности техникув-строителей триангуляционных пунктов. В качестве преподавателей выступали наиболее опытные работники экспедиции.

Некоторые строители поступили к нам на работу сразу из мест заключения. Многие не имели никакого образования, семьи и родных. Наша экспедиция стала для таких неприкаянных членов общества настоящей опорой. Они нашли здесь настоящих, верных товарищей, средства к достойному существова-

нию и встали на путь созидательного труда, как миллионы советских граждан.

Здесь я хочу назвать имена прорабов и техникув-строителей нашей экспедиции, которые много лет отработали в топографической службе, были настоящими мастерами своего дела.

Инженеры-строители, работавшие с момента формирования 88-й экспедиции: Ефим Алексеевич Беспалов, Василий Григорьевич Головченко, Николай Тимофеевич Романов, Николай Петрович Шакуров, Василий Сергеевич Рыбин, Алексей Егорович Середкин, Владимир Иванович Торопов, Елизар Иванович Худеев, Владимир Анатольевич Гасксов.

Инженеры-строители «второго поколения» нашей экспедиции, поступившие на предприятие в городе Свободном: Владимир Гаврилович Прилепский, Николай Сергеевич Шпак, Семен Абрамович Котляр, Василий Иванович Пониматко, Николай Анатольевич Конзелко, Владимир Михайлович Мошкин, Борис Герасимов, Леонид Сергеев, Иван Соснин, Михаил Кузнецов, Мельников, Ветров, Овечкин.

Свой высокий профессионализм не раз доказывали руководители строительных партий. Ставя перед собой самые высокие цели, они освоили искусство рекогносцировки и передали этот опыт подчиненным. Таким образом, их партии стали рекогносцировочно-строительными. В те годы да и теперь далеко не каждая экспедиция может похвастаться таким подразделением. Я с особенной теплотой вспоминаю этих людей, которые не только были высококлассными профессионалами, но и прекрасно разбирались в людях, так как зачастую им приходилось работать с теми, чья жизнь уже была искалечена уголовным прошлым или антисоциальным образом жизни. Нашим руководителям удавалось в короткий срок из разношерстного спецконтингента создавать дисциплинированный трудовой коллектив, выполнявший самые сложные задачи в нелегких условиях.

Особенно хочу отметить двух ветеранов нашей службы, которые по итогам многолетней самоотверженной работы были удостоены правительственных наград, являясь примером для молодых поколений инженеров и рабочих. Это десятичники на постройке знаков Андрей Петрович Сурико и Алексей Тимофеевич Емельянов. Честь им и хвала!

Не могу также не вспомнить о начальнике Восточно-Сибирского АГП. В конце 1953 года на эту должность был назначен Виктор Николаевич Биткин, ранее работавший начальником Казанского АГП. Мне посчастливилось работать под руководством этого человека десять лет. Виктор Николаевич – это талантливый инженер, блестящий организатор и смелый руководитель, способный за минуту разрешить любой производственный ребус. Он был всегда прост в общении, очень сдержан и корректен с под-

чиненными. Вместе с тем являлся весьма требовательным руководителем: не терпел обмана, разгильдяйства, попустительского отношения к делу.

Нельзя не вспомнить и главного инженера Вост-СибАГП Владимира Васильевича Крюка, работавшего в этой должности с 1956 по 1965 год. Человек культурный, очень эрудированный, с великолепной памятью и огромной работоспособностью, Владимир Васильевич и теперь является для меня образцом советского инженера. Для разъяснения технических вопросов к нему за помощью обращались не только молодые, но даже опытные специалисты. Для всех он находил время и терпеливо давал разъяснения.

Неоценимую помощь оказывал нам производственно-технический отдел, возглавляемый Георгием Ивановичем Дорогоным. Его заместителем был мой близкий товарищ Степан Ефимович Зуев. Дорогоны и Зуев прекрасно знали нужды производственных подразделений и всегда оперативно реагировали на любые наши вопросы.

Хочу упомянуть также главного бухгалтера Вост-СибАГП Алексея Александровича Альбазова. Он стал для меня настоящим наставником в вопросах финансово-хозяйственной деятельности. Перед собой он ставил цель не только контролировать расход материальных ресурсов и денежных потоков, но прежде всего – научить финансовой грамоте технических руководителей.

Таким был коллектив нашего большого предприятия. К сожалению, спустя много лет я уже не помню имен и фамилий многих тружеников, но их лица до сих пор стоят перед моими глазами. Воспоминания о каждом человеке дороги мне, и пусть простят меня те, кого я не упомянул.

4. Организация полевых работ

Наша экспедиция, как и другие, с каждым годом оснащалась все лучше и лучше. Достаточно сказать, что в 1954 году все базы партий и полевые бригады были обеспечены радиостанциями. В те годы лично мной это воспринималось как исполнение несбыточной мечты.

В установленный срок все бригады выходили на связь с руководством своей партии и сообщали о ходе работ. Кроме этого, постоянное наличие радиосвязи положительно сказывалось на морально-психологическом климате в трудовых коллективах. У работников появилась возможность получать известия от близких людей, слушать радиопередачи и мировые новости – это в большой степени облегчало полевую быт.

На базе каждой партии была сформирована вычислительная группа, куда доставлялись журналы выполненных наблюдений пунктов триангуляции и нивелирования третьего класса. Вычислительная

группа под руководством опытного инженера производила обработку полевых материалов, и благодаря оперативному контролю обнаруженные ошибки и брак в работе полевых топографов своевременно устранялись.

В полном объеме была ликвидирована потребность всех партий в лодочных моторах, что значительно облегчило транспортировку необходимых грузов в производственные подразделения, и когда появлялась такая возможность, строительные бригады целиком перевозили с одного объекта работ на другой. В том же 1954 году наша экспедиция получила катер БМК (буксирочно-моторный катер), который с успехом использовался на реках Зее и Селемдже. По совету опытных людей было приобретено и поставлено на баланс предприятия еще одно маломерное судно. Силами механизаторов нашей экспедиции его отремонтировали и оборудовали для длительных походов. После успешных испытаний катеру было присвоено имя «Шторм».

Значительно увеличился автопарк экспедиции, появился даже один мотоцикл с коляской. Для обслуживания и ремонта всего парка техники на базе экспедиции была оборудована ремонтно-слесарная мастерская.

В годы работы на Дальнем Востоке все подразделения экспедиции широко использовали авиацию. Кроме легкомоторных самолетов «Аэрофлот» предоставлял нам вертолеты Ми-2 и Ми-4. Имея вертикальный взлет и посадку, эти летательные аппараты были очень удобны для использования в условиях непроходимой тайги. Однако, несмотря на широкое использование техники, все же в большом количестве для перевозки груза применялся вьючный транспорт: лошади и олени. От воинской части экспедиция получила небольшой табун лошадей, поголовье которого с каждым годом увеличивалось. Для наиболее эффективного использования лошадей мной была подана заявка на приобретение специальных вьючных седел вместо кавалерийских или артиллерийских. Заявка моя была полностью удовлетворена, и теперь на одну лошадь можно было загрузить до семидесяти килограммов груза.

Оленей мы брали в аренду по договорам с местными колхозами. При этом они всегда обслуживались каюром, которого назначали из числа местных жителей. Как правило, это были эвенки. Груз перевозился в потках – вьючных сумках, изготовленных кустарным способом. Один олень мог взять с собой 20–30 килограммов груза. Завьюченных животных связывали между собой длинной веревкой, конец которой каюр брал в руки и вел караван за собой. Оленей связывали между собой таким образом, чтобы равномерно распределить их силу: первым шел самый сильный орон (домашний олень по-эвенкийски), за ним слабее, следом опять сильный и

так далее. Длина каравана зависела от рельефа. Двигаясь по равнине, вязали по десять, самое большее двенадцать оленей, а если приходилось штурмовать крутые гольцовые склоны, то караван составлял не более шести оронов.

Каюры также исполняли роль проводников и охотников. Тайга для этих таежных кочевников была родным домом, где они прекрасно ориентировались и всегда выбирали самый рациональный и безопасный маршрут. Дорогу эвенки находили по приметам, известным только им. Не бывало случая, чтобы полевая бригада, сопровождаемая каюром, голодала или страдала от отсутствия воды и тепла. Единственным недостатком при работе с оленями было то, что один орон мог нести на себе не более тридцати килограммов, при этом грузы у строителей зачастую превышали этот вес. В таких случаях каюры сооружали нечто вроде носилок, которые крепили между двух оленей, распределяя нагрузку на каждого.

Нельзя не сказать и о том, что строительные бригады получили новые материалы и оборудование. Их обеспечили металлическими тросами различного диаметра, блоками разной грузоподъемности, в том числе облегченного типа, канатами высокой прочности, джутовой, манильской и капроновой веревкой.

Большое внимание уделялось улучшению быта в походных условиях. Для этого экспедиция получила в достаточном количестве новое снаряжение: облегченные палатки, спальные мешки (ватные, меховые и цигейковые), верблюжьи одеяла, непромокаемые плащи, удобную спецодежду.

Склады нашей экспедиции буквально ломились от разнообразных продуктов, предназначенных для полевых бригад. В большом количестве доставляли консервированное мясо, рыбу, молоко, фрукты и овощи. Нам были предоставлены специальные парашюты и тара для сброса грузов с воздуха, если возникнет такая необходимость. Каждая полевая бригада оснащалась необходимым количеством снаряжения, сигнальными ракетами, охотничьим оружием и боеприпасами к нему.

Перед началом полевого сезона геодезические партии полностью перевооружились, получив новые отечественные инструменты. Такими были: теодолит ОТБ (оптический теодолит большой), обеспечивавший высокую точность угловых измерений; нивелиры НГ и НВ-1 и другие вспомогательные приборы в комплексе с вычислительной техникой.

Для меня было очевидно, что вопросами обеспечения геодезических предприятий занимаются люди, знакомые с полевым бытом и отдающие себе отчет, что каждый инженер должен прежде всего выполнять свою работу, а не решать вопросы выживания в условиях дикой природы.

Таким образом, усилия по обеспечению геодезических экспедиций ВостСибАГП всем необходи-

мым обусловили их высокую производительность на протяжении восьми лет работы в дальневосточной тайге.

5. Коллективная жизнь экспедиции

Наша экспедиция не имела своего жилого фонда, поэтому работники линейного аппарата, прибывшие на постоянное место жительства в город Свободный, вынуждены были снимать жилье у местных жителей. Мне приходилось включаться в решение вопросов расселения сотрудников. Для этого я зачастую обращался к представителям местной власти, чтобы они оказали содействие в размещении прибывших людей. Нам всегда шли навстречу.

Однако далеко не все хозяева жилья вместе с домом или комнатой сдавали в аренду и приусадебный участок, поэтому держать свой огород была возможность не у каждой семьи нашего предприятия. Приходилось опять обращаться к городским властям с просьбой выделить пахотную землю для линейного аппарата экспедиции. С большим энтузиазмом собирались мы всем коллективом и выезжали в поле для посадки картофеля, его прополки и сбора урожая. Эта работа никогда не была в тягость, а всегда приносила большое удовольствие.

База нашей экспедиции имела большую площадь. Здесь была размещена контора, гараж, ремонтная мастерская, радиорубка, столовая. На второй год работы экспедиции в Свободном силами одной из строительных бригад было построено общежитие, закуплена и установлена мебель. Здесь временно размещались сезонные рабочие перед отправкой в полевые подразделения. По инициативе тех же строителей были выделены средства и материалы для постройки бани, которая стала популярна не только среди наших работников, но и у местных жителей.

Спустя год после начала работы в Свободном в коллективе экспедиции появилась традиция широко отмечать день завершения полевого сезона. В первый год этот день отпраздновали стихийно, но в дальнейшем он получил статус культурно-массового мероприятия.

В конце 1955 года нам всем пришлось очень поволноваться за судьбу геодезистов, которые долго не могли вырваться из таежного плена. По рации они сообщили о том, что все работы завершены и бригада полным составом возвращается на базу своей партии. После этого на связь геодезисты больше не выходили. Прошла неделя, еще несколько дней – все сроки уже вышли, а бригада не возвращалась. Организованные поиски с воздуха не дали результата: плотный туман над тайгой ограничивал видимость. Нервное ожидание сменилось тревогой... Наш радист не выходил из рубки и постоянно держал связь

с базой геодезической партии, которая являлась постоянным местом дислокации пропавшей бригады.

Я назначил совещание, чтобы сформировать поисковые отряды и определить район поиска. Собравшиеся в моем кабинете товарищи говорили негромко и мало. Было высказано несколько соображений по поводу того, откуда необходимо начинать поиски. На развернутой карте карандашом я отметил места возможного пребывания бригады.

Зазвонил телефон. Я взял трубку, на том конце провода представились: на связи был главный инженер треста «Амурзолото». Он сообщил о том, что группа работников 88-й экспедиции находится в расположении прииска Дамбуки. Все люди живы, здоровы и просят забрать их воздушным транспортом, для этого были продиктованы точные координаты прииска.

Надо было видеть, как радовались этому известию все, кто собрался у меня в кабинете! Молодежь плясала и пела. С лиц более опытных товарищей исчезло напряжение, появились улыбки, радостно заблестели глаза. Полученная новость означала, что полевой сезон завершен окончательно. Никому не придется возвращаться в холодную осеннюю тайгу, чтобы искать следы потерянных товарищей в безлюдной пустыне.

Мной было отдано распоряжение немедленно отправить вертолет по указанным координатам. В тот же день наши бродяги прибыли в город Свободный. Вертолет забрал также начальника геодезической партии Данилова и оставшихся сотрудников.

Встречали геодезистов как героев. Оказалось, что, возвращаясь, бригада решила срезать путь, но в густом тумане потеряла верное направление. Рация отказалась работать, на месте устранить неисправность не удалось. В итоге, двигаясь строго на юг, парни добрались до прииска, что стало для них спасением.

Был приготовлен богатый ужин, застолье затянулось до ночи. Таежники с азартом рассказывали о пережитых испытаниях, делились опытом, травили охотничьи байки. С тех пор установилась традиция отмечать закрытие полевого сезона после возвращения из похода последней бригады. Для всех работников объявлялся выходной день. Приглашались гости из других организаций. Во время официальной части подводились итоги сезона, вручались премии и грамоты наиболее отличившимся сотрудникам, затем устраивали банкет, а далее были танцы под живую музыку. В качестве продуктов для приготовления всевозможных блюд наши женщины использовали мясо разного таежного зверя от кабарги до медведя, рыбу, а также грибы и ягоды, специально доставляемые полевыми. Это развлекательное мероприятие никогда не омрачалось пьяным дебошем или скандалом. Все с большим уважением и теплотой относились друг к другу. Иногда, впрочем, в

этот день приходилось отмечать и печальные события – поминать товарищей.

Надо ли говорить, что официальные государственные праздники отмечались так же дружно. Наиболее широко праздновали наступление Нового года. Детвору приглашали на елки, где были организованы представления, конкурсы и игры. Мы рады были видеть у себя в гостях всех детей города, для чего устраивали по несколько утренников. Подарков и веселья хватало на всех. С большой любовью и выдумкой к организации детских праздников подходили наши женщины: Августа Николаевна Ростек, Ия Михайловна Малкина-Слепнева, Елена Егоровна Михайлова. Они каждый год придумывали новое представление, не уставая удивлять всех своей выдумкой и фантазией. Помогали им в этом ребята постарше, которые посещали музыкальную школу и аккомпанировали на всех новогодних мероприятиях.

За восемь лет работы экспедиции в Амурской области наш коллектив стал единой семьей, люди приросли друг к другу узами дружбы и товарищества.

К сожалению, сейчас, спустя уже двадцать лет, я утратил связь со многими моими коллегами, но до сих пор испытываю чувство родственной привязанности ко всем этим людям.

6. В плену воспоминаний

Спустя два десятка лет я смотрю на карту Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, изданную Главным управлением геодезии и картографии. От Тайшета до Комсомольска-на-Амуре трасса пересекает бесчисленное количество рек, сквозь тайгу и болота переваливает сопки, тоннелями взламывает крутые подножья хребтов. Сюда на великую стройку века прибыли специалисты со всех республик Советского Союза, следуя не хищнической жажде единовременной наживы, а с благородной идеей планового освоения территории. Этим молодым, но уже возмужавшим людям посчастливилось воплотить в жизнь мечту и приспособить суровый край для комфортной и достойной жизни.

Карта Байкало-Амурской магистрали – это символ культурного наследия для будущих поколений советских людей. И как итог всей жизни она лежит под стеклом моего рабочего стола. Просматривая ее, я вспоминаю маршруты полевых бригад, их трудовые будни, собственные инспекционные поездки.

Вот город Свободный, где располагался штаб нашей экспедиции и ее производственная база. Здесь получали задания все полевые подразделения. Рабочие и инженеры, обремененные немалым грузом, выдвигались в глухую тайгу, навстречу новым испытаниям и победам.

Примерно в трехстах километрах севернее Свободного на берегу реки Зеи нахожу на карте село

Нововысокое. Недалеко от этого населенного пункта утонул начальник строительной партии Андрей Осипович Луканин. Лодка, в которой плыл он и еще несколько человек, опрокинулась от удара высокой волны. Спутники Луканина ухватились за борта перевернувшейся лодки, а этот сильный и выносливый человек погиб, не справившись с водной стихией. Андрей Осипович был похоронен на кладбище города Свободного. Ежегодно в день его смерти, 19 августа, коллектив экспедиции посещал могилу, отдавая должное его памяти.

Нахожу на карте речку Кербу. Здесь едва не погиб я сам при инспекции Ургальского участка, расположенного в Хабаровском крае в ста километрах западнее поселка имени Полины Осипенко. Догоняя геодезическую бригаду старшего техника Коноплева, я уперся в густые заросли стланика. Он подступил к самому берегу реки с одной стороны и застил непроходимым ковром подножье крутой горы с другой. Когда стало ясно, что двигаться по правому берегу реки нет возможности, я решил форсировать ее, что называется, с ходу, не теряя времени на поиск брода. Повесив за спину ружье, я сверху надел рюкзак и вошел в воду. Ширина Керби не превышала тридцати метров, пловцом я себя считал хорошим, поэтому сомнений в успешной переправе никаких не было. Пройдя по дну реки около десяти метров, я полностью погрузился в воду и поплыл. Мне необходимо было преодолеть вплавь 10–15 метров, однако сделать это оказалось непросто. Скорость потока воды оказалась настолько высокой, что, двигаясь вплавь, я не продвинулся ни на один метр к противоположному берегу. Река уносила меня все быстрее, ее русло стало сужаться, под ногами я почувствовал дно. «Где-то рядом перекат», – мелькнула мысль. Я попытался опереться ногами о камни, но течение сбивало меня, увлекая в бурлящий поток. Собрав все силы, я стал загребать воду как можно быстрее, при этом поменял направление движения. Теперь, двигаясь не прямо к берегу, а под острым углом, я стал сокращать расстояние до суши. Наконец, коснувшись руками земли, опершись на нее, я на четвереньках вылез из буйной реки и без сил повалился на землю. До переката осталось двадцать метров, где меня ждала гряда черных камней. Я с ужасом осознал, что от неминуемого удара о камни меня отделяло всего несколько секунд. Причиной такой нелепой смерти могла стать моя безрассудность и самоуверенность.

Как знать, быть может, именно из-за собственной беспечности в дальневосточной тайге исчезла целая бригада. Борис Герасимов работал в нашей экспедиции с 1955 года. Зарекомендовал себя как ответственный работник, грамотный специалист и надежный товарищ. В 1959 году он перевелся в 104-ю экспедицию на должность начальника партии. Для

решения организационных вопросов Герасимов вместе с бригадой техника Боброва отправился на производственный участок. От пристани Хабаровска они на моторной лодке отправились по Амуру вверх по течению. С тех пор их никто не видел. Герасимов и геодезическая бригада пропали бесследно.

Поисковые отряды совершенно ничего не обнаружили: ни тел, ни вещей, ни лодки. Необъяснимое исчезновение людей стало поводом для самых разных, в том числе фантастических, предположений. Разумно было допустить, что топографы стали жертвами беглых заключенных. Возможно, их убили, а потом ограбили, скрыв тела и все следы пребывания бригады. Но в тот период беглых в розыске не было, о чем сообщали органы юстиции. Некоторые предпологали, что бригаду могли уничтожить диверсанты с целью получения документов для легализации в нашей стране. Кто-то даже высказал мысль, что все пропавшие были завербованы соответствующими службами враждебных стран и, выполнив необходимое задание, покинули территорию СССР. Загадочное исчезновение инженера Бориса Герасимова, техника Боброва и двух рабочих осталось неразгаданной тайной, но очевидно, что к этой трагедии были причастны какие-то злоумышленники.

Нахожу на карте речку Гарь. На ее берегу расположен поселок с таким же названием. Здесь много лет работали советские геологи, которые исследовали ближайшую территорию. Геологическая экспедиция, закончив работу, уехала, но некоторые люди не захотели покидать эти места и остались на постоянное место жительства. Для нашего предприятия этот поселок имел особое значение. Здесь были хорошие покосы, и мы по договору найма привлекали местных жителей для сенозаготовки на нужды экспедиции. Все население поселка занималось промыслом пушного зверя, другой работы не было, поэтому нам помогали с большим желанием. Чтобы не доставлять сено в город Свободный, мы перегнали весь наш табун лошадей в поселок. Для постоянного ухода за ними был принят на постоянную работу один из местных жителей. Я любил посещать это место. Когда позволяло время, брал литовку и вставал в строй косарей, иногда с удовольствием рыбачил или охотился на боровую птицу.

В этом районе работала строительная партия Владимира Ивановича Гаськова. Работы по возведению триангуляционных пунктов продвигались не так скоро, как хотелось бы. Значительная площадь производственного участка была покрыта марями, поэтому строительные бригады с большим трудом передвигались по заболоченной местности. Здесь оказалось мало доброго леса, годного для постройки знаков, и часть строителей была вынуждена постоянно заниматься заготовкой и доставкой качествен-

ного стройматериала. Ко всему прочему неожиданно добавилась еще одна напасть.

Владимир Иванович по радиции сообщил мне о том, что одну из строительных бригад буквально осаждает медведь. Каждую ночь он близко подходит к лагерю, задрал уже двух собак. Строители отказываются работать и требуют принять меры.

Я был знаком с охотником-медвежатником, который постоянно проживал в поселке. Звали его Петр Иванович, мы несколько раз приглашали его на работу в качестве проводника, но он всегда отказывался, ссылаясь на годы и слабое здоровье. В тот же день я вылетел в Гарь на вертолете, нашел Иванoviча и изложил ему суть дела. Выслушав меня, он сразу засобирился: взял ружье-переломку, небольшую котомку, куда положил сухари и сало. Потом надел сапоги, подозвал свою собаку и был готов к охоте на медведя. На вертолете минут за сорок мы долетели до бригады строителей. Вблизи лагеря не было хорошей площадки для посадки, поэтому пилот посадил машину в двух километрах от табора. Петр Иванович был впечатлен расстоянием, которое преодолел вертолет за столь короткий срок. «Так-то что по тайге не ходить!» – сказал он, когда мы спустились на землю.

Я хотел вместе с охотником дойти до лагеря, но пилот сказал, что необходимо улетать сразу, так как скоро стемнеет. Тогда я написал записку, что работы останавливать ни в коем случае нельзя, а Петр Иванович прибыл, чтобы обеспечить безопасность людей.

Спустя двое суток Гаськов вышел на связь и сообщил, что отправленный мной охотник мастерски справился с поставленной задачей и проучил агрессивного зверя.

С Петром Ивановичем мы договорились, что, как только он покончит с медведем, я незамедлительно доставлю его назад воздушным транспортом. Мне очень любопытно было узнать подробности этой охоты, и я лично отправился за охотником. Посадив вертолет на той же поляне, вместе с пилотом мы добрались до лагеря.

Медведь был уже разделан, его голову грызла собака Иванoviча. Бригада занималась постройкой триангуляционного пункта, а наш охотник сидел у костра и пил чай. Мы тоже наполнили кружки ароматным напитком, богато сдобренным таежными травами.

«Дурной медведь оказался, – начал рассказывать Петр Иванович. – Вокруг лагеря все кругами ходил, тропу даже набил. Я решил взять его на приваду. Собаку привязал, чтоб не мешала, а сам взял три банки тушеного мяса, вскрыл их и на тропе под мох припрятал. Медведь далеко запах чует. Теперь думаю, куда самому спрятаться. Деревьев кругом нет – одни куцые елки да березки растут; каменюк, буреломов тоже нет. Подосадовал на себя, что неверно место для привады выбрал, зря только тушенку извел, и пошел было назад в лагерь. Вдруг слышу: идет кто-то. Оглянулся – а медведь уже рядом! Не таясь и не прячась, напрямки к мясу выскочил и, на меня не глядя,

давай мох ворошить. Видать, голодный очень. Я и думать не стал, ружье вскинул и дал ему под лопатку. Удачно выстрелил. Он в сторону отскочил и издох сразу. Дурной медведь, я же говорю».

«Чем же мы тебе обязаны за услугу, Петр Иванович?» – выслушав рассказ, спросил я его. «Табачком бы разжиться, а больше мне ничего не надо», – отвечал он.

Я пообещал доставить папиросы с первой оказией, еще раз поблагодарил Ивановича и вновь предложил ему остаться с бригадой в качестве проводника. «Я свои тропы истоптал и на седьмом десятке уже сил не имею за молодыми угнаться», – с грустью произнес он.

Вот и мне уже давно за шестьдесят. С высоты прожитых лет я теперь хорошо понимаю чувства старого охотника. Впрочем, унынье – грех. В любом возрасте необходимо приносить пользу обществу и в творческом энтузиазме искать удовлетворение от проделанной работы. Не это ли настоящее счастье?

Ищу на карте Амурско-Зейскую таежную равнину. Вот хребет Джагды, на склонах которого берет начало река Нора. Скатываясь с хребта, она разливается по равнине, огибая множество болот и озер, впадает в более полноводную реку Селемджу. Неоднократно доводилось мне на лодке с навесным мотором или на долбленке путешествовать по водам речки Норы.

Долбленка – это лодка, сделанная из деревянной колоды. Специальным плотничьим топором колоде придается нужная форма, а изнутри выбирается древесина. Таким образом формируется днище и борта этого маломерного судна. Борта распирают на необходимую ширину, просушивают на костре и, наконец, покрывают готовую лодку дегтем. Долбленки очень легкие по весу, их без труда можно переносить по тайге или труднопроходимой заболоченной местности. В непогоду под долбленкой можно укрыться от дождя или града, к чему я неоднократно прибегал во время инспекционных поездок. Из-за небольшого погружения в воду такая лодка может ходить по любым таежным речкам и позволяет преодолевать пороги. Но требуется определенная сноровка, чтобы управлять долбленкой. Обычно пользуются одним большим веслом, а на небольшой глубине ходят на шесте.

Настоящим мастером по изготовлению долбленок был Василий Матвеевич Наumenко, который со своей супругой проживал на метеостанции, находившейся в устье речки Меун. Его дом с приусадебными постройками располагался в живописном месте на берегу реки в окружении нетронутой тайги. Раз в месяц на метеостанцию прибывала моторная лодка, доставляя самое необходимое для проживания в условиях дикой природы. В основном это была мука, соль, спички, керосин, порох. Иногда Наumenко сам выбирался на Большую землю для покупки необходимых вещей и обмундирования. В зимний период Василий Матвее-

вич занимался промысловой охотой, в чем ему помогали две крупные лайки, которых он называл не иначе как своими кормилицами. Кроме собак в хозяйстве Наumenко были коровы, две лошади, курицы, утки. На большом приусадебном участке выращивался картофель, лук, морковь, свекла и другие овощи. С большим удовольствием Василий Матвеевич встречал работников нашей экспедиции, радушно приглашал посетить баню, оставлял на отдых измотанных рабочих и инженеров. По договору найма он изготовил шесть долбленых лодок для нашего предприятия. Эти лодки с успехом использовались строителями и геодезистами в течение нескольких лет.

Я любил посещать усадьбу Наumenко, иногда специально навещался к нему в гости, привозил нехитрые гостинцы и подолгу разговаривал с Василием Матвеевичем. Он был прекрасный собеседник, обладающий широким кругозором и остроумием. Два десятилетия назад мне казалось странным, что такой развитый человек живет затворником в такой глуши. Но сейчас я, пожалуй, и сам бы променял все блага цивилизации на гармоничное существование в условиях дикой природы.

Административно-хозяйственная работа гораздо менее насыщена событиями, достойными описания. Однако должность начальника экспедиции позволяла мне понимать масштабы и темпы выполняемых работ. Уже в те годы я прекрасно понимал, что эти дикие просторы ждет великое преобразование. И теперь я с гордостью думаю о том, что работа всего коллектива нашей экспедиции стала фундаментом для начала одной из самых масштабныхстроек в мире. Это большое дело навсегда сроднило тысячи людей, объединило судьбы нескольких поколений. Уверен, что потомки оценят наши старания, дадут должную оценку энтузиазму советских тружеников.

Восемь полных лет отработала наша экспедиция на просторах Дальнего Востока. Это были самые плодотворные годы моей работы. Объемы работ, которые нам удалось выполнить за это время, в разы превышали самые смелые фантазии инженеров прошлого. Раньше освоение новых территорий растягивалось на многие десятилетия. Но в новейшее время благодаря увеличению производительности труда и массовому вовлечению советских людей в производственный процесс за короткий срок полностью исследована и нанесена на карту необжитая площадь нашей страны, превышающая территорию многих государств.

Эту мысль я высказал на собрании трудового коллектива, посвященном завершению полевого сезона в 1962 году. Это был последний год работы нашей экспедиции на Дальнем Востоке.

1. Реорганизация экспедиции

В начале 1962 года началась реорганизация экспедиции № 88. Большая часть инженерно-технических кадров нашего предприятия не захотела покидать Дальний Восток и была переведена в 48-ю и 108-ю экспедиции, не менявшие место дислокации. Оставшаяся часть работников переехала со мной в Иркутск.

В числе прибывших сотрудников были заместитель по административно-хозяйственной части Евгений Адамович Ростек, главный бухгалтер Тимофей Викторович Пацюра, старший радист Владимир Валентинович Михайлов, начальник партии Владимир Гаврилович Прилепский и другие.

Главный инженер Василий Дмитриевич Максимов в 1962 году закончил свой трудовой путь и по возрасту выбыл на пенсионный отдых. Нам было грустно провожать ветерана геодезии, и Василий Дмитриевич очень волновался, расставаясь с производством, которому посвятил всю свою жизнь. Одновременно с ним вышла на пенсию и его супруга Клавдия Ивановна Цепке, проработавшая много лет в экспедиции бухгалтером. Ее безупречный труд был неоднократно отмечен грамотами и премиями. Максимовы не остались на Дальнем Востоке – уехали в Иркутск на постоянное место жительства, где предприятие выдало им благоустроенную квартиру.

88-я экспедиция была усилена отдельно действующей партией, возглавляемой Петром Викуловичем Богомоловым. С 1959 года ОДП выполняла все астрономо-геодезические работы ВостСибАГП. Это объединение позволило нашему предприятию осуществлять более ответственные производственные задания. Теперь кроме триангуляции и нивелирования экспедиции было поручено выполнять астрономические определения и базисные измерения. Богомолов получил должность главного инженера экспедиции. С Петром Викуловичем мы давно были знакомы, я знал его как грамотного и опытного специалиста, умелого организатора, надежного товарища с высокими моральными принципами. Неудивительно, что Петр Викулович пользовался заслуженным авторитетом в трудовом коллективе.

Реорганизация 88-й экспедиции совпала с переименованием предприятий Главного управления геодезии и картографии. Ранее в названиях аэрогеодезических предприятий был указан шифр, характеризующий их территориальное расположение, но с 1962 года они стали номерными. Так, наше Восточно-Сибирское аэрогеодезическое предприятие Главного управления геодезии и картографии стало называться предприятие № 1 ГУГК с сохранением места дислокации в Иркутске.

2. Комплектование кадров

Прошло ровно десять лет с того времени, когда нам с Зуевым было поручено организовать и возглавить новую экспедицию. И вновь мне пришлось заниматься теми же вопросами в связи с реорганизацией предприятия. Впрочем, это не вызывало тревоги. Имевшийся у меня и у Богомолова опыт позволил в короткий срок сформировать обновленный линейный аппарат экспедиции, а также его полевой состав.

На работу были приняты выпускники вузов и техникумов, приглашены специалисты из других аэрогеодезических предприятий. В соответствии с полученным заданием специалисты всех уровней обеспечивались техническими материалами, инструментами, приборами, необходимым снаряжением и транспортом.

Была сформирована одна геодезическая партия, которую возглавил Александр Павлович Манченко, и две строительные партии, руководимые Владимиром Гавриловичем Прилепским и Василием Михайловичем Губаревым. Бригады астрономических определений и базисных измерений не входили в состав созданных партий, их техническое руководство осуществлял главный инженер Богомолов.

В 1963 году объемы работ экспедиции значительно выросли, поэтому увеличился и штат инженерно-технических работников. Вновь сформированные геодезические и рекогносцировочно-строительные партии возглавили Анатолий Федорович Ткач, Николай Александрович Немчинов, Николай Петрович Баженов, Юрий Иосифович Мякишев, Алексей Афанасьевич Киселев.

В том же году главный инженер П. В. Богомолов был переведен в управление предприятия № 1, а на его место назначен Леонид Григорьевич Комаров. Начальник административно-хозяйственной части Е. А. Ростек перевелся в 48-ю экспедицию на должность заместителя начальника. Свое хозяйство Евгений Адамович передал назначенному на его место инженеру Сергею Павловичу Смирнову.

Сильный коллектив удалось собрать нашему главному бухгалтеру. Галина Сергеевна Серпухова, Галина Яковлевна Претус, Антонина Петровна Кочнева работали честно, по-деловому, всегда были доброжелательны ко всем работникам экспедиции, обеспечивая своевременную и качественную финансовую отчетность.

Елена Ивановна Пономарева, техник по учету секретных документов и нарезного оружия, очень ответственно подходила к порученному делу и за время своей работы не допустила ни одного огреха.

Радиослужбу возглавлял многоопытный Владимир Валентинович Михайлов.

Агент по снабжению Леонид Иванович Скушников прекрасно справлялся со своими обязанностями.

Автомеханик Валерий Полетаев осуществлял организацию ремонта и обслуживания автотранспорта экспедиции.

С большой теплотой вспоминаю Антонова Володю, нашего заведующего складским хозяйством. Его трудолюбие, аккуратность и честность были примером для всех материально ответственных работников.

Должность инспектора отдела технического контроля занимала Клавдия Даниловна Шмакова.

Леонид Васильевич Варфоломеев был заместителем главного инженера по охране труда и технике безопасности. Фронтвик, прошедший всю войну, он начал трудовой путь в топографической службе рядовым строителем триангуляционных пунктов. После обучения на курсах работал радистом в полевых бригадах. Позднее окончил Томский геодезический техникум и возглавил отдел охраны труда. Леонид Васильевич – человек тактичный и скромный, но вместе с тем принципиальный. Он был требователен к лицам, нарушающим требования безопасности, и всегда добивался от руководства предприятия полного обеспечения полевых бригад средствами защиты и спецодеждой. Неудивительно, что его очень уважали в коллективе.

Непосредственные руководители строительных, геодезических и астрономических бригад, как всегда, вносили самый значительный вклад в общее дело. Все наши инженеры, прорабы и техники были хорошими специалистами и надежными организаторами.

Бригадами по астрономическим определениям руководили Алексей Афанасьевич Киселев, Александр Иванович Девятков, Юрий Николаевич Емельянский, Александр Анатольевич Богданов. Отдельно хочу сказать о Богданове. В первый год он отработал помощником астронома, освоив все премудрости этой специальности. В дальнейшем Александр стал ведущим специалистом в этой области, заменив ветеранов астрономических работ.

Руководителями бригад по базисным измерениям являлись Ольга Ивановна Слепко, Анатолий Федорович Ткач, Дмитрий Федорович Радковец, Анатолий Степанович Жукалин, Евгений Раговецкий, Петр Савицкий.

Бригады по наблюдениям пунктов триангуляции возглавляли Юрий Иосифович Мякишев, Николай Павлович Гривцов, Виктор Сибирцев, Петр Попков, Алексей Пятаков, Вениамин Поклин, Алексей Шугаев, Михаил Губин, Виктор Ерохин, Николай Рубцов, Николай Пономарев, Тамара Матюкова, Анатолий Белоусов, Виктор Курушин.

Руководство строительными отрядами осуществляли Петр Аброськин, Валерий Ежов, Николай Яковлев, Василий Пониматко, Николай Немчинов, Илья Немчинов, Николай Иванов, Иван Тетерин, Ефим Беспалов, Иван Лаптев, Владимир Рационов, Ру-

дольф Шешин, Петр Ульзутцев, Владимир Ляпунов, Николай Елистратов, Виталий Шихов, Вячеслав Титов, Павел Малых, Анатолий Кондыбин, Григорий Мельников, Иван Баженов, Алексей Шугаев.

Производство нивелирования третьего и четвертого классов с закладкой реперов производили Анатолий Белоусов, Элеонора Белоусова, Петр Ружников, Виктор Федоткин, Сергей Кузнецов.

Нельзя не упомянуть о старейшем работнике топографической службы Григории Кондратьевиче Голловатом. Большую часть жизни он служил в военно-топографических частях Красной армии. Богатый опыт военного топографа Григорий Кондратьевич успешно применял при постройке высоких геодезических знаков. Ему принадлежит рекорд возведения самого высокого триангуляционного пункта – 50-метрового.

Вычислительную группу по обработке полевых материалов возглавляла Элеонора Ухова. Через ее руки прошло множество молодых специалистов, начинавших свой трудовой путь в качестве вычислителей или проходивших производственную практику на нашем предприятии.

3. Объекты производства работ. Внедрение новой техники

Экспедиция № 88 с 1962 года получила статус специализированного подразделения предприятия № 1 по основным геодезическим работам. В целях создания плановой и высотной основы для производства карты масштаба 1:25000 были определены объекты производства работ для нивелирования и построения триангуляционных сетей второго и третьего классов.

В первые два года объекты работ нашей экспедиции располагались на территории Южного Прибайкалья, возле хребта Хамар-Дабан в бассейнах рек Селенги и Джиды. Базы двух партий располагались на станции Танхой в селах Тарей и Баянгол, а три оставшиеся партии базировались в Иркутске.

В 1964 и 1965 годах большая часть работ экспедиции была сосредоточена на Жигаловском объекте в бассейне рек Лены и Илим. Базы партий в эти годы располагались в поселке Жигалово, в деревнях Коношаново, Кочерга, Орлинг и Молодежное. При этом в Жигалове располагались склады нашей экспедиции и под руководством Прилепского был построен большой дом, который использовался в качестве общежития для работников, временно прибывающих на объект производства. Здесь же располагалась баня, радиорубка и административно-хозяйственное помещение. Арендованный вертолет нашей экспедиции получил место временного базирования на Жигаловском аэродроме местных авиалиний.

В 1962 году наша экспедиция одной из первых получила новый отечественный прибор ЗОД-1. Необходимо было испытать работу этого светодальномера в полевых условиях, дать отзыв о его достоинствах и недостатках. Принцип работы прибора состоял в том, что он отправлял световой сигнал в заданную точку и тем самым довольно точно измерял расстояние от места своего положения. Полевые и производственные испытания ЗОД-1 я поручил инженеру Ольге Ивановне Слепко и радиотехнику Ивану Ивановичу Беднякову. Они стали пионерами в деле внедрения самых прогрессивных и передовых советских технологий. В течение трех месяцев Слепко и Бедняков работали с новым оборудованием и показали высокую точность результатов измерений.

Уже в следующем, 1963 году партии нашей экспедиции были оснащены светодальномерами и радиодальномерами, что позволило значительно увеличить производительность труда. А в 1964-м все подразделения экспедиции полностью перевооружились и навсегда отказались от использования инварной проволоки* при измерении базисов. Я сам неоднократно испытывал работу светодальномера в разных условиях и убежден в том, что будущее геодезии за этим прогрессивным оборудованием, которое в скором времени полностью заменит оптические приборы.

В 1965 году вычислительная группа нашей экспедиции в дополнение к счетным линейкам и арифмометрам получила электронно-вычислительную машину, оснащенную программой, с помощью которой осуществлялась предварительная обработка полевых данных.

Работа с ЭВМ позволила сократить штат инженеров вычислительной группы, что уменьшило себестоимость работ, снизив прямые затраты. Освободившиеся специалисты были направлены в полевые партии экспедиции, благодаря этому значительно увеличилась производительность всего предприятия.

4. Завершение моей трудовой деятельности в экспедиции

За период с 1962 по 1965 год экспедиция имела хорошие производственные результаты как в натуральных показателях, так и в себестоимости. Все виды основных геодезических работ выполнялись в срок и на должном техническом уровне. Экспедиция как специализированное подразделение полностью оправдала свое назначение. Не вижу необходимости вдаваться в подробности производства работ, хочется лишь отметить, что за эти годы не было никаких несчастных случаев и трагических эпизодов.

* *Инварная проволока* – мерная лента, используемая в геодезии для измерения линейных расстояний. Изготавливается из сплава железа и никеля (инвара), который обладает низким коэффициентом температурного расширения.

Я уже говорил о том, что для нормальной организации работы экспедиции не хватало производственных площадей. Поэтому в Иркутске на улице Радищева было построено большое деревянное здание, позволившее к весне 1963 года разместить в нем административно-хозяйственные помещения нашего предприятия. Там же оборудовали гараж, ремонтно-слесарную мастерскую и кочегарку для обеспечения отопительной системы. Была пробурена скважина глубиной семьдесят метров. Ее оборудовали насосами, расположив их внутри небольшой башни. Благодаря этому производился забор воды на технические и бытовые нужды. Кроме этого, на территории новой базы построили карто-пленочное хранилище.

1 февраля 1966 года я написал заявление с просьбой освободить меня от занимаемой должности начальника экспедиции по состоянию здоровья. Просьбу мою удовлетворили, а новым начальником предприятия назначили Леонида Григорьевича Комарова.

После 14 лет в экспедиции мне нелегко было покидать ставшее родным предприятие, но состояние здоровья не позволяло более с полной отдачей сил выполнять необходимую работу. Я перевелся в 6-ю экспедицию предприятия № 1 на должность старшего специалиста по геодезическим работам. В дальнейшем я с большим удовольствием встречался с коллегами 88-й экспедиции (которую в 1966 году переименовали в 8-ю экспедицию), ездил к ним в гости, созванивался, искренне радовался их успехам.

В 1969 году в честь 50-летия со дня подписания В. И. Лениным Декрета об учреждении Высшего геодезического управления экспедиция № 8 была награждена Почетной грамотой Верховного Совета РСФСР за достигнутые успехи в развитии топографо-геодезического и картографического производства.

В январе 1971 года 8-я и 2-я экспедиции были объединены в одно предприятие, получившее название – отдельная экспедиция № 2. Признаться, мне и поныне жаль утраченного номера. Но радует тот факт, что многолетние традиции нашего предприятия сохранены и поныне, руководители и специалисты всех уровней помнят историю экспедиции, не забывая о старшем поколении, за что я выражаю им свою благодарность.

ТЕТРАДЬ ТРИНАДЦАТАЯ 6-я ЭКСПЕДИЦИЯ. 1966–1969 годы

1. Кадровый состав

Экспедиция № 6 базировалась на железнодорожной станции Большой Луг, расположенной в 37 километрах от Иркутска, и до 1966 года была занята только на производстве топографических работ. Но было

принято решение расширить профиль предприятия. Новое производственное задание предусматривало в дополнение к топографическим работам построение триангуляционных сетей второго-третьего классов и нивелирование всей площади с закладкой реперов.

Для успешного решения поставленных задач из 8-й экспедиции прибыла в полном составе строительная партия, возглавляемая Владимиром Гавриловичем Прилепским. Вновь заработали курсы младших техников-строителей геодезических знаков; приглашались на работу выпускники среднетехнических и высших учебных заведений, а также студенты для прохождения производственной практики.

Из числа действующих работников экспедиции были отобраны лучшие специалисты и направлены на производственные участки для выполнения рекогносцировки пунктов триангуляции. В число этих инженеров входили Алексей Александрович Богатов, Борис Павлович Мирончук, Виктор Васильевич Солдатенко, Михаил Павлович Максимов, Виктор Иванович Бушанов, Юрий Михайлович Жевтовский, Леван Павлович Турманули. Остальных специалистов перевели на должности геодезистов и наблюдателей с пунктов сетей триангуляции.

Предприятие быстро развивалось, и уже в 1967 году были сформированы четыре полноценные геодезические партии. В короткий срок 6-я экспедиция получила статус комплексной, где сложился по-настоящему боевой коллектив, способный решать производственные задачи любой сложности.

Мои служебные обязанности заключались в контроле за выполнением всех видов геодезических работ как в полевых условиях, так и при обработке данных, в межсезонный период. Кроме того, я помогал руководителям подразделений экспедиции в организации подготовительных работ, которые являются фундаментом успеха всего дела.

Мне очень нравилась новая должность: избавившись от административно-хозяйственной нагрузки, я сконцентрировался на решении только технических вопросов. Смею думать, что мое участие в производственных процессах 6-й экспедиции плодотворно сказалось на работе всего обновленного коллектива.

Хочется особо подчеркнуть, что руководством экспедиции большое внимание уделялось организации безопасного труда и достойного быта работников в полевых условиях. Благодаря инициативе начальника экспедиции В. Г. Векшина и главного инженера В. И. Голощапова база в поселке Большой Луг преобразилась: были построены новые удобные производственные и административно-хозяйственные помещения.

Уделяли внимание и социалистическому соревнованию среди всех подразделений. Люди работали увлеченно, с огоньком, решая производственные задачи с творческим энтузиазмом.

2. Объекты производства работ

Объекты работ 6-й экспедиции по созданию карты масштаба 1:25000 располагались на территории Иркутской области в бассейнах рек Лены и Илим, а также в Красноярском крае в бассейнах рек Подкаменной Тунгуски и Чуни. При этом в Иркутской области производились только топографические работы, а в Красноярском крае необходимо было выполнить весь комплекс полевых работ, поэтому основное производство осуществлялось в пределах Эвенкийского национального округа.

Характерной особенностью северных районов Красноярского края является мощный слой вечной мерзлоты, который незначительно протаивает в летний период. В связи с этим растительность здешней тайги сильно уступает по своему разнообразию таежным просторам южных широт того же Красноярского края: хвойные породы леса низкорослы, стволы их менее прогонисты, а слабая корневая система не обеспечивает надежной устойчивости перед сильными порывами ветра.

Равнины в эвенкийской тайге сплошь покрыты болотами, площадь которых достигает нескольких десятков гектаров. Хорошо всхолмленный, или резко выраженный, рельеф создает густую сеть малых и больших таежных речек. Эти реки, как правило, очень рыбные: много здесь хариуса, который имеет темный окрас и довольно крупный по размерам; ловится также таймень, ленок, карась, окунь и щука.

Северная тайга богата разным промысловым и пушным зверем. Впрочем, в этих краях мне уже не доводилось видеть кабаргу, кабана и косулю, ареал обитания которых южнее, ближе к Ангаре. Также в данной местности много рябчиков и глухарей, но мало тетеревов; в большом количестве здесь обитают утки, встречаются перелетные гуси и журавли отдельными парами.

Населенные пункты в Эвенкии редки и малочисленны. Так, на первом нашем объекте, размером 250 на 170 километров, имелось всего четыре поселка: Ванавара, Оскоба, Муторай и Стрелка-Чуны.

Основным видом транспорта в этих краях является малая авиация. Для легкомоторных самолетов и вертолетов взлетно-посадочными полосами служат естественные площадки без искусственного покрытия. Дорог в обычном понимании вообще нет, поэтому сухопутное сообщение осуществляется по таежным тропам. Как транспортные артерии в Эвенкии используются реки. Летом местные жители ходят по ним на лодках-долбленках, а зимой преодолевают значительные расстояния на собачьих и оленьих упряжках.

Поселок Ванавара являлся относительно крупным населенным пунктом, районным центром. Здесь была администрация, почта, школа, фельдшерский пункт. Остальные же поселки состояли всего из 20–30 до-

мов. Жили в них эвенки, якуты и русские. Основной вид их хозяйственной деятельности – охотничий и рыбный промысел, а также оленеводство. Еще в поселках работали небольшие фермы по разведению черно-бурых лисиц.

В первые два года работы в Эвенкии наше предприятие имело производственные базы в поселках Ванавара и Оскоба. Впоследствии, продвигаясь с работой на север, базы перенесли в населенный пункт Тура, расположенный на правом берегу реки Нижняя Тунгуска.

3. Организация и производство работ

Материальная база всех геодезических предприятий с каждым годом становилась все богаче, что значительно облегчало труд исполнителей всех видов полевых работ. Особенно большое внимание в те годы уделялось обеспечению транспортом каждого подразделения экспедиции.

В централизованном порядке бригады обслуживались вертолетами Ми-1 и Ми-4, которые арендовались для оперативной перевозки грузов и доставки работников с одного объекта на другой. Использовались и легкомоторные самолеты, доставлявшие продукты и необходимое снаряжение в полевые бригады. Там, где не было возможности организовать безопасную посадку самолетов, груз сбрасывался в указанном квадрате. Также экспедиция получила несколько гусеничных тракторов и АТЛ (артиллерийский тягач легкий) с хорошей проходимостью в условиях таежного бездорожья. Впрочем, в особенно заболоченной местности по-прежнему приходилось пользоваться гужевым и вьючным транспортом. В ходу были весельные деревянные и резиновые лодки, а также плоты. В достаточном количестве экспедиция была оснащена навесными лодочными моторами мощностью от десяти до двадцати пяти лошадиных сил.

В 1967 году руководством экспедиции была сформулирована задача: выяснить, какой из используемых на предприятии видов транспорта дает наибольший экономический эффект. С целью решения этого вопроса был проведен эксперимент. Строительные бригады партии Пониматко были обеспечены вездеходами и тракторами, а бригады партии Прилепского – арендованным вертолетом Ми-4. Задание на полевой сезон каждой партии выдали одинаковое, объемы выполняемых работ тоже были равные, производственные участки находились рядом друг с другом, и выполнять работу предприятия начали в одно время.

После завершения полевого сезона был произведен анализ, который показал, что прямые затраты на постройку одного триангуляционного знака с использованием разных видов техники оказались примерно равными и составили около пяти тысяч рублей. Однако партия Прилепского закончила свои работы на месяц раньше. Следовательно, воздушный транспорт при использовании в работе показал более высокую эконо-

мическую эффективность, и в дальнейшем руководство экспедиции старалось именно его арендовать для доставки людей и грузов.

Большое внимание на предприятии уделялось оснащению всех полевых бригад портативными радиостанциями и радиоприемниками. Теперь руководство партий и экспедиции имело объективную информацию о ходе выполнения работ на всех участках, появилась возможность формировать долгосрочные планы и оперативно решать любые производственные задачи.

Наличие связи и возможность скорой доставки необходимого груза позволяли работникам полевых бригад не брать с собой запас продуктов на длительный срок, оставлять часть инструментов и материалов на базах своих партий, что значительно облегчало их труд.

4. Полевые работы

Когда наступила весна, все подразделения экспедиции приступили к реализации утвержденных планов в соответствии с графиком. Первыми покинули расположение производственных баз бригады рекогносцировки, за ними выдвинулись строители опорных пунктов сети триангуляции.

На меня возлагалась роль технического руководителя строительных и геодезических партий. Я осуществлял контроль качества всех видов работ, выполняемых подразделениями экспедиции в Эвенкийском национальном округе.

Поселок Оскоба расположен в живописном месте на правом берегу реки Подкаменная Тунгуска. Здесь была сформирована база строительной партии В. И. Пониматко, которая состояла из складских помещений, слесарной мастерской, радиорубки, столовой и общежития для работников партии. В качестве административно-хозяйственных помещений использовали два нежилых дома.

Прибыв в Оскобу, я арендовал небольшой дом и вызвал семью на летний период. В начале июня ко мне в поселок приехала моя жена с двумя сыновьями. Николаю на тот момент исполнилось 16 лет, он окончил девятый класс, и я зачислил его в штат экспедиции на должность рабочего на контроле полевых работ. Младший сын Александр, одиннадцати лет, остался с моей женой в поселке, где нашел новых друзей в лице деревенских ребят. Все лето он занимался охотой, рыбалкой, сбором грибов и ягод; кроме того, Саша научился здорово плавать, управлять лодкой с мотором и ездить верхом.

Николай сопровождал меня в инспекционных походах на объекты производства работ. Если приходилось задерживаться в полевых бригадах на несколько дней, он помогал геодезистам при нивелировании, участвовал в строительстве сигналов и транспортировке грузов полевых бригад при их перемещении на другие объекты. Нам приходилось

передвигаться на лошадях, на моторной лодке, использовать воздушный транспорт, но нередко от одного производственного участка к другому мы шли пешком. Я был очень рад работать вместе с сыном, и не только из-за своих отеческих чувств.

Таежный быт воспитывает характер и волю молодого человека, закаляет его организм. Вдали от цивилизации люди понимают цену каждому куску хлеба, любой вещи, которую невозможно купить, найти или изготовить в тайге. Работа в полевых условиях характерна тем, что человек каждую минуту занят делом. Необходимо уметь обслужить самого себя, чтобы не быть обузой для окружающих. Добыть дичь, поймать рыбу, найти и натаскать воду, собрать дрова, разжечь костер, приготовить ужин, обустроить ночлег, просушить вещи, не спалив их на огне, – все это занимает значительную часть времени и требует определенной сноровки. Любой вид деятельности является частью всего производственного процесса, поэтому каждый работник должен иметь навыки обустройства полевого быта.

Я делился с Николаем своим опытом, с удовольствием наблюдая за тем, как из подростка он превращается в самостоятельного юношу. Спустя месяц нашей совместной работы Николай уверенно ухаживал за лошадьми, сноровисто обустроивал лагерь для ночлега. Каждую минуту свободного времени он использовал для охоты или рыбалки.

Однажды мы остановились на короткий привал, и я принялся варить манную крупу. Эта каша готовится быстро, что особенно ценно в походных условиях. Николай срубил себе удилище и закинул снасть в ближайшей речушке. Не успела закипеть вода, а он уже поймал двух крупных хариусов, которых мы тут же запекли в углях и с большим аппетитом съели. После обеда я позволил себе немного отдохнуть, а Николай ушел в чащу и сумел подстрелить трех рябчиков, чем заранее обеспечил нам добрый ужин.

В те дни я был доволен, что Николая не приходится подгонять, указывать на необходимость сделать что-либо. Он был готов самостоятельно принимать решения, а это означало, что сын мой в скором времени будет готов к взрослой жизни.

Однажды Николай увлекся охотой на рябчиков и заблудился. Я понял это примерно через два часа после того, как он покинул табор. Начало смеркаться, а сына все не было. Я несколько раз громко позвал его и, не дождавшись ответа, дважды выстрелил из ружья. Спустя полминуты я услышал эхо ответного выстрела – километрах в трех от меня. Пришлось доставать ракетницу и подавать световой сигнал незадачливому охотнику. Спустя минут двадцать Николай, тяжело дыша, вернулся к табору. Он все еще был напуган и явно ожидал, что я буду ругать его за неосмотрительность. Но я лишь пошутил над его внешним видом и дал несколько советов, как

необходимо ориентироваться по сторонам света. То, что излишняя опека вредит воспитанию детей и подростков, – факт известный.

Сейчас, разглядывая фотографии сыновей, я с гордостью думаю о том, что все они стали достойными членами нашего общества. Окончив высшие военные училища, и старший Владимир, и средний Николай, и младший Александр – офицеры Советской армии.

Первый мой полевой сезон в 6-й экспедиции прошел удачно: не было никаких простоев, обошлось без несчастных случаев, работа была закончена с хорошими производственными показателями. Это был один из лучших периодов в моей полевой жизни. Появилась возможность уделять достаточно времени своей семье, так как довольно часто приходилось посещать базу партии в поселке Оскоба. Несколько раз я брал с собой в походы на моторной лодке, а также верхом своего младшего сына Александра.

Воспоминания о том времени греют мою душу, и оба сына с удовольствием вспоминают дни, когда они проходили курс «таежного университета».

5. В западне

В середине лета 1967 года я находился с инспекцией в строительной бригаде техника Бережного. Бригада работала в труднопроходимой заболоченной местности, а в качестве основного транспортного средства использовался АТЛ. Этот тягач отличался хорошей проходимостью, мог взять достаточно груза, а лебедку, установленную на нем, приспособили для подъемных и монтажных работ при строительстве знаков. Два очередных триангуляционных пункта соответствовали всем требованиям, акты приемки мной были подписаны, и бригада собиралась следовать дальше на север.

Я по радиостанции вышел на связь с базой строительной партии Прилепского и вызвал вертолет. Меня заверили, что Ми-4 прибудет на другой день. Его следовало ожидать на берегу реки Кербо, для этого следовало выбрать свободную от деревьев горизонтальную площадку и выставить белый флаг в качестве ориентира для пилота. До речки надо было идти около десяти километров, поэтому я сразу собирался, а техник Бережной попросил меня забрать с собой двух работников.

Один из рабочих оказался совершенно непригодным к полевым условиям: он часто болел, не мог работать ни пилой, ни топором. Нельзя было сказать, что рабочий этот был тунеядцем, но любое дело, которое ему поручали, он не мог довести до конца. В бригадах оплата труда производилась на сдельных условиях по утвержденным расценкам, и коллектив не захотел иметь на балансе человека, не

способного самостоятельно работать. Поэтому после разговора с техником Георгий, так звали незадачливого рабочего, согласился отбыть на базу партии, где его дальнейшую судьбу должен был решить начальник.

Второй рабочий, Сергей, был, напротив, опытным и энергичным. Имея большие амбиции, он постоянно вмешивался в организационный процесс, оспаривал решения руководителя. Бережной также переговорил с ним с глазу на глаз и предложил покинуть бригаду. Сергей легко согласился, убежденный в том, что его, как грамотного специалиста, с радостью примут в другом коллективе.

Таким образом, сформировался небольшой отряд, который должен был дойти до реки Кербо и, дождавись вертолета, покинуть этот участок. Мы быстро собрались и отправились в путь. На берегу реки сразу обнаружили место, удобное для посадки воздушного судна и годное для нашего табора. Парни срубили высокий шест и установили белый флаг посреди площадки, где должен был приземлиться Ми-4.

Приготовив ужин, мы немного побеседовали и легли спать. Следующий день прошел в ожидании. Когда стемнело, стало понятно, что вертолета не будет. На второй день он опять не прилетел. Парни заволновались. У нас полностью закончились продукты. Я был убежден, что нас не бросят, вертолет обязательно прилетит, но когда это случится, не знал. На третий день закончились папиросы, и Сергей предложил пешком догонять бригаду. Я его понимал: сидеть без дела, без еды и табака для такого активного человека, как он, было сравнимо с телесной мукой.

Я предложил ему попробовать поймать в речке хариуса, используя марлю (других снастей для ловли рыбы у нас не было). Сергей загорелся этой идеей, а я отправился в таежную чащу в надежде добыть рябчика.

Несколько часов я безрезультатно бродил в поисках дичи. Вернувшись к табору, увидел понурых товарищей, которые не смогли поймать рыбы, как ни старались. Вода в речке была прозрачная. Было хорошо видно, как хариус гуляет в своей родной стихии по одиночке и косяками. Но стоило подойти к берегу, как рыба удирала от упавшей на воду тени.

Я зарядил картечь в оба ствола и встал возле берега с ружьем на изготовку. Пришлось простоять без движения минут десять, пока я не увидел, как метрах в трех от меня собрался небольшой косяк хариуса. Я выстрелил, но безрезультатно. Еще три раза я стрелял в воду, и с помощью парней, которые хватили оглушенную или раненую рыбу, удалось добыть несколько средних хариусов. Так мы обеспечили себе хоть какой-то ужин.

За скудной трапезой я предложил ночью отправиться к построенному знаку, где в кедряке можно поохотиться на рябчиков и попробовать набить

шишку. Парни мою идею поддержали, и в начале третьего ночи, освещая путь механическим фонариком, наш отряд выдвинулся к триангуляционному пункту.

С первыми лучами солнца мы пришли в оставленный строителями лагерь, внимательно все осмотрели и нашли полпачки папирос, а также мешок с мукой, подвешенный на дереве. Муки оказалось немного, граммов сто или чуть больше, но настроение улучшилось, и мы приступили к делу. Я отправился в чащу на охоту, а парни, изготовив небольшую колотушку, принялись бить по стволам кедров, сбивая шишку. Охота оказалась удачной: в течение полутора часов мне удалось добыть семь рябчиков и одного глухаря. Парни набили полный рюкзак кедровой шишки. Опасаясь, что вертолет прилетит в наше отсутствие, мы поспешили обратно.

Вернулись в лагерь мы очень уставшими, даже готовить еду не осталось сил. Ясно было, что в наше отсутствие никто не прилетал, и мы легли спать. Голод, впрочем, в скором времени поднял всех на ноги. Мы испекли лепешек, сварили целиком глухаря и наконец-то насытились – впервые за несколько дней.

Прошло еще трое суток. Опять закончились все припасы. Посоветовавшись, мы все же решили идти вслед за бригадой строителей. Я помнил наизусть карту данного участка, рассчитал направление, и по компасу мы выдвинулись ранним утром, надеясь в дороге добыть дичи и выйти на тракторный след, который оставляет АТЛ. К полудню мне удалось добыть двух рябчиков, которых сразу сварили, а ближе к вечеру мы нашли тракторный след и уже уверенно продолжили путь. У меня оставалось девять дробовых и три патрона с картечью – этого должно было хватить, для того чтобы добраться до бригады. Вечером я подстрелил еще одного рябчика, он и стал нашим ужином.

Утром мы продолжили путь в приподнятом настроении, прикинув, что не позднее сегодняшнего вечера должны добраться до строителей. Но все наши надежды разрушились, когда мы вышли к болоту, раскинувшемуся до самого горизонта. Тракторный след пропал, и мы не знали точного направления. Бригада ехала на вездеходе, а нам пришлось бы двигаться по колено, а то и по пояс в воде. Обходить болото, не представляя его площади, было очень рискованно. Мы оказались в западне! Идти дальше было некуда, оставалось только надеяться на то, что за нами все-таки прилетит вертолет.

Обратно к реке наш отряд шел медленно, сил становилось все меньше. Удалось собрать немного грибов, я подстрелил несколько рябчиков, и спустя двое суток мы вернулись в лагерь. Вертолет в наше отсутствие не прилетал...

Я установил жесткие нормы питания и каждое утро уходил на охоту. Оставшиеся патроны я расходовал очень рационально, стрелял только наверняка. В те дни я наверняка мог бы посоревноваться в точности со стрелками-спортсменами из олимпийской сборной! Мы уже потеряли счет дням. Я чувствовал, что организм слабеет, часто кружилась голова. Лица моих товарищей осунулись и почернели.

Когда мы услышали шум мотора и увидели приближающийся вертолет, сил радоваться уже не было. Мы подкинули в тлевший костер сухих дров и принялись варить оставшихся рябчиков. Пилот, посадив машину, нас не торопил, более того, угостил чаем из термоса, достал тушенку и шоколад. Причину столь длительной задержки он объяснил тем, что его машину, как и другие, срочно мобилизовали для тушения пожаров в туруханской тайге. В течение двух недель он работал с пожарными службами, но помнил о нас и постоянно напоминал руководству о том, что его ждут люди.

Насытившись, мы сели в вертолет и уже через полтора часа были в поселке. Я целых три дня приходил в себя, прежде чем смог продолжить работу. Сергей спустя сутки получил направление в другую строительную бригаду, а Георгий уволился по собственному желанию.

6. Необъяснимая гибель товарища

Продолжая работать в 6-й экспедиции в должнос-
сти старшего специалиста по геодезическим рабо-
там, в 1968 году я взял на себя в качестве обще-
ственной нагрузки обязанности инженера по охране
труда и технике безопасности. Поэтому мне при-
шлось участвовать в расследовании трагедии, кото-
рая случилась в строительной партии, возглавляе-
мой инженером Пониматко.

Виктор Павлович Васильченко, являясь ветера-
ном топографической службы, не один десяток лет
отработал в качестве кадрового рабочего – строите-
ля сигналов пунктов триангуляции. Он мог выйти на
пенсию, но не хотел покидать трудовой коллектив,
ставший для него родным. А поскольку по состоянию
здоровья Виктор Павлович уже не мог трудиться на
строительных работах, Пониматко перевел его на
должность кладовщика полевой базы партии, кото-
рая располагалась на правом берегу реки Чуни в
50 километрах севернее поселка Муртай.

Здесь был небольшой сруб, выполнявший роль
складского помещения, и двухместная палатка, где
во время полевого сезона постоянно жил Василь-
ченко. Это был райский уголок сурового Туруханско-
го края. Река была богата самой разнообразной ры-
бой, которую удобно было ловить как с берега на
удочку или спиннинг, так и с помощью сетей. Неда-
леко рос хороший сосняк, где в достаточном количе-

стве обитали рябчики и другая боровая птица. Мест-
ность хорошо освещалась солнцем и продувалась
ветром, который отгонял комаров и мошку. Песча-
ный пологий берег использовался в качестве удоб-
ной пристани для лодочного флота строительной
партии, а также как взлетно-посадочная полоса для
воздушного транспорта.

Виктор Павлович принимал груз, доставляемый
самолетом или вертолетом, хранил его, вел учетную
документацию и передавал работникам строитель-
ных бригад, приплывавшим к нему на моторных лод-
ках. Была у Васильченко и радиостанция, что позво-
ляло ему иметь постоянную связь со всеми подраз-
делениями экспедиции.

Сергей Панченко, тот самый рабочий, с которым
мне пришлось в течение двух недель дожидаться
прибытия вертолета, приплыл на базу Васильченко
на моторной лодке. Он должен был забрать груз, до-
ставленный самолетом за несколько дней до этого.
Но, подплывая к берегу, он сразу заподозрил нела-
дное: никто не вышел к нему навстречу. Шум мотора
по реке слышен на большом расстоянии, и, как пра-
вило, Виктор Павлович встречал прибывавших к
нему гостей.

Сергей предположил, что Васильченко отправил-
ся на охоту, но осмотр палатки только усилил трево-
гу. Пепел в кострище летнего балагана, где готови-
лась пища, оказался холодным. В котелке, накрытом
телогрейкой, тесто, заведенное для лепешек, оказа-
лось прокисшим. Листы настенного календаря три
дня как не отрывались. При этом как в палатке, так и
на складе был полный порядок. Не было следов мед-
ведя или хищения. На месте находилась двустовка,
моторная лодка, рация. Ничего из материальных
ценностей не пропало, отсутствовала только мел-
кашка Виктора Павловича.

Сергей немедленно связался по рации с началь-
ником партии и сообщил об отсутствии Васильченко.
Пониматко распорядился не задерживаться, грузить
все необходимое в лодку и отправляться в свою бри-
гаду.

На другой день на базу Васильченко прибыл вер-
толет с поисковым отрядом, из двух ближайших
строительных бригад приплыли рабочие на лодках.
Поиски возглавил начальник экспедиции Векшин. В
состав поискового отряда были включены замести-
тель главного инженера по технике безопасности,
врач, промысловый охотник и я, как исполняющий
обязанности специалиста по охране труда.

С использованием двух вертолетов, нескольких
лодок, а также отрядов численностью от трех до пяти
человек была тщательно обследована прилегающая
территория в радиусе двадцати километров. Для по-
исков тела под водой использовали тракторные
фары. Тщательно изолировав контакты проводов,
фару крепили к шесту и подавали напряжение от ак-

кумулятора, установленного в лодке. Шест погряз в воду, и дно отлично освещалось. Таким способом была обследована значительная часть речки Чуни и ближайшие притоки.

Спустя несколько дней к розыску подключились милиционеры. Они составили несколько десятков протоколов допроса и осмотра места, но тоже не смогли сделать никаких выводов о причинах исчезновения Виктора Павловича.

Усилия, потраченные десятками человек с привлечением изрядного количества техники, не дали никакого результата. Спустя три недели поиски прекратили. Необходимо было наверстывать упущенное время и уже в авральном режиме выполнять производственное задание.

Необъяснимое исчезновение Васильченко долго обсуждали в коллективе. Многие предполагали, что он по какой-то причине совершил самоубийство и для этого ушел далеко в тайгу. Но я, зная Виктора Павловича как очень жизнерадостного человека, даже представить не мог, что он покончил с собой.

Примерно через полгода стал известен факт исчезновения в этих краях и другого человека. Охотник пропал при схожих обстоятельствах. Известно было, что несколько дней он вместе с собакой находился в своем зимовье и вдруг исчез так же совершенно бесследно. Его долго искали родственники, но безрезультатно. Лишь спустя несколько месяцев тело было обнаружено на берегу реки. Охотника опознали по одежде и личным вещам. По состоянию труп было очевидно, что кто-то доставил его на берег. Кто и зачем убил этого человека, осталось зловещей тайной. Возможно, и Васильченко стал жертвой жестокого убийцы, который ловко скрывал свои преступления.

Все члены нашего коллектива остро переживали эту трагедию, но особенно близко к сердцу принял исчезновение своего друга начальник партии Прилепский. Служебные обязанности не позволили ему принять личное участие в поисках Васильченко. И когда Прилепский узнал, что поиски не дали результата, чувство горести захлестнуло его. После завершения полевого сезона Владимир Гаврилович заказал памятник в виде триангуляционного знака и установил его на кладбище поселка Большой Луг. Памятник был без могилы – не каждому человеку бывает оказана такая честь.

На день рождения своего друга Прилепский заказал в иркутском ресторане несколько деликатесных блюд, купил бутылку марочного коньяка и вызвал три машины такси. В одну машину он сел сам, во вторую погрузил снедь, а в третью положил свою шляпу. Такой способ передвижения считался хорошим тоном среди многих работников наших полевых бригад. Так они демонстрировали свое финансовое благополучие и хотели самоутвердиться в глазах окружающих, соря деньгами, демонстрируя полное к ним прене-

брежение. Подобное ребяческое поведение рабочих приводило к тому, что они быстро тратили все заработанные деньги, а потом понуро являлись в экспедицию и просили принять их на любую должность в межсезонный период. Прилепский же вкладывал в свой кортеж несколько другой смысл: он демонстрировал уважение к другу. Прибыв на кладбище, Владимир Гаврилович щедро рассчитался с водителями и несколько часов провел у памятника, отдавая долг памяти близкому товарищу.

Именно Прилепскому, человеку трудной судьбы, много лет отработавшему на разных предприятиях топографической службы, я и хочу посвятить следующую главу.

7. Владимир Гаврилович Прилепский

В 1953 году, работая начальником 88-й экспедиции, я был в командировке в Иркутске. За два дня мне удалось решить все производственные вопросы, и я собирался вернуться в Нижнеангарск. Оставалось зайти в приемную директора ВостСибАГП и сделать отметку в командировочном удостоверении. Там я столкнулся с начальником нашего предприятия Борисом Владимировичем Немынским. Увидев меня, он спросил, имеются ли у меня в экспедиции вакантные места для рабочих. Я ответил, что места наверняка найдутся, и Немынский представил мне двух молодых людей. «С самого утра порог мой обивают. Требуют, чтобы я на работу их принял», – пояснил он.

Так я познакомился с Прилепским. Следуя со своим товарищем с Дальнего Востока из мест заключения, он узнал, что в Иркутске принимают на работу бывших заключенных. Добравшись до города, Владимир нашел здание ВостСибАГП и принялся штурмовать приемную начальника. На мой вопрос, что он умеет делать, Прилепский отвечал, что не видел еще дела, которого он не смог бы освоить. Мне понравилась настойчивость и определенная наглость Прилепского. Я сразу связался с начальником партии Николаевым, который работал на Баргузинском участке. Максим Георгиевич подтвердил, что вакантные места в строительной партии имеются, и, получив аванс, Владимир с товарищем отправился в поселок Баргузин.

Второй раз я встретился с Прилепским спустя год, когда был с инспекционной поездкой в партии Колодина – уже в Амурской области. Владимир был замешан в истории, связанной с продажей алкоголя. При этом Колодину было ясно, что организатором доставки водки в полевые бригады является именно Прилепский, но прямых улик и доказательств этому не было. Я прямо заявил Прилепскому, что не потерплю нарушений трудовой дисциплины, а также производственного саботажа путем спаивания рабочих. Он не стал возражать, оправдываться или отпираться. Просто молча выслушал меня, кивнул и ушел.

А спустя еще два года я уже вручал Владимиру Гавриловичу грамоту. По итогам полевого сезона 1957 года он был признан лучшим в экспедиции техником-строителем триангуляционных знаков. К тому времени Прилепский окончил курсы техников при нашем предприятии и прекрасно освоил новую специальность. Он с готовностью брался за самые сложные задания и работал с энтузиазмом, что было свойственно его деятельной натуре.

С того времени я стал часто общаться с Прилепским, и мы подружились. По моему совету Владимир поступил на заочное отделение геодезического техникума, а после его окончания был переведен на должность прораба строительных бригад и прекрасно справлялся с новой должностью. Многолетний опыт, полученные в техникуме знания, заработанный в коллективе нашего предприятия авторитет – все это позволило Владимиру Гавриловичу в дальнейшем занять должность начальника строительной партии. Он полностью оправдал ожидания администрации и стал прекрасным руководителем большого подразделения экспедиции. В Амурской области Прилепский женился, у него родились сын и дочь. Спустя время Володя получил хорошую трехкомнатную квартиру в Иркутске, куда переехал со всей семьей.

Обладая сильным характером и волей, Прилепский при этом был очень сентиментальным и ранимым человеком. Но когда в юности он бродяжничал, а потом отбывал наказание в колонии строгого режима, привык скрывать свои чувства. Теперь же лишь иногда, погрузившись в воспоминания, он позволял себе сбросить суровую маску, и тогда лицо его становилось очень добрым и по-детски открытым.

Родом Володя был из Орловской области и проживал с семьей на станции Верховье. Его мать и отец умерли еще до войны, две старшие сестры вышли замуж и переехали в другие места. Владимир жил со старшим братом. Когда началась война, брата мобилизовали, а Володя в 14-летнем возрасте начал взрослую жизнь. Фашисты заняли станцию Верховье, и в доме Владимира поселились немецкие офицеры. Они заставляли его прислуживать им. Парень был на положении раба, рискуя каждый день быть убитым. Однажды один из пьяных фашистов избил Володю и достал пистолет, чтобы застрелить его. К счастью, подросток смог вырваться и убежать. Босой, без верхней одежды, он решил перейти линию фронта и найти старшего брата.

Сняв ботинки и шинель с убитого красноармейца, Владимир ночами шел на восток, двигаясь вдоль железной дороги. Ему повезло, и он пересек линию фронта. Оказавшись в расположении наших войск, Володя нашел часть, в которой служил брат, и стал просить, чтобы его тоже взяли на фронт, но брат категорически запретил даже думать об этом. Он отдал

Володе все свои продукты, деньги, часть обмундирования и отправил эшелоном дальше на восток.

Спустя годы Владимир сделал запрос о судьбе своего брата. Ему ответили, что тот погиб на фронте в 1943 году.

Оказавшись снова в положении беспризорника, Володя в скором времени получил первый срок за кражу. Выйдя на свободу, он продолжил бродяжничать и повторно совершил преступление, за которое ему пришлось отбывать длительное наказание.

Владимир не раз благодарил меня, за то что в 1953 году я помог трудоустроить его. Тогда он находился в отчаянном положении и его посещали мысли о самоубийстве. Поступив работать на наше предприятие, Прилепский крепко встал на ноги, нашел настоящих друзей и в корне изменил свою жизнь, значительную часть которой отдал топографической службе.

5 ноября 1969 года Владимир Гаврилович умер от сердечного приступа. На момент смерти ему было всего лишь 42 года. Многие удивлялись этой скоропостижной смерти. Но я, хорошо знавший судьбу Володи, понимал, что сердце его было истощено многими испытаниями, которых хватило бы и на несколько жизней.

Похоронили Прилепского на кладбище поселка Большой Луг рядом с памятником Васильченко, и в качестве надгробия тоже была установлена копия сложного триангуляционного пункта.

ТЕТРАДЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

19 декабря 1969 года мне исполнилось 60 лет. Благодаря руководству экспедиции, взявшему на себя все расходы, был организован торжественный вечер, где меня чествовали как юбиляра и ветерана топографической службы. Свое 60-летие я встретил в кругу коллег и друзей из 2, 3, 6 и 8-й экспедиций. Присутствовали также начальник и главный инженер предприятия № 1 ГУГК – Л. Г. Комаров и В. М. Киселев. Мне, безусловно, было приятно слышать слова благодарности за многолетний труд, пожелания здоровья и долголетия.

Вечер этот оставил самые лучшие воспоминания. Все были очень рады видеть друг друга. Совместные походы и общее дело породнили меня со многими рабочими, техниками, инженерами и руководителями геодезических предприятий. Мой юбилей стал поводом для того, чтобы собраться за одним столом работникам разных трудовых коллективов. Здесь были ветераны, зрелые инженеры и молодые специалисты. Отрадно было сознавать тот факт, что на предприятии крепка связь поколений, и это вселяло уверенность в достойном будущем геодезической службы – одной из важнейших отраслей производства.

Помню, впрочем, и чувство горечи, посетившее меня в конце этого вечера. Я понимал, что в скором времени мне придется уйти, как говорится, на заслуженный отдых. Ревматизм не позволял мне теперь длительное время работать в полевых условиях, и 1 июня 1970 года я вышел на пенсию.

Впрочем, до 1972 года я еще работал по краткосрочному договору в полевых бригадах в качестве консультанта. Так, в 1971 году Николай Никитич Литовко, начальник 3-й экспедиции, обратился ко мне с просьбой оказать методическую помощь инженерно-техническим работникам его предприятия, которые должны были выполнить нивелирный ход первого класса.

До этого времени высокоточное нивелирование иркутские геодезические предприятия не делали. Работу такого высокого уровня на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока выполняли специалисты из Новосибирска. Они, как правило, создавали сеть полигонов первого класса, которая являлась основой для производства полигонов второго, третьего и четвертого классов, где требования к точности были ниже.

Я должен был помочь иркутянам в короткий срок освоить методику производства работ и дать практические советы по работе с импортным высокоточным нивелиром. В начале лета я выехал с бригадой Николая Александровича Смирнова в Тункинскую долину. Наш маршрут начинался недалеко от поселка Торы. Прибыв на место, мы сразу приступили к работе. Николай был опытным инженером и довольно быстро освоил новое оборудование, методику ведения работ. Бригада набрала хороший темп. Моя непосредственная помощь потребовалась только в первые дни. Когда Смирнов, что называется, набил руку и все его наблюдения стали соответствовать допускам инструкции, я вернулся в Иркутск.

Отчитавшись перед начальником 3-й экспедиции, я получил новое задание и вылетел в улус Сорок Окинского аймака Бурятской АССР. В этом районе вдоль реки Оки работала бригада инженера Н. К. Топоркова, также выполнявшая нивелирование первого класса. Здесь мне предстояло осуществить контроль качества работы бригады. Николай Кириллович в совершенстве владел приемами работ и хорошо знал допуски, предусмотренные инструкцией по нивелированию первого класса. Это я понял сразу, проверяя журналы нивелирования, ведомости превышений, состояние прибора и нивелирных реек. Все содержалось в образцовом порядке, чему во многом способствовала Нина Долбилкина, помощник Топоркова, которая очень ответственно и аккуратно относилась к своим обязанностям.

Я составил акт контроля качества работ, в котором выводы о работе бригады были только положительные. Топорков не нуждался в постоянном контро-

ле. Я лишь дал ему несколько советов и рассказал о новых способах нивелирования, с которыми сам познакомился недавно в бюллетене по рационализации за предыдущий год. Пребывая в лагере Топоркова, я с большим удовольствием рыбачил на Оке. Один из рабочих бригады, совсем молодой парень из Иркутска, оказался страстным рыбаком. В свободные часы он все время проводил на реке. Я стал его спутником и, пользуясь советами нового друга, с успехом ловил ленка и хариуса. С сожалением мне пришлось покинуть эту бригаду. Я уже не мог ходить быстро, как в прежние годы. Поэтому, чтобы не стать обузой для коллег, спустя две недели уехал в Иркутск.

Через год мне опять предложили помочь освоить методы высокоточной съемки государственной нивелирной сети первого класса. На этот раз ко мне обратился начальник 1-й экспедиции Николай Викторович Лебедев. Скоро я оказался в расположении бригады Бориса Гыргенова. К месту производства работ нас доставил катер местной метеостанции. Мы поднялись вверх по реке Кочечуме на 70 километров севернее поселка Тура и в тот же день приступили к работе.

В первое время я постоянно находился рядом с бригадой, осуществляя контроль над работой Бориса и его помощников. В дальнейшем стал задерживаться в палатке, проверяя вычисления нивелирного хода, которые были выполнены в течение предыдущего дня. Так я давал возможность Гыргенову самостоятельно осваивать новую методику и требования инструкций. Дней через десять я понял, что Борис работает уверенно и более не нуждается в моей опеке. Я все реже посещал бригаду во время наблюдений, но, чтобы оставаться полезным, брал ружье и охотился на рябчиков, а также рыбачил и готовил нехитрую таежную похлебку для товарищей.

Через месяц я погрузил свои вещи в резиновую лодку и по течению Кочечумы начал сплав к поселку Тура.

Это путешествие стало моим последним походом. Глядя на темную воду таежной реки, я успел о многом подумать, о многом вспомнить.

Когда-то, будучи молодым человеком, я грезил о дальних походах в неизведанные места и мечтал обойти если не весь мир, то значительную его часть.

Страсть к путешествиям привела меня в институт геодезии и картографии, в аудиториях которого собирались такие же романтики, как я. Наш идеализм с воодушевлением поддерживали некоторые преподаватели, рассказывая о живописных картинах нетронутой природы.

«Что может быть лучше, чем оказаться на берегу дикой реки? И после приятного купания распластаться нагим телом на бархатистой травке, в окружении ароматных цветов! А потом, испив парного молока, продолжить путь по нетореной тропе!» – восклицал

профессор Нагнибеда, обращаясь к студентам с кафедры.

В то время нам почему-то не приходило в голову, что профессор преподает экономику и вряд ли он имеет представление о реалиях полевого быта. Искупаться и позагорать в маршруте, пожалуй, можно – если удастся найти открытое, обдуваемое место без гнуса. Но где в тайге разжиться парным молоком, я, право, до сих пор не знаю.

В целом мы понимали, какие испытания готовит нам судьба, но никто из студентов курса не свернул с намеченного пути. Насколько мне известно, все мои однокашники всю свою жизнь посвятили геодезии. Романтика путешествий влекла нас, а рассказы бывалых находили отклик в молодых сердцах. Нас не смущали предстоящие трудности – напротив, каждый жаждал испытать себя, готовясь к трудовым подвигам и великим свершениям.

Когда я начал работать самостоятельно, пришло понимание, насколько важно уметь автономно существовать в условиях дикой природы. Долговременное пребывание в тайге заставляло постоянно бороться за выживание. Для этого необходимо было научиться беречь себя и окружающих. Болезнь, травма или, не дай бог, смерть одного из членов бригады означали остановку всех работ, а значит, ставили под угрозу выполнение производственного задания. Наука выживания в самых разных условиях для топографа не менее важна, чем хорошая теоретическая подготовка и владение в совершенстве приемами и методами геодезических работ.

Недавно мне довелось прочитать в газете статью, где красочно был описан штурм гольца Переемный горного хребта Хамар-Дабан группой туристов. Детали этого похода меня, признаться, позабавили. Добравшись до подножья горы на вездеходе, молодые люди устроили лагерь и, выбрав хорошую погоду, совершили восхождение на вершину в сопровождении опытных альпинистов.

Мне тоже есть что рассказать о прибайкальских гольцах Хамар-Дабана. В 1939 году в течение всего полевого сезона я с товарищами совершал восхождения на вершины тех гор. И когда в середине ноября, спустившись с последнего склона, ободрав в кровь колени с ладонями, мы без сил около часа лежали у его подножья, у меня от пережитого физического и нервного напряжения долго тряслись руки и ноги.

Мало кто знает, какого напряжения сил, зачастую связанного с риском для жизни, требует выполнение рядового производственного задания при исследовании вершин Хамар-Дабана. А ведь работы там ведутся и в настоящее время. Почему бы их не осветить в прессе тем же бойким слогом?

Два десятка лет назад нечасто можно было встретить человека с рюкзаком. Его обладатель относился

к категории людей, занятых на работах в полевых условиях. Это были геологи, биологи, ботаники, геофизики, метеорологи, гидрологи, астрономы, археологи, геодезисты. Узнавая друг друга по внешнему виду, мы легко знакомились и всегда находили общий язык, делились новостями и советами. Теперь рюкзаки на плечах молодых людей можно увидеть гораздо чаще. Рюкзак в наше время – это символ беззаботности и современной романтики. Многие молодые люди, увлеченные спортивным туризмом, для самоутверждения и в поисках новых впечатлений посещают дикие, труднодоступные места, которых в нашей стране еще предостаточно.

Ни в коем случае не хочу в чем-либо упрекать современных туристов, для которых таежный поход или восхождение на гору – спортивно-развлекательное мероприятие. Мне лишь хочется, чтобы нынешнее молодое поколение ценило достигнутый материально-культурный уровень нашего общества. Если молодые люди ищут для себя трудности в качестве развлечений, значит, их быт обеспечен самым необходимым и в жизни нет лишений, голода и всеобщего горя.

Наше поколение не имело и части того, что доступно теперь каждому человеку. Советская власть и научно-технический прогресс подняли уровень социального обеспечения на небывалую высоту.

То же касается и развития геодезической службы. Все меньше используется ручной труд, постоянно улучшаются условия труда, увеличивается количество льгот для людей, работающих в поле, забота о здоровье трудящихся является теперь приоритетом для руководителей всех уровней.

Мне, как человеку, отработавшему не один десяток лет в геодезии, отрадно видеть умных молодых людей, готовых посвятить жизнь интересному и благородному делу. Многие из них ставят перед собой самые сложные задачи и формулируют проблемы, связанные уже с космическим пространством, осознание которых для инженеров предыдущих поколений было непостижимым.

В зимний межполевой период 1973–1974 годов я оказывал помощь при выполнении камеральных работ в 6-й экспедиции. На этом мой трудовой путь завершился. По состоянию здоровья я не имел более возможности участвовать в производственном процессе. Последнее время, как и положено старикам, я живу воспоминаниями, которые решил последовательно изложить на бумаге.

Надеюсь, что мои мемуары окажутся интересны не только людям старшего поколения, но и молодежи. И если кто-нибудь, прочитав эти воспоминания, решит связать свою жизнь с геодезией, – это будет для меня наилучшей наградой.

Сергей ЧЕРЕМНОВ

МИХАИЛ ШЕВАЛЬЕ И ЕГО ПОДНЕБЕСНЫЕ ЗУБЬЯ

«Это счастье, что мне нет покоя», – признавался Михаил Шевалье в одном из интервью. Да, жизненный путь известного междуреченца не был усыпан розами. Но он не привык сдаваться и отступать перед трудностями, поэтому всегда побеждал.

«В туризме очень важны подъезды и подходы, – делился Михаил Михайлович своим опытом через областную газету. – В Поднебесных Зубьях уникальная транспортная составляющая: активная часть туристического маршрута начинается буквально сразу же после выхода из электрички на станции Лужба, а через сутки ты уже в горах. Помню, когда мы только начинали ходить в горы, чтобы приехать на Алтай, тратили несколько суток. Неделями сидели в аэропорту, чтобы попасть в Саяны. А чтобы в Читинскую область попасть на туристический маршрут, дали взятку подполковнику авиации, и тот нас загрузил в бомболюк. Так и летели в горы на военном бомбардировщике».

Поднебесные Зубья – одно из самых красивых мест мира: прекрасные горы, чистейший воздух, потрясающая природа. И разнообразные по категории туристические маршруты: от самых легких, по которым с удовольствием ходят даже маленькие дети, до сложных, что под силу только опытным туристам.

«Уже много лет традиционно перед первым большим снегом, а выпадает на Поднебесных горах он намного раньше, чем в городах и весях Кузбасса, из своего московского офиса с приятным волнением звоню моему многолетнему товарищу по перу и походному братству, действительному члену Русского географического общества Мише Шевалье, – читаем в очередной корреспонденции бывшего тассовца и редактора областной газеты «Кузбасс» В. С. Кладчихина. – И слышу его восторженно бодрящий, по-особому картавый голос, который не узнать невозможно: «Виктор Спиридонович, дружбе мой! В приютах и станах областного центра детского туризма все здорово. На сегодняшний день (разговариваем 2 октября) уже приняли с начала года 5900 детей, что составило 30500 человеко-дней...» Подсчет этот прост. Получается, что каждый подро-

сток, юноша или девушка, отдохнул у него в походах в среднем по пять дней».

Человек-вдохновение, человек-энергия, человек-восхищение – так многие отзывались о нем. Михаил Михайлович всю свою жизнь посвятил горам. Поднебесные Зубья стали его родным домом.

Шевалье – коренной, местный. Он не только истово любил свою малую родину – он жизнь отдал служе ей.

Ах, Миша, Михаил, Михаил Михайлович, знаменитый кузбасский путешественник и основатель приютов для туристов на юге Кемеровской области! Осиротел без него туристический Кузбасс...

* * *

Родился он 26 февраля 1957 года в большой немецкой семье, прибывшей в Междуреченск строить город. Окончил профессионально-техническое училище (машинист горно-выемочных машин), курсы педагогов дополнительного образования. Работал машинистом комбайна на шахте «Распадская». Трудился в местной поисково-спасательной службе – спасателем МЧС. Руководил междуреченским филиалом областного центра детского туризма.

Председатель Кемеровского филиала международной общественной организации «Академия детско-юношеского туризма и краеведения», руководитель детско-юношеской общественной организации «Общество юных краеведов «Кузбасс». Мастер спорта СССР по спортивному туризму. Основатель движения «Вершины воинской славы». Учредитель и редактор газеты «В дорогу».

Отмечен областной медалью «За служение Кузбассу», другими региональными, городскими и ведомственными наградами, в том числе очень редкими.

Это все о нем!

Те из товарищей-журналистов, которые глубже погружались в его биографию, знают, что до 1980-х Михаил никакой знаменитостью не был.

Он сам вспоминал, как пришел на участок № 2 междуреченской шахты «Распадская» с направлением из училища. Шахта-гигант только формировалась, кандидатов работать на ней отбирали тщательно. Чем-то смог покорить начальника участка Виктора Гордеева. Тот похлопотал за молодого машиниста комбайна, и Михаила направили в передовую механизированную бригаду горняков Героя Соцтруда Владимира Григорьевича Девятко. В известном на всю страну коллективе Шевалье стал вроде сына полка.

А вскоре группа шахтеров собралась в турпоход – на Таймыр. Денег на поход не выделили. Бригада решила сброситься по 50 рублей и на свои отправить парней – а с ними и Шевалье – в те суровые, но живописные края. Как сообщали потом

местные газеты, поход прошел с триумфом, о молодой шахте и шахтерском Междуреченске узнали даже в самых отдаленных поселках Заполярья.

По воспоминаниям междуреченского писателя Юрия Панова, «были у Миши все задатки стать вожаком бригады, и эта бригада не затерялась бы в середнячках. Но жизнь повернула иначе...»

Шевалье всегда-то был ершист и задирист в отстаивании общечеловеческих, выражаясь высоким штилем, интересов. Когда в июле 1989 года в Междуреченске началась шахтерская забастовка, он не мог остаться в стороне, слишком уж достали всех многие проблемы в городе.

На центральной площади кипели страсти. На митинге составляли общий протокол к верховной власти СССР: кричали, включали требования не только шахтеров, но и медиков, строителей, коммунальщиков...

Шевалье тоже выступил:

– Первое – создать Междуреченский район. Второе – прекратить варварскую добычу золота. Третье – создать природный парк «Поднебесные Зубья».

Его предложения тоже вписали в протокол. А в октябре 1989 года Совет Министров СССР принял постановление об учреждении Междуреченского района!

Каждому человеку хоть раз в жизни приходится решать, по какой дороге двигаться дальше. Однажды на такой развилке оказался и Михаил:

«В свое время я встал перед сложным выбором: стать профессиональным туристом (меня приглашали на Северный полюс) либо заниматься детьми. Я выбрал второе. До меня ведь никто не занимался организацией детского отдыха, тем более для детей-сирот. А я очень люблю детей, и они ко мне тянутся. Вспоминаю случай, когда один мальчик со слезами на глазах просил меня усыновить его. Такое не забудешь!..»

И еще он полюбил горы. Он считал их своими. Среди высоких каменных склонов и ущелий он хорошо чувствовал себя, появлялась уверенность в собственных силах, в человеческих возможностях.

У него и друзья были под стать.

Вот об одном из них. Когда Михаил еще только прикипал к туризму, на одном из слетов встретился с известным уже краеведом, путешественником Виктором Моисеевым – журналистом газеты «Кузбасс». Неумным, равнодушным защитником природы, как и сам Шевалье. Вместе ходили в горы, сидели у костра. К сожалению, эта дружба прервалась из-за ухода Виктора Максимо-вича из жизни.

Говорят, оба мечтали о развитии детского туризма в Междуреченском районе, чтобы дети всей Ке-

меровской области ездили сюда, ходили в походы горными тропами, изучали родной край, его природу, учились любить и беречь ее.

И Шевалье всерьез взялся за организацию детского туризма, туризма с социальным уклоном, когда в горы поднимаются ребятишки из детских домов, из интернатов: «Пусть не все, пусть хоть десяток из тех ребят сойдет с дистанции в наркоманию, в никуда...»

Все мы и наши жизненные устремления – родом из детства.

«Первый раз я пошел в поход, когда мне было восемь лет, – улыбаясь, рассказывал Михаил. – Взял меня с собой старший брат». Тогда не было у них ни палаток, ни спальников. Ночевали в старом лагерном пункте для заключенных, со второго этажа которого Миша случайно упал. «Именно тогда в мою детскую голову пришла мысль: когда вырасту, буду строить теплые уютные домики для туристов, без мух и комаров, чтобы им после длительного перехода было где ночевать!»

Так родилась мечта, которая потом прочно вошла в его жизнь. Туристы вообще, а дети особенно должны в походах отдыхать в нормальных условиях – такую задачу он поставил себе сам. И, созидатель по натуре, Михаил начал строить сеть горных приютов в отдаленных Ортоне, Майзасе, Камешках, Тебе, на Поднебесных Зубьях.

Приют – деревянный двухэтажный домик. На первом этаже кухня: стол, мойка, шкафы, скамейки, печь; на втором – места для отдыха, где дети спят в спальниках. На территории есть туалеты, веранды, баня.

«Конечно, палатке нужно поставить памятник, но это уже вчерашний день, – считал Шевалье. – Прежде всего приюты я создавал для детей. Ребенка после долгого перехода нужно привести в тепло и сухость, чтобы он отдохнул, восстановился и пошел дальше. Наши приюты находятся в трех – шести километрах друг от друга – как раз то расстояние, которое дети способны преодолеть без труда».

Свой первый приют он начал строить в 80-х.

«С 1980 года вся моя профессиональная деятельность связана с Поднебесными Зубьями. Тогда, кроме энтузиазма, у меня ничего не было – ни денег, ни материалов. Но был богатый опыт за плечами: работа в поисково-спасательной службе, работа с детьми и огромная любовь к туризму.

Я понимал, что начинать нужно со строительства приюта у ручья Высокогорного: именно в этом месте собирается больше всего туристов. На свой страх и риск за помощью решил обратиться напрямую к начальнику департамента культуры и туризма администрации области Владимиру Бедину. И мне помогли – дали денег. Мы на вертолетах закинули

материалы и приступили к строительству. За полгода первый приют «Высокогорный» был построен!»

Вскоре Михаил стал директором Междуреченской городской станции юных туристов и натуралистов, в структуру которой входили приюты «Тайжасу», «Поднебесный», «Соболиный», «Глухариный», «Алгуй», «Амзас», «Гайдаровец», «Крылары», база отдыха в районе поселка Майзас.

Надо сказать, напористость и уверенность в собственных силах не раз помогали ему. В качестве спонсоров он привлекал шахты, разрезы, лесхозы и другие предприятия. Привлекал и друзей: «Строю приюты на собственные средства, либо мне помогают мои друзья. В честь них я их и называю, чтобы людям было приятно!»

К началу 2017 года под его началом было уже 28 туристических станций. За счет того, что дети ночуют в приютах, им не нужно носить с собой палатки, котелки и еще какие-то тяжелые вещи, надрываться, таская неподъемные рюкзаки. А это значительно облегчает их путешествие, повышает интерес к созерцанию окружающей природы.

Строя приюты, Шевалье, кстати, создавал и рабочие места для местных жителей. Причем нередко приглашал на работу подростков, даже таких, которых взрослые относят к категории трудных.

Нельзя сказать, что все давалось ему просто. Городские чиновники, которые и в горах-то, может, ни разу не бывали, порой тормозили дело, вставляли палки в колеса. Потому что кому-то Шевалье казался несимпатичным, кому-то – слишком нахрапистым.

К 1999 году у Михаила разладились отношения с руководством Междуреченска, и ему пришлось оставить работу директора городской станции юных туристов и натуралистов. Часть приютов пришлось передать в другие структуры, которые занимались не социальным, а чисто коммерческим туризмом, зарабатывая буквально на всех видах услуг...

Шевалье же был заточен на детский туризм. И придумал новый проект. Помню, как в конце 1990-х Михаил приехал ко мне в Кемерово, пришел в администрацию области, где я тогда был начальником комитета по работе со СМИ и пресс-секретарем губернатора.

«Помоги, Сергей! – Чувствовалось, как тяжело переживает он за дело. – Весь детский междуреченский туризм похерить хотят. Нельзя так!»

Поделился болью, убедил, заразил, можно сказать, своими идеями и предложениями. «Согласен! – говорю. – Пойдем, надо дело спасать». И мы пошли к заместителю губернатора, который курировал эти вопросы.

И вот родилось отличное решение, поддержанное губернатором: создать в Междуреченске фили-

ал Кузбасского центра детского и юношеского туризма и экскурсий. Возглавить его предложили Михаилу Шевалье. Это придавало ему и его делу хороший статус и защиту, бюджетную поддержку. Михаил Михайлович предложение принял. Больше того, в начале 2000-х годов он решил передать все свои строения на баланс государственного учреждения.

Не все знакомые поняли и приветствовали эти его шаги. Ему говорили: Миша, смотри, тебя обманут, заберут все, а тебя – в отставку. Он отмахивался: некогда, мол, мне бояться и сплетни сводить, работы много. И очень гордился своим проектом.

На сегодняшний день это действительно уникальный реализованный проект, аналогов которому в России нет. Характерно, что он интересен и доступен разным детям: и тем, у кого не хватает денег, и тем, кто уже побывал в разных странах. Но больше других Михаила по-прежнему заботят ребята, оставшиеся без родителей, им он готов отдавать все: и свою энергию, и свое личное время, и кров.

Позже он так объяснил решение передать приюты в областную собственность:

«Как частный предприниматель я бы смог бесплатно провести по горным маршрутам сто, максимум двести детей-сирот. А при поддержке области – тысячу, а то и больше. И за эту бесценную возможность безмерно области благодарен. Они же (департамент образования) ко мне в Поднебесные со всего Кузбасса детей повезли!»

И еще он считал, что в собственности области у приютов шанс прожить дольше. «Вот умру я – сразу же появится куча наследников, и начнут делить то, что я с таким трудом создал. А мне этого не хочется. Да и сил, и энтузиазма у меня уже одного не хватает! К тому же сейчас у государства все меньше и меньше денег на оздоровительные проекты для детей. Большая часть детских лагерей уничтожена. Когда в восстановление будут вкладывать деньги – неизвестно. А детей нужно вывозить за город, чтобы они набирались здоровья. Я считаю, в нынешних условиях для Кузбасса подобная система приютов просто палочка-выручалочка. К тому же дети не только ходят по маршруту, но и учатся здесь жить самостоятельно, рубить дрова, топить печь, ухаживать за домашними животными, огородом...» – перечислял Шевалье свои аргументы корреспонденту газеты «АиФ – Кузбасс».

А цели богатеть у него просто не было. Вот и все толкование этой бурной, живой, как ртуть, натуры.

«Он был очень щедрым, – вспоминает о друге один из старейших журналистов области, путешественник, фотограф Юрий Дьяконов. – Щедрым, но очень справедливым. Удивительно, но в наш меркантильный век деньги для Миши ничего не значили».

Кстати, в одном из фотоальбомов Юрия Васильевича я прочитал о Шевалье, что он «русский немец с французской фамилией». Такая вот супер-энергичная «гремучая смесь», при этом не меркантильная.

Рассказывали, как Михаил приезжал в иной детский дом Новокузнецка или Прокопьевска, чтобы предложить детям летние походы в горы Кузнецкого Алатау по проложенным маршрутам. Расписывает, бывало, детдомовскому руководству прелести природы, ночевки в палатках или в горных приютах. Ему же было чем гордиться: за сезон проводил тысячи детей-сирот, инвалидов. Хотя там не курорт, а тайга.

– А сколько это будет стоить? – недоверчиво спрашивали его детдомовские директора, ведь с бюджетными деньгами много не напутешествуешь.

– Все абсолютно бесплатно! – приятно удивлял их Шевалье. – Сухой паек детям выдадите, проезд обеспечите – и все. Нам за поход ничего не нужно платить...

Вообще многие отмечают, что слово «бесплатно» было одним из любимых в его лексиконе. Вроде бы деньги сейчас решают все. Но только не для Михаила: «Нельзя, чтобы ребенок-сирота для кого-то стал ходячим бюджетным рублем...» И у него получалось договориться, если надо, и насчет бесплатного вертолета, и насчет бесплатных продуктов для юных туристов. Его напора и умения убеждать, если требовалось, хватало на многое.

А если надо, он мог буквально грудью встать на защиту. Например, на защиту природы, гор и рек, которые считал родными.

Однажды в сопредельном с Кемеровской областью Верхотомском леспромхозе Красноярского края решили рубить лес на самой границе с нашим регионом. Уже, выяснил Шевалье, проложили до лесосеки дорогу. Он помчался электричкой в Балыксу, осмотрел готовый к валке леса участок и ахнул. Будущая лесосека мало того что проходила по водоохранной зоне реки Казыр, так там еще очень большой массив кедра!

Михаил Михайлович собрал друзей-активистов, организовал пикет из спасателей природы. Дорогу на лесосеку перекрыли палатками. Пикетчиков (а там были и юные туристы) пугали ружьями, тракторами, грозили милицией, уголовным делом, расправой... Не помогло! Лесорубы отступили, а победители, можно сказать, спасли реку.

Как-то раз ранней весной, в походе, в реке Балыксу Михаил увидел подозрительного цвета воду, хлынувшую поверх льда. Он повел группу вверх по берегу и вышел к водоотстойникам золотодобытчиков. Отсюда грязь стекала в речку – приток Томи.

Шевалье, не задумываясь, поднял большой скандал. В газетах, в том числе в «Кузбассе», появились его гневные статьи в защиту природы. Добытчиков золота остановили.

– Мы отстаивали! – с гордостью заявлял он потом.

Отстоять что-то важное для людей – для этого Михаил Михайлович ни сил, ни времени не жалел. Например, железнодорожники решили с января 2007 года отменить убыточную электричку на Бискамжу – поселок в Аскизском районе Республики Хакасия. А это – путь для выхода и связи с большим миром сотен обитателей таежных поселков, тысяч дачников, туристов, любителей природы, собирателей даров тайги.

Шевалье взялся отстоять электричку. Создал инициативную группу, собрал тысячи подписей под обращениями к губернаторам Кузбасса и Красноярского края. И руководители регионов А. Г. Тулеев и А. И. Лебедь пришли к решению – сохранить маршрут.

Или вот еще случай. В 2013 году в приют «Снежный барс» прибыли вооруженные люди, выпили, отмечая какое-то торжество, и устроили на радостях стрельбу. А на соседнем туристическом стане находилась детская группа. Их руководитель испугался за детей и вызвонил Шевалье. Тот поднял отряд спецназа, который из Кемерова срочно прибыл на вертолете в Лужбу и задержал пьяных с ружьями.

Обошлось без пострадавших. И с тех пор говорили: пока на Поднебесных есть Шевалье, там будет порядок. Да, в душе он был романтик-идеалист, но придерживался железного правила: порядок на его территории – это безопасность тех, кто едет на Поднебесные Зубья сам или отправляет туда детей.

Ради развития горного туризма он готов был, как говорится, горы свернуть. Работал как упрямый вол, невзирая на трудности, людскую зависть, на сплетни и пересуды. Если уж решил делать добро, то не привык оглядываться...

Однажды за это едва не поплатился свободой.

Шевалье строил сеть горных приютов на реках Томь, Амзас, Алгуй, Малый Казыр, Алтыазыр. Находил спонсоров, организовывал строителей, вкалывал из последних сил, доставляя в горы стройматериал для домиков.

К этим приютам в горах, на берегах рек и ручьев, вели едва приметные тропы. Кругом каменные вершины да тайга. Михаил строил и радовался, что тысячи ребятишек будут отдыхать здесь, устав от переходов, налюбовавшись красотами природы.

Только не учел, что даже в таких отдаленных уголках бывают границы. Незримые глазу, но которые лучше не переступать без разрешения. Короче, оказалось, что часть приютов поставлена не на тер-

ритории Кузбасса, а на земле соседней Хакасии. Этим и воспользовались его недоброжелатели...

Нашлись «доброхоты» из турфирмы-конкурента, зарабатывающие на коммерческом туризме, и написали в прокуратуру Аскизского района Хакасии: Шевалье, дескать, возвел приюты самовольно, срубил ценную древесину. И в соседней республике на Михаила Михайловича завели уголовное дело.

Из материалов дела: «...Шевалье М. М. произвел незаконную порубку леса, а именно пихты, путем перепиливания ствола деревьев бензопилой «Урал» до полного отделения ствола дерева от корня». Михаилу предъявили обвинение в том, что он нанес Хакасии ущерб в размере свыше двух миллионов рублей.

Поначалу Михаил Михайлович даже не придавал значения вызову в суд: некогда, занят богоугодным делом. Дошло до того, что его доставили в суд в наручниках, как опасного уголовника...

Тогда в Кузбассе за Мишу поднялись все, кто только мог. И был в этой ситуации по крайней мере один плюс: он узнал, сколько людей любят его, ценят его огромный вклад в развитие детского туризма.

Перед судом за него ходатайствовала администрация Кемеровской области, на выездное судебное заседание в хакасский поселок Верхняя Тея приехали ветераны с орденами. Журналистов было столько, что любой политик бы позавидовал.

Прокуратуре не удалось доказать, что Шевалье занимался самовольной рубкой леса. Весь строительный материал, потраченный на строительство приютов, был завезен со стороны, а не заготовлен незаконно здесь же, в лесу. И Михаила отпустили.

Но прокурор Аскизского района подал новый иск «в защиту интересов Российской Федерации и неопределенного круга лиц», просил обязать Шевалье освободить незаконно занятые лесные участки на территории Балыксинского лесничества и снести самовольно возведенные строения. Причем требовал, чтобы он сломал приюты за свой счет!

На суде Михаил доказывал, что обращался в Федеральное агентство лесного хозяйства с заявлением – предоставить земельные участки под приюты ему в аренду, но не получил ответа. Что построены приюты в интересах детей. Что он передал их безвозмездно государственному учреждению.

Взывали к суду представители администрации Кемеровской области: не надо ломать домики, с таким трудом возведенные в горах для детей, ведь их могут использовать и хакасские туристы, а детский туризм – это альтернатива и пьянству, и особенно наркомании...

Более тысячи писем от детей-сирот, от взрослых пришли в Хакасию. И везде одно: убедительно про-

сим не ломать постройки, разрешить судебный спор в пользу детей.

Наконец даже директор того самого Балыксинского лесхоза стал просить: «Нарушение совершенно Шевалье не в корыстных целях, а с благими намерениями – для организации детского отдыха... Осуществив снос построек, согласно решению суда, мы не прекратим походы туристов и отдыхающих по этим местам, но тогда приюты придется возводить заново... Изгнав его, мы получим бесконтрольный туризм с вытекающими последствиями... Просим суд рассмотреть наше предложение о предоставлении ответчику времени на оформление необходимых документов на право владения возведенными постройками».

Однако строгий Аскизский районный суд не внял разумным предложениям и удовлетворил иск прокурора о сносе приютов. Верховный суд Хакасии оставил это решение без изменения...

Почему он в свое время, как благоразумный человек, не занялся вплотную оформлением участков, гневно спрашивал у Шевалье обвинитель. Подумаешь, потерял бы на согласованиях пару-тройку лет. Ничего за это время с желающими путешествовать не случилось бы, посидели бы дома, подождали бы. Поэтому пусть теперь этот романтик с его идеалистическими представлениями о туризме ломает то, что построил!

167 Михаил подал апелляцию на такой судебный вердикт, продолжал бороться. Все это отнимало немало времени и нервов. Но зато и результат был. Вот решение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Хакасия от 1 апреля 2008 года: «Приговор суда апелляционной инстанции Аскизского районного суда от 23 января 2008 года в отношении Шевалье Михаила Михайловича отменить. Дело направить на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд, в ином составе судей...»

Через несколько лет после этой истории Михаил вспоминал:

– Конкуренты обвинили меня в самовольном захвате земель. Был суд, вынесли постановление о сносе приютов. И действительно, приехали приставы с бензопилами и спилили несколько домов! Представляете?! Мы их с таким трудом строили! Тогда за нас вступился Аман Тулеев. И за год нужные документы были оформлены, а дома вновь отстроены.

Несмотря на суды, на проблемы, на постоянные палки в колеса, он с завидным упорством вел вперед главное дело жизни.

Что ж, в том, что оппоненты порой называли его сумасшедшим, есть определенный резон. Он действительно был непостижим для своих противни-

ков. Но, думаю, на свете не так уж много людей, которые могли бы сказать, как Шевалье:

– Я всегда был правдолюб и боролся за справедливость до конца. И ни о чем не жалею. И пусть не всегда все получалось, пусть порой не складывалось так, как хотелось, но я очень счастливый человек! Потому что живу всю жизнь в любви к своему делу!

И как бы в подтверждение своих слов он энергично рубил рукой воздух. А потом с удовлетворением докладывал:

– Ежегодно у нас отдыхает порядка 6000 детей. Только за прошлое лето отдохнуло около 2500 детей. Приезжают со всех городов Кузбасса и в любое время года – и по федеральной программе (детсироты и оставшиеся без попечения родителей), и из всевозможных туристических секций, кружков. Пребывание у нас бесплатное! Для этого нужно подать заявку, которую рассматривает специальная комиссия. Скажу вам честно: желающих попасть к нам очень много. Новогодние каникулы уже полностью расписаны...

* * *

Все-таки друзей у него было много больше, чем оппонентов-завистников. Этого ершистого, резкого, деятельного человека ценили и по-настоящему уважали практически все, кто хотя бы раз пересекался с ним по жизни.

Прежде всего, это тысячи детей. «Дядя Миша» – вот так тепло, по-родственному величали его маленькие путешественники. И он готов был отдать им все на свете.

Друзья вспоминали, как однажды подарили Шевалье крутую теплую куртку. А на следующий день она была уже на каком-то пацане: Михаил решил, что тот слишком легко одет для похода...

А сам он вспоминал такой случай. Как-то один юный турист увел у него бинокль. Шевалье знал, кто это сделал, но молчал. Два года мальчишка мучился, боролся с собой. Наконец прислал бинокль хозяину. И в письме попросил прощения. «Не потерянный человек!» – признал Михаил Михайлович.

Трудные дети тянулись к нему. И он в ответ протягивал им свою спасительную руку. Как и должно быть у спасателя, каковым в прямом смысле являлся Михаил Шевалье в системе МЧС. Сколько людей, попавших на Поднебесных Зубьях в экстремальные условия, он смог вывести на нужную тропу! Сколько ребят, оставшихся без родителей, на которых другие взрослые махнули рукой, он за время горных путешествий наставил на путь истинный...

– У меня много единомышленников и сторонников, – искренне верил Михаил Михайлович. – Таких же энтузиастов, как я, которые готовы помогать, вкладывать свои личные деньги. Это и мне помогает жить и бороться.

Он не ошибался.

У него в друзьях были десятки ведущих журналистов (и не только Кемеровской области), всегда готовых поддержать в трудную минуту. Благодаря собратям по перу Михаил принял решение издавать туристическую газету «В дорогу», в которой был и главным автором, и главным редактором. Свежие выпуски этого издания с удовольствием читали те, кто останавливался на ночлег в его приютах.

Именно у Шевалье зародилась традиция – давать приютам имена известных и уважаемых людей. Среди туристических станций есть названные в честь знаменитых горняков Михаила Найдова и Николая Рубана, заслуженных путешественников России Павла Гридина и Сергея Сакова.

Или, скажем, любил бывать у него в горах писатель Владимир Мазаев – и один из приютов получил от Шевалье имя «Мазаевский стан».

А вот необычная запись от 10 июня 2010 года в интернет-блоге «Вредный старикашка», который вел кемеровский журналист, заядлый рыбак и турист Василий Попок:

«Люблю бывать где-нибудь в Кузнецком Алатау или Шории. Пусть будет Мрассу, Уса, любая из Терсей. Середина июня – вылет бабочек. Небо шелестит белым. Вечерами прибрежные пихты одеваются как бы в снег: чешуекрылые устраиваются на ночлег. Чебаки беснуются – жор. Аж на берег выпрыгивают. Солнце – екарный бабай! На лысине можно картошку печь. Через неделю приеду с обугленной мордой. «Где был? – спросят. – На юге?» Да идите вы со своим югом! Это Миша Шевалье зовет в гости. Ну, и в путь!»

И еще запись Василия Борисовича:

«Нынче на Поднебесных много снега. К весне он слежался в бетон и таять даже не думает. Впрочем, весна на Поднебесных начинается в мае, и даже не в первых числах. Представьте себе: солнце, плюсовая температура и снег. Загореть можно за полдня. Жду, чтобы завтра выехать в Междуреченск, а оттуда в горы. На Поднебесные Зубья, они же Тигир Тиш (так Зубья звучат на языке местного народа – шорцев. – С. Ч.).

Не знаю, удастся ли забраться высоко: горник из меня нынешнего никудышный. Но и просто посидеть на крылечке у Миши Шевалье в приюте «Кузбасском» – это наслаждение. Сына агитирую. Но этот неподъемный увалень ни на что не променяет свой интернет».

Примечательно, что у этого журналиста, тоже искренне и деятельно любившего природу, появилась и «свой» именной приют в горах.

«Вчера заехал Михаил Шевалье с Борисом Химичем и Владимиром Яковлевичем Северным, – написал Попок в апреле 2017 года в своем блоге. – Чайку попили и посоображали насчет приюта «У Василия Попка» в Поднебесных Зубьях. Собственно,

домик готов, и там уже ночует турьё. Осталось баню построить...»

Увы, через год Василий Борисович сообщил с досадой:

«В приюте «У Василия Попка», который построил мой друг Михаил Шевалье, некие вандалы выбили окна и изодрали именной аншлаг. Понимаю, что и у меня, и у Михаила полно недоброжелателей и врагов. Но на хрен приют портить? Вряд ли я когда-нибудь теперь туда доберусь, не в тех физических кондициях. Туда Миша водит молодежь, детей – для них домик в горах... А эти! Пришли и нагадили! Странные люди. Если вообще люди...»

«Настоящие варвары!» – вскипал в таких случаях и Шевалье.

Появился в Поднебесных горах и приют имени журналиста Юрия Дьяконова. Он расположен в одном из живописнейших мест Кузнецкого Алатау – в районе впадения ручья Высокогорного в реку Малый Кызыр. Здесь есть все нужные туристам постройки: двухэтажный дом, баня, навес и туалет.

Не раз бывал в горах у Шевалье и сам Дьяконов, который лишь недавно – в силу возраста – оставил любимые горные тропы. О дружбе с Михаилом Михайловичем, о разных приключениях в горах Юрий Васильевич может рассказывать часами. Тем более что он своими глазами видел Шевалье в деле.

– Однажды наша группа во главе с Мишей, в которой было полтора десятка детей и пять-шесть взрослых, в горах попала под ливневый дождь. Предстояло вброд перебраться через речку, а уровень воды в ней рос прямо на глазах. Люди запаниковали, появился страх, особенно у ребятишек. Один Шевалье не растерялся. Время шло к вечеру, и он приказал ставить палатки для ночлега. Поставили палатки, устроились кое-как. Дождь не прекращался, шел всю ночь, лишь к утру стих. А реку переходить надо. Один из наших опытейших туристов попробовал перебраться в одиночку, но не дошел до противоположного берега – его понес поток, он едва сумел выбраться.

По одному не получится, сказал Миша. И командовал нам: для переправы разбиться на тройки. Так по трое, придерживая друг друга, все перешли реку. Сам он раз пять сгонял туда-сюда, поддерживая ребят, помогая им. Если бы мы поддались панике, от которой он нас удержал, ничего бы не вышло. Кстати, за время работы Михаила Шевалье с туристами у него ни разу не было ЧП, где пострадали бы люди. Он хорошо понимал, что там, где человеческая жизнь особенно хрупка, в экстремальных таежных условиях, – требуется не деловая хватка, а порядочность и надежность...

– Потом он велел развести костер, чтобы обогреться, просушиться, – продолжает Дьяконов. – Костер вышел на славу! Миша любил для детей делать такие большие костры, чтобы пламя – вверх метров на пять. Говорил, это пацанам особенно запомнится. Смотрю, ребятишки согрелись, развеселились... И вот так, между делом, в таких туристических походах дети обучаются всем премудростям полевой жизни...

* * *

Уже несколько лет в Кузбассе воплощают в жизнь вот такую патриотическую идею: присваивают вершинам Кузнецкого Алатау и Горной Шории имена героев Великой Отечественной войны. Проект называли «Вершины воинской славы». Михаил Шевалье помогал реализации этого замысла, чем только мог.

Инициативу поддержали на всех уровнях государства и Кемеровской области. Правительством Российской Федерации присвоены имена героев уже несколькими прежде безымянными вершинами.

Под этот проект Шевалье с помощниками выработали туристические маршруты, создали инфраструктуру. Например, строения приюта «Кузбасский» – он тут базовый – разбросаны теперь между двумя приметными точками: пиком имени дважды Героя Советского Союза Афанасия Петровича Шилина и пиком Героя Советского Союза Михаила Михайловича Куюкова.

Появился в Кузнецком Алатау пик Назарова – в честь Героя Советского Союза Александра Петровича Назарова. На вершинах имени Героев Советского Союза Виктора Александровича Гнедина и Степана Харитоновича Марковцева тоже установлены мемориальные плиты.

Особенно важно то, что в восхождениях на эти и другие горы участвуют ученики кузбасских школ. Во время похода ребята узнают много нового об истории родного края, о подвигах своих соотечественников в годы войны.

«На заморских песках никакого патриотизма мы в детские души не зароним. Любовь к Родине – она сугубо домашняя, гражданином наш юный земляк становится здесь, на этих крутых тропах, – писал в поддержку проекта Виктор Кладчихин. – От здешних вечерних костров западают в душу первые искорки любви к своей Родине. Западают и начинают теплиться. Для этого в том числе и начато движение «Вершины героев», оно дополнило кузбасскую педагогику великим смыслом, получило отклик уважаемых товарищей взрослых...»

Много сил отдал Шевалье и развитию так называемого «гайдаровского» направления в горном

* * *

туризме. «Гайдар, можно сказать, «сопровождает» туристов в разных районах Кузнецкого Алатау, – подчеркивает в интервью газете «Кузбасс» академик Международной академии детско-юношеского туризма и краеведения, географ Владимир Северный. – В Лужбе приют носил имя «Гайдаровец», на Междуказырском хребте есть перевал Гайдара, вершина Гайдара. На слиянии Большого Казыра и Алтыязыра построен приют «Адмиральский». Назван он в честь адмирала Тимура Гайдара. Да, было активное движение, связанное с поисками материала о пребывании здесь писателя Аркадия Гайдара (Голикова, автора повести «Тимур и его команда» и других известных детских книг), который воевал здесь в чоновских отрядах... Благодаря междуреченцу, мастеру спорта по туризму Михаилу Шевалье это движение развилось в полную силу, и, по сути, все, что перечислено выше, осуществлялось по инициативе Михаила. Он, кстати, был одним из инициаторов экспедиций в Кузнецкий Алатау и Тимура Гайдара, и его сына, Егора Гайдара».

Именно усилиями Михаила Шевалье именем Аркадия Гайдара названа вершина высотой 1888 метров в Кузнецком Алатау.

Остается напомнить, что контр-адмирал Тимур Гайдар – это сын писателя, а Егор – внук писателя, который был председателем правительства России в 1990-х, проводил в стране либерально-экономические реформы, прозванные «шоковой терапией».

В России есть общественное молодежное объединение «Гайдаровское содружество», которое многие годы занимается созданием книги памяти мальчишей, проводит международную Гайдаровскую экспедицию-поиск «Мальчиши Великой Отечественной».

За особый вклад в сохранение памяти об авторе «Тимура и его команды» Михаилу Шевалье вручили специальную медаль Гайдаровского содружества – «За верность А. Гайдару», которая была учреждена в 2016 году – к 75-летию героической гибели писателя-воина. Михаил Михайлович стал единственным в Кемеровской области обладателем этой награды, которую ему вручил на заседании в новокузнецкой городской библиотеке имени Н. В. Гоголя известный географ-краевед Сергей Тивяков.

Жизнелюб Шевалье стойко сопротивлялся тяжелой болезни. Не стало его 27 января 2022 года. «Рыцарь гор», уникальный турист всего месяц не дожил до своего 65-летия.

Для друзей, знакомых, особенно для детей, он останется в памяти энергичным, ярким, неравнодушным человеком, который всегда был полон энтузиазма, любил то, что делает. Созданная им в регионе система социального горного туризма для детей и юношества, надеемся, будет действовать всегда.

«Мало кто из кузбасских журналистов не бывал на Поднебесных Зубьях и не встречался с Мишей Шевалье, не видел созданную им там целую вселенную детского туризма. В этого человека невозможно было не влюбиться. Это был фонтан позитивной, созидательной энергии. И фамилия какая! Когда я первый раз услышал ее, то подумал, что это дружеская кличка, отражающая характер неумного человека», – написал в память о нем в своем интернет-блоге бывший собкор «Известий» в Кузбассе Борис Синявский.

Соратники-туристы в память о Шевалье предложили назвать его именем 100-метровый водопад, который расположен на реке Озерной в районе Поднебесных Зубьев – на границе Кемеровской области и Республики Хакасия. Предлагая это, журналист, турист, создатель путеводителя «100 чудес Кузбасса» Антон Миронов также высказал идею создать туристический маршрут с прохождением через этот водопад и назвать его тропой Шевалье.

Почему бы и нет? Заслужил это Михаил Михайлович всем своим жизненным примером бескорыстного служения делу!

С волнением и грустью читаю его заметки:

«...Вот я, Михаил Шевалье, и еще один известный турист Юрий Ионов идем со станции Лужба 20-километровым маршрутом на ручей Высокогорный. Здесь вечно бродят стада любителей походов на Поднебесные Зубья. Сентябрьские дни в горах жаркие, а ночи – ледяные...»

Как он любил эти дни и ночи в горах!

О Михаиле Шевалье у многих из нас есть своя история. «Здравствуйте все и здравствуйте всегда!» – часто любил говорить он при встрече. Каким же разным, но счастливым человеком он остается в нашей памяти...

г. Кемерово

О ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ЯЗЫК!

21 марта, во Всемирный день поэзии, в Кузбасском центре искусств состоялось открытие Международного фестиваля русского языка и литературы «Матрица речи», цель которого – создание представлений о русском языке и литературе как величайшей ценности нашего народа, средстве формирования и укрепления общероссийской идентичности. Учредителем фестиваля выступило Министерство культуры и национальной политики Кузбасса.

Открытие фестиваля началось в выставочном зале Кузбасского центра искусств с показа театрализованного действия, повествующего о триединной функции русского языка – языка просвещения и образования, языка межнационального общения и языка искусств. В пространстве выставки художника Г. Захарова, где были представлены иллюстрации к жемчужине древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», в исполнении гуслера Р. Ицкова звучал отрывок из великого произведения, главной мыслью которого является идея объединения. В исполнении солистов ансамбля народной музыки «СмоРодина» Государственной филармонии Кузбасса им. Б. Штоколова и представителей национальных диаспор Кузбасса прозвучал музыкальный диалог русских народных и национальных инструментов. Произведения мировой классики исполнил студент Кузбасского музыкального колледжа скрипач Д. Шаталов. Современные мультимедийные технологии погружали зрителей то в пространство Древней Руси, то в бескрайние просторы, где проживают народы многонациональной России, а также демонстрировали творчество получивших мировое признание русских художников, писателей, композиторов, актеров, хореографов.

О целях, задачах и программе фестиваля рассказал директор Кузбасского центра искусств В. Каплунов. Он также отметил: «Сейчас увеличивается прессинг на русский язык не только в ближнем зарубежье, но и в дальнем, и нужно укреплять понимание русского языка, его необходимость, а вместе с этим – национальную идентичность. Благодаря русскому языку укрепляется многонациональное единство. Каждый житель России отличается друг от друга, мыслит, переживает и видит мир по-разному, но именно речь сближает нас друг с другом и с Родиной, позволяет чувствовать себя частью чего-то глобального».

Заместитель министра культуры и национальной политики Кузбасса, начальник отдела межнациональных отношений, поддержки коренных малочисленных народов Т. Акимов также обозначила важность фестиваля «Матрица речи»: «Русский язык выступает в первую очередь как функция объединяющая, функция взаимопонимания и дружбы. Разрабатывая этот проект, мы поняли, что тема русского языка сегодня значима не только для русского народа, но и для иностранных граждан, приезжающих в Россию и проживающих здесь, в регионах. В основу фестиваля мы включали работу, связанную с социокультурной адаптацией иностранных граждан через знакомство с русской культурой, традициями и обычаями».

В ходе диалога обсуждались проблемы сохранения чистоты русского языка, проблемы использования нецензурной лексики, молодежного сленга и чрезмерного употребления иноязычных слов. Председатель комитета по вопросам образования, культуры и национальной политики Законодательного собрания Кузбасса И. Федорова подчеркнула, что «не надо идти вслед за модой. Вряд ли стоит оценивать произведение как современное, если ты цитируешь не очень лицеприятные сцены с выражениями, матами и прочим». Действительно, нужно избегать засорения русского языка, ведь в нем уже есть все, чтобы выразить любой оттенок чувства и мысли.

Помимо важности сохранения чистоты языка, на диалоговой площадке особое внимание было уделено проблемам компьютеризации обучения, изучения литературы в современной школе и сохранения суверенности русского языка на территориях постсоветского пространства. Прозвучали выступления экспертов: заместителя министра образования Кузбасса О. Колесниченко («Преподавание русского языка в образовательных учреждениях региона: традиции и современные подходы»), директора Института русского языка Кыргызско-российского славянского университета М. Тагаева («Перспективы перехода тюркских языков на латиницу: за и против»), доцента кафедры русского языка и литературы Кемеровского государственного университета М. Чабаненко («Глобализация русского языка: необходимость или неизбежность?») и др.

О литературной трансформации в XXI веке говорил митрополит Кемеровский и Прокопьевский Аристарх: «Опытный писатель во все времена призвался отстаивать принципы правильного устройства личности. Нам необходимы сегодня произведения, которые бы точно высвечивали нравственные проблемы современности и помогали делать верный выбор, основанный на следовании голосу совести».

А ведь правда возникает вопрос: какие из современных книг могут стать классической литературой для будущих поколений? В наши дни создается много произведений поэзии и прозы, но лишь ма-

лую долю их можно считать по-настоящему качественными, заставляющими размышлять, анализировать различные аспекты жизни, обнажать душу. И эту тенденцию нужно прервать.

Как отметил профессор Л. Ким: «Невозможно сохранить язык в его первоизданном виде, да и не нужно. Язык – это живой организм, он развивается, меняется под воздействием внешних условий и внутренних законов. В неизменном состоянии сохраняются только мертвые языки. Изменения в языке будут происходить, пока существует народ, который говорит на этом языке. Поэтому цель диалоговой площадки заключается в сохранении лучших традиций, сложившихся в языке, и недопущении разрушения языка, но никак не в препятствии его развитию».

Особенными гостями мероприятия стали иностранные студенты Кемеровского госуниверситета из Замбии, Ирана и Бенина, которые поделились своим опытом изучения русского языка, а студенты из Индии и Замбии продекламировали строчки из стихотворения А. Пушкина «Я вас любил...».

Завершилась диалоговая площадка выступлением Архиерейского трио Кемеровской епархии.

Мероприятия фестиваля, направленные на популяризацию русского языка, творческие встречи, концерты, спектакли, конкурсы, акции пройдут с марта по ноябрь 2023 года.

П. Куцых, У. Уварова, М. Дробахина,
Н. Лукин, А. Белоусова,
студенты КемГУ

ЛАУРЕАТЫ ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА» ЗА 2022 ГОД

ПРОЗА

Коняев Виктор. За Родину умереть не страшно.
Отрывок из повести (№ 2)

Королев Андрей. Догони радугу. Роман (№ 1)

Убогий Андрей. Река навсегда. Повесть (№ 4)

ПОЭЗИЯ

Бурко Алексей. Вспомнишь струну магистрали
(№ 6)

Донбай Сергей. Гори, моя слеза! (№ 4)

Ревакина Анна. Шахтерская дочь. Поэма (№ 2)

ПУБЛИЦИСТИКА

Аристарх, митрополит Кемеровский и Прокопьевский. Поможем каждой личности стать творцом своей судьбы (№ 5)

Келлер Владимир. Из Поволжья – в Кузбасс (№ 1)

Савченко Александр. Не тем путем плывем, товарищи! (№ 6)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

12 декабря в пгт Промышленная, а 16 декабря в пгт Яшкино руководитель СМЛ Кузбасса поэт Д. Филиппенко провел встречи в рамках проекта «На честном слове. Поселки городского типа».

18 декабря в Белове прошла творческая встреча с поэтом Д. Филиппенко.

7 января в храме преподобного Сергия Радонежского состоялся концерт духовной музыки и поэзии. Стихи из своей новой книги «Обретение» представил поэт Б. Бурмистров.

13 января в кемеровской кофейне «Мо.со» прошел музыкально-поэтический «Теплый вечер». Выступили поэты С. Донбай, Д. Мурзин, Ю. Сычева, В. Шагиахметов, К. Стафиевский, Д. Сондарь, Т. Речина.

14 января в Ленинске-Кузнецком в библиотеке им. Н. К. Крупской прошла творческая встреча с поэтом П. Орынянской (Балашиха).

15 января состоялся вечер поэта Д. Мурзина в Центральной библиотеке им. А. С. Пушкина в Томске.

15 января телеканал «Томское время» провел в прямом эфире телемарафон «СВОи». Это был литературно-музыкальный вечер поэта и военкора А. Долгаревой. В эфире звучали песни группы «Ноль три». В телемарафоне принял участие Д. Мурзин.

17 января поэты С. Донбай, Д. Мурзин и Н. Мурзина приняли участие в видеозаписи стихотворений, посвященных СВО, на канале ТВ-Мост.

18 января поэт Н. Мурзина, автор слов песни «Тыловая», награждена медалью «За служение Кузбассу».

19 января в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского состоялась очередная встреча в рамках творческого проекта «Дачный альбом. Зима». Ее участниками стали члены Союза писателей России Г. Шемелин, Е. Трухан, О. Комарова, С. Стрельников, а также члены Союза российских писателей С. Ерофеев и К. Егоров.

20–22 января в Москве прошли итоговые мероприятия проекта «Литературной газеты» «Настоящее прошлое», в которых принял участие поэт Д. Мурзин. 22 января были названы лауреаты премии им. А. Дельвига. Специальных дипломов удостоились поэты из Кузбасса Д. Филиппенко и Д. Мурзин.

21 января в Москве в «Бункере на Лубянке» прошел вечер поэзии эпохи СВО «Знакомый голос». На вечере выступил поэт Д. Мурзин.

24–29 января в Новосибирске состоялся фестиваль им. В. Высоцкого, приуроченный к его 85-летию, «Я только малость объясню в стихе...». В праздновании приняли участие поэты Д. Мурзин и Д. Филиппенко.

26 января в библиотеке им. В. М. Мазаева представили новую экспозицию к пятилетию музейной комнаты писателя. Завбиблиотекой М. Бруль представила новые выставочные материалы, пригласила посетить и виртуальный музей В. Мазаева на сайте «Библиотеки.кемеровские.рф». На мероприятии выступили писатели Б. Бурмистров, Е. Тюшина, учитель-словесник С. Старовойтова, к. ф. н. Г. Карпова, дочь писателя М. Войцеховская, бардовский дуэт И. и Е. Мазаевых.

28 января в Мысках состоялась Первая конференция Совета молодых литераторов Кузбасса при поддержке управления культуры Мысковского городского округа, Центральной городской библиотеки, галереи «Елесинка», Союза писателей России. Состоялась премьера видеоклипа «Вместе – СМЛ Кузбасса». Прозвучали следующие доклады: Д. Филиппенко (Ленинск-Кузнецкий) «Единое литературное молодежное пространство Кузбасса», О. Рокова (Березовский) о литературно-социальном проекте «Письма в деревню», Я. Орехова (Кемерово) «Новая драма», А. Тимофеев (Москва, онлайн) «Содружество литературных фестивалей России и его значение в литературном процессе», А. Смолина (Великий Устюг, онлайн) «От идеи к проекту: основы грантовой деятельности в сфере культуры», Е. Булавина (Мариинск) «Студия творческого развития “Проба пера”». Прошел круглый стол «Алло, мы ищем читателей!». Проведена проектная школа СМЛ Кузбасса, на которой в реализацию были приняты проекты: «Писатель в маленьком городе» (автор Д. Филиппенко), «Письма в деревню» (автор О. Рокова), спектакль «Шахта» (автор Я. Орехова), проект видеопоззии «Кардиограмма стихов» (автор Я. Орехова), литературно-анимационный проект «За 60 секунд» (автор Я. Орехова). Также будут продолжены проекты «Почитай старших» и «Мудрый кедр». В галерее «Елесинка» прошел творческий концерт «Мы». Было принято решение конференцию Совета молодых литераторов Кузбасса сделать ежегодной.

31 января в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского прошли традиционные Дни Любви Никоновой, которые были посвящены духовной поэзии и прозе известной кузбасской писательницы. В них приняли участие члены Союза писателей России Е. Трухан, О. Комарова и Г. Шемелин, а также

член Союза российских писателей С. Ерофеев и поэты Н. Палаткина, Н. Лучкина и А. Колтаков. По поручению прозаика Г. Немченко в фонд музея Достоевского был передан ценный экспонат – Библия, которую читала Л. Никонова в юношеские годы.

2 февраля в Кузбасском центре искусств на Дзержинского, 6 прошел вечер памяти 80-летия Сталинградской битвы. В вечере приняли участие поэты С. Донбай и Д. Мурзин.

3 февраля в Кузбасском центре искусств на Советском, 40 прошло представление журнала «Огни Кузбасса» № 5 за 2022 год. В начале вечера архитектор О. Ражев рассказал про памятник воину-освободителю в Кемерове: мемориалу посвящена вклейка журнала. О своих публикациях рассказали С. Черемнов и Г. Шалакин. Прочли стихи молодые авторы журнала: В. Емельяненко, М. Худякова, Е. Андропова. Выступили пишущие врачи, опубликованные в материале «Душа в белом халате»: Е. Вайман и Т. Горбунова. Вел вечер С. Донбай.

5 февраля в храме Михаила Архангела прошла встреча поэта Б. Бурмистрова с прихожанами.

8–9 февраля в Московском государственном институте культуры прошли заседания комиссии по работе с молодыми литераторами и секции Совета молодых литераторов при Союзе писателей России. Кузбасс представляли поэты Д. Мурзин, Д. Филиппенко и драматург Я. Орехова.

9 февраля КемГИК посетила съемочная группа телеканала Russia Today из Москвы. В малом концертном зале прошла съемка телесюжета, героями которого стали авторы песни «Тыловая» поэт Н. Мурзина и композитор М. Шампоров.

9 февраля в Московском государственном институте культуры было подписано положение об учреждении Содружества литературных фестивалей России. Организатор литературного фестиваля им. А. Бельмасова Д. Филиппенко подписал все необходимые документы. Фестиваль теперь официально стал частью Содружества литературных фестивалей. Инициатор проекта – Совет молодых литераторов Союза писателей России.

9 февраля прошел предсъездовский пленум Союза писателей России, в котором принял участие поэт С. Донбай.

10 февраля в Центральном Доме литераторов прошел XVI съезд Союза писателей России. На съезде был принят новый устав, переизбран председатель Н. Иванов. Выступающие отметили болевые точки и проблемные направления в работе Союза.

Делегатами съезда от Кузбасса были **С. Донбай** и **Д. Мурзин**, гостями – **Д. Филиппенко** и **Я. Орехова**.

15 февраля в Доме творческих союзов Новокузнецка состоялся литературный семинар, посвященный творчеству прозаика и публициста **В. Коняева**. Обсуждали статьи «Англичанка отгадила» и «Хвори наши – наши скорби. И крест!». В мероприятии приняли участие новокузнецкие писатели **Е. Трухан**, **О. Комарова**, **Г. Шемелин**, **А. Савченко**.

16 февраля в библиотеке им. **В. Д. Федорова** прошел литературный вечер «Поэт – тот же странник», посвященный 75-летию **Н. Колмогорова**. Со словом о поэте выступили председатель Союза писателей Кузбасса **Б. Бурмистров**, вдова поэта **А. Колмогорова**, учитель русского языка и литературы школы № 28 **И. Кривошеева**, библиотекарь ГНБК им. **В. Д. Федорова** **Г. Княжева**.

16 февраля в музее шахтерской славы Кольчугинского рудника прошла презентация книги поэта **Д. Филиппенко** «Подземное притяжение».

17 февраля в Доме актера прошло организационное собрание Кемеровского отделения Культурного фронта России. Председателем выбран поэт **Б. Бурмистров**, в актив фронта вошли поэты **С. Донбай**, **И. Фролова**, **В. Шумилов**, **Н. и Д. Мурзины**.

19 февраля в храме Казанской иконы Божьей Матери прошел концерт духовной песни, на котором выступил поэт **Б. Бурмистров**.

22 февраля в Линейном парке бульвара Строителей города Кемерово состоялся митинг-концерт «Слава защитникам Отечества». Он объединил жителей Кемерово и Кузбасса, поддерживающих президента и участие России в специальной военной операции. После обращения губернатора Кузбасса **С. Цивилева** была исполнена песня «Тыловая» (слова **Н. Мурзиной**, музыка **М. Шампорова**). Авторы песни присутствовали на митинге.

23 февраля в храме Казанской иконы Божьей Матери на праздновании Дня защитника Отечества перед православными следопытами выступил поэт **Д. Мурзин**. Ребятам показали видеоролик песни «Тыловая».

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Газета «День литературы» (Москва) в декабре напечатала статью **А. Сазыкина** «Россия, Русь! Храни себя, храни!».

Журнал «Подъем» (Воронеж) № 12 напечатал подборку стихотворений поэта **С. Донбая** «Середина земли».

Журнал «Сибирские огни» (Новосибирск) № 2 опубликовал два рассказа **А. Королева**: «Отец подаст мне знак» и «На краю рая».

В сборнике «Стихи из огня» (Москва) напечатано стихотворение **Б. Бурмистрова** «Ответ русофобам».

На сайте газеты «День литературы» (Москва) опубликована статья **А. Сазыкина** «Через призму души. О поэзии Сергея Донбая».

В сборнике «Порохом пропахшие слова» (Москва) напечатано стихотворение поэта **В. Киселева** «Террористы? Что они взорвали?!».

Сайт газеты «День литературы» (Москва) опубликовал повесть **В. Коняева** «По делам своим».

В сборнике «Честь имею, Россия!» (Москва) напечатано стихотворение **Л. Никоновой** «Анафема».

В антологию донбасской поэзии 2014–2022 гг. «Великий Блокпост» (Санкт-Петербург) вошли стихи **Д. Мурзина**.

В альманахе «Крылья» (Луганск) вышла поэтическая подборка **Д. Филиппенко**.

171

Журнал «Петровский мост» (Липецк) № 2 напечатал подборку стихов **Д. Мурзина** «Смысл жизни – очевиден».

ИЗДАНЫ КНИГИ

Краснова Е. Так сложилось: сборник стихотворений. – Кемерово: Принта, 2022. – 50 с.

Аксенов А. Своей судьбою я доволен: сборник стихотворений. – Кемерово: ИПП «Кузбасс», 2022. – 128 с.

Башев Н. За околицей метель: роман. – Кемерово: Вектор-Принт, 2023. – 468 с.

Боргест Е. Отсвет неба: стихи. – Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2022. – 100 с.

Орехова Я. Мир, дружба и другие сказки: пьесы. – Оренбург: Издательский центр МВГ, 2022. – 72 с.

Филиппенко Д. Подземное притяжение: стихи. – Самара: Слово, 2022. – 48 с.

Литературный альманах «Образ» (Ленинск-Кузнецкий). – 2022. – № 4. – 86 с.

Чернопятов С. Как мы падали с паровоза: рассказы и эссе. – Кемерово: Принта, 2023. – 84 с.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург),
«Роман-журнал. XXI век» (Москва),
«Бельские просторы» (Уфа),
«Русское эхо» (Самара).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает рукописи, отпечатанные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru.

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru.

Журнал «Огни Кузбасса»

Главный редактор **С. Л. Донбай**

№ 1–2. Дата выхода в свет: 11.05.2023

Индекс 12234

Тираж 1600 экз.

Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 290. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.

Адрес издателя ГАУК «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.

Адрес типографии ООО «Вектор-Принт»: 650021, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Стахановская 1-я, д. 39а, оф. 211.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры «Кузбасский центр искусств»

(650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),

Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректор **М. Н. Долгов**

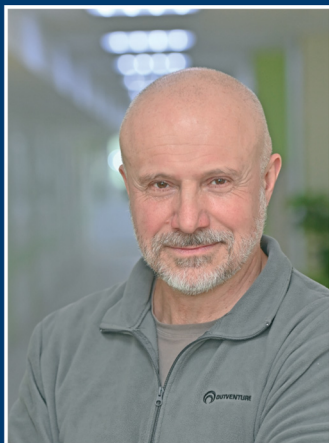
Верстка: **Е. К. Метякова**

ЛАУРЕАТЫ ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА» за 2022 год

ПРОЗА

Андрей Королев

Андрей Убогий

Виктор Коняев

ПОЭЗИЯ

Сергей Донбай

Анна Ревякина

Алексей Бурко

ПУБЛИЦИСТИКА

Аристарх, митрополит
Кемеровский
и Прокопьевский

Владимир Келлер

Александр Савченко

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписку на журнал «Огни Кузбасса»
можно оформить
через ООО «Урал-Пресс Кузбасс»
по телефону 8 (3842) 58-70-37

Приобрести журнал можно в редакции
по адресу: пр-т Советский, 40